

Западно-Казахстанский государственный университет им. М.Утемисова

УДК 94 (574) : 373 «18/19» (043)

На правах рукописи

АДЕЛЬБАЕВА НУРИЯ АДЕЛЬЖАНОВНА

**Исторический опыт становления и развития школьного образования в
Казахстане в XIX - начале XX веков**

07.00.02 – Отечественная история
(История Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук,
профессор Шинтимирова Б.Г

Республика Казахстан
Уральск, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	21
1.1 Теоретико-методологические проблемы исследования в истории школьного образования.....	21
1.2 Историкографические и источниковедческие аспекты в изучении школьного образования.....	33
2 НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	64
2.1 Системный анализ исторических документов XIX в. об организации школьного образования в Казахстане.....	64
2.2 Деятельность инспекторов народных училищ в организации школьного образования.....	86
2.3 Нормативные документы XIX - начала XX вв. по совершенствованию школьного образования.....	101
3 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ИССЛЕДУЕМЫЙ ПЕРИОД	132
3.1 Условия развития школьного образования в Казахстане.....	132
3.2 Развитие школьного образования в период колонизации Казахстана в XIX в.....	159
4 ОСОБЕННОСТИ И СВОЕОБРАЗИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА В XIX - нач. XX вв.	180
4.1 Специфика зарождения школьного образования в Букеевском ханстве.....	180
4.2 Школьное образование в Уральской и Тургайской областях	210
4.3 Школьное образование в Акмолинской и Семипалатинской областях	226
4.4 Школьное образование в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях	237
5 УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ	247
5.1 Роль руководителей органов народного образования в просвещении казахского народа.....	247
5.2 Положение и структура учительских школ по подготовке специалистов.....	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	287

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	295
ПРИЛОЖЕНИЕ А Перечень документов и проведенных реформ при деятельности министров народного просвещения 1802-1917 гг.....	313
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Положение о школах при укреплениях.....	321
ПРИЛОЖЕНИЕ В Положение о школе для киргизских детей, учреждаемой при областном правлении сибирских киргизов.....	326
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Выписка из временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях.....	330
ПРИЛОЖЕНИЕ Д Положение о Казахской учительской школе.....	331
ПРИЛОЖЕНИЕ Е Правила об аульных русско-казахских школах Тургайской области.....	334
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж Положение о почетных блюстителях при аульных школах Тургайской области.....	336
ПРИЛОЖЕНИЕ И Проект устава низших и средних школ.....	338

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ГААО - Государственный архив Астраханской области
ГАОО - Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НА РТ - Национальный архив Республики Татарстан
ПСЗ РИ - Полное собрание законов Российской империи
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГА РУ - Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблема развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв. исследовалась на протяжении предшествующих столетий. В то же время, она изучалась на региональной основе, либо в контексте социально-экономического, культурного развития казахского народа. Изучение проблемы школьного образования XIX - начала XX вв., в целом в Казахстане, основана на необобщенных архивных и теоретико-методологических работах. Сегодня перед учеными стоит задача провести критическое осмысление накопленных исторических знаний в области школьного образования, выявить и систематизировать на основе неизученных архивных источников новые данные и ввести их в научный оборот.

Сегодня историческая наука имеет возможность по-новому раскрыть вопросы состояния школьного образования в период колонизации Казахстана. Постановка проблемы колониальной политики царского правительства в XIX - начале XX вв. освещается с новых подходов.

По установленной идеологами схеме в советской историографии открытие русско-киргизских и русско-туземных школ, изучение русского языка рассматривались только с позиции блага. В исследованиях же современных историков представляется односторонне деятельность просветителей И.Алтынсарина и А.Кунанбаева. С их точки зрения, просветители превозносили значение русского языка в приобщении к мировой и русской культуре. Но вместе с тем, следует отметить, что отношение к изменению школьного образования не означало отказа от собственного языка и культуры, как для И.Алтынсарина при организации школ, так и для А.Кунанбаева при обращении к русской литературе. Это было настолько очевидным явлением, в тех исторических условиях, когда все казахи владели родным языком, и духовное их развитие происходило в среде собственной культуры. В сущности призывая к изучению русского языка и русской культуры просветители предполагали равноправие культур и их взаимообогащение. В связи с этим, существующие на сегодняшний день огромный пласт исследований в той или иной мере касающееся школьного образования требуют критического осмысления и понимания.

Диссертационное исследование в области становления и развития школьного образования в XIX - начале XX вв. актуально, так как в процессе реформирования и построения модели школьной системы, необходимо обратиться к таким направлениям, как национальная школа с их сущностной характеристикой, задачи национальной школы, управленческая система, деятельность попечительского совета и многое другое. Также сегодня, когда в системе образования появляются такие типы школ, как медресе и частные школы, которые были характерны для XIX в., нам представляется необходимым через письменные, вещественные и документальные источники показать их особенности и возможности правильной организации в современной системе школьного образования Казахстана. Таким образом,

ретроспективный анализ проблемы становления и развития школьного образования имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение.

Школьное образование в Казахстане в XIX и начале XX вв. определяется рядом положений общего и частного характера. Образование представляет очень важную составляющую в развитии любого общества, оказывающее огромное влияние на состояние культуры и формирование идеологии, и опосредованно влияющая на важнейшие экономические, социальные и политические процессы. С одной стороны, изучение процесса становления и развития школьного образования на различных исторических этапах нашего государства является, на наш взгляд, важнейшей составляющей исторической науки, с другой стороны, безусловно, эта тема имеет большое значение и для понимания многих процессов и явлений в целом истории Казахстана - социальных, культурных, идеологических аспектов: формирования казахского просвещения и интеллигенции, женского образования, развития органов народного образования и т.д. Между тем, эта важная тема, рассматривающая закономерности становления и развития школьного образования в целом в Казахстане остается в отечественной исторической науке мало исследованной, а многие важнейшие сюжеты, вообще, не рассматривались, и даже не обозначались в постановочном плане.

В настоящее время образовательной системе вообще, и, в частности, школьному образованию в Казахстане уделяется большое внимание. В результате возникает необходимость в изучении работ историков, педагогов, просветителей, философов в области становления и развития школьного образования, чтобы выявить социально-исторические предпосылки, которые способствовали развитию школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв. В некоторых исторических исследованиях школьное образование рассматривается на региональном уровне и в контексте социально-экономического, культурного развития казахского народа. Изучение проблемы школьного образования XIX - начала XX вв., в целом, в Казахстане не было проведено. И в связи с этим ретроспективный анализ проблемы становления и развития школьного образования имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение.

В зависимости от преобладающего в обществе понимания закономерностей развития школьного образования в тех политических и исторических условиях, которое было в Казахстане в XIX - начале XX вв. строится определенное мировоззрение по отношению предшествующим событиям, как ученых, так и народа в целом. Поэтому анализ событий, закономерностей развития школьного образования позволит дать правильную объективную оценку. Сегодня перед учеными стоит задача провести критическое осмысление накопленных исторических знаний в области школьного образования, выявить и систематизировать на основе архивных неизвестных источников новые данные и ввести их в научный оборот. История становления и развития школьного образования Казахстана, Оренбургский, Западно-Сибирский, Астраханский и Туркестанский учебные округа нашли отражение в работах ученых отечественной науки. Достаточно большое

количество авторов посвятили свои работы исследованию образования, как в отдельных регионах Казахстана, так и в отдельных областях, уездах и в учебных округах Казахстана и России. К ним относятся Т.Тажигаев [1], М.Г.Храпченков [2], А.И. Анастасиев [3], В.П.Вахтерев [4], Е.А.Звягинцев [5], Н.И.Ильминский [6], С.В. Рождественский [7], Г.А.Фальборк [8], В.И.Чернолуцкий [9] и многие другие. Но вместе с тем, несмотря на такой огромный пласт исследований, нет систематизированных знаний по истории развития школьного образования, в целом, в Казахстане. В связи с этим, встает необходимость изучения процесса становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX и начале XX вв., с тем, чтобы выявить основные направления происходящих изменений в XIX столетии. Необходимо целостно рассмотреть вопросы национального образования казахского народа и других нерусских народов, населявших территорию Казахстана. По данной проблеме нет исторических работ, значительно раскрывающих развитие школьного образования в Казахстане в XIX в.

В настоящее время как учеными, так и казахским народом понимается проблема изучения истории развития казахского народа, и в связи с этим исследование эволюции школьного образования является одним из актуальных направлений. Необходимость научного исследования школьного образования обусловлено также и сущностью понимания просвещения казахского народа и деятельности просветителей в этом направлении.

Исследование вопросов истории школьного образования, несомненно, имеет важное значение для дальнейшего развития образовательной системы в современных условиях и способствует формированию новых образовательных идей. Обращаясь к культурному наследию прошлого и, опираясь на накопленные человечеством знания, можно успешно решать те задачи, которые стоят перед обществом на сегодняшний день. Многочисленные реформы образования в XIX в. повлекли за собой крупные преобразования, как в казахской, так и в русской школе в целом. Развитие современной школы сегодня идет на пути к поискам новых преобразований системы школьного образования, и, следовательно, исследование генезиса истории формирования образования имеет как научное, так и практическое значение, так как это позволит выявить традиции, построить преемственность и общие тенденции целостного развития школьного образования, определить роль и место школы в современном обществе.

Множество факторов, влияющих на эволюцию системы образования, позволило вычленивать в различных регионах Казахстана особенности школ и в структурном, и содержательном плане. И сегодня невозможно воссоздать полной картины без рассмотрения истории развития и становления казахской и русской школы. На сегодняшний день опыт развития системы школьного образования XIX в. позволяет построить оптимальную модель образования, помогает понять возможности местных органов самоуправления в решении задач, стоящих в области просвещения.

Изучение народного образования требует переосмысления теоретических материалов, их конкретизации, поскольку прежние подходы и оценки

нуждаются в анализе с точки зрения потребностей сегодняшнего времени. Прежние исследования развития системы образования на территории Казахстана в XIX - начале XX вв., оценивали противоречивые процессы и эксперименты по «инородческим школам» как, несомненно, положительные, обеспечивающие «прогресс и процветание» казахской нации, позволяющие расцвету кочевого и полукочевого общества казахского народа. Различные реформы, происходящие в области качественного изменения школьного образования социалистического государства, советскими историками рассматривались как подтверждение прогрессивности общественного развития. Безусловно, такие подтверждения следует искать в постоянном и бдительном воздействии партийной идеологии на научные изыскания, в особой общественной среде, определявшей характер деятельности представителей исторической науки. В то же время, современная система образования, содержание которой во многом зависит от расширяющегося информационного пространства и новейших технологий, неизбежно становится одним из средств общественного прогресса. Существенно и то, что политические руководители разных стран более пристально присматриваются к своим системам образования и способности этих систем соответствовать новым качествам.

Развитие системы образования является одним из условий формирования толерантности в национальных отношениях. Сегодня построение отношений на территории не только суверенного Казахстана, но и в России, и многих государств на постсоветском пространстве невозможна без осмысления истории колонизации Казахстана и Средней Азии, осмыслить по новому проблемы, связанные не только с политическими, экономическими проблемами, но и образованием, просвещением казахского и многих народов региона. Сегодня переосмысление данных процессов, которые происходили в казахском обществе, позволяет найти пути решения назревающих межнациональных конфликтов, а также более профессионально и грамотно выстроить систему национального обучения.

В настоящее время система образования, как научная проблема исследуется во всех направлениях и актуализируется широким спектром исторических предпосылок. Система образования изучалась на протяжении многих десятилетий социалистического периода в истории Казахстана и к настоящему времени создана огромная источниковая база различных проблем казахстанского образования. Достоверные источниковые базы как архивные, статистические материалы, документы государственных и общественных учреждений становятся материалом для воспроизведения картины прошлого и построения на их основе современной модели национальной образовательной системы. Систематизация и интерпретация материалов позволяет создать объективную научную картину и предпосылки для появления большого количества работ по отдельно взятым аспектам становления и развития школьного образования в Казахстане.

Архивные документы, сосредоточенные во многих центральных и областных архивах способствуют изучению определенных сведений о состоянии школьного образования, но и обобщают, дают итоговые сведения об

учебных заведениях и позволяют составить целостную картину школьного образования XIX и начале XX вв. в Казахстане.

Таким образом, налицо противоречие между объективными потребностями в теоретическом осмыслении накопленного опыта в области развития школьного образования в Казахстане, и отсутствием систематизированных знаний, раскрывающих целостную картину происходящих изменений в них.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1801 по 1917 гг., то есть с момента образования Букеевского ханства в западном регионе, и проведения ряда административных реформ, реформ в системе народного образования в XIX в. и до коренного изменения политического устройства в Казахстане и России в октябре 1917 г., которое повлекло за собой и изменения в системе школьного образования. Выбор данного периода объясняется необходимостью показать состояние школьного образования и проследить трансформацию в ходе школьных и административных реформ в XIX в. в разных регионах Казахстана.

Территориальные рамки исследования ограничены регионами Казахстана в XIX - и начала XX вв.: Астраханская губерния (Букеевская орда), Оренбургская генерал-губернаторство (Тургайская и Уральская области), Западно-Сибирское генерал-губернаторство (Акмолинская и Семипалатинская области), Туркестанское генерал-губернаторство (Сыр-Дарьинская и Семиреченская области). Оренбургским учебным округом, в состав которого входили Уральская и Тургайская области, образованного в 1875 г. В указанный период они подчинялись Оренбургскому генерал-губернаторству. Западно-Сибирским учебным округом образованного в 1885 г., Туркестанским учебным округом. Анализ состояния народного образования в перечисленных губерниях и областях позволяет выяснить условия и особенности формирования мусульманской и светской школы.

Степень изученности проблемы. Сегодня исследование становления школьного образования в Казахстане приобретает особую значимость, как с точки зрения рассмотрения проблемы в ракурсе процесса колонизации Казахстана, так и определения объективных и субъективных предпосылок становления и развития здесь школьного образования.

Процесс колонизации Казахстана Российской империей определили различного рода исследования на территории Казахстана, в основном они были продиктованы политико-прагматическими целями, которые открывали широкие возможности для царского правительства. Во-первых, расширения сырьевой базы, во-вторых, удобный транзитный путь в Среднюю Азию, Китай, Индию и далее на Восток, в-третьих, место переселения различных народностей удобных для империи, а также неугодных политических ссыльных. Все эти процессы безусловно определили пути возникновения школьного образования на всей территории Казахстана.

В дореволюционной исторической литературе был накоплен обширный исторический и статистический материал по деятельности основных типов начальной школы. Однако его анализ носил поверхностный характер, сравнение

различных типов школ шло по ряду формальных признаков, а тема всеобщего начального обучения широко не разрабатывалась. Первые исследователи, которые находились на территории Казахстана и проводили исследования в течение многих лет и десятилетий в области истории и этнографии казахов были главным образом военные и гражданские чиновники разных официальных статусов. Следует заметить, что все исследования, которые проводились на территории Казахстана в той или иной мере затрагивали вопросы просвещения «инородцев».

В становлении и развитии школьного образования не сомненно большую роль сыграли научные деятели, которые проводили исследования на территории Казахстана. Проводя активную исследовательскую работу, изучая язык, быт и культуру казахского народа ученые тем самым привлекали внимание народа к познанию окружающего мира. В процессе общения казахи пытались приобщиться к проводимым работам, помогая в изучении окружающего мира, передавая полноту устного народного творчества. Бесспорно, и роль в зарождении первых очагов образования в научных экспедициях. Так, первые исследовательские направления, которые проводились в Казахстане, были связаны в XVIII в. с историческим краеведением. Первые попытки комплексного изучения Казахстана, предпринятые Россией в XVIII в., связаны с именем М.В.Ломоносова. Он был инициатором организации экспедиционных исследований территории края и создания его географических карт, способствовал проведению научных поисков по истории, лингвистике, экономике и этнографии казахов. В 1769 г. одну из первых экспедиций возглавил П.С.Паллас. Маршрут ее проходил через Симбирск, Оренбург, Илецк, Орск, Яицкий городок, Гурьев, Оренбург, Уфу. Результатом экспедиции стал труд П.С.Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях [10].

Следующим исследователем, который также в этот период провел долгое время в Казахстане был П.И.Рычков (впоследствии первый члена-корреспондент Российской Академии наук). Для нашего исследования большой интерес представляет работа исследователя «История Оренбургская (1730-1750). Ежемесячные сочинения и переводы» вышедшая в 1759 г. В данной работе дается описание принятия Младшим жузом российского подданства, а также материалы о хозяйстве, быте казахского народа, о торговых связях с Россией [11].

Он впервые предпринимает попытку научного описания кочевого казахского народа. В 1769-1772 г. И. Рычков провел в составе войск работу по сбору сведений на территории Кара Тургая, Тургая, Тирсаккана, Ишима, крепостей Усть-Уйская, Крутоярская, Троицкая. Позднее вышел его труд «Дневные записки путешествия капитана Н.Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г.». Для нашего исследования особый интерес представляет и его работа вышедшая в 1759 году «История Оренбуржья», куда вошли документальные материалы о принятии казахами Младшего жуза российского подданства, в частности, деятельность посольства А.И.Тевкелева, борьба двух враждебных партий в ставке хана Абулхаира по вопросу о вступлении в подданство. В

другой работе «Топография Оренбургской губернии», которая является органичным продолжением первой работы «Истории», в первой его части дается общий обзор губернии, во второй части - численность казахов, родоплеменной состав, их кочевья, зимовки, занятия и хозяйство, культура и быт [12].

Определенный вклад в изучении казахского народа внесли ученые-путешественники И.П.Фальк [13], И.Г.Георги [14]. В их исследованиях дается широкий анализ социальной жизни казахского народа, описание обычаев и обрядам (свадебные, погребальные), быту (жилище, одежду, пищу) и другим сторонам жизни народа.

Заслуживает внимание и работа И.Ф.Бларамберга, находясь с 1852 г. на службе при оренбургском генерал-губернаторе, он систематизировал ценный географический и этнографический материал, который вошел в книгу «Земли киргиз-кайсацкой Малой Орды» [15].

Значительную научную деятельность по изучению Казахстана проводили научные общества. В 1867 г. 17 июля по указу императора Николая I был создан Оренбургский отдел императорского русского географического общества (ИРГО), членами которого были и представители из числа казахов, которые изучали историю казахского народа. Сотрудничали с обществом А.Е.Алекторов, И.Алтынсарин, А.Добросмыслов, И.Крафт и др., которые занимались изучением географии, истории, этнографии, естествознания и статистики края. Так, на страницах «Записок ИРГО» и «Известия» Д.Б.Беркимбаев, Т.А.Сейдалин и другие постоянно публиковали свои статьи, посвященные жизни своего народа. Являясь участниками всех исторических событий, авторы показывали свое видение происходящим изменениях в Казахстане. При нем работала библиотека, постоянно пополнявшаяся за счет обмена изданиями из других городов и государств.

Во второй половине XIX в. изучением Туркестанского края активно занимались Общество сельского хозяйства, кружок любителей археологии и истории Востока, Общество любителей естествознания, антропологии и востоковедения, а также образовавшийся в 1896 г. Туркестанский отдел РГО. В 1877 г. было основано Западно-Сибирское отделение РГО, позднее - его Семипалатинский подотдел, с которым сотрудничал А.Кунанбаев.

Под редакцией В.П.Семенова-Тянь-Шанского в течение десяти лет выходят три тома научных работ, в которых представлены обширные материалы по истории, этнографии, географии, экономике Казахстана, и в частности по Оренбургской губернии, а также занятий, быта, культуры казахского народа [16].

Вопросы образования волновали ученых, просветителей и общественность уже в начале XIX в. Проведенные историографические исследования в предшествующие периоды остаются все еще недостаточными для раскрытия всех аспектов становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв. Что касается истории школьного образования на территории Казахстана, то следует отметить, что дореволюционная историография не отличалась своим многообразием. Кроме нескольких работ,

имеющих отношение в основном к исследованию состояния школ в России, целенаправленного и системного изучения по инородческим школам не проводилось. Следовательно, в основном приходится встречаться с работами общего характера, рассматривавшими в качестве объектов изучения историю школьного образования в рамках империи, либо с работами, где в основном представлялись статистические материалы по Казахстану.

Многочисленные научные статьи, отчеты министров, инспекторов школ составляли основную картину изучения школьного образования. В работах С.М.Черемшанского, Ф.М.Старикова, В.Н. Витевского, В.Симагина, С.Н.Севастьянова поднимались следующие проблемы: недостаточность учебников и учебных пособий, педагогических кадров и их слабая подготовленность, низкое жалование, слабая материально-техническая обеспеченность школ. Интерес для нашей работы представляет исследование С.Н.Севастьянова, где он в основном анализировал уровень грамотности в школах Оренбургского казачьего войска, впервые обращается внимание на трудности, с которыми сталкивались войсковое начальство при изыскании средств на приобретение школ всем необходимым материалом, демонстрировал динамику их роста в таблицах [17].

К концу XIX - началу XX веков появляются ряд исследований, в которых рассматриваются история и культура Казахстана и Средней Азии. В контексте данных направлений обращается внимание и вопросу школьного образования. Многие из этих работ в основном писались по заказу властей и принадлежали перу чиновников учебного ведомства. Но вместе с тем, были написаны ряд работ фундаментального характера А.И.Анастасиева, С.И.Миропольского, С.В.Рождественского, Г.А.Фальборка, В.И.Чарнолуского, где широко поднимались проблемы школьного образования. На наш взгляд, эти работы кроме исторического материала, содержат описание законодательной основы функционирования системы народного образования. Необходимо отметить, что работы Г.А.Фальборка и В.И.Чарнолуского, кроме фактологических материалов отличаются своей монументальностью. В них затрагиваются вопросы участия общественных организаций, частных лиц в деле образования, положение учителя и ученика, место религиозных дисциплин в процессе обучения в школе. Обширный статистический материал, сведенный в таблицы, освещающий разные аспекты функционирования школы показывают процесс развития системы образования.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют работы С.В. Рождественского, С.И.Миропольского [18], так как в них можно проследить роль деятельности правительственных органов и Святейшего Синода в развитии образования. Управлением и финансированием системы образования занимались различные министерства, начиная с Министерства Народного Просвещения, Министерством финансов и Министерством внутренних дел. В работе С.В.Рождественского «Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902» широко освещены вопросы планирования, финансирования и организации деятельности различных типов школ, а также деятельность министров в управлении системой образования, показаны проекты и подходы разных ведомств к актуальным аспектам школьной политики. В данной работе широко освещаются проблемы школ России, показаны формы и

виды финансирования этих школ, поднимаются вопросы преобразования школьной системы, показаны инструкции, нормативные документы касающихся данных школ. Следует заметить, что «Исторический обзор» охватывает огромный период, и на протяжении этого периода Казахстан, вошедший уже в состав России, к сожалению, не упоминается в данной работе [19]. «Исторический обзор» написанный С.В.Рожественским к столетнему юбилею Министерства Народного Просвещения на основе официальных материалов и архивных фондов не учитывает связи документов о школе со всей законодательной деятельностью правительства.

В казахстанской историографии в первой половине XX в. изучению истории школьной политики царского правительства были посвящены работы Е.Б.Бекмаханова. В исследованиях автора дается характеристика изменения оценки государственной и региональной школьной политики дореволюционной России, связанная с социально-политическими, экономическими, культурными преобразованиями, произошедшими в стране после Октябрьского переворота 1917 г.

Наиболее обширные исследования в области изучения школьного образования происходят в послевоенный период. В это время выходят работы по истории школьного образования казахстанских исследователей. Среди них, можно отметить работы К.Бейсембиева [20], К.Б.Бержанова [21], С.З.Зиманова [22], Н.Сабитова [23], А.С.Ситдыкова [24], Ш.Кокумбаева [25], А.Ф.Эфирова [26]. Для их трудов также как и для многих исследований советского времени были характерны рассмотрение проблемы с точки зрения установленной идеологии. Но вместе с тем, данные авторы относились к той плеяде ученых, которые формировали и развивали историческую науку в области образования в Казахстане.

Особое место, по мнению многих ученых, в становлении школьного образования и просвещении сыграл И.Алтынсарин. Деятельности И.Алтынсарина посвящены работы Е.Бекмаханова, К.Б.Бейсимбиева, К.Т.Джумагулова, А.Дербисалина, М.Сильченко, Б.Сулейменова, А.Сембаева, К.Бержанова, Т.Т.Тажибаева. Ученые отмечают тесную связь И.Алтынсарина с передовой русской педагогической мыслью в организации работы школ для казахских детей, подчеркивая рассмотрение его творческой деятельности с различных сторон в области истории, литературы и просвещения.

Наследие И.Алтынсарина широко рассматривались в трудах А.Маргулана, С.Мусина, Ш.Имашева. Предметом исследования видного казахского ученого А.Маргулана явились этнографические публикации И.Алтынсарина в записках Оренбургского отдела Русского Географического Общества, а также на страницах периодической печати.

Вместе с тем, сегодня в исследованиях современных историков можно встретить некоторое одностороннее представление деятельности просветителей И. Алтынсарина и А. Кунанбаева. По их мнению, просветители предвосхищали значение русского языка в приобщении к мировой и русской культуре. Уместно отметить, что в понимании значения русского языка просветителями не означало отказа от собственного языка и культуры, как для И.Алтынсарина

при организации школ, так и для А. Кунанбаева при обращении к русской литературе. Это было настолько очевидным явлением в тех исторических условиях, когда все казахи владели родным языком и духовное их развитие происходило в среде собственной культуры.

Советской историографией выявлены основные закономерности становления школьного образования на рубеже XIX - XX вв. Учеными исследуются процессы и содержание реформирования 60-80-х гг. XIX в. и раскрываются пути преобразования в мусульманских школах.

В 50-80 гг. проблема народного образования не представляла большого интереса в фундаментальном исследовании. На первый план советские ученые выдвигали исследования в области частных проблем образования: это активные дискуссии в вопросе методов и форм обучения, методики преподавания, творческое наследие видных отечественных педагогов. Изучению отдельных направлений в области народного образования в этот период были посвящены исследования отечественных ученых С.Д.Бурмистрова, К.Б.Жарикбаева, И.В.Ерофеевой, А.Н.Ильясовой, К.К.Кунантаевой, А.К.Кубесова, И.Б.Мадина, А.И.Сембаева, Т.Т.Тажибаева, Г.А.Уманова, Г.М.Храпченкова. Используя обширный фактический материал, авторы впервые попытались рассмотреть и определить место школьного образования в общей системе подготовки школьников. Бесспорно, авторы не могли не рассматривать данную проблему с точки зрения классового подхода, но, тем не менее, их работы представляют определенный интерес для современных историков.

Анализу школ в Казахстане, в частности русско-киргизских, аульных и русских, посвящены работы Н.Сабитова, Р.Сулейменова. Авторы особо отмечают отношение царского правительства на образование «инородцев» и считают царскую политику реакционной, кроме этого показано развитие школьной сети в Казахстане.

Проблема школьного образования на протяжении многих десятилетий исследовалось в контексте изучения истории развития казахского общества. Так, в одной из исторических работ Р.Сулейменова, Х.И.Бисенова «Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов (История строительства современной культуры Казахстана, 1917-1965 гг.)» дается всесторонний анализ культурного развития казахского общества [27]. Ученый показывает причины медленного роста грамотности среди казахского населения, одной из причин которых связывает с политикой царского правительства, намеренно затруднявшей развитие «инородцев» колониальных окраин.

Одной из направлений школьного образования в историческом исследовании является проблема ликвидации неграмотности среди населения Казахстана, исследованию которой были посвящены работы А.Н.Нусупбекова, С.Б.Нурмухамедова, Х.Б.Табылдиева, Б.А. Тулепбаева, Ж.Е. Утебалиева.

Современными отечественными исследователями проблема школьного образования в Казахстане стал наиболее расширяться со второй половины 90-х годов прошлого века. Исследования проблемы рассматриваются на основе новых концептуальных подходов, среди них по дореволюционной истории

школьного образования можно отметить работы: Б.Б.Алимбаевой, З.Б.Байдосова, М.Г.Ескендинова, Г.Ы.Купеновой, А.М.Рахимжанова, З.Т.Садвокасовой, Г.С.Султангалиевой, Г.В.Савицкого, К.Ж.Успановой и др. Важным в работах исследователей является то, что школьное образование XIX - начала XX вв. в Казахстане показано вне политической идеологии. Возможности широкого доступа ко многим фондам архивов позволило объективно дать оценку истории прошлого, показать свои собственные исследовательские позиции.

В когорте исследований о жизнедеятельности тюркских народов с XVIII до начала XX в. занимают работы Г.С.Султангалиевой, отличающиеся своей комплексностью в подходе. Работа автора базируются на обширном эмпирическом исследовании, собранном в архивах Казахстана и России. Вопросы взаимоотношения тюркоязычных народов в западном регионе являются предметом исследования историка Г.С.Султангалиевой [28].

В исследовании развития истории казахского народа особое место занимает работа З.Т.Садвокасовой, к сожалению, на наш взгляд, автор усматривает лишь негативные последствия в образовательной политике царского правительства, считая, что необходимо было создавать духовные учебные заведения (медресе), а не светские. Характеризуя деятельность И.Алтынсарина, автор старается, в основном, дать отрицательную характеристику его деятельности, увидев только прорусские взгляды в его деятельности. Но в то же время следует согласиться с автором, что некоторые типы школ (мектебы и медресе) не получили должного освещения как в дореволюционных работах, так и в советской научной литературе [29].

В контексте нашей проблемы следует обратиться к исследованиям современных ученых Х.М.Абжанова, Г.Назарбаевой [30], А.А.Айтмухамбетова [31], Ш.Ю.Тастанова [32], Т.З.Рысбекова [33], А.М.Нургалиевой [34], А.С.Тасмагамбетова [35] в которых раскрыты отдельные аспекты формирования и роста национальной интеллигенции, философско-исторические проблемы ее природы, показаны особенности подготовки научно-педагогических кадров в Казахстане, а также отдельные направления развития миссионерства, деятельность мусульманских мектебов и медресе. Важным в работах исследователей является то, что школьное образование XIX - начала XX вв. в Казахстане показано вне политической идеологии.

Значительный интерес в плане рассматриваемой проблематики представляют работы, затрагивающие некоторые аспекты становления школьного образования изучающие в контексте с историей развития отдельных регионов Казахстана. Среди них интерес представляют работы И.В.Ерофеевой, А.И.Исмаилова, Т.З.Рысбекова, Ж.К.Касымбаева и др. Полноценное документальное исследование по Букеевскому ханству было проведено группой исследователей. Б.Т.Жанаев, В.А.Иночкин, С.Х.Сагнаева составили сборник нормативных документов и материалов истории развития Букеевского ханства. Но, к сожалению, в данную работу вошли в основном материалы и документы, освещающие политические, экономические и социокультурные аспекты истории Букеевского ханства.

На наш взгляд, представляется важным показать сегодня обобщающее исследование по становлению и развитию школьного образования в целом в Казахстане, основанное на тех материалах, которые в период Советского Союза не были доступны и интерпретировались с точки зрения установок, которые были в стране.

Таким образом, анализ различных источников по исследуемой проблеме показывает, что некоторые направления в проблеме школьного образования в XIX - XX вв. недостаточно изучены и требуют дополнительного исследования и обобщения.

Объектом исследования является формировавшаяся в Казахстане в XIX - начале XX вв. школьное образование, как элемент внутренней политики Российской империи в области просвещения «инородческого населения».

Предметом исследования является процесс становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв.

Цель исследования – на основе различных источниковых данных, исследовать предпосылки, закономерности и особенности формирования и развития школьного образования в Казахстане в условиях социально-культурных, экономических и политических преобразований в XIX - начале XX в.

Задачи исследования. В соответствии с целью исследования предполагаются решение следующих задач:

- изучить и определить исторические предпосылки, социально-экономические, политические условия, тенденции, факторы и этапы развития школьного образования в Казахстане, дать анализ правительственной политике царизма в области образования в отношении казахского народа;
- определить и проанализировать закономерности развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв.;
- проанализировать административно-территориальное устройство Казахстана в XIX - начале XX вв. как условие развития системы школьного образования;
- провести анализ создания и реформирования учебных округов, влиявших на становление и развитие школьного образования;
- определить и проанализировать некоторые нормативно-правовые документы в отношении развития инородческих школ в Казахстане;
- проанализировать становление, этапы и особенности развития школьного образования в Казахстане в период колонизации Российской империей;
- рассмотреть систему подготовки педагогических кадров в Казахстане в изучаемый период;
- показать ведущую роль педагогических кадров в становлении и популяризации образования среди казахского населения;
- изучить роль инспекторов народных училищ в становлении и развитии школьного образования в Казахстане;
- представить систему образовательных учреждений Казахстана в XIX - начале XX вв.;

- исследовать основные идеи просветителей и деятелей образования Казахстана в XIX - начале XX вв.

Положения, выносимые на защиту: В результате исследования рассматриваемой проблемы на защиту выносятся следующие положения:

1. XIX - начало XX вв. отмечается как период формирования и развития в Казахстане школьного образования, как одной из средств проведения внутренней политики Российской империи в области просвещения казахского народа.

2. Распространение мусульманских школ XIX - начале XX вв. имеет свои отличительные особенности и своеобразие влияния мусульманского духовенства в учебных округах Казахстана: Казанской, Оренбургской, Западно-Сибирской и Туркестанской. Формирование школьной системы зависело от особенностей и уровня религиозности народа, в связи с чем, царское правительство пыталось обходить «острые углы» в решении многих вопросов связанных с открытием мусульманских школ.

3. Разнообразные исторические, экономические, политические и социальные условия, сложившиеся в XIX - начале XX вв., вызвали необходимость реформирования системы образования в Казахстане. Большую роль в организации и распространении различных типов школ, их содержания оказали исторические условия жизнедеятельности казахского народа. В этот период также открытие некоторых типов школ были связаны с переселением с глубинки России русско-язычного населения и заселением в приграничных регионах казачьего населения (существенное развитие в содержании школ получают русские школы, войсковые училища с преобладанием детей русско-язычного населения).

4. Правительственные школы открывающиеся в середине XIX в. и получившие дальнейшее развитие в конце XIX и начале XX вв. рассматривались царским правительством как важное средство в осуществлении задач русификации и христианизации казахского народа.

5. XIX – начало XX вв. был периодом в развитии школьного образования в Казахстане, когда происходит изменение в общественном сознании народа понимающие ценность светского образования, но отсутствие школ повышенного уровня не позволяло осуществлять задачу просвещения казахского народа. Широкое и повсеместное распространение получают школы, в основном дающие первоначальную грамоту и ограничивающаяся начальным образованием.

6. Для исследуемого периода было характерно отсутствие единых правил и законоположений по школьному образованию, принятие разнообразных документов в Министерстве народного просвещения были не однозначны по отношению к школьному образованию в Казахстане и России, а также принятий ряда инструкций по «инородческим» школам.

7. Просветители Казахстана, способствующие распространению модели национальной идеологии в просвещении народа. Сложившиеся в конце XIX - и начале XX вв., социально-политические условия определили тенденции развития просвещения: стремление к сохранению национально-исторического наследия культуры, языка и литературы казахского народа, формированию

национального самосознания и стремление к общечеловеческому началу в образовании, выражающееся в изучении русской истории, культуры, языка как средства приобщения к мировой цивилизации.

8. Система образовательных учреждений Казахстана были представлены школами различного типа: 1) школы для русского и нерусского населения с преобладанием русско-казахских; русско-туземных школ; 2) средние, начальные и профессиональные учебные заведения; 3) мусульманские школы и церковно-приходские; 4) войсковое реальное училище, которые характерны для всех регионов Казахстана, в Уральской области получили широкое распространение школы мастериц и мастеров, где получали начальное образование не только дети русского сословия, но и дети казахов, так же для этого региона было характерно распространение старшинских школ; в Акмолинской, Семипалатинской областях в конце XIX в. распространяются сельскохозяйственные школы, которые были приравнены к общеобразовательным школам.

9. Несмотря на то, что система религиозного образования в Казахстане вплоть до начала XX в. носила в своей основе религиозный характер, с XIX в. начинается постепенное переосмысление концепции знания. Отдельные представители мусульманской интеллигенции России постепенно заложили основу развития системы религиозно-светского образования, в основе такой организации школы лежало изменение не только методики преподавания, но и содержания образования, принявший схоластический характер обучения. Она развивается в рамках движения джадидизма (от араб. аль-джадид – новый), получившего наибольшее распространение в Среднем Поволжье, в Центральной России и Туркестанском крае. Реформаторское движение джадидизма практически не получило распространение в западном Казахстане, хотя были попытки Г.Карашем поддержать и развивать данное движение.

Методологическая основа нашего исследования имеет трехуровневую структуру.

1. Философско-методологический уровень включает теорию познания как гносеологическую основу исторической науки, позволяющую рассматривать школьное образование и другие образовательные явления сквозь призму философских категорий всеобщего, особенного и единичного; явления и сущности; абстрактного и конкретного; исторический подход, отражающий путь достижения определенных целей на основе анализа исторического опыта становления и развития школьного образования; философское положение о единстве процессов познания и преобразования действительности; междисциплинарный подход к анализу фактов, явлений и процессов объективной действительности.

2. Общенаучный уровень представлен системным подходом, обеспечивающим целостное представление о явлении объективной реальности; междисциплинарной теорией культурно-исторического наследования накопленного образовательного опыта. Общенаучному уровню исследования соответствует также идея развития и преемственности в становлении и

развитии школьного образования; тезис о единстве теории и практики, логического и исторического, традиционного и новаторского.

3. Конкретно-научный уровень составляет анализ и критерий эффективности избранного направления исследования, применение которой определено целью, задачами исследования.

Теоретическую базу исследования составляют научные труды историков, социологов, педагогов, посвященные исследованию ключевых проблем школьного образования в различные периоды (А.Е.Алекторов, И.И.Ильминский, Е.Б.Бекмаханов, С.З.Зиманов, Н.Е.Бекмаханова, Г.М.Храпченков, Т.Тажибаев, К.Е.Бендриков, Х.М.Абжанов, Т.З.Рысбеков, Б.Табылдиев, Г.С.Султангалиева). Источниковую базу исследования составило историческое наследие отечественных и российских ученых и деятелей народного образования (И.Алтынсарин, Р.Сулейменов, Г.А.Фальборк, В.И.Фармаковский, В.И.Чарнолуцкий). В процессе рассмотрения историко-генетических аспектов изучения системы образования использовались исследования разных лет в области истории школьного образования и педагогической мысли (К.Б.Бержанова, К.Б.Жарикбаева, И.В.Ерофеевой, С.З.Зиманова, А.Н.Ильясовой, Ш.Кокумбаева, К.К.Кунантаевой, А.К.Кубесова, И.Б.Мадина, Р.Сулейменова, А.С.Ситдыкова, А.И.Сембаева, Т.Т.Тажибаева, Г.М.Храпченкова, Б.Аспандиярова, Г.Букейханова, Г.Карабалина, Ж.К.Касымбаева и др.).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- проводится комплексный историографический анализ тематического поля исследования школьного образования (становления и развитие, степень распространения) в научных трудах по истории, истории педагогики опубликованных в дореволюционное, советское и постсоветское время;

- исследуются и выявляются предпосылки, закономерности и особенности становления и развития школьного образования в период колонизации Казахстана;

- рассматривается формирование школьного образования в социально-культурных, экономических и политических условиях XIX - начале XX вв.;

- проводится сравнительный анализ организации учебных округов и влияния их на состояние школьного образования в Казахстане и Восточной Сибири;

- рассматриваются и выявляются особенности деятельности инспекторов народных училищ в становлении и развитии школьного образования;

- установлена и определена проблема комплексного исследования истории развития школьного образования в Казахстане (политика просвещения казахского народа, условия присоединения регионов Казахстана, административно-территориальное устройство, влияния переселенцев и казачества);

- изучена историческая трансформация религиозного образования в светское образование, а так же выявлены отличительные особенности мусульманского образования в разных областях Казахстана;

- изучено и выявлены особенности распространения различных типов

школ в областях Казахстана;

- рассмотрена роль русских миссионеров, участие их в различных направлениях совершенствования и развития школьного образования в Казахстане;

- обнаружено отсутствие единой позиции Министерства народного просвещения по вопросам школьного образования, а также отсутствия взаимодействия системы в целом в Казахстане и России, как единого образовательного пространства;

- по проблеме исследования впервые вводится в научный оборот новые, неиспользованные ранее источники, в частности по деятельности некоторых типов школ.

Практическая значимость исследования определяется тем, что исторические идеи и оценки, сформулированные в нем, являются обоснованными рекомендациями для изучения отечественной и зарубежной школы, осмысления пути, пройденного в развитии школьного образования, прогнозирования их и дальнейшего развития. Выводы и результаты исследования могут быть использованы в процессе разработки и реализации концепции и программы реформирования системы образования в Республике Казахстан, а также могут быть использованы исследователями, изучающие историю школьного образования при подготовке обобщающих трудов, учебных и методических пособий, разработке программ специальных курсов, при чтении лекций, проведении семинарских занятий в вузах.

Апробация диссертации. Основные положения и результаты исследования изложены в 32-х научных публикациях и выступлениях на республиканских и международных научно-практических конференциях.

Структура диссертации состоит из введения, пяти разделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1.1 Теоретико-методологические проблемы исследования в истории образования

В своем исследовании мы опираемся на эмпирическое познание с точки зрения описания объектов действительности. Принято считать, что в исторической науке данный метод исследования играет особое место, ибо эмпирическое познание неосуществимо без элементов объяснения. На наш взгляд, интерпретация научных, методических и других документов необходима на всех этапах исследования, для выяснения исторических событий. Таким образом, в нашем исследовании мы опираемся на разъяснение некоторых материалов прошлого, касающиеся проблемы школьного образования.

Один из выдающихся в русской истории философии Н.Бердяев писал о том, что «история как величайшая духовная реальность, не есть данная нам эмпирия, большой фактический материал». «В таком виде, отмечал он, история не существует и ее опознать нельзя. Историю можно опознать через историческую память, имеющую свои акты от первого до последнего, имеющую свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свое свершение» [36].

Сегодня мы переживаем бурную, подвижную реальность истории. Новые взгляды на историю, без существующей идеологии коммунизма требует новых концептуальных перемен духовной жизни общества, и бесспорно, составляющую ее системы развития образования. Сейчас, проявляется новая историческая действительность, все более отходящая от коммунистического прошлого и замкнутая в мгновении настоящего. Через века и память мы восстанавливаем историю и создаем историческое понимание прошлого, создающего начало какого-то явления, события и строящая основу будущего.

На сегодняшний день наука открыла и изобрела значительное количество общих и частных методов исторического исследования. Задачей исследователя, является тщательный отбор логически сочетающихся, непротиворечивых методов, правильное их применение, чтобы с возможно большей достоверностью достичь поставленной цели. Сегодня диалектическая концепция, освобожденная от партийной идеологии и получившая возможность перерабатывать и использовать новые достижения иных философских систем позволяет объективно раскрыть проблемы исследования.

Исторический метод, достаточно исследованный специалистами в области логики и методологии, помогает воспроизвести время, место, подробности прошедших событий, личной деятельности того или иного лица, деятельности учреждений в целом, в качестве составной части механизма управления. В своей работе по методологии исследования И.Д.Ковальченко отмечал, что «любое поколение в состоянии радикально изменить существующие общественные отношения. Но действовать оно может, только опираясь на

историческое наследие, на тот материальный и духовный потенциал, который достался ему от предшествующих эпох. Это, естественно, ограничивает возможности для субъективной деятельности людей и ставит перед ними задачу адекватной оценки исторического наследия и его рационального использования в своей деятельности. Историки же должны показать, что представляло собой это наследие и насколько эффективно оно использовалось» [37].

В любой науке процесс исследования зависит от концепции и подходов, выбранных исследователем. На наш взгляд, историзм предполагает применение совместного, но не одновременного подходов, как историко-ситуационного и историко-ретроспективного. В своем исследовании мы опираемся на несколько концептуальные подходы, которые на наш взгляд, позволяют объективно раскрыть исследуемую проблему, и шире показать все аспекты второстепенного сопровождения проблемы. Итак, суть историко-ситуационного подхода состоит в рассмотрении явлений и процессов прошлого в контексте соответствующей исторической ситуации. Так, в нашем случае, изучение становления системы образования в Казахстане в XIX - нач. XX вв. позволяет выяснить и показать с одной стороны, в какой мере современники воспринимали историческую реальность и учитывали ее при раскрытии тех или иных вопросов развития образования, роль деятелей просвещения, и с другой, соответствие этой деятельности объективным перспективам исторического развития.

Сегодня глубина понимания современниками прошлого и соотношение его с настоящим, построение на их основе будущих перспектив определяет степень субъективной прогрессивности взглядов ученых и практиков. Историко-ретроспективный подход раскрывает суть и прогрессивность явлений прошлого с определенной исторической дистанции, когда уже в той или иной мере обнаружались исторические результаты соответствующей деятельности в прошлом. Это, естественно, позволяет углубить раскрытие его объективной значимости и прогрессивности и дать ему более глубокую оценку.

Сравнительно-исторический метод, имеющий два направления, как синхронический и диахронический характер, позволяет сравнить события, объекты исследования в историческом времени, дает возможность выявить общие закономерности и национальные особенности. Так, рассматривая становление школьного образования в Казахстане, мы обращаем взор на Казахстан и на Россию XIX - нач. XX вв. Диахроническое сравнение применяется в нашем исследовании для сопоставления одного и того же учебного заведения в разные периоды его деятельности. Так, становление системы образования в Казахстане в XIX - нач. XX вв. может быть исследовано в трех следующих друг за другом периодах: 1) образования Букеевского ханства и открытия школы Джангир хана; 2) период реформ 60-80-х гг. XIX в.; 3) конец XIX - нач. XX вв. С помощью диахронического сравнения выявляются закономерности, особенности и подробности, присущие как само по себе развитию школьного образования в XIX - начале XX вв. в Казахстане и в России, также с точки зрения отношения историков на исторические и

политические события того времени, позволившие в той или иной мере развиваться школьному образованию.

Историко-сравнительный метод, как и все другие, не имеет всеобщего характера, более того, его применение существенно ограничено. Поэтому, как рекомендует Т.Шидер, сравнение необходимо применять в комплексе двух его противоположных ипостасей: индивидуализирующей, позволяющей рассмотреть единичное и особенное в факте и явлении, и синтетической, дающей возможность провести логическую нить рассуждения к выявлению общих закономерностей. «Подлинная плодотворность исторического исследования измеряется его способностью с помощью синтетического сравнения определить новые, до сих пор неизвестные исторические индивидуальности либо его способностью наполнить абстрактные понятия конкретным историческим содержанием» [38].

В нашем исследовании, мы опираемся на наиболее значимый историко-генетический метод, дословное значение, которого означает процесс образования и становления развивающегося явления (греческое понятие “genesis” - происхождение, возникновение) [39]. Если диахроническое сравнение позволяет выявить сущность и характер происшедших изменений в системе образования, то применение историко-генетического метода в современных исторических исследованиях предполагает установление порождения тех или иных событий событиями более ранними во времени. Так, с помощью историко-генетического метода мы устанавливаем основные причинно-следственные связи возникновения школьного образования в Казахстане, а этот метод, кроме того, позволяет различить ключевые положения исторического развития этого вопроса, частные особенности такого развития и единичные подробности в различных регионах Казахстана, обусловленные особенностями исторической эпохи и политических событий страны и континента (в частности влияния Англии в Туркестанском крае), национального и группового менталитета и личных черт участников исторического процесса. В обычном понимании – полагает А.К.Черненко, – причинность выступает как логическая категория, которая позволяет познать генетическую связь правовой действительности.

В нашем исследовании можно ярко проследить, как генетическая связь проявляется в событиях и явлениях, в которой одно явление (причина) порождает другое явление (следствие). Связь между причиной и следствием характеризуется такими чертами, как необходимость и объективность, такой подход можно проследить в третьей главе нашего исследования «Исторические предпосылки и условия становления системы образования в Казахстане». Так, в нашей работе мы прослеживаем исторические, политические, социально-экономические и культурологические события, которые явились предпосылкой развития системы образования в Казахстане. Кроме этого, нами выявлен ряд причин (национально-освободительные движения, переселения народов на территорию Казахстана, просвещенческая и миссионерская деятельность и др.), которые обусловили развитие системы образования в Казахстане. Эту форму причинности в силу однозначного воспроизводства вследствие структуры и

информации называют еще линейной причинно-следственной связью» [40]. Однако, исторический процесс сложен и противоречив, что показано в исследовании, и линейные связи возможны в редчайших, простейших случаях. Поэтому «там, где необходимо более содержательное представление о причинной связи, употребляется не простейшая..., а иная, более содержательная форма» [39, с. 33].

Так как, принцип историзма непосредственно связан с идеей системности, мы считаем, что необходимо исследовать проблему становления школьного образования в Казахстане как сложную многоэлементную систему, используя философские категории целого и части. По мнению В.И.Свидерского, «признаком целого... является обязательное наличие общей структуры, объединяющей отдельные элементы и накладывающей свою печать на сами эти элементы». Под структурой же он понимает «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого» [41]. Определяя рамки целого, поскольку, например, система школьного образования в Казахстане, регулирующая отдельными нормативно-правовыми документами направления его развития, является элементом исторического развития Казахстана, но в то же время сама представляет собой систему, имея достаточно сложную внутреннюю структуру.

Все эти методы и подходы позволяют, при условии правильного их применения, получить новое, научно обоснованное и достоверное знание при неукоснительном соблюдении одного важного условия: исследователь действительно стремится к истине, при отказе от устоявшихся догм, идеологических и злободневных соображений, сопереживания той или иной стороне либо тому или иному историческому лицу. «Задача историка состоит в том, пишет в своей работе Д.А.Керимов, чтобы выявить причины... и на этой основе более глубоко объяснить, что же произошло, а не просто делить современников на хороших и плохих, осуждать одних и восхвалять других, менять одни оценки прошлого на другие» [42].

Приступая к исследованию становления и развития системы школьного образования, прежде всего, необходимо отметить сложность и противоречивость изучения данной проблемы вообще, так как оно связано с историей развития в целом Казахстана. Необходимо рассмотреть его аспекты, принадлежащие одновременно и к материальной, и духовной жизни казахского общества. В соответствии с современными представлениями школьная образовательная реальность предстает перед человеком как достаточно изменчивая, не однозначная для описания, моделирования и прогнозирования.

В изучении диссертационного исследования, в установлении системы, структуры и содержания образования, а также в определении места российской школы и просветителей в становлении и развитии школы огромная роль принадлежит цивилизационному подходу. Цивилизационный подход к изучению истории вообще, и в частности становления системы школьного образования, это один из путей раскрытия сущности и перспектив всемирного исторического процесса и стратегии его дальнейшего развития. В этом заключается основной смысл цивилизационного подхода в изучении данной

проблемы. Сегодня существует несколько направлений цивилизационного подхода. Так, в одном из них понятие «цивилизация» совпадает с индустриальной стадией развития, в другом случае, вместо понятия «цивилизация» вводится понятие «культурно - исторический тип», и в третьем случае, понятие «цивилизация» является основной типологической единицей истории. Принципы и подходы в изучении истории при помощи понятия «цивилизация» разработаны английским историком, философом и социологом А.Д.Тойнби. По его мнению, «...история человечества - это совокупность историй отдельных локальных цивилизаций, которые проходят через стадию возникновения, роста, надлома, разложения и гибели» [43].

На наш взгляд, наиболее ближе раскрывающим наше исследование, является следующее понимание истины: «...стимулом развития цивилизаций являются проблемы, встающие перед обществом («вызов»)). Это могут быть нашествие врага, социально-экономическое состояние государства, тяжелые природные условия, освоение новых земель, социальный гнет и др. И в этом случае, общество должно найти «ответ» на этот вызов. Факторами, определяющими цивилизацию, являются: географическая среда обитания; система ведения хозяйства; социальная организация; религия и духовные ценности.

Основной характеристикой цивилизационного подхода является стремление заменить формационный подход к крупномасштабному членению исторического процесса. Термин «цивилизация» (от лат. *civilis* - гражданский, государственный) до сих пор не имеет однозначного толкования. Так, в мировой исторической и философской литературе он употребляется в четырех смыслах: 1) как синоним культуры, представителем этого направления является А. Тойнби; 2) как определенная стадия в развитии локальных культур, а именно стадия их деградации и упадка; 3) как ступени исторического развития человечества, следующие за варварством (Л.Морган, А.Тоффлер); 4) как уровень (ступень) развития того или иного региона либо отдельного этноса, в таком понимании говорят об античной цивилизации, цивилизации инков и т. п. На наш взгляд, эти подходы в понимании термина «цивилизация» с одной стороны взаимообусловлены, с другой стороны существуют как взаимоисключающие явления.

В XX в. возникает философия цивилизации как самостоятельная философская дисциплина. И существующие многочисленные философские школы, изучающие цивилизационный подход разделились на различные направления. Так, последователи неокантианства (Риккерт и М.Вебер) рассматривали ее, прежде всего как специфическую систему ценностей и идей, различающихся по их роли в жизни и организации общества того или иного типа. Другая группа ученых, придерживались концепции немецкого философа-идеалиста О.Шпенглера. Сущность ее заключается в рассмотрении культуры как организма, который обладает единством и обособлен от других ему подобных организмов. Каждому культурному организму, по О.Шпенглеру, заранее отмерен предел, после которого культура, умирая, перерождается в цивилизацию. Таким образом, цивилизация рассматривается как продолжение

культуры, уже на новом, более высоком уровне. Это означает, что единой общечеловеческой культуры нет и быть не может. Английский историк А.Тойнби, рассматривает теорию «локальных» цивилизаций, как «...совокупность духовных, экономических, политических средств, которыми вооружен человек в его борьбе с внешним миром» [43, с. 112]. А.Д.Тойнби создал теорию исторического круговорота культуры, представляя всемирную историю как совокупность отдельных замкнутых и своеобразных цивилизаций, количество которых варьировалось от 14 до 21. По мнению ученого, каждая цивилизация, подобно организму, проходит стадии зарождения, роста, кризиса (надлома, разложения). На основании чего им был выдвинут эмпирический закон повторяемости общественного развития, движущей силой которого является элита, творческое меньшинство, носитель «жизненного порыва».

На наш взгляд, цивилизационный подход позволяет понять сущность явления, события и определить характерные черты и тенденции развития различных социально-этнических общностей, которые, в сущности не связаны напрямую с формационным членением общества. Цивилизационный подход позволяет рассматривать культуру во всем ее объеме, не исключая ни одного структурного элемента, и переход к цивилизации может быть понят только с учетом того, что он явился узловым пунктом формирования культуры. Таким образом, цивилизационный подход позволяет глубоко вникнуть в еще один очень важный срез исторического процесса - цивилизационный.

Если рассматривать Казахстан, и в частности систему образования, то в контексте цивилизационного подхода, он впитал в течении двух веков немало русской культуры, пытавшей построить нечто совершенно особенное. Особенность в построении своей системы образования можно отнести, наверное, именно к середине XIX и начала XXI вв. Казахстан, проходя путь модернизации, шел своим уникальным путем.

Сегодня очень важно видеть не только прошлое, но и будущее нашего государства, которое во многом определено ее прошлым. Необходимо уловить особый характер развития системы школьного образования, который предполагает, те же цивилизационные ступени развития прошедшие западные школы, связанные, с переходом к демократии, новым системам и технологиям, но вместе с тем, безусловно, наша система образования будет иметь заметные отличия и от Российской, и от зарубежных аналогов образования.

Но вместе с тем, особенность и неповторимость каждой цивилизации не исключает их взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения и, наконец, даже сближения, что видно на материалах нашего исследования. Но путь, который прошла наша система образования, и в целом государство вместе с тем не исключал и отторжения, и противоборства, и беспощадной борьбы, приведшей сегодня к своей собственной системе школьного и высшего образования.

Представляется, что эти особенности с одной стороны, заключаются в особой организации вообще казахстанской общественной и государственной жизни; и с другой стороны, в особенностях национального мировоззрения, духовной культуре, в традициях, культуре многочисленных народов

Казахстана, и уже построения на этой основе содержания и структуры образования.

Одной из предпосылок изменения системы образования явилось присоединение Казахстана к России, которое повлияло на коренное изменение всей системы школьного образования и определило тенденцию его развития. Поэтапное присоединение Казахстана к России продолжалось с начала XVIII и до конца XIX вв. Противоречивые взгляды ученых на проблему интеграции Казахстана в составе России остается и на сегодняшний день одним из неоднозначных научных направлений.

Исследуя проблему присоединения Казахстана к России многие авторы критически оценивали концепции «абсолютного» и «наименьшего зла», отраженные в выводах современников, которые не вписывались в существовавшую концепцию добровольного присоединения. Тезис о добровольном присоединении затушевывал сложность и противоречивость этого процесса.

В связи с социально-политическими переменами и изменениями в сфере общественного сознания произошли определенные новации в исторических исследованиях в середине 80-х годов XX в. Вызванный широкий интерес историков Казахстана к изучению «белых пятен» в истории, в том числе и к колониальному прошлому Казахстана, явилось одной из проблем в исторической науке. Данная проблема нас интересует, как одна из условий развития системы образования в Казахстане. Целый ряд проблем историографического и источниковедческого характера поднимался в статьях специальных тематических сборников. Многие вопросы историографии Казахстана, Средней Азии и России рассматривались исследователями в общем развитии сопредельных государств и в контексте общности исторических судеб, взаимосвязанности исторических процессов и проявлений исторических закономерностей и, в частности, развития школьного образования, которое имело, также свои взаимосвязанные и взаимозависимые характеристики.

В работах исследователей 30-70-х годов XX в. обращает внимание, что сделаны они с позиции марксистско-ленинской методологии.

В ряде работ историков Казахстана данная проблематика рассматривается с концепции «абсолютного» и «наименьшего зла». Так, в работе И.М. Козыбаева «Историография Казахстана: уроки истории» и «Историческая наука Казахстана (40-80-е гг.)» исследователь по-новому взглянул на историографию и историческую науку Казахстана и сделал широкий анализ направлений и основных тенденций [44]. В разделе «Бекмахановская эпопея» автор пытается восстановить историческую справедливость по отношению к советскому историку Е.Б.Бекмаханову. В работах Е.Б.Бекмаханова русско-казахские отношения рассматриваются с позиций формулы «абсолютного зла». Исследование не вписывалось в идеологические установки того историографического этапа, для которого определяющее значение имела резолюция Объединенной научной сессии, посвященная истории Казахстана и Средней Азии в дооктябрьский период (Ташкент, 1954г.), окончательно закрепившая формулу о прогрессивном значении присоединения Степного края

к российскому государству без какого-либо критического отношения. В своих подходах к оценке колониального прошлого историки возвращаются к историческим концепциям 20-30-х годов XX века, в которых политика царизма в национальных окраинах, в том числе и в Степи, оценивалась с критических позиций. Основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма. Сейчас в республике большими тиражами переиздаются работы М.Н.Покровского, П.Галузо, М.Тынышпаева, Т.Рыскулова, которые проникнуты идеей «колониального завоевания», отражая проблему в контексте формулы «абсолютное зло». П.Г.Галузо рассматривал историю колониальных приобретений России в тесной взаимосвязи со всеми регионами Центральной Азии [45]. Он считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат: во-первых - лишения народов политической самостоятельности и их завоевания; во-вторых - экономического закабаления; в-третьих - русско-английского соперничества при дележе мира на будущие колонии. Отметим в этой связи новое направление в современной казахстанской историографии, имеющее значительный научно-познавательный потенциал - это изучение жизненного пути и научного наследия известных казахстанских ученых-историков Е.Б.Бекмаханова, Б.С.Сулейменова и др.

Одним из вопросов, который в той или иной мере определял условие развития системы образования в Казахстане является история колонизации казахской степи Российской империей и направленного против нее национально-освободительного движения казахского народа во второй половине XIX - начале XX вв. Бесспорно, вопрос колонизации казахского края Российской империей - самый сложный и противоречивый период в истории казахского народа, значение которого заключается в превращении края в провинцию соседнего государственного образования. Вторая половина XIX - начало XX вв. ознаменовалось подъемом национально-освободительного движения, вступившего в качественно новый этап. Определяющую роль в освободительной борьбе начинает играть национальная интеллигенция. Сегодня нельзя строить казахстанско-русские отношения на стереотипах колониального периода. Несмотря на все перипетии истории, между русскими и казахами сложились искренние отношения братства и доверия. Сохранение этих отношений и укрепление их с учетом современных реалий отвечает коренным интересам обоих народов. От объективного отражения истории, принципиальной оценки исторических событий, зависят в некоторой степени и современные взаимоотношения между казахским и русским народами.

В некоторых работах Ж.К.Касымбаева, С.Ф.Мажитова, В.З.Галиева и др., носящих аналитический характер, предприняты попытки подвести итоги изучения колониальной проблематики и выявлены нерешенные проблемы. Все эти работы содержат новые концептуальные суждения по проблематике, а также поднимают методологические проблемы. Они способствовали в определенной степени формулированию новых задач и развитию историографии интересующих нас проблем.

Некоторые теоретические и методологические моменты истории национально-освободительного движения в Казахстане в колониальный период

нашли отражение в некоторых научных статьях В.З.Галиева, Ж.К.Касымбаева, А.К.Бисембаева. В 1993 году в журнале «Мысль» была опубликована статья ученого Института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова В.З.Галиева «Национально-освободительное движение казахского народа в свете новых исследований». Исследователь отметил, что сегодня историки ищут пути переосмысления основных моментов национально-освободительного движения: причин, целей, движущих сил, этапов, характера и самого термина «национально-освободительное движение». Интерес представляет статья Ж.К. Касымбаева «Проблемы истории национально-освободительных движений в Казахстане в XVIII - начале XX вв.: теоретико-методологические аспекты». Казахстанский историк попытался выявить наиболее типичные моменты, особенности народных движений, выделив ряд слабо освещенных теоретических аспектов проблемы. Детальное изучение различных моментов антиколониальной борьбы, по мнению историка, позволило бы вскрыть соотношение между антиколониальной и внутренней социальной борьбой крестьянства, дало бы возможность четко разграничить цели и интересы движущих сил освободительного движения, в научном плане воссоздало бы общие закономерности и особенности, присущие борьбе казахов.

Безусловно, мы не можем отрицать положительную роль присоединения Казахстана к России, которое имело огромное политическое, социально-экономическое и культурное значение для казахского народа. Данный процесс дал возможность предотвратить порабощение и уничтожение казахских родов джунгарами, что привело к ликвидации феодальной раздробленности и родовых междоусобиц, ускорило зарождение и развитие капиталистических форм хозяйствования, транспортных коммуникаций, торговли, переходу к оседлости и земледелию, подтолкнуло к выходу из национальной замкнутости и обособленности, обеспечило развитие национального самосознания. Сегодня этот исторический факт также является одним из важнейших условий социально-экономического и культурного развития уже в новых политических и административных статусах.

Подчас обращение к истинно национальным истокам, активному изучению истории казахского народа, определении истории становления и развития системы образования в Казахстане невозможно представить без объективного исследования и вопроса джадидизма, который оказал большое влияние на рост национального самосознания народов Туркестана, Поволжья и Бухары в конце XIX - начале XX вв. Общественно-политическое и национально-патриотическое движение джадидов, по своей исторической значимости весьма прогрессивное явление для казахского и среднеазиатских народов.

Концепция цивилизационного подхода и методология нового мышления поставят перед учеными необходимость выработать новые методологические подходы ко многим аспектам истории среднеазиатского джадидизма. И этот процесс требует большого труда, максимальной объективности и непредвзятости. При изучении истории джадидизма необходимо обратить внимание, что само джадидское движение, имеет специфические особенности, обусловленные социально-политическими, культурными, религиозными

характеристиками. Имеет отличительные особенности в формах проявления джадидизм в Туркестанском крае. Джадидизм Туркестана и Поволжья основывался на идеях Исмаила Гаспринского (1851-1914). Узбекские ученые склонны считать, что бухарские джадиды имели свое самостоятельное течение в лице лучшего представителя оппозиционной идеологии эмирата Ахмада Дониша (1827-1897 гг.). Джадиды Туркестана и Поволжья еще в начале 90-х гг. XIX века имели возможность открывать новометодные школы, а в Бухаре первая джадидская школа была открыта всего лишь в 1908 году. Если рассматривать с точки зрения цивилизационного подхода, то джадидизм как общественно-исторический процесс прошел стадии возникновения, становления и дальнейшего развития. Так, имея различное организационное оформление, определившее пути образовательного и политического развития, джадидизм пришел к своему логическому завершению, то есть не было единства в программных целях между туркестанской и бухарской джадидскими организациями,.

Наряду с многочисленными религиозно-реформаторскими и культурно-просветительскими идеями, одним из вопросов, который поднимали джадиды в просвещении и прогресса народов Туркестана, была идея образования женщин. Хотя эта проблема была поднята еще во второй половине XIX в. предшественниками джадидов – просветителями, то она в новых исторических условиях получает дальнейшее свое развитие. Проблема реформирования ислама стояла во главе угла деятельности джадидов, которые пытались прогрессивной ролью ислама объяснить необходимость реформирования образования, экономики, культуры и вообще всех сфер жизни общества. Изучение большого исторического наследия джадидов дает более полное представление об их историческом мировоззрении и пути становления системы образования.

Таким образом, следует отметить, что многие историки, исследуя ранее закрытые архивные фонды, в большей степени были заняты накоплением фактического материала и не вступали в дискуссии по проблемам поиска новых теоретико-концептуальных подходов. Тем самым, авторы статей, как правило, не связывают свои выводы с уже существующими в мировой историографии подходами и не выходят на уровень концептуальных обобщений. Казахстанские историки, за небольшим исключением оставались в стороне от тех дискуссий, которые разворачивались на страницах исторических журналов в России «Новая и новейшая история», «Отечественная история», «Вопросы истории» и др. по формационному и цивилизационному подходам, по вопросам периодизации, терминологии и т.д.

Активное научное исследование и обмен исторических концептуальных материалов в Казахстане стало возможным благодаря появлению специальных исторических журналов «Отан тарихы» (Отечественная история), «Казак тарихы» (Казахская история). Особой популярностью в научной среде отличается журнал «Отан тарихы» (Отечественная история), учрежденный Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова в 1998 году. Издание имеет несколько рубрик, название которых позволяет судить о приоритетных

направлениях в развитии казахстанской исторической науки. Это актуальные проблемы исторической науки; историография, источниковедение, методы исторического исследования; материалы, посвященные жизнедеятельности выдающихся общественно-политических деятелей и ученых и др. Авторами многих публикаций выступают ученые М.К.Козыбаев, М.К.Койгельдиев, К.Нурпеисов, Б.М.Сужиков, Е.Валиханов и др.

Таким образом, проведенный в диссертации историографический, методологический и источниковедческий анализ дал возможность показать необходимую эмпирическую базу исследования для выявления специфических особенностей административно-хозяйственного и социокультурного облика в Казахстане и тенденций развития сложившейся в ней системы образования. Историографический, теоретико-методологический и источниковедческий анализ изучения истории народного образования дает необходимые предпосылки для постановки и исследования вопроса: проявляются ли общецивилизационные закономерности становления и развития системы народного образования в Казахстане в целом и в частности отдельных его регионах в XIX и начала XX вв., и каковы особенности этого процесса.

Постановка и разработка этой проблемы опирается на результаты исторических и педагогических исследований, в которых уже с середины XIX в. выявлялись общие тенденции развития системы народного образования в Казахстане и России. Тем не менее, вопрос о проявлении этих тенденций, как светское образование и всесловность, развитие системы профессионального образования, изменение содержания, методики преподавания требует конкретно-исторического изучения архивных материалов и введения в научный оборот новых источников.

Тенденция неравномерного развития системы народного образования в XIX и начала XX вв. показанная в некоторых работах, дискутировалась в исторических, педагогических исследованиях, и в настоящее время продолжает нуждаться в конкретно-исторической аргументации на основе изучения состояния народного образования в целом в Казахстане.

Итак, историографический обзор позволяет сделать следующий вывод: главное внимание исследователи уделяли проблемам социокультурной детерминации образования, специфики национальной школы и ее роли в общественной жизни народа; разрабатывалось общее состояние развития образования. Но, тем не менее, при детальной разработке общей картины недостаточно разрабатывались региональные особенности истории школьного образования. В частности, недостаточно работ, посвященных истории народного образования Уральской области и западного Казахстана, крупных населенных пунктов этой области. Нет сравнительных работ развития системы школьного образования разных регионов Казахстана. Поэтому реализация целей нашего исследования восполняет пробел в тематике исторических исследований.

Проведенный обзор теоретико-методологических проблем истории развития народного образования, историографии и источниковедения служит необходимым условием формирования методологической основы данного

диссертационного исследования. Разработка теоретико-методологических проблем исторических исследований позволяет использовать научные методы (ретроспективный анализ, количественные методы исследования, единство системного и деятельностного подходов, теоретический синтез). Методологические основы данного исследования позволили расширить предмет исследования и включить новую проблему взаимосвязи развития народного образования в разных регионах страны с процессами становления нового, гражданского общества в Казахстане. Теоретико-методологическая база позволяет опираться в исследовании на такие категориальные структуры как «инородческие школы», «национальные школы», «миссионерские школы», «миссионерское влияние», типологические и историко-педагогические сходства. На наш взгляд, первые теоретические разработки в области образования и просвещения казахского народа были сделаны И.Алтынсариним, А.Кунанбаевым, А.Байтурсиновым разработанные ими подходы к обучению являются системой содержательной и процессуальной стороной образования. Впервые в такой работе на основе теории истории и историографии рассматривается проблема исторического познания, структура, принципы и методы исторического анализа. В своей работе мы впервые пытаемся на основе уже известных исследований существенно усовершенствовать классификацию исторических источников. На наш взгляд, на основе ранее представленной классификации нельзя было провести всестороннего исследования проблемы, да и некоторые документы выпадали из общей классификации. Методология выполненного диссертационного исследования была направлена на выявление и фиксацию отношения казахского народа на систему школьного образования, на объяснение их истоков, факторов и содержания, на установление их роли и значения в национальном образовании.

До присоединения Казахстана к России образовательные потребности населения удовлетворялись довольно многочисленными мусульманскими мектебами и медресе. Однако содержание образования в них было сугубо религиозным, а обучение осуществлялось схоластически, буквослогательным методом. Это приводило к тому, что кроме заученных на память молитв дети, как правило, ничему не могли научиться в этих школах. После присоединения Казахстана к России были созданы сеть различных типов школ, среди которых особое место занимали русско-казахские школы. На сегодняшний день нельзя однозначно дать оценку просветительской деятельности царского правительства, хотя во многих работах дореволюционного и советского периода дается однобокая характеристика. Так, для большинства работ вышеназванных авторов просветительская политика правительства, местных административных учреждений, органов народного образования, русификаторская направленность оправдывается и положительно оценивается. Приводимые в их работах отрывочные и незначительные сведения о русско-казахских школах не дают полного представления о развитии системы образования, об их типологии, формах и методах обучения, особенно проблемах содержания образования с точки зрения региональных особенностей.

В работах советских ученых К.В.Бейсембиева [46], Х.П.Вахидова [47], А.И.Исмаилов[48], И.М.Муминова [49] Т.Ж.Шоинбаева [50], и др. освещены вопросы политического и социального положения Казахстана и Средней Азии до присоединения к России, а также дается широкий анализ поэтапного их вхождения в состав Российского государства. В их исследованиях особое место занимают вопросы прогрессивного влияния этого акта на развитие экономики, культуры и образования. В их работах внимание уделяется показу тенденций развития прогрессивной общественной мысли, борьбе представителей демократизма и просветительства против буржуазно-националистической идеологии. Ученые подчеркивают историческое значение распространения марксизма-ленинизма, создания партийных организаций большевиков, развития революционного движения для исторических судеб региона.

К числу фундаментальных проблем, имеющих первостепенное значение, можно отнести такие темы, как происхождение казахского этноса и становление его государственности, присоединение Казахстана к России, а также становление и развитие школьного и высшего образования.

1.2 Историографические и источниковедческие аспекты в изучении школьного образования

Исследования факторов исторического, политического и культурологического порядка свидетельствуют о необходимости теоретико-методологического обоснования к накопленному историографическому материалу по проблемам развития школьного образования в Казахстане в XIX-нач. XX вв. С точки зрения методологии исследования любой науки, важно на первом этапе определить базу познания проблемы. Исторический источник является носителем сведений о прошлом, его природе и познавательных возможностях. Так, в качестве базы исторического познания выступают всевозможные исторические источники, позволяющие раскрыть процесс становления и развития школьного образования.

В нашем исследовании мы опирались на различные источники, которые позволили нам раскрыть проблему развития школьного образования в Казахстане в XIX - нач. XX вв. (архивные материалы, постановления, циркуляры, инструкции, положения о школах, воспоминания и письма ученых, теоретико-методологические работы современников, статистические данные и прочие).

Первые архивные и полевые исследования проводятся в первой половине XIX в. Так, в работах А.И.Левшина, основанных на архивных и полевых материалах раскрываются два направления проблемы:

1-е направление - физико-географическая характеристика Казахстана (1 том); 2-е направление - историческая характеристика, с древних времен до начала XIX века (2 том) [51]. Следует отметить, что историческое исследование в таком разрезе является одной из первых научных работ по исследованию истории казахского народа. Наиболее детально были рассмотрены проблемы взаимоотношения казахов с соседними народами, принятие ханом Абулхаиром российского подданства, предпринятые действия царского правительства,

направленные на удержание казахов в российском подданстве. Следует заметить, что исследователь, анализируя внутреннюю политику царского правительства, преподносит проводимые мероприятия лишь как благо для казахского народа. Безусловно, с точки зрения политической и социальной, мероприятия проводимые в Казахстане не всегда соответствовали действительности. В третьем томе содержатся материалы этнографического характера, в которых описан хозяйственно-бытовой уклад казахов, их образ жизни, социальные и семейные отношения, материальная и духовная культура.

В своих работах А.К.Гейнс, описывая жизнь казахов и особенности развития меновой торговли, раскрывает значение создания укреплений на территории западного Казахстана [52]. В одной из своих работ выразил уверенность, что «после личного обозрения киргизских степей» для утверждения российского влияния необходима сила, а именно военные укрепления, которые будут одновременно служить пунктами для торговли с кочевниками.

В исследовании В.В.Черемшанского представлено всестороннее описание Оренбургской губернии середины XIX в. Получив высокую оценку, его работа была удостоена золотой медали министерства государственных имуществ. В работе представлены материалы по развитию торговли, промышленности и промысла [53].

Хочется остановиться на исследовательской деятельности Ч.Валиханова (1835-1865 гг.), который одним из первых стал изучать историю и культуру народов Казахстана и Средней Азии. Казахский ученый, просветитель, историк и этнограф Ч.Валиханов на страницах произведений историко-этнографического характера «Дневник поездки на Иссык-куль», «Записки о киргизах» поднимает вопрос о влиянии мусульманского духовенства на просвещение казахского народа, предлагая обучать казахских детей не в мусульманских, а в правительственных школах [54]. Ч.Валиханов принял непосредственное участие в мероприятиях правительства по реорганизации местного управления степи, внес ряд практических предложений и рекомендаций: «О мусульманстве в степи», «О кочевниках- киргизах».

Рассматривая народное образование как сложный противоречивый процесс, историки постоянно обращали внимание на взаимовлияние общественно-педагогической инициативы и практической деятельности правительственной бюрократии. Беспокойство в усилении роли духовной школы, притеснения земств в вопросе развития школьного образования, задержке введения всеобщего образования подвергало представителей передовой педагогической общественности к столкновению с правительством в решении этих проблем. В создаваемых постоянных различных научных и практических дискуссиях ученые и чиновники пытались найти лучшую модель школьного образования, зачастую авторы критически оценивали деятельность разных типов учебных заведений.

Необходимо отметить как ярких представителей и участников дискуссий В.П.Вахтерова, В.И.Фармаковского, Н.В.Чехова, П.Ф.Каптерева. В своей монографии П.Ф.Каптерев охарактеризовал основные типы начальной школы,

которые начиная с пореформенного периода относились к различным ведомствам, начиная от частных лиц и заканчивая различными министерствами, подробно описывая особенности управления образованием в XIX в. В исследовании Н.В.Чехова раскрывается суть происходившей в те годы борьбы между разными ведомствами по вопросу о контроле над образованием. Н.В.Чехов был ревностным сторонником земской школы, и всячески принижал роль министерских, в особенности церковноприходских школ. Ученый считал, что последние не имели «исторических корней», а школы грамоты, по сути, являлись прообразом земских школ. Обвинение Н.В.Чехова в «вероломстве» Святейшего Синода и подчинения в 1891 г. их своему контролю является ярким показателем в решении вопроса управления школами [55]. Также одной из проблем этого периода является идея обязательного начального образования всех детей в возрасте 8-11 лет, которую отстаивали в своих работах В.П.Вахтеров и В.И.Фармаковский. Так, ими предлагается создавать недостающие народные училища за счет государственной казны и активного участия городов и земств. Данный подход освещается в работе В.И.Фармаковского, где изучая опыт финансирования школьной сети в земских губерниях, он делает вывод, о необходимости частично перевести содержание школ на земское управление [56].

Интерес представляет и другая работа неизвестного автора «Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении...», в которой поднимается дискуссионная проблема о введении всеобщего обучения. Работа готовилась в Министерстве народного просвещения и в краткой форме излагала историю возникновения начальной школы в России, начиная с эпохи Петра I. Основная проблема организации начального обучения, создание различных проектов введения всеобщего обучения и способа финансирования школ занимает особое место в данной работе.

Внимание автора привлекла и дискуссия, развернувшаяся в III и IV Государственных думах. Анализу деятельности III Государственной думы в области просвещения посвящены работы Е.П.Ковалевского и А.Н.Роппа. Авторы подробно описали развернувшуюся борьбу по поводу принятия закона о всеобщем начальном обучении между правительством, партиями, комиссией Думы по народному образованию и Лигой образования. По сути, всю ответственность за затягивание обсуждения вопроса Е.П.Ковалевский возлагал на Министерство народного просвещения и Государственный совет. Деятельность земских учреждений описывается в работах А.Свидерского, Я.С.Кузнецова, П.Н.Григорьева, В.А.Невского. По мнению авторов, создалась такая ситуация в народном просвещении, когда назрела необходимость более широкого участия земств, городских дум, сельских обществ в деле народного образования. Данный вывод был сделан на основе обширного анализа положения школьного дела за 40 лет. Необходимо отметить, что в дореволюционный период обобщающих трудов о роли земств в Оренбургской губернии не публиковалось, так как они были учреждены только лишь в 1913 году.

Активное развитие народного просвещения и развития различных типов школ, а также церковной школы можно отнести к периоду либеральных реформ Александра II. Этот период знаменателен и выпуском огромного количества

публикаций, затрагивающих деятельность школ по просвещению народов. Так, в работах Н.Бородина [57], Н.Краснова [58], К.Кузнецова [59] освещаются проблемы функционирования казачьих школ. В их трудах дается обзорно общие вопросы организации и деятельности школ, так как они составлены в основном на основе отчетов учителей. Особое место в публикациях занимают освещение процесса становления церковных школ. Основываясь на отчетах Епархиальных училищных советов, авторы стремились показать преимущества церковной школы над министерской и казачьей. Но за приводимыми данными не просматривались трудности, с которыми сталкивались школы православного ведомства.

Возникновение системы образования в целом на территории Казахстана, в дореволюционной литературе слабо освещено, также в историографии этого периода намного слабее была освещена история обучения «инородцев». Первыми рассматривали учебные заведения Внутренней орды и Тургайской области А.В.Васильев, А.Е.Алекторов, Н.И.Ильминский, В.Е.Игнатъев. Кроме этого ими были изучены вопросы территориально-административных изменений в процессе колонизации Казахстана Российской империей, а также возникновение ряда школ. Определенный вклад в историю развития учебных заведений внес инспектор школ Тургайской области А.Васильев. Им была описана история учебных заведений Оренбургского учебного округа для казахских детей и молодежи XIX в., функционировавших на территории Тургайской области и Южного Урала. Также были составлены списки выпускников казахов с 1825 по 1896 гг. [60].

В работах А.Васильева дается подробное описание всех учебных заведений для казахских детей второй половины XIX в., начиная с «Киргизской школы» при Пограничной комиссии. Основная проблема, которая поднималась в работе А.Васильева, была роль властей по регламентации деятельности русско-казахских школ. Особое место в работе автора отводится инспекторской деятельности И.Алтынсарина и по его введению в курс казахских учебных заведений русской грамоты [61]. Необходимо отметить, что очень ценным в работе является представленная карта школьной сети Тургайской области за 1895 г.

С 1889-1894 гг. сам А.Васильев являлся инспектором школ Тургайской области, это не могло не отразить его субъективную оценку в освещении данного вопроса. В казахстанской историографии имеется ряд значительных историографических трудов, посвященных развитию системы образования в Казахстане в XIX - начале XX вв. Ученые в области исторических и педагогических наук занимались исследованием различных аспектов истории становления школьного образования, просвещения Казахстана, развития образования в отдельных регионах.

Большой интерес для нашего исследования представляет и работа В.Е.Игнатъева. Автор рассматривает историю деятельности Оренбургского учебного округа в период с 1875 по 1899 гг. Открытие данного учебного заведения представляет интерес для современного исследования, причиной которой является полиэтничность областей Южного Урала и северо-западного Казахстана с точки зрения исторического, социально-экономического и

политического развития региона. Особое место в работе В.Е.Игнатьева занимает развитие гимназического образования в целой структуре системы образования.

Исследование развития «инородческого» образования носил противоречивый характер: с одной стороны ученые и чиновники разных ведомств понимали важность просвещения нерусских народов, а с другой стороны они же считали, что это должно осуществляться неразрывно с русским населением и способствовать формированию русской культуры, нередко вызывая недовольство со стороны мусульманского духовенства. Этим исследованиям были посвящены работы В.П.Панова, А.И.Анастасиева, М.И.Обухова, Я.Д.Коблова. Противостояние, которое возникало между правительством и мусульманским духовенством, вызывало опасения и соблюдение осторожности в управлении мусульманскими школами.

С 50-80 гг. отмечается продолжение изучения проблемы школьного образования и в Казахстане. Значительный вклад внес С.Р.Алибаев, который попытался раскрыть историю конфессиональных и русско-казахских школ, влияние народного образования на рост культуры казахского народа.

Начиная с 60-х годов XX в. Т.Т.Тажибаев, А.С.Ситдыков, А.И.Сембаев, Г.М.Храпченков, К.Б.Жарикбаев, С.М.Каштанов, М.Н.Курносков, С.О.Шмидт, С.Н.Валк, В.К.Яцунский, О.М.Медушевская стали активно разрабатывать проблемы источниковедения, приемы и методы критики источников. Педагогическое наследие народных училищ, пишет Г.М.Храпченков, является одним из источников развития теории и совершенствования работы советских школ. Итак, анализ источниковедения показывает, что по теме развития системы образования в Казахстане в различных его регионах собран значительный фактический материал. В этих источниках рассматриваются различные аспекты жизни казахского народа. Многие ученые в своих исследованиях поднимают вопросы, характеризующие различные стороны политической, экономической и социокультурной жизни казахского народа. Предметами исследования являлись проблемы миссионерской деятельности Н.И.Ильминского, А.Е.Алекторова, деятельность казахских просветителей, появление первых светских школ, вопросы открытия русско-казахских школ, административное реформирование в Казахстане. В нашем исследовании мы попытались обобщить и систематизировать те исторические источники, которые на наш взгляд позволят наиболее глубже и шире изучать поставленные проблемы в области исторических и других наук, пользующихся различными видами источников.

На наш взгляд, изучению роли внедрения классового подхода в школьную политику русского правительства, посвящена и работа В.М.Горохова. Автор оценивает политику царизма как «реакционную», отмечая, что «Советская власть от самодержавия и Временного правительства получила тяжелое наследство бескультурья, темноты и невежества» [62]. Тем не менее, им был собран огромный объем фактического материала, и он одним из первых попытался составить характеристику традиционного схоластического мусульманского и новометодного джадидистского образования.

Советской историографии 50-80-е гг. характерны попытки более серьезного научного осмысления социально-экономических, политических и исторических условий, закономерностей и факторов развития народного образования. Но в то же время, в них по-прежнему сохранялся сложившийся ранее стереотип в оценке школьной системы образования. Наибольший интерес представляет обобщающий труд ряда авторов АПН СССР НИИ «Общей педагогики» - это «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР», вышедшая под редакцией Н.П.Кузина, М.Н.Колмакова, З.И.Равкина, в которых освещается история школы и педагогики в органической связи с общим развитием истории общества. Представленные авторами фактические материалы по развитию образования России и республик, в основном показаны на примере системы развития школ России.

В коллективной монографии «История Казахской ССР», показана общая картина развития школьного образования в целом по стране. Значимость подобных работ в том, что образование рассматривалось неразрывно с политической, социальной и экономической ситуацией в регионе. Следует отметить, что системный подход характерен для трудов И.М.Богданова, Г.Е.Жураковского, Ф.Г.Паначина, А.В.Осокова. Рассматривая учебные заведения, А.В.Осоков и Г.Е.Жураковский останавливались на их многотипности, анализируя законодательную базу образования и ее трансформацию в зависимости от исторических условий. Но, авторы больше внимания уделили земским, министерским и, отчасти, нерусским школам. Книга И.М.Богданова интересна глубоким анализом уровня грамотности, проведенного на основе земских отчетов и переписей 1897, 1911 гг. И хотя он ставил цель доказать бесспорные успехи советской школы в распространении грамоты, к сожалению, региональный материал И.М.Богдановым представлен в слишком обобщенном виде.

Особое место, по мнению многих ученых в развитии просветительской деятельности казахского народа сыграл И.Алтынсарин. Деятельности И.Алтынсарина посвящены работы Е.Бекмаханова, К.Б.Бейсимбиева, О.А.К.Т.Джумагулова, А.Дербисалина, М.Сильченко, Б.Сулейменова, А.Сембаева, К.Бержанова, Т.Т.Тажобаева. Ученые отмечают тесную связь И.Алтынсарина с передовой русской педагогической мыслью в организации работы школ для казахских детей, подчеркивая рассмотрение его творческой деятельности с различных сторон в области педагогики, литературы и просвещения.

Наследие И.Алтынсарина широко рассматривались в трудах А.Маргулана, С.Мусина, Ш.Имашева. Предметом исследования видного казахского ученого А.Маргулана явились этнографические публикации И.Алтынсарина в записках Оренбургского отдела Русского Географического Общества, а также на страницах периодической печати. Исследования А.Маргулана дали современной исторической науке обширные, ценные документы о деятельности просветителя И.Алтынсарина [63]. Также в работах С.Мусина и Ш. Имашева дается широкий анализ теоретическим разработкам И.Алтынсарина в определении практического подхода к проблемам труда и трудового воспитания

Советской историографией выявлены основные закономерности становления школьного образования на рубеже XIX - XX вв. Учеными исследуется зависимость происходивших реформ в 60-80-х гг. XIX в. и раскрываются процессы преобразования в национальных школах, а также взаимозависимость их от социально-экономических отношений и общественно-политических движений.

На сегодняшний день широкий доступ к архивным материалам позволяет сделать глубокий анализ системы образования и более объективно понять глубинные процессы внутри этой системы. В основном, исследования в XIX в. в Казахстане в области школьного образования представлены в виде статей ученых и отчетов инспекторов народных училищ. Отсутствие обширных монографий в данный период объясняется не достаточностью исследований ученых в области школьного образования. Сегодня ученые изучают вопросы, слабо освещенные в период 20-80-е гг. XIX в. Наиболее актуальными из них являются: 1) функционирование казачьих школ; 2) роль земств в народном образовании; 3) место духовных школ в образовательной системе; 4) обучение нерусских народов; 5) роль инспекторов народных училищ в становлении и развитии школьного образования; 6) значение учебных округов в развитии школьной системы; 7) пути решения вопросов обеспечения школ педагогическими кадрами, наглядными пособиями, учебниками и т.д.

В работах многих ученых (Т.Т.Тажигаев, К.Шаймерденова, А.Кубесов, Г.М.Храпченков) широко освещается проблема развития просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века, в котором данное направление рассматривается с точки зрения социальных, экономических и культурных предпосылок развития общества, образования и культуры в Казахстане во второй половине XIX века.

Для нашего исследования важными источниками являются теоретико-методологические исследования историков, философов, педагогов и других ученых. Наиболее полное, систематическое научное освещение истории просвещения, становления и развития системы общего и профессионально-технического образования в Казахстане во второй половине XIX в. раскрыто в работе Т.Тажигаева «Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века». В работе дается обширный анализ мусульманским, русско-казахским и другим типам школ, приводится фактический материал об учебной деятельности, раскрываются специфические особенности школьной системы по различным областям. Им был сделан анализ развития системы школ, показаны отличительные стороны и особенности школ в различных округах Казахстана [64]. Бесценным сегодня являются исследования Т.Тажигаева о деятельности И.Алтынсарина, давшие анализ психологическим воззрениям ученого. Он обращает внимание на те вопросы, которые затрагивал просветитель: способности человека в сознании и передаче культурных приобретений; личность и среда; условия развития человеческого организма; педагогические выводы о воспитании сознательности и самостоятельности путем разумной организации процесса учения и развития человека. Говоря о Казахской школе при Оренбургской пограничной комиссии, Т.Т.Тажигаев дает положительную оценку, но в то же время считает ее цели ограниченными только

подготовкой чиновников-переводчиков. Одобрительно он относился к решению правительства, разрешавшему казахским детям обучаться в гимназиях. С XIX в. многие педагоги видели в этом попытку насильственной русификации. При анализе отличительных признаков народного образования различных областей, ученый отмечал, что сложившаяся система школ дореволюционного Казахстана являлась частью общей системы российского просвещения. Следует отметить, что дав положительную оценку развитию школьного образования, и акцентируя на становление школьного образования в Казахстане в общей системе российского просвещения, ученый однобоко подходит в раскрытии данного вопроса. Так, декларативно находясь в российской системе образования, казахстанские школы были намного ущербны в своем развитии, многообразие типов школ не давали качественной подготовки, а центральная администрация, как и местная основной упор делала на распространение аульных школ, которые практически не давали знания учащимся. Также в монографическом исследовании рассмотрены вопросы профессионально-технического образования и трудового обучения, значение учительских, сельскохозяйственных, фельдшерских, ремесленных школ в подготовке кадров. Кроме этого прилагается в виде приложений обширный перечень документов, раскрывающий положения к руководству различных типов школ.

Логическим продолжением теоретического исследования Т.Тажибаева является работа А.И.Сембаева «История развития советской школы в Казахстане» вышедшая в 1962 году. В работе освещается вопрос становления и развития советской школы в Казахстане, условия развития школьного образования, школьной системы и организации учебной работы. Раскрывая историю советской школы в Казахстане за 1917-1961 годы, ученый с одной стороны дает обширный обзор историческому материалу и с другой стороны раскрывает специфику развития казахской школы в годы Советской власти [65].

В исследовании А.И.Сембаева сделан широкий анализ развития общеобразовательных школ, а также автор пытается определить место национальной школы среди других типов учебных заведений в Казахстане. Проблемы теории и методологии науки вообще, и в частности развития школы является одним из значимых для выявления и построения сущности научного исследования. В работе Г.М.Храпченкова «История школы и педагогической мысли Казахстана» дается теоретико-методологическое исследование образования, а также изучение педагогической мысли в дореволюционном и советском Казахстане [66]. Автор характеризует педагогическую и просветительскую деятельность известных работников культуры, образования и анализирует новаторские идеи учительства. Однако, необходимо отметить в работах вышеназванных авторов чрезмерное превышение роли политики советского государства в развитии образования. Проблемы развития школы, содержания и методы образования, вопросы организации учебной работы в дореволюционном и советском Казахстане осветил Г.М.Храпченков в книге «Научно-педагогические вопросы народного образования в Казахстане» [67].

Ученый дает характеристику учебных планов и программ русско-казахских школ, дает анализ педагогическим условиям построения содержания образования.

Аналізу школ в Казахстане, в частности русских, «русско-киргизских» и аульных посвящены работы Н.Сабитова [23,с. 12], Р.Сулейменова [68]. Авторы в работах особо отмечают отношение царского правительства на образование «инородцев» и считают царскую политику реакционной, кроме этого показано развитие школьной сети в Казахстане. Проблема школьного образования на протяжении многих десятилетий исследовалось в контексте изучения истории развития казахского общества. Так, в одной из исторических работ 70-х гг. Р.Сулейменова дается всесторонний анализ культурного развития казахского общества, на основе некоторых направлений дореволюционного периода. Ученый показывает причины медленного роста грамотности среди казахского населения, одной из причин которых считает связь с политикой царского правительства, намеренно затруднявшей развитие «инородцев» колониальных окраин. Также в работе представлена характеристика различным типам школ, открытых в Казахстане в XIX в.

Уместно остановиться на исследованиях И.В.Ерофеевой, в особенности, на ее монографии, посвященной хану Абулхаиру, дана характеристика неординарной личности хана Младшего жуза, а также описывается деятельность оренбургского губернатора, дипломата И.И.Неплюева, осуществлявшего политику «разделяй и властвуй» в отношении нерусских народов [69].

Наиболее обстоятельно освещена история школьного образования в трудах А.И.Сембаева, А.Ф.Эфирова, С.Д.Бурмистрова. Вопросы же, связанные со специальным образованием и женским просвещением, таким пристальным вниманием не пользовались. Тем не менее, появились работы Ш.Абубакировой, М.Бейсеновой, А.Калмакова, Ж.Карагусова.

Решая вопрос просвещения народа, нельзя не уделить внимание таким вопросам как проблема подготовки квалифицированных кадров и формирование национальной интеллигенции. Данные вопросы отражены в исследованиях современных ученых Х.М.Абжанова, Г.Назарбаевой, А.А.Айтмухамбетова], Ш.Ю.Тастанова, Т.З.Рысбекова, которыми раскрыты отдельные аспекты формирования и роста национальной интеллигенции, философско-исторические проблемы ее природы, показаны особенности подготовки научно-педагогических кадров в Казахстане.

В плане исторического развития Букеевское ханство, как одно из наиболее просвещенных регионов западного Казахстана исследовалось в разные периоды такими учеными Казахстана, как С.З.Зиманов [70], Б.Аспандияров [71], Г.Букейханов [72], Т.З.Рысбеков [73], Ж.К.Касымбаев [74] и др. Полноценное документальное исследование было проведено группой исследователей. Б.Т.Жанаев, В.А.Иночкин, С.Х.Сагнаева составили сборник нормативных документов и материалов истории развития Букеевского ханства [75]. Но, к сожалению, в данную работу вошли в основном материалы и документы,

освещающие политические, экономические и социокультурные аспекты истории Букеевского ханства.

Проблема этно-демографического характера в казахстанской исторической науке рассматривается также Н.Е.Бекмахановой. Наибольший интерес для нашего исследования представляют такие работы Н.Е.Бекмахановой, как «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980», «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. - 1917 г.)», где автором дана этно-демографическая характеристика Казахстана, факторы формирования полиэтничности на основе исторических источников XIX в. – ревизских сказок, покибиточных переписей, отчетов губернаторов, обзоров областей и памятных книжек [76]. Наиболее ценным в работах являются материалы «Переписи 1897 года», в которых впервые была сформулирована целостная концепция формирования и развития населения. Ценным в работе является широкий охват периода с последней трети XVIII века до 1917 года с показом изменения демографической ситуации в Казахстане, характеристики динамики численности, места проживания, национальный и социальный состав населения. В работах были затронуты вопросы взаимовлияния социально-экономических и демографических процессов.

В другой работе Н.Е.Бекмахановой в соавторстве с А.М.Нургалиевой особое место занимают вопросы различия в управлении оренбургскими и сибирскими казахами, анализ конфессиональной политики оренбургских губернаторов в отношении казахов как лояльного, а в вопросах, направленных на развитие земледелия, процесса оседания более жесткого и консервативного, по сравнению с сибирской администрацией. Безусловно, данная точка зрения авторов имеет место в общей системе развития истории казахского народа [77].

В когорте исследований о жизнедеятельности тюркских народов с XVIII до начала XX в. занимают работы Г.С.Султангалиевой, отличающиеся своей комплексностью в подходе. Широкий монографический материал базируется на обширном эмпирическом исследовании, собранном в архивах Казахстана и России. Вопросы взаимоотношения тюркоязычных народов в западном регионе являются предметом исследования историка Г.С.Султангалиевой. В своей работе «Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-начала XX вв.)» ученый раскрыл роль Южного Урала и Среднего Поволжья во внешнем и внутривосточном, социо-культурном развитии западного Казахстана XVIII и начала XX вв. Данные Г.С.Султангалиевой фактические материалы по анализу истории мусульманского и светского образования, составлению списков выпускников-казахов учебных заведений Оренбурга, Казани, Уфы, исследование взаимодействия представителей национальной интеллигенции XIX - начала XX вв. с тюркскими народами позволило более шире понять процессы, происходившие в развитии образования и культуры казахского народа.

На региональном уровне ученых, в большей степени, интересовала социально-экономическая и государственно-правовая структура ханства, миссионерско-русификаторская сущность педагогических идей некоторых

русских миссионеров. Проблемы, связанные со специальным образованием и женским просвещением в Казахстане практически не пользовались широким вниманием в трудах отечественных ученых. Только некоторые аспекты женского образования можно увидеть в работах Ш.Абубакировой, М.Бейсеновой, А.Калмакова, Ж.Карагусова. Проблема народного образования, несомненно, связано с подготовкой квалифицированных кадров и формированием национальной интеллигенции. Различные направления данных проблем рассмотрены авторами Х.М.Абжановым, С.Асфендиаровым, Т.К.Катаевым, Г.Назарбаевой, Ш.Тастановым.

В послереволюционный период и вплоть до наших дней проводятся дальнейшие исследования, издаются многотомная история Казахской ССР, история Казахстана, четырехтомная краткая энциклопедия Казахской ССР, сборник о казахско-русских отношениях в XVIII - XIX в., труды, освещающие различные аспекты жизнедеятельности казахского населения.

Документы по истории политического строя Казахстана, различные донесения официальных лиц; законодательные акты правительства; донесения и записки частных лиц, побывавших в Орде; документы, исходящие от казахской знати занимают особое место в исследованиях историков. Так Ф.Н.Киреевым, Ш.Я.Шафиро были предприняты попытки классификации различных документов в период присоединения Казахстана к России и до 1918 года [78].

Особое место в историографии занимают работы о национально-освободительных движениях казахского народа, исследованием которых занимались В.Я.Басин [79], Г.Сапаргалиев [80], Б.С.Сулейменов [81], И.Н.Кенжалиев [82], С.Б.Курманалин [83], Т.Шоинбаев [84], К.В.Харлампович [85], А.К. Муктар [86] и др. Одной из важных задач современной исторической науки является объективная оценка исторических событий в государстве. Национально-освободительные движения в Казахстане в начале XX в. имеют под собой различную почву, и подходить к ней только с одной оценкой в борьбе казахских трудящихся против феодально-капиталистического гнета, было бы ошибочно. Общие с Россией события тех лет были связаны именно с этой постановкой вопроса, но на так называемых окраинах России еще выступал вопрос о колониальном гнете коренного народа, об исчезновении истории, культуры и языка народа. Все больше усиливающие тенденции преобразования в системе школьного образования, переход на единую унифицированную структуру школ вызывал у казахской интеллигенции все больше возмущения.

Царское правительство, ведя карательные меры перед возмущенным казахским народом, включает все меры и все системы этого органа: полиция, жандармерия, суд, тюрьмы и армия. Г.Сапаргалиев в своей работе пишет, что существенной особенностью этих карательных мер был шовинистический характер в отношении казахского народа.

Несомненно, данная проблема тесно была связана с социальным развитием казахского народа, а так же косвенно затрагивала и вопросы просвещения народа. Интерпретация этих событий показывает, что они были разные по

своим целям и мотивам. Так, в исследованиях ученые раскрывали различные стороны этих событий: национально-освободительное движение под руководством Сырыма Датова, в основном, связано было с выходом ряда Указов царского правительства о запрещении кочевок казахских родов близ Урала, Яицкого городка и крепостей. С этим связаны разногласия между феодальной знатью аристократии и родовой знатью (старшинами, биями, батырами). Освободительное движение, возглавленное Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, принято считать, как протест против усиления ханского и колониального гнета, массовой узурпации аульно-общинных земель казахской знатью, вследствие чего было снижено социально-экономическое состояние народа.

Национально-освободительная борьба приаральских казахов против хивинского ханства и России было связано с двойным давлением, с одной стороны- агрессивная деятельность хивинских ханов, с другой стороны - царское правительство России. Восстания 1868-1870 гг. можно отнести к тем событиям, когда народ был не согласен с теми изменениями административного деления и управления, которые были отражены во «Временном положении». События, происходящие в начале XIX в. и указ царского правительства от 25 июня 1916 г. «О реквизиции» на тыловые работы «инородческого» мужского населения Казахстана, Центральной Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет предопределили подъем казахского народа. Следует учесть и то обстоятельство, что многие казахи не имели метрических свидетельств, что было на руку местным властям и агентам царской администрации, составляющих списки. В списки попадали бедняки независимо от возраста. Один из свидетелей этих событий М. Тыпышпаев (получивший российское образование в Петербургском институте путей сообщения) дает пояснение Туркестанскому генерал-губернатору о причинах восстания [87].

Изучение развития мусульманского образования в исторической науке в различные периоды имели свои особенности и отличия. Своеобразие этих работ отличались тем, что акценты в них ставились с точки зрения значимости их в просвещении народа, влияния духовенства на развитие мусульманских школ, противостояния их против изменения всей системы школьного образования в Казахстане и др. Так, в работе видного татарского писателя Д.Валидова рассматриваются проблемы становления новой системы образования в Волго-Уральском регионе. Рассматривая принципиальные отличия старометодных мектебов и медресе, от новометодных учебных заведений, автор раскрыл положительные стороны внедрения нового метода обучения в учебный процесс на примере деятельности шакирдов медресе «Мухаммадия» в Казани и обучения шакирдов в медресе «Хусаиния» в Оренбурге.

Противоречивы и исследования в области новометодного образования. Следует отметить, что в 20 г. XX в. новометодное образование рассматривалось как прогрессивное явление, то в 40 г. вопрос реформирования мусульманского школьного образования интерпретировался как проявление «панисламизма» и «пантюркизма». Необходимо заметить, эти школы не были

распространены в Уральской, Тургайской, Семипалатинской областях, в основном, были организованы в Туркестанском крае, где процесс развития светской системы образования шел очень тяжело, так как в этом регионе было огромное влияние духовенства на школы. Одним из первых казахских ученых первой половины XX в., исследовавший движение джадидизма в казахской степи, был С.Асфендиаров [88]. В работе А.С.Тасмаганбетова дана объективная характеристика джадидистского движения, возникшая во второй половине XIX в. среди тюркских народов России. Джадидизм, являясь по существу одной из форм мусульманского реформаторского направления, осуществляет в процессе просвещения реформирование религиозного сознания верующих. Один из современных татарских философов А.Н.Юзеев писал, что «мусульманское реформаторство ставило перед собой цель реформировать религиозное сознание верующих и мусульманских теологов, формально не затрагивая ислам как определенную систему догм..., тогда как западная реформация догматику затрагивала по существу» [89].

Для нашего исследования так же интерес представляют работы, связанные с изучением школ в западном регионе. Так, одним из этих работ является исследование А.И.Изюмова по истории школ Уральского войска [90]. В своих научных статьях он делает обширный анализ деятельности войскового начальства, описывает трудности (старообрядческие традиции), с которыми столкнулись они при открытии школы. Давая оценку деятельности Н.А. Веревкина, автором, однако недооценены заслуги наказного атамана, который добился больших успехов в разрешении многих проблем, чем его предшественник А.Д.Столыпин.

Большой интерес в раскрытии проблем школьного образования в Оренбургской губернии представляют работы М.Н.Фархшатов и В.С. Болодурина. Так, М.Н.Фархшатов дает характеристику всем типам начальных, средних и профессиональных учебных заведений, особо уделяет внимание истории национальной школы, как министерской, так и конфессиональной [91]. В работе практически отсутствует сравнительный анализ состояния грамотности населения и затрат на образование по Оренбургской губернии.

Бесценным в исследовании В.С.Болодурина является представленный обширный материал развития и становления всех ступеней образования Оренбуржья на протяжении XVIII, XIX и первой половины XX вв. В монографии «Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье», автор наиболее подробно останавливается на вопросах развития начального, среднего, среднего специального и высшего образования. К сожалению, на наш взгляд, автор не сумел из-за обширной хронологической рамки подробно остановиться на анализе земских, конфессиональных и национальных школ. В работе В.С.Болодурина практически не уделяется внимание вопросу образования казахских детей, тогда как на территории Оренбуржья проживало значительное количество казахов, статические же данные представлены в основном русским, татарским, башкирским населением [92].

Проделанный историографический обзор свидетельствует о том, что разные аспекты становления и развития школьного образования в разных регионах

Казахстана, являлись предметом специального анализа. В основном, в исследовательских работах отражается региональный принцип исследования. Но до сих пор не появились работы, которые рассматривали бы систему школьного образования во всем ее многообразии, взаимодействии, системности, выявили бы регионально-исторические, этноконфессиональные особенности функционирования, что позволило бы глубже понять роль каждого типа школы в распространении грамотности в крае. Подобное исследование стало бы существенным дополнением в понимании исторических процессов, происходивших на рубеже XIX - XX вв. в регионе.

Сегодня такими современными исследователями, как Н.А.Абдоллаев, А.А.Айтмухамбетов, А.Муктар, Г.Назарбаева, Т.З.Рысбеков, Х.Б.Табылдиев, Б.Г.Шинтимирова и др. делается широкий анализ системе отечественного образования. В их работах показана история становления и развития учебных заведений, прослеживается процесс формирования прогрессивной, отечественной педагогической мысли, представлены особенности развития школьного образования, образования женщин, ликвидация неграмотности и др.

Особое место в историографии занимают диссертационные исследования. Вопросы по истории профтехобразования рассмотрены в работах Г.А.Уманова и Р.А.Джанабаева, в них содержится большой фактологический материал, охватывающий большой период советского народного образования. Авторами разработана и предложена современная периодизация развития системы профессионально-технического образования в Казахстане, данные основаны на анализе учебных планов, месторасположения, численности различных учебных заведений данного профиля. В ряде проблем системы образования, определенное место занимает организация различных педагогических курсов, так в диссертационном исследовании Ж.Ескеева дается широкий анализ этому вопросу. Он отмечает, что во второй половине 1920-х годов получили развитие центральные, краевые краткосрочные, губернские, уездные 2-х месячные курсы. Политико-административное устройство национальных окраин Российской империи рассматривал также С.Г.Агаджанов.

Другому вопросу народного образования, в частности, ликвидации неграмотности посвящены диссертационные исследования Т.И.Бакулиной, Ш.К.Беткенбаевой, Х.Б.Табылдиева, Н.С.Мышко, Ж.Е.Утебалиева и других. В их работах можно увидеть проблему ликвидации неграмотности не в отдельно взятом регионе, а как решались задачи, поставленные повсеместно во всем Казахстане. Работы эти отличаются более высоким научным уровнем, привлечением нового фактического материала. Существенным недостатком их можно считать изолированность при рассмотрении региональных процессов от общеказахстанских проблем.

Для нашего исследования большой интерес представляет и ряд диссертационных исследований. В работе С.Д.Бурмистрова «К вопросу организации народного образования в Западно-Казахстанской области в первые годы Советской власти (1919-1921г.г.)», посвященной Западно-Казахстанской области [93] исследуется история школы на уровне отдельно взятой области. К сожалению, автор, рассматривая деятельность органов народного образования

и подготовку педагогических кадров, дает анализ статистических материалов, который позволяет судить только лишь о количественных изменениях в системе образования западного Казахстана, что является, несомненно, одним из условий уровня образования и повышения грамотности населения. Автор дает объективную оценку проблеме недофинансирования системы народного образования, но чрезмерно идеализирует советское государство и его аппарат. Автор, в основном, в своем исследовании представляет статистический материал без его глубокого анализа с точки зрения социально-экономического, культурного развития казахского народа. Нельзя не согласиться, с утверждением автора, что принимались своевременно положения и декреты в вопросах народного образования, но их осуществление в реальной жизни проходило не в столь быстрых темпах и без серьезных проблем.

Ценным также на наш взгляд, является работа К.К.Кунантаевой «Развитие народного образования в Казахстане. 1917-1990 гг.», где автор уместно использует архивные материалы для выявления поэтапного развития народного образования, истории развития школ и других учебных заведений в Казахстане. Внимание исследователя обращено и на развитие женского образования в Казахстане. Раскрытие проблем теоретического и методологического подхода к советской системе образования с позиции современности является в данной работе одним из ярких моментов [94].

Исследование истории развития школьного образования в регионах слабо изучено, в частности практически не исследуются вопросы школьного образования с точки зрения истории развития государства западного Казахстана. Так, М.Г.Ескендилов провел исследования по восточному Казахстану «Восток Казахстана: на стыке столетий (вторая половина XIX - нач. XXI вв.)». В работе показаны экономика, социально-демографическое развитие региона, трансформационные процессы, происходящие в восточном Казахстане в 20-30 гг. XX вв. [95]. Работа А.М.Рахимжанова «История развития системы образования Республики Казахстан в десятилетний период ее становления и независимости (1991-2001 гг.)» посвящена современному состоянию и развитию образования в Казахстане [96]. В работе следующего исследователя А.К.Богенбаевой «История развития народного образования в восточном Казахстане в 20-30 гг. XX в.» дается анализ модернизации школьного образования в Восточном Казахстане, характеристика мероприятий советской власти по ликвидации неграмотности в регионе, а также становление и развитие среднеспециального и профессионального образования, подготовка педагогических кадров и обеспеченность ими школ [97]. Работа К.К.Актаевой «История школьного образования в Казахстане в работах советских исследователей (1917 г. первая половина 80-х годов XX века)» содержит описание становления системы школьного образования в Казахстане в 1917-1940-х гг., основные направления школьного строительства [98].

В следующих диссертационных исследованиях (Б.Б.Алимбаевой, З.Б.Байдосова, Г.Ы.Купеновой, К.Ж.Успановой, Г.В.Савицкого) освещены вопросы истории политики царизма в области школьного образования на примере Оренбургского учебного округа. Так, в работе Б.Б.Алимбаевой «Политика

Российского правительства в отношении Оренбургских казахов в XVIII-XIX вв.» исследователь комплексно рассматривает хозяйственные, социокультурные, экономические, административные и др. формы и методы вовлечения и приобщения казахов к различным сферам жизни Оренбургского края; уделяется внимание и политике местных властей, осознавших необходимость учета культурных, ментальных особенностей кочевого казахского народа [99]. К.Ж.Успанова в своем исследовании «Идеи народной педагогики в развитии образования и в творчестве казахских просветителей в период присоединения Казахстана к России (Первая половина XVIII - середина XIX века)» акцент делает на просветительской деятельности И.Алтынсарина, Абая Кунанбаева [100]. Роли учебных заведений Южного Урала в формировании национальной интеллигенции Северо-Западного Казахстана (XIX - начало XX вв.) посвящено диссертационное исследование Г.М.Койшигариной [101]. Деятельность сотрудников научных обществ западного Казахстана и Волго-Уральского региона стала предметом исследования Ж.С.Есеналиной [102]. Проблеме развития начального образования в Букеевской Орде в середине в XIX - начале XX вв. посвящена научное исследование А.У.Муханбетжановой, в работе показано общие тенденции исторического развития образовательной системы, так и регионального своеобразия развития начальной школы в Букеевской орде [103].

Таким образом, анализ научной и исторической литературы показывает, что накоплен значительный фактический материал, характеризующий различные стороны политической, экономической и социокультурной жизни казахского народа. Однако, до настоящего времени история развития системы образования западного региона в XIX - начале XX вв. практически не была предметом самостоятельного исследования. Недостаточно разработан ряд вопросов: особенности истории развития системы образования в условиях социально-культурных, экономических и политических преобразований в XIX - начале XX в. в Западном Казахстане; соотношение общего и особенного в исследовании административно-территориального устройства Казахстана и западного Казахстана в XIX - начале XX в. как условие развития системы школьного образования; изучение вклада Джангир хана и просветителей Казахстана в культурное развитие и формирование системы школьного образования.

Исследованием проблемы переселения в Казахстан из регионов России занимались многие ученые, которые выделили определенные этапы переселенческой политики: вольное переселение (XVI-XVII века), военно-правительственное переселение (XVIII - середина XIX веков), крестьянское переселение (60-е годы XIX века - начало XX века). Вопрос переселения безусловно связан с проблемой организации школьного образования, так как открытие типов школ зависело от переселенческой политики.

Нельзя сказать, что все исследователи однозначно подошли к решению вопроса периодизации. Так, исследуя вопросы конкретной периодизации крестьянской миграции, ученые остановились на различных путях переселения. Н.Турчанинов выделил следующие периоды переселения

крестьян: 1861-1891 гг. - массовое переселение крестьян после отмены крепостного права в России; 1891-1905 гг. - переселение крестьян водным путем, ограниченное коротким навигационным периодом; 1906-1914 гг. - активное переселение крестьян в период проведения столыпинской аграрной реформы.

Другой исследователь Н.Жемчужников разделил переселенческую политику на четыре периода: 1861-1881 гг. - когда царское правительство ограничило некоторыми мерами переселение крестьян; 1881-1892 гг. - усиление темпов переселения, стимулированного российскими властями; 1892-1905 гг. - активное переселение, вызванное голодом 1891 года в некоторых губерниях России; 1905-1917 гг. - создание Переселенческого Управления, активизировавшего переселение крестьян в период первой российской революции и предвоенные годы.

Несомненно, история показывает, что расцветом крестьянской миграции из России в Казахстан был период столыпинской аграрной реформы и создания Переселенческого Управления. Историкографический анализ литературы, освещавший этносоциальные и демографические проблемы дореволюционного Казахстана, дается в работах Д.И.Дулатовой, Э.И.Герасимовой, Н.Е.Бекмахановой, К.Алимбаева, Х.Аргынбаева, Л.М.Горюшкина, Н.Н.Миненко, В.В.Шахматова. В своих исследованиях авторы рассматривают демографические аспекты досоветского периода в Казахстане.

Ценным на наш взгляд является диссертационная работа С.И.Ковальской «Проблемы историографии миграции населения Казахстана (к XVIII-XX вв.)», в которой автор показывает состояние научной разработки проблем, связанных с миграцией населения в конце XVIII-XX веков, дает историографический анализ типов, причин, характера, последствий миграционной активности населения, безусловно повлиявший и на развитие школьного образования [104].

В работах другого исследователя Н.В.Алексеевко дается обширный материал по проблемам этнодемографических процессов, проходивших в Казахстане в конце XIX - начале XX веков, очень много фактических и статистических данных [105]. Достоинствами в этих исследованиях являются историко-демографический анализ формирования полиэтничного состава населения Казахстана, а также статистические данные образовательного уровня городских и сельских жителей по социальным сословиям и возрастным группам. В работах освещены основные виды занятий казахов, крестьян-переселенцев, казаков.

В период колонизации Казахстана была создана сеть различных типов школ, среди которых особое место занимали русско-казахские школы. Для русского населения были открыты школы: начальные одноклассные и двухклассные училища в городах и сельской местности, городские училища, мужские и женские прогимназии, гимназии и реальные училища. По теме нашего исследования из дореволюционных работ, с этой точки зрения наиболее обширной, раскрывающей сущность школьного образования в XIX - начала XX вв., а также политику просвещения колониальной администрации явились

работы А.Е.Алекторова [106], Н.А.Бобровникова [107], В.Е.Игнатъева [108], А.В.Васильева [109], С.М.Граменицкого [110], Н.И.Ильминского [111], К.П.Кауфмана [112], А.Н.Куропаткина [113], В.П.Наливкина [114], Н.П.Остроумова [115], К.К.Палена [116]. Они исследовали огромный пласт отчетов инспекторов, директоров народных училищ, программ и уставов школ, методической литературы, что позволило выделить, проблематику школьного образования в исторической науке XIX и начала XX вв. Вопросы всеобщего народного образования поднимались в трудах таких ученых и просветителей, как И.Алтынсарин [117], А.Кунанбаев [118].

Территориально-административные изменения в процессе колонизации Казахстана Российской империей привели к возникновению ряда школ, имеющих и свои особенности в регионах, и свои отличия в становлении и развитии. В работах видных деятелей просвещения тюрко-язычных народов А.Е.Алекторова, И.Алтынсарина, И.А.Беляева, Н.А.Бобровникова, А.В.Васильева, С.М.Граменицкого, В.Е.Игнатъева, Н.И.Ильминского, В.П.Наливкина, Н.П.Остроумова содержатся особенности развития различных типов школ в Казахстане (русско-казахских, русско-туземных, аульных, волостных, старшинские и др. школ), изучается их структура, сети, численность, формы и методы обучения. Они освещали в своих работах историю развития народного образования и школьного дела в Казахстане с точки зрения колониальных интересов царизма.

Присоединение Туркестана к России имеет свою отличительную особенность, в историческом, политическом и социально-экономическом плане. Опираясь на предшествующий опыт историографической науки, современная историография обеспечивает преемственную связь в развитии исторической мысли, определяет ее перспективы на каждом конкретном направлении. На сегодняшний день создано немало исторических трудов, отражающих данный процесс в соответствии с определенным концептуальным подходом. Дореволюционные работы о Туркестане, в основном, посвящены вопросам завоевания, походам российских войск, внешним сношениям Казахстана и царской России, их экономике, этнографии. Как уже ранее было отмечено, первые работы, носившие мемуарный характер по истории завоевания Туркестана были написаны участниками и очевидцами событий в виде небольших очерков. Зачастую, они отражали личные впечатления авторов и не могли носить научного характера. Позже появляются работы, содержащие статистические данные, достаточно объективно отражающие действительность и несущие большой фактологический материал.

Изучение проблемы присоединения Туркестанского края к России проходило в соответствии с основными этапами развития исторической науки в Казахстане, России и Узбекистане.

Следует отметить, что большая часть работ, написанных в дореволюционный период о Туркестане, посвящена вопросам завоевания, внешним сношениям царской России с рядом стран Востока, их экономике, этнографии. Эти работы зачастую носили описательный характер участников событий, и написаны они в форме небольших очерков, как правило, они

отражали личные впечатления авторов и не носили научного характера. Но, тем не менее эти работы представляют собой ценнейший материал, имеющий достаточно объективное отражение действительности и фактологические сведения.

Обособленно стоят исследования Туркестанского края, как в дореволюционных работах, так и в современных исследованиях. Анализ работ показывает, что развитие историографии вопроса определялось идеологией и характером внешней политики царизма. Необходимо также подчеркнуть односторонность освещения материалов русских авторов, которые пытались обосновать «цивилизаторскую миссию» России по отношению к отсталым народам. В дореволюционных работах идея о высокой цивилизаторской миссии царского правительства широко распространялась и как бы служила подтверждением действий царского правительства по отношению к народам Казахстана и Средней Азии. Именно с этих позиций освещены вопросы присоединения Туркестана к России в работах В.В.Григорьева [119], М.А.Терентьева [120], М.И.Венюкова [121], А.П.Хорошихина [122] и др. Основным мотивом такой интеграции, по мнению многих авторов, служило англо-русское соперничество (А.И.Макшеев, М.А.Терентьев, Ф.Ф.Мартенс, А.Н.Куропаткин). Рассматривая в контексте последствия присоединения Туркестанского края к России, многие авторы М.А.Терентьев, М.И.Венюков, А.К.Гейнс, Л.Ф.Костенко, И.В.Мушкетов оценивали прогрессивность такого положения в становлении и развитии региона.

В начале XX в. ряд авторов наиболее критически подходит к вопросу присоединения Туркестана к России, изменениям связанными с установлением там русской власти. В частности, с позиций критики царской администрации рассмотрены вопросы присоединения в трудах Д.Н.Логофета, В.П.Наливкина, И.И.Гейера. Значительный вклад в изучение истории Туркестана внес историк-востоковед В.В.Бартольд [123]. Исследования ученого являются ценнейшим источником для изучения вопроса причин наступления России в Туркестанском крае. Не затрагивает социально-экономические и политические проблемы присоединения Туркестана к России, он старался остановиться на вопросах просветительской миссии России.

В ряду научных работ данного региона можно выделить исследования С.Д.Асфендиарова, Е.Б.Бекмаханова, Т.Р.Рыскулова, П.Г.Галузо, В.Лаврентьева, В.Лебедева. В их работах можно проследить присоединение Туркестанского края к России, и вопрос присоединения рассматривался ими как завоевательный процесс.

В 50-х гг. в историографическом этапе исследований было сохранена общая тенденция идейно-методологической направленности. Следует отметить, что развенчание сталинского культа объективно способствовало относительному оживлению исторической науки. Положительным фактором в этом отношении стало частичное снятие секретности в архивах и расширение доступа ученых к документальным источникам. В результате существенно обогатилась фактологическая база работ, расширилось поле исследований по узловым вопросам присоединения Туркестана к России. Большое внимание

историки уделяли проблеме англо-русского соперничества в центрально-азиатском регионе.

Однако, под влиянием устойчивого идеологического и исторического стереотипа в исторической науке возобладала точка зрения о прогрессивном значении присоединения Туркестана к России, что привело к появлению нескольких десятков одинаковых работ, в которых концепция прогрессивности была представлена без всякого критического осмысления. Весомой работой в данном ключе стала публикация сборника ташкентских историков «Материалы по истории присоединения Средней Азии к России».

Широкому анализу всей имеющейся научной литературы советского периода по вопросу присоединения Туркестана к России посвящена работа Г.А.Ахмеджанова «Советская историография присоединения Средней Азии к России» [124]. Автор, рассматривая работы некоторых дореволюционных историков, несколько фрагментарно подходит к раскрытию проблемы историографии. В своей работе автор утверждает о том, что дореволюционные историки в основном пытались показать положительную сторону колониальной политики царизма.

В 90-е гг. XX в. в характере исследования и методологии научного познания определились значительные перемены. Освободившись от идеологического прессинга тоталитарного режима, исследователи получили вероятность объективно трактовать исторические ситуации. И в этом случае работы дореволюционных историков дали возможность оценить события, причем часто их работы рассматриваются некритически. Одним из главных вопросов в работах отечественных и российских историков, касающихся взаимоотношений с Россией большое внимание уделяется анализу административного управления Российской империи в XIX в. Следует заметить, что в дореволюционной литературе данная проблематика лишь упоминалась в работах Д.И.Романовского, Л.Ф.Костенко, М.А.Терентьева, но здесь имело место внешнего анализа ситуации. Представляя систему управления, авторы пытались показать в последовательно-хронологическом изложении факты, проанализировать в логическом контексте внутренний эволюционный процесс административного управления различных регионов Казахстана и Средней Азии. Фактический материал представлен в зависимости от конкретно-исторической обстановки, характера вхождения края в состав единой империи, традиций и особенностей общественно политического строя того или иного народа.

Административная политика Российской империи в Туркестане получила свое отражение в работах А.И.Яковлева, В.В.Корнеева, Д.В.Васильева. Во многих работах можно проследить тенденцию положительной оценки влияния Российской империи на Туркестанский край.

Но вместе с тем, появляются работы, которые дают анализ колониальной политике царского правительства с критических позиций. Так, в работе К.Даниярова, рассматриваемого огромный исторический отрезок истории Казахстана с 1824 по 1991 г. политика России представлена, как «колониальное завоевание». В своей работе автор резко и достаточно однобоко оценивает

работы дореволюционных и советских историков, и считает, что Казахстан был завоеван Россией и начался «медленный, истощающий материально, морально, духовно-культурный геноцид, который продолжался вплоть до декабря 1991 года» [125].

В исследовании К.Л.Есмагамбетова анализируются работы зарубежных исследователей (Джеффри Уилер, Ричард Пирс и др.), где дается оценка вопроса русского завоевания и политики царизма. Автор приходит к выводу, что, по мнению зарубежных ученых, присоединение Казахстана к России носило завоевательный характер. Современной англо-американской историографии проблемы присоединения Казахстана к России посвящены работы К.Р.Несипбаевой, в которых автор приходит к выводу о том, что зарубежные исследователи определяют наступление России на Казахстан и Среднюю Азию, как часть «европейской экспансии». К.Р.Несипбаева отмечает, что в большинстве своих работ английские и американские исследователи признают завоевание региона царской Россией как положительный момент [126].

Деятельность С.М.Граменицкого связана с Туркестанским краем, которая в своих работах достаточно широко раскрывает некоторые аспекты развития народного образования в этом крае. Так, в работах «Очерк развития народного образования в Туркестанском крае», «Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области» рассматривается состояние народного образования в Сыр-Дарьинской области. На наш взгляд, наиболее тщательно подобраны материалы и описано положение мусульманских школ, и только что появляющихся русско-туземных школ в Туркестанском крае в произведениях Н.П.Остроумова «Мусульманские мектебы и русско-туземные школы в Туркестанском крае», «К истории народного образования в Туркестанском крае» [127]. Следует отметить, что в большинстве работ данной группы превалирует фактический материал над его теоретическим осмыслением. Многие из них были скорее публицистическими, нежели научно-исследовательскими. Наибольший интерес для нас вызывают работы выдающего казахского просветителя И.Алтынсарина, деятельность которого проходила в исследуемый нами период. В работах «Записка о киргизских волостных школах», «О совместном обучении русских и киргизских детей», «О состоянии образования в Тургайской области», а также в письмах Н.И.Ильминскому, В.В.Катаринскому, А.А.Мозохину автор дает сведения об особенностях создания первых школ для казахов, о деятельности учителей, предлагает планы расширения сети русско-казахских школ, приводит сведения о программах, учебниках, учебно-методических пособиях, формах и методике преподавания. На наш, взгляд эти данные дают возможность генетически проследить становление и развитие системы образования в Казахстане, а они имеют первостепенное значение при анализе и характеристике школьного строительства в Казахстане на современном этапе. Из дореволюционных работ можно отметить наиболее содержательный библиографический указатель А.Алекторова, включающий достаточно полный перечень статей по истории,

археологии, культуре и образованию казахского народа до начала XX в., вышедших в российских изданиях.

Особо хочется отметить работы, посвященные проблеме русификаторской политики царизма XIX - начала XX вв. (М.И.Анисов, А.Н.Григорьев, С.О. Чичерина, Л.Мельникова), в советской историографии (В.М.Горохов, Е.Н. Медынский, А.Ф.Эфиров), так и современными исследователями (Р.У. Амирханов, И.К.Загидуллин., Е.В.Сартикова, З.Садвакасова и др.), где рассматриваются утверждения, что до 1917 года внедрение русской культуры сопровождалось попытками русификации и принудительной христианизации неправославных «инородцев».

Оценке и анализу системы Н.И.Ильминского посвящено множество работ, в которых раскрывается идеологическая направленность правительственной политики в отношении образования нерусских народов. В ряде работ были проанализированы наследие Н.И.Ильминского, где показаны с одной стороны неоднозначность его взглядов на образование «инородцев», и с другой стороны дается оценка современными исследователями, как противоречивость в отношении его системы. С одной стороны, ряд авторов (С.В.Грачев, Б.А. Кенжетаяев, Е.Г.Осовский, С.В.Чичерина) характеризуют систему Н. И. Ильминского как прогрессивную, позволившую кардинально изменить отношение «инородцев» к просвещению и повышению уровня образования, с другой - как деструктивную, в контексте свободного развития нации (Р.У. Амирханов, В.М.Горохов, Я.Н.Ханбиков).

Вторую половину XIX - начала XX в. можно назвать этапом развития научной жизни казахского общества, так огромный вклад в этом направлении были сделаны деятелями М.-С.К.Бабажановым, К.Халиди, М.Чормановым, А. Байтурсиновым и др. Первые научные высказывания в области историко-этнографических проблем, истории культуры казахского народа, вопроса коневодства, лечебных свойств кумыса, религиозных представлений казахов, памятников истории были сделаны казахским исследователем-этнографом М.-С.К.Бабажановым. Опубликовав ряд статей он делает научные заключения в этих направлениях. Работы ученого публиковались на страницах таких газет и журналов, как «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Волга», «Деятельность», «Записки ИРГО». Его работы отличались многогранностью и научными выводами [128].

Белым пятном и забытым именем в жизни казахского народа остается имя широко образованного человека для своего времени Ш.Кудайбердыева. Он владел несколькими восточными языками, работал в библиотеке и архивах Стамбула и Парижа. Основные вопросы которые интересовали его были вопросы истории, философии, музыки, литературы и религии. Исторические взгляды Ш. Кудайбердыева наиболее полно нашли отражение в книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», увидевший свет в 1911 г. В книге систематизированы основные сведения о родах Среднего жуза, династии ханов и тюркских народов Азии. Ш.Кудайбердыев высоко ценил роль науки, знание в жизни общества и человека. Он избирался членом Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского

географического общества, совершил хадж в Мекку. Ш.Кудайбердиев поднимает вопрос о модернизации содержания мусульманской системы обучения, в основу которого легли идеи соединения веры с разумом, нуки с религией. Считая себя преемником Абая Кунанбаева, Шакарим пытается поднять в своих высказываниях проблему истины и справедливости [129].

Имя А.Байтурсынова связано именно с зарождением теоретической и методической науки в Казахстане, внесшего огромный вклад в разработку вопросов в области истории казахской культуры, науки и народного образования. Родился он в ауле № 5 Тосынской волости Тургайского уезда. В 1886-1891 гг. обучался в двухклассном русско-казахском училище, в 1891-1895 гг. - в Оренбургской учительской семинарии. Годы учебы принесли немало трудностей и материальных лишений.

Свою педагогическую деятельность А.Байтурсынов начал в аульных школах, затем продолжил в двухклассных училищах Актюбинского, Кустанайского и Каркаралинского уездов. Очень глубоко переживая невежество народа, ограниченного в социальной и культурной жизни, он всячески старался изменить ситуацию в этой области [130]. Он считал, что приобщение к образованию, науке и культуре является единственным путем развития казахского народа. За участие в составлении петиции царю каркаралинской группой казахской интеллигенции, Ахмет Байтурсынов, работавший заведующим Каркаралинского двухклассного училища, был арестован вместе со своими единомышленниками в июле 1909 г. Восемь месяцев без суда и следствия находился в Семипалатинской тюрьме. После освобождения ему разрешили проживание только за пределами Казахстана, что оценивалась как ссылка из своей страны, место для него было определено в г. Оренбурге.

Находясь с марта 1910 г. вплоть до Октябрьской революции в г. Оренбурге, Байтурсынов проводил свою научную работу, занимался вопросами реформы казахского алфавита, педагогики, методики обучения и другими вопросами устройства школьного образования. С 1913 г. А.Байтурсынов стал редактором газеты «Казах». Много печатается, поднимая проблемы просвещения, литературы, языка казахского народа, знакомит читателей с культурным наследием казахов, призывая их к овладению знаниями и духовному совершенствованию.

Газета «Казах» с июля 1917 г. становится официальным органом партии «Алаш», где освещались основные идеи и программа, которая поддерживалась значительной частью дореволюционной казахской интеллигенции. Неоднократно выступая на страницах газеты, А.Байтурсынов один из первых среди казахских мыслителей определил значение и место Абая как поэта, философа и ученого. Считая произведения Абая духовным наследием казахского народа, он призывал широко анализировать наследие и идеи «главного поэта казахского народа». Главным и решающим фактором в развитии казахского общества, его социального прогресса, считал поднятие уровня образованности и культуры народа. По мнению А.Байтурсынова, для развития школьного образования необходимы три основных условия - это,

нормальное финансирование школы; обеспечение учащихся соответствующими учебниками и учебными пособиями; подготовка высококвалифицированных учителей.

Имя А.Байтурсынова приобрело широкую известность задолго до революции. Оно олицетворяло просвещенную часть казахского общества.

Наука дооктябрьского Казахстана, хотя и достигла определенных результатов, не вошла в жизнь и быт широких слоев населения. Многие ее направления находились на стадии зарождения. На рубеже XIX-XX вв. научная мысль казахского общества испытывала тяжести колониального края, отсталых общественных отношений.

Гумар Караш (1875-1921 гг.) - один из ярких представителей просвещения казахского народа, поэт, фольклорист, общественный и религиозный деятель. Г.Караш один из первых пытался изменить старую систему на новое направление, но к сожалению не получив поддержки со стороны мусульманского духовенства эта попытка была оставлена [131].

Получив мусульманское образование сначала в местном медресе, затем получил высшее духовное образование в медресе г. Уфы Г.Караш некоторое время стремится к духовной карьере. Однако вскоре Г.Караш начинает пропагандировать просветительские идеи, выступает за реформу старого казахского мектеба. В дальнейшем он с полной отдачей сил занимается литературным трудом, сборанием и изданием памятников казахской поэзии.

Особое место в его деятельности занимает учительская деятельность в родном ауле, активно принимает участие в создании газеты «Қазақстан». На его страницах, а также в ряде других газетах «Фикер» и «Қазақ», «Дұрыстық жолы», журнал «Шура» поднимает вопросы реформирования старой мусульманской школы. Значительным событием того времени для казахского-поэта стала подготовка пяти поэтических сборников: «Бала тұлпар», «Қарлығаш», «Тумыш», «Аға тұлпар», «Тұрымтай» и три исследовательские книги: «Ойға келген пікірлерім», «Өрнек», «Бәдел қажы», которые вышли еще при его жизни. Интересен и тот факт, что Г.Караш стал участником съезда казахов Бокеевской орды в Орде в мае 1917 года, кроме этого становится участником 2-го Всеказахского съезда в Оренбурге 5-13 декабря 1917 года, также избирается делегатом I съезда учителей Бокеевской губиспоком 24 сентября 1918 года.

Изучение образовательной и воспитательной деятельности русско-казахских школ различных типов привлекла внимание дореволюционных и советских ученых-историков и педагогов России. Проблемой развития экономики, культуры, просвещения в Казахстане в советский период из российских ученых исследовали Г.К.Ульянов, А.И.Пискунов, Э.Д.Днепров, М.П.Авшарова и др. Наиболее полное библиографическое указание вышло под редакцией А.И.Пискунова и Э.Д.Днепров. В указателе А.И.Пискунова дается библиография по истории дореволюционной и советской школы, педагогической мысли, а также по вопросам народного образования в СССР и за рубежом. В библиографическом указателе Э.Д.Днепров по истории школы и педагогической мысли в дореволюционной России охватывает огромный

период с 1918 по 1977 гг. и включает в себе более 10 тысяч книг, статей и диссертаций.

В ряде диссертационных работ рассматриваются отдельные аспекты развития народного образования в Казахстане в XIX - начале XX вв. С точки зрения исторической науки и создания общей картины развития школьной системы образования, предшествующего периода можно выделить в числе историографических исследований диссертацию А.Н.Мячина. В работе поднимаются вопросы историографии и методологии современной педагогической науки. Наибольший акцент делается автором на факторы формирования советской школы, занимавшейся воспитанием молодежи. Анализ научно-теоретической литературы позволяет показать генезис развития системы образования, как одного из источника просвещения казахского народа. Региональный аспект изучения особенностей образования можно найти в работе М.Г.Ескендинова «Восток Казахстан: на стыке столетий (вторая половина XIX - начало XXI вв.)». В основном, в работе ученого раскрываются проблемы социально-экономического развития Восточного Казахстана, безусловно, одним из направлений в исследовании автор уделит и школьному образованию [132].

Несомненный пробел в исследовании школьного образования XIX - начала XX вв. восполнили работы А.С.Байболсыновой «Патшалық Ресейдің XVIII XIX ғасырлардағы Қазақстанды рухани мәдени отарлау саясатының негізгі бағыттары мен көріністері кіші жүз мәліметтері бойынша», где дается анализ миссионерской деятельности Н.А.Бобровникова, Н.И.Ильминского, А.Е.Алекторова и др., и политике просвещения казахского народа [133].

Обзор последних исследований, которые в той или иной степени касаются темы нашего исследования, позволяет сделать вывод о том, что проблема мусульманского и светского образования в рассматриваемый период изучалась в контексте политического, экономического и социокультурного развития. Так, А.М.Нургалиевой, А.С.Тасмаганбетовым рассматриваются некоторые аспекты, касающиеся мусульманского образования.

С точки зрения истории образования, наиболее ценным является выработка, на основе историко-архивных, научно-методологических, методических материалов, новых подходов к оценке, истинного значения системы просвещения в историческом процессе. На наш взгляд, сегодня определены не только внешние признаки построения системности образования, но и особенности той социокультурной реальности, зависящие от истории развития общества. История культурного развития казахского общества как бы заново открывается, происходит ее осмысление с позиций нового исторического мышления. Важно, не бросаясь из крайности в крайность, оценить истинное содержание и ценность культурного багажа, накопленного за время 70-летней истории социализма, в частности, благодаря системе школьного образования можно сделать объективно-исторический анализ одной из актуальнейших задач исторических исследований.

Обогащение и накопление историографической информации основывается на определенном источниковом комплексе. Анализ

историографии XIX и начала XX вв. невозможен без опоры на различные виды источников, в своем исследовании мы опираемся на опубликованные и неопубликованные источники. Опубликованные источники, как законодательные акты императоров, распоряжения и постановления Синода, статистические сведения, данные ревизий позволили рассмотреть генезис развития проблемы образования и просвещения казахского народа. Нами также были использованы Своды законов Российской империи (СЗРИ), скрупулезно собранные статистические материалы дали возможность определить место различных регионов Казахстана в общей системе развития империи, сборник законодательства, составленный И.И. Крафтом, сборники документов и материалов: Казахско-русские отношения в XVIII - XIX вв. (1771-1867 гг.), «Материалы по истории Казахской ССР», «Материалы по истории политического строя Казахстана».

Материалы архивов являются основной базой для любого исторического исследования. Документы фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан оказали неоценимую помощь и в освещении вопросов о педагогических кадрах, о влиянии религиозного образования на школьное строительство, развитии системы образования в Букеевском ханстве, Туркестанском крае. В диссертации были использованы неопубликованные источники из фондов центральных и региональных архивов Казахстана, а также Российской Федерации и Республики Узбекистан: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственный архив Западно-Казахстанской области (ГАЗКО), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО); Государственный архив Астраханской области (ГАОО).

При этом нужно иметь в виду, что такой архивный материал, как справки, отчеты отличаются описательностью. В них, как правило, отсутствует глубокий анализ содержащейся информации. Статистические данные позволили определить динамику развития школьной сети, количественных показателей грамотности и образованности. Цифровые показатели извлекались из периодических изданий, областных органов по статистике, а также из тематических сборников по разным направлениям культурного развития Казахстана.

Основные документы по некоторым направлениям истории казахского народа сосредоточены в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах хранятся материалы Пограничной комиссии за 1799 - 1868 годы, переданные в советский период из Государственного архива Оренбургской области. В ЦГА РК хранятся отчеты Пограничной комиссии и Областного Правления оренбургскими казахами о народонаселении, о податях, собираемых с казахов, о развитии с ними торговли, о потребности в образованных людях, знающих казахский язык, культуру и народные традиции, необходимость открытия учебных заведений для казахов (Ф. 4 «Оренбургская

пограничная комиссия - Областное правление оренбургскими киргизами (1794-1868)»); материалы по Тургайскому областному правлению, о взаимоотношениях между линейными жителями и казахами (Ф. 25 «Тургайское областное правление»); документы Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой (Ф. 78 «Временный Совет по управлению Внутренней Казахской Ордой министерства внутренних дел. Ханская ставка при Нарын-песках»), исторические сведения о развитии системы образования в Казахстане и западном регионе были проанализированы на основе фондов: Ф. 507 «Оренбургский учебный округ», Ф. 27 «Директор народных училищ Тургайской области», Ф. 676 «Оренбургский учительский институт. Оренбургский учебный округ», Ф. 713 «Уральская учительская семинария. Оренбургский учебный округ 1913-1920 гг.», Ф. 95 «Оренбургская казахская учительская школа. Оренбургский учебный округ», сведения о торговле с Казахской Степью, о таможенных сборах и пошлинах (Ф. 267; 478).

Обширный архивный материал по Казахстану дореволюционного периода сосредоточено в РГИА – это документы по Оренбургскому, Западно-Сибирскому, Астраханскому учебным округам и Туркестанскому краю, так же имеются документы по областям Казахстана: Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской областей (Ф. 733 «Департамента народного просвещения», Ф. 741 «Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения», Ф. 1263 «Комитет министров», Ф. 1287 «Хозяйственного департамента МВД»).

Фонд 733 «Департамента народного просвещения» содержит обширный материал по различным направлениям, так, в отдельных делах можно встретить документы об учреждении и открытии школ в различных регионах; об утверждении Устава учебных заведений, в том числе и общества попечения о начальном образовании в областях Казахстана; сведения о школьной сети в уездах. Значительное место в фонде предствалют отчеты губернаторов, попечителей, инспекторов народных училищ, также в фонде представлены сведения об учреждении стипендий.

Существенные сведения по теме исследования содержатся в фонде 741 «Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения»: об открытии, преобразовании и деятельности средних и низших технических училищ; ремесленных училищ и школ; ремесленных классов и отделений при общеобразовательных учебных заведениях; ремесленных отделений, классов и курсов для взрослых; организация содержания образования и обеспечение оборудованием мастерских; отчеты попечителей о работе мастерских; устройство сельскохозяйственных школ при русско-киргизских училищах.

Об участии учебных заведений в съездах и выставках по профессиональному и техническому образованию; о деятельности женских учебных заведений; строительных и ремонтных работах в их зданиях содержатся в архивных источниках фонда 759.

Значительное место в анализе архивных материалов принадлежит фонду 1263 «Комитета министров», в нем содержатся сведения об открытии средних, начальных и специальных учебных заведений; ограничении числа

поступающих в учебные заведения (1884 г.); о приеме слушательниц в женские курсы (1882 г.); отчеты генерал-губернаторов.

Важность фонда 1287 «Хозяйственного департамента МВД» для нашего исследования заключается в том, что в нем находятся сведения о финансировании учебных заведений в областях Казахстана, о выделении стипендий для учащихся.

Представляют интерес и источники, сохранившиеся в фондах РГАДА - это документы царских канцелярий: указы о развитии торговли с казахами, распоряжения императоров, донесения чиновников (Ф. 10); доклады губернаторов и других должностных лиц императорам, в частности, письма оренбургского губернатора И.И. Неплюева о торговле с казахами, избрании в султаны Ерали хана и т.д. (Ф. 16), отчеты губернаторов о состоянии губерний, преобразования управления Внутренней киргизской ордой (Ф. 102, 322 1880-1917 гг. - Департамент полиции Министерства внутренних Дел). Оригиналы документов по истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса - первого светского учебного заведения, в котором обучались казахи, находятся в РГВИА. В фонде 1754 отложились материалы о зачислении в корпус детей казахской знати и чиновников, списки воспитанников, их успеваемость, отчеты с места службы после окончания кадетского корпуса, для нашего исследования большой интерес представляет фонд 330 «Главное управление казачьих войск (1770-1917 гг.)», уральское казачество сыграло значительную роль в политической и социальной жизни казахского народа, вследствие чего, значимость материала, как статистического, так и содержательного плана, явилось одним из важных объектов для понимания сути процессов в становления и развития системы образования в западном Казахстане.

Сведения о положении мусульманского населения, мусульманских школ, развития светской системы образования по Сыр-Дарьинской, Семиреченской областям, канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства находятся в фондах 1, 19, 47 ЦГА РУ.

Наибольшее количество документов по Уральской и Тургайской областей находятся в фондах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), что является закономерным явлением, так как Оренбург был первым административным центром по управлению зауральскими казахами на протяжении длительного времени (почти двух столетий). ГАОО - настоящий клад для исследования истории казахского народа и в частности развития системы образования. Во многих фондах можно найти дела в той или иной степени, касающиеся жизнедеятельности казахов. Значительное количество дел, в которых сосредоточены все документы, проходившие через канцелярию Оренбургской экспедиции, Пограничной комиссии, губернаторов, содержится в фондах 1; 2; 6 («Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора»); 11 («Оренбургское губернское правление (1829-1918)»); 222 («Оренбургская пограничная комиссия»).

В архивных фондах находятся дела с указами императоров, Сената, государственных коллегий (Ф. 1; 2); об обеспечении безопасного следования в Оренбург для меновой торговли, о разрешении на кочевку на российской

стороне, переходе на оседлость, размерах кибиточного и билетного сбора, также отчеты Оренбургской Пограничной комиссии и Областного Правления по управлению казахами (Ф. 6; 10; 222); о поощрении перехода казахов к оседлости, христианизации казахской бедноты, краже лошадей и т.д. (Ф. 11); о развитии образования и просвещения казахского населения, сведения о пожертвованиях казахов на устройство учебных заведений, библиотек, о развитии женского образования (Ф. 12); материалы о профессиональной подготовке казахов встречаются в фондах (Ф. 264 «Оренбургская татарская учительская школа Оренбургского учебного округа 1872-1890»; материалы, связанные с христианизацией казахов и миссионерской деятельностью, направленной в Казахскую Степь, более подробно отражены в фондах 172, 174, 175.

В Государственном архиве Астанской области (ГААО) сосредоточены материалы по Внутренней орде, это различные инструкции и решения по управлению местной администрации народного образования, и развитию сети школ (Ф. 495 Временный Совет по управлению Внутренней Киргизской ордой (1849-1899 гг.), Ф. 1115 Временный Совет по управлению Внутренней Киргизской ордой (1876-1916 гг.).

Значение всех этих документов состоит в том, что они не только способствуют изучению определенных сведений о состоянии школьного образования, но и обобщают, дают итоговые сведения об учебных заведениях и позволяют составить целостную картину школьного образования XIX и начале XX вв. в Казахстане. Таким образом, фондовые материалы архивов позволили значительно прояснить суть всем историческим процессам, которые происходили в период интеграции Казахстана в составе России в XIX в. Только в 90-е гг. XX в. стало возможным исследовать некоторые фонды дореволюционного периода, многие из них до сих пор не введены в научный оборот.

Не маловажное значение в оформлении работы сыграли обзоры по Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Семиреченской областей, за 1900-1915 гг., периодические издания конца XIX - нач. XX вв. такие, как журнал «Айкап» (1911-1915 гг.), «Казах».

В контексте изложенного уместно сказать о том, что в наши дни отсутствуют специальные историографические работы, посвященные анализу трудов просветителей, исследователей школьного образования в Казахстане на рубеже XIX - и начало XX вв. Большой потенциал кроется в исследованиях, охватывающих широкий спектр проблем в разных плоскостях исторической науки связанных с развитием системы народного образования. Все рассуждения о новизне научных подходов не осуществляются на практике без широкого использования результатов научного анализа исторического прошлого. История и историография школьного образования отказываются от простого суммирования фактов, демонстрируя цивилизационный подход, освобожденный от каких-либо классовых, партийных, идеологических установок. Научно-историческое осмысление истории школьного образования

в Казахстане должно способствовать пониманию современных проблем в этой сфере и помочь в становлении и развитии независимого государства.

Возникновение системы образования в целом на территории Казахстана, и в частности в отдельных его регионах в дореволюционной литературе слабо освещено. Многие научные исследования посвящены социально-экономическому, политическому развитию различных регионов Казахстана. Безусловно, эти исследования в той или иной степени затрагивают некоторые аспекты просвещения казахского народа. Следовательно, мы в своей работе раскрываем проблемы возникновения и особенности развития системы школьного образования в различных регионах Казахстана, имеющие свои закономерные особенности становления, а также исторические условия их зарождения.

Таким образом, сегодня необходимо более тщательное, научно аргументированное изучение и разработка методов исторического исследования, точнее, принципов соотношения ортодоксальности и научной объективности. Одним из первых шагов на этом пути может быть обсуждение проблем системного анализа, наиболее актуального не только для исторических, но и для философских, социальных наук.

Итак, с момента колонизации Казахстана сформировано немало исторических трудов, отражающих данный процесс в соответствии с определенным концептуальным подходом и взглядом на историческое событие. Исследования дореволюционных работ советскими историками рассматривалось как описание и признание поступательного и закономерного хода истории, основанных на фактологических материалах, описании времени и событий.

Есть точка зрения о том, что со второй половины 80-х гг. XX в. в связи с началом «перестроечных процессов» среди историков утвердилось мнение о том, что выход из кризиса исторической науки заключается в изучении дореволюционной историографии. На наш взгляд, сегодня, когда расширились границы исследования, возможности интеграции наук нет оснований характеризовать состояние казахстанской историографии, как «кризисное» явление. По нашему мнению, на самом деле развитие исторической мысли идет в своей прогрессии. Однако, многие современные исследователи относятся к наследию дореволюционных авторов некритически, без учета того, что историческая наука с того времени продвинулась далеко вперед. Устоялось мнение о том, что сегодня исследователи всего лишь занимаются реанимацией устаревших концепций.

Итак, анализ источниковедения показывает, что по развитию системы образования в Казахстане собран значительный фактический материал. В этих источниках рассматриваются различные аспекты жизни казахского народа. Многие ученые в своих исследованиях поднимают вопросы, характеризующие различные стороны политической, экономической и социокультурной жизни казахского народа. Предметами исследования были проблемы миссионерской деятельности Н.И.Ильминского, А.Е.Алекторова, деятельность казахских

просветителей, появления первых светских школ, вопросы открытия русско-казахских школ, административное реформирование в Казахстане.

В нашем исследовании мы попытались обобщить и систематизировать сами исторические источники, которые на наш взгляд позволят наиболее глубже и шире изучать поставленные проблемы в области исторических и других наук, пользующихся различными видами источников.

2 НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

2.1 Системный анализ исторических документов XIX в. об организации школьного образования в Казахстане

В данном подразделе мы пытаемся проанализировать основные нормативно-правовые документы относящиеся как школьному образованию, так и административным изменениям, так как считаем что эти два процесса неразрывно связаны между собой. Также представляем в (Приложении А) перечень документов и проведенных реформ при деятельности министров народного просвещения в исследуемый период.

В начале XIX в. царское правительство, добившись значительных успехов в своей политике, направленной на изживание старых патриархальных форм управления Казахстаном, приступил к реализации своей политики по ликвидации ханской власти, феодально-родовых съездов, к созданию новых форм управления, превращая все глубже его в колонию России. Можно сказать, что именно этот период связан с активной деятельностью царского правительства в Казахстане по превращению его в сырьевой придаток Российской империи. Все более нарастающая потребность в дешевом сырье и рынке сбыта вынуждало к вступлению в определенные отношения Российских промышленников, и собственно, саму царскую администрацию. Следующее, что привлекало царское правительство, было в том, что территория Казахстана была удобным транзитным путем между империей и Средней Азией. Торговый обмен, который происходил между казахским и русским народами требовал от царского правительства и соответствующего изменения в методах и системе управления в Казахстане. Первые реорганизации по управлению в Казахстане произошли в Старшем жузе, и связаны они были с разработкой «Устава о Сибирских киргизах». Одним из руководителей по составлению его основных положений был выдающийся государственный деятель России, человек либеральных взглядов М.М.Сперанский, который до этого за свой смелый проект государственного преобразования Российской империи попал в немилость и был отправлен в ссылку.

К концу второго десятилетия XIX века царское правительство опасаясь ухудшения дел, которое могло повлиять на экономику страны, решило произвести ревизию управления, поручив ее М.М.Сперанскому [134].

По окончании ревизионной работы был подготовлен ряд материалов по административной реформе в Казахстане, которые были отражены в следующих документах: «Устав о Сибирских киргизах», «Устав о Сибирских инородцах» и так далее. Процесс утверждения и реализация проектов реформ протекал достаточно долго и сложно. Подготовленные к февралю 1821 г. проекты, только 22 июня 1822 года были утверждены в качестве законодательного акта. С того времени и почти до середины 60-х годов XIX в. с некоторыми дополнениями «Устав о Сибирских киргизах» являлся главным законом, на основании которого управлялись казахи Сибирского ведомства. В основу данного документа легли 10 законов, которые являлись ядром

содержания положений и регулирования жизнедеятельности казахов: «Учреждения для сибирских губерний», «Устав об управлении «инородцами», «Устав об управлении «киргиз-кайсаками», «Устав об этапах», «Положения о земельных повинностях», «Положения о хлебных запасах, долговых обязательствах между крестьянами и «инородцами». Так, упразднив ханское управление, царское правительство, опираясь на «Устав о сибирских казахах», вводит новую форму правления. По нему казахи, проживающие в Юго-Западной Сибири, были причислены к «сословию кочевых инородцев» и должны были выполнять все повинности. Новый Устав и административно-территориальное деление лишили возможности казахскому народу свободного передвижения и пользования земельными угодьями по своему традиционному укладу. Это означало, что в новом документе были определены границы и административная структура: округ (от 15 до 20 волостей), волость (от 10 до 12 аулов), аул (от 50 до 70 кибиток). И по новому Уставу, казахские аулы могли кочевать только в пределах своего округа, это, безусловно, лишало возможность использовать в хозяйстве плодородные пастбища [135].

Для нашего исследования также особое место занимает реформа 1824 г. По проекту реформы 1824 г. произошла ликвидация ханской власти в Младшем жузе. Содержание султанов-правителей царской администрацией «определялось 100 руб. в месяц и по 60 четвертей ржаной муки в год каждому».

В отличие от Среднего жуза, где устав 1822 года проводился в жизнь постепенно, реформа 1824 года в Младшем жузе стала проводиться без особой подготовки, так как Азиатский комитет Министерства Иностранных Дел полагал, что «по неустройствам, в орде происходящим и по совершенному безналичию, ныне в одном существующему ... разделение орды и определение частных правителей комитет признает крайне нужным и настоятельным, не ожидая решительного утверждения общего образования ... вследствие чего ... ныне же положить начало введению устройства ...» [136]. Новый порядок управления Младшего жуза в казахских землях Оренбургского ведомства получил свое утверждение в законодательном документе «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» [136, с. 27].

Особое место во «Мнении» занимала система пограничного управления, общее положение же Оренбургской губернии практически не затрагивалось. Особенность Пограничного управления западного региона заключалось в преимуществе управления, основанные на трех звеньях: высшее, линейное и степное. Высшим звеном управления являлась сама Пограничная комиссия или ее официально в документах называли Оренбургским азиатским управлением. Основная задача комиссии заключалась в осуществлении надзора над казахами, она была наделена исполнительной и судебной властью. Линейное управление возникло в результате захвата казаками земельных угодий и прибрежных районов Урала.

Еще в XVIII в. в результате проведения ряда мероприятий Н.И.Неплюевым были созданы первые военные окружения вокруг казахских кочевий. Первые линии: Уйская линия, смыкавшаяся с Сибирской линией,

Новоилецкая линия (1811 г.), Новоузенская и Камыш-Самарская линии. Создание всех этих укреплений, безусловно, препятствовало казахам ведению традиционного хозяйства, также Илецкий форпост, созданный для охраны Илецкой соли, отрезал огромную территорию в 700 000 десятин, являющиеся кочевьями рода Табын и Тама.

Итак, на основе «Положения об управлении Оренбургским краем» была ликвидирована ханская власть Младшего жуза, произошло разделение территории жуза на три части: западную, среднюю и восточную, чуть позже было заложено образование дистанций.

Следующий указ, который более углубил влияния царского правительства на территории западного Казахстана был издан 5 февраля 1837 года, который содержал следующее «...киргизов внутренней орды, под начальством хана Джангира Букеева состояниях и заведованием оренбургским Военным губернатором сопричислить к управлению Министерства Государственных имуществ» [137].

Для управления Оренбургскими казаками и казаками Внутренней Орды 14 июня 1844 года было издано новое положение, которое было поручено вести в действие на пять лет. Внутренняя Орда была оставлена в зависимость от Оренбургской Пограничной комиссии еще на один год со времени введения в действия нового положения. Согласно этому положению, управление Оренбургскими казаками находилось под главным заведованием Министерства Иностранных дел и под непосредственным начальством оренбургского военного Губернатора, которое состояло из оренбургской пограничной комиссии и из органов, действовавших в степи: 3 султанов повителей, 75 дистанционных начальников и неопределенного числа начальников аулов [138].

Пограничная комиссия состояла из председателя, товарища председателя, четырех советников, четырех заседателей из казахов и канцелярии по штату. При комиссии так же состояли врачи, ветеринарный лекарь с помощником, один фельдшер с десятью учениками начальства. При султанах правителях назначение получали по одному фельдшеру из казахов. Для заступничества за киргизов, которые находились при линии, по делам их с линейными жителями, назначались 6 попечителей из русских чиновников, преимущественно из отставных военных.

При Оренбургской Пограничной комиссии в 1844 г. была учреждена школа на тридцать воспитанников из казахов. Одной из задач этой школы, кроме распространения между казаками знания русского языка и некоторой грамотности, была подготовка способных людей на должность письмоводителей при султанах - правителях и дистанционных начальников по пограничному управлению, а также к выполнению других должностей, на которые назначались исключительно из казахов.

При Оренбургской Пограничной комиссии в 1845 году на два года было учреждено Временное отделение. В функции этого отделения было предусмотрено рассмотрение и решение накопившихся до 1840 года старых незаконченных дел. Состав комиссии состоял из начальника отделения, двух помощников начальника, помощник- протоколист и шесть писцов. Основанием

для учреждения подобного отделения явилось «Высочайшее утвержденное положение об учреждении Временного Отделения при Оренбургской пограничной комиссии» от 5-го июня 1845 года [139].

Необходимо заметить, что учреждение новых аппаратов, отделений, а также суммы на их содержание собирались с народа. В 1846 году 21 января вышло следующее постановление Министерства Юстиции о сохранении управления во Внутренней орде Оренбургским генерал-губернаторством и Оренбургской Пограничной комиссией на существовавших основаниях. Данное постановление было обнародовано за истечением назначенного срока от 14 июля 1844 г. положение, согласно которому Внутренняя орда была оставлена в зависимость от Оренбургской пограничной комиссии еще на 1 год.

Заселение территории Казахстана происходило постоянно, и выражалось в различной форме, так 5 марта 1855 г. было утверждено положение комитета министров о проведении новой линии по границе Оренбургской губернии с киргизской степью. В положении говорилось, что часть Оренбургской линии, на пространстве между крепостями Орскою и Троицкою, необходимо было перенести далее в киргизскую степь и все пространство между старой и новой линиями заселить на следующих основаниях:

1) Поселяне новой линии должны быть вместе с тем и защитниками ее, и поэтому новую линию следует заселить исключительно казаками, не допуская к водворению на ней людей других сословий.

2) Заселение новой линии произвести постепенно, переводом на ее части жителей из мало удобных мест существующей линии, а равно из внутренних малоземельных станиц.

3) Казакам Оренбургским, предполагаемым к переводу на новую линию следует отвести 15-ти верстную полосу вдоль новой линии.

4) Эта полоса будет собственностью Оренбургского казачьего войска.

5) Землю, остающуюся затем между новою и старою линиями, объявить собственностью казны, вводя, однако ее на первый случай в состав Оренбургской губернии, но оставив в распоряжение пограничной комиссии [140].

Принятое от 30 апреля 1851 г. следующее Положение продолжило действие «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г., до принятия нового положения жизнедеятельность казахов регулировалось данным Положением. Таким образом, принимаемые Положения в основном были в интересах царского правительства, захват наиболее плодородных земель кочевий казахов, в основном, регулировался именно теми документами, которые были приняты в середине XIX в.

В 1859 году Малая орда была переименована (Степь зауральских киргизов) была названа Областью Оренбургских киргизов. Вместе с тем пограничная комиссия была переименована в Областное Правление Оренбургскими киргизами. Порядок же делопроизводства в Правлении сохранялся на прежнем основании, то есть такой же, как и при Пограничной комиссии. Председатель Пограничной комиссии был переименован в Управляющего областью Оренбургских киргизов, а его товарищ в помощники управляющего. Права и

обязанности председателя пограничной комиссии, а затем Управляющего областью были весьма неопределенными, что в последствии приводило к многочисленным ошибкам и злоупотреблениям в его деятельности. Имея огромную власть, он следил за сохранением благоустройства и тишины между казахами, наблюдал за законностью действий лиц местной степной администрации, следил за делопроизводством, контролировал работу попечителей из русских чиновников, отправляя гражданское и уголовное судопроизводство. Чиновники пограничной комиссии допускали огромные злоупотребления по должностям, и, в основном, занимались умножением своего личного достояния за счет простого народа.

К главным обязанностям султанов-правителей относились «надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и верности ... и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссиею». Они, султаны-правители обладали административными, политическими, иногда, даже и судебными функциями. С начала весны, они, начинали объезжать подведомственные им территории. Все дела, накопившиеся за зиму, султан-правитель пытался разрешить именно в весенний и летний период. Для этого он привлекал аульных и дистанчных начальников. Зимой султаны-правители обычно жили в своих ставках при линии, выполняя практически возложенные на него функции. Вследствие этого у него накапливалось огромное количество нерешенных дел.

Султаны-правители назначали дистанчных и аульных начальников, что после утверждалось Пограничной комиссией. Дистанчные начальники практически были ни чем иным, как послужным оружием в указе султана-правителя, потому что находились в полной от них зависимости. Деятельность дистанчных начальников, по существу, сводилась к выполнению воли султанов правителей, то есть непосредственных начальников. То же самое можно сказать и о деятельности аульных начальников по отношению к дистанчным начальникам.

Кроме этого существовал институт попечительства. О назначении попечителей было сказано выше. Функции попечителей сводились в основном к полицейским, они разрешали споры, возникавшие у казаков с населением соседних губерний.

Введение института попечительства из русских чиновников явилось первым шагом российской администрации по ограничению власти султанов-правителей и замене так называемого среднего звания управления чиновниками русского происхождения. Вся система управления казахами Оренбургского ведомства представляла собой аппарат, при помощи которого царизм проводил колониальную политику в Младшем жузе. Характерными чертами этого управления являлись бюрократизация и огромная централизация власти, отсутствие выборного принципа, присвоение судебных функций биев султанами-правителями, дистанчным начальниками.

Положение об управлении Оренбургскими казахами отличалось своей слабой разработанностью, неопределенностью прав и обязанностей административных звеньев.

Нараставшее освободительное движение и крымская война заставили Александра II и его правительство отказаться от полного сохранения старого строя и стать на путь проведения буржуазных реформ «сверху», чтобы предупредить проведение их «снизу». Проведение царским правительством административных реформ в первой половине XIX в. не завершились преобразованиями в Казахстане. К середине XIX в. наметился ряд школьных реформ. Подготовка школьных реформ началась в 1856 г., и только в 1864 г. было утверждено положение о начальных народных училищах и устав гимназий и прогимназий. С 1856 по 1864 гг., ученым комитетом было разработано четыре проекта устава средних учебных заведений. Два из них – проект устава низших и средних училищ (1860 г.) и проект устава общеобразовательных учебных заведений (1862 г.) – подверглись широкому обсуждению в кругах педагогической общественности России [141].

Все изменения, которые предполагались произвести в системе образования, касались, безусловно, школ России. В основных школьных реформах XIX в. практически не затрагивались проблемы школ Казахстана и Средней Азии. Все реорганизации системы школьного образования в Казахстане происходили на основании положений, которые разрабатывались и принимались в Министерстве народного просвещения в целом для российских школ и на окраинах империи. Только в некоторых случаях рассматривались и принимались в различных ведомствах специальные инструкции по иностранным школам. В целом, школы России в XIX в. находились не в лучшем положении, по сравнению с европейскими, в связи с чем, после тщательных инспекций, изучения опыта в Европе педагогическая общественность приходит к выводу о том, что в подготовке специалистов для развивающей промышленности, развитии социально-культурного уровня необходимо поднятие уровня школьного образования. Мы, в своем исследовании хотим остановиться на вопросах, которые решались в Министерстве народного просвещения, касающиеся народного образования вообще, и в частности Казахстана.

С самого начала работ по подготовке школьных реформ обнаружились расхождения между намерениями правительства и требованиями более или менее прогрессивных кругов педагогической и научной общественности России. Правительство имело в виду ограничиться лишь частичными изменениями и поправками в системе среднего образования. Общественность же требовала более радикального изменения средней школы. Главное, на чем настаивали представители прогрессивной части общества, было следующее: общечеловеческий характер образования, бессловность школы, устранение административного произвола в управлении школами, расширение прав педагогических коллективов, улучшение подготовки педагогических кадров и повышение материальной обеспеченности их, применение передовых педагогических путей и средств обучения (наглядность, лабораторные занятия, упражнения, литературные сочинения учащихся и пр.), запрещение розг и др. Эти проблемы в организации школьной системы, безусловно, касались и школ

Казахстана, так как все вопросы, которые поднимало правительство России, были и в организации образования в нашем государстве.

В ходе обсуждения проектов возникла дискуссия по вопросу о том, какое направление должно иметь средняя общеобразовательная школа по содержанию учебного курса, классическая или реальная. В этой дискуссии столкнулись разнообразные точки зрения, отражавшие различные классовые идеологии. Часть педагогов, отражавшая взгляды и настроения реакционных кругов общества, защищала как единственно достойную, политически надежную и педагогически рациональную общеобразовательную школу, - классическую гимназию. Она утверждала, что только классическая гимназия (и прогимназия), отводя в учебном плане ведущее место древним классическим языкам, этому главному орудию умственной гимнастики, способна предупредить распространение среди молодежи материалистических воззрений и обеспечить учащимся достаточное умственное развитие, необходимое для дальнейших самостоятельных занятий в различных областях знаний. Она категорически возражала против реальной школы.

Противоположной точки зрения придерживались представители педагогической общественности, видевшие в капиталистическом пути развития России основную задачу времени и отрицавшие все то, что прямо и непосредственно не содействовало решению этой задачи. Отрицая надобность в классических школах, они всячески тормозили решение данного вопроса. По их мнению, реальная школа, в основе которой лежало изучение естественнонаучных знаний, родного языка соответствует современным потребностям жизни.

В 1887 году в Государственном Совете был рассмотрен проект Министерства народного просвещения о преобразовании реальных училищ. Многие члены Совета были не согласны с предложением Министерства в вопросе о сроке обучения в реальных училищах. Члены Совета предлагали семилетний общеобразовательный курс обучения в реальных училищах и основной целью - подготовку учеников к поступлению в высшие технические учебные заведения. Указом императора были упразднены технические отделения при низших и средних технических училищах, и сохранены 6 классов для общего образования, а 7 дополнительный класс для подготовки к высшим техническим училищам. Указом императора 9 июня изменяют Устав реальных училищ, готовят новый учебный план, в основе которого лежало устранение несоразмерности распределения учебного материала по классам.

В этот же период проводят изменение устава программ классических гимназий. Для этой цели при Министерстве народного просвещения создается комиссия, под председательством бывшего Министра народного просвещения, Князя Волконского, в состав комиссии входят специалисты по предметам и опытные работники знакомые с работой гимназии. Комиссия вырабатывает перечень изучаемых предметов, который утверждается императором 13 июня 1890 года, составляется новый учебный план и программы предметов.

Для содержания гимназий и прогимназий по округам была определена смета расходов.

Таблица 1- Смета расходов в гимназиях и прогимназиях по учебным округам

	Учебные округа	в 1881 году		в 1894 году	
		гимназ	прогимназ	гимназ ии	прогимназ ии
		Рубли			
	С.-Петербургский	58.448	31.339	70.493	33.927
	Московский	54.040	19.070	73.994	29.237
	Казанский	49.348	17.756	48.253	15.687
	Оренбургский	47.895	17.199	61.369	-
	Харьковский	46.794	19.069	52.592	23.354
	Одесский	52.863	21.591	54.629	26.232
	Киевский	54.260	20.680	57.212	25.484
	Виленский	59.623	28.823	62.652	36.525
	Варшавский	33.023	14.128	57.085	26.840
0	Рижский	35.555	-	42.960	26.046
1	Кавказский	-	-	75.312	23.427
2	Западно-Сибирский	37.135	-	47.762	5.414
3	Восточная Сибирь	52.314	28.862	52.565	26.470
4	Приамурский край	-	-	42.502	25.495
5	Туркестанский край	50.006	-	54.286	-
	В среднем по Империи	48.414	20.890	59.846	26.806

Из таблицы 1 видно, что регионы получали разную финансовую поддержку, так Казахстан, входя в Оренбургский, Западно-Сибирский учебные округа и Туркестанский край не имел в достаточном количестве учебных заведений для образования детей. Все области Казахстана, входя в учебные округа, лишались независимого финансирования [142]. Практически все учебные заведения Казахстана были на содержании частных лиц. Плата за учение в гимназиях и прогимназиях была неодинакова не только по учебным округам, но даже и в учебных заведениях одного и того же округа. Размер платы устанавливался Министерством народного просвещения с учетом местных условий и потребностями каждого заведения, причем в прогимназиях плата была ниже, чем в гимназиях. В отчете по Управлению учебными округами дается подробный статистический анализ развития сети учебных заведений по всем учебным округам. Так, из отчета видно, что в городе Уральске только в конце XIX в. появляются гимназии и прогимназии: Уральская мужская гимназия (с 1 по 3 классы) директор И.Ф.Макаренков, Уральская женская гимназия (классы: приготовительные, основная I – VIII и

парал. I - VII), попечительница Мария Петровна Дубасова, председатель попечительского совета П.А.Иванаев; Уральская женская прогимназия (классы: приготовительный и I), попечительница Мария Петровна Дубасова. В Уральской мужской гимназии кроме русского языка изучали так же немецкий и французские языки. В женской гимназии большое внимание уделяли предметам рукоделия, и языкам: русскому, немецкому и французскому. По Тургайской области открывается Кустанайская Александрийская женская гимназия (основных I – VIII класса), почетным попечителем назначается жена купца М.А.Яушева [143].

Таблица 2 - Содержание школ

№	Учебные округа	1881 год		1894 год	
		Рубли			
1	С.-Петербургский	от 16 до 60		от 16 до 70	
2	Московский	15	50	25	75
3	Казанский	26	36	40	50
4	Оренбургский	15	40	40	50
5	Харьковский	12	45	25	60
6	Одесский	25	60	30	70
7	Киевский	5	25	40	60
8	Виленский	15	40	40	70
9	Варшавский	10	30	20	30
10	Рижский	30	100	32	60
11	Кавказский	-		15	35
12	Западно-Сибирский	15	20	40	
13	Восточная Сибирь	16	40	40	
14	Приамурский край	-		25	
15	Туркестанский край	30	40	40	

Из таблицы 2 видно, что четких данных по содержанию школ Казахстана нет, так школы входя в состав Оренбургского, Западно-Сибирского учебного округов и Туркестанского края были в большинстве случаев лишены государственной поддержки. Это, безусловно, сказалось и на открытии светских учебных заведений в регионах Казахстана. Как уже ранее говорилось, в такой ситуации влияние мусульманского духовенства усиливалось, особенно это сильно проявлялось в Туркестанском крае. Там количество мактабов и медресе было значительно больше, чем светские учебные заведения. Наиболее значительная часть суммы, поступавших для содержания учебных заведений, это около 63% выделялось на вознаграждение учебно-воспитательного персонала.

В 1894 году повсеместно был проведен ряд педагогических советов, заседаний классных комиссий, предметных комиссий, хозяйственных комитетов по округам, на которых в основном обсуждались вопросы об успеваемости, внимании, прилежании и поведения учащихся за каждую

четверть, перевода в высшие классы, выдача аттестата зрелости, присуждение наград за отличные успехи и поведение, освобождение от оплаты за обучение детей бедняков и отлично успевающих в учении, изыскание средств помощи нуждающимся детям, распределение пособий между ними. Кроме этих вопросов на педагогических советах обсуждались проблемы учебно-методического плана, такие как принятие мер для поднятия уровня знаний и исправления поведения учащихся.

В задачу классных комиссий входили вопросы методического и воспитательного плана. Так, на комиссиях рассматривались проблемы, какие полезные сведения необходимы, давать ученикам, каким образом они могут усваивать эти сведения, могут ли они способствовать умственному развитию. Комиссия равномерно распределяла занятия, следила за тем, чтобы ученики не были обременены домашними работами.

Нововведением в этот период в организации учебного процесса было создание предметных комиссий. Так, в задачу предметной комиссии входило установление общих приемов преподавания одного или смежных между собой предметов, а также выработка наилучших методов преподавания различных предметов.

Хозяйственные комитеты занимались хозяйственной частью, и в их обязанность входило общее попечение и внешнее благосостояние учебных заведений.

Общее число учащихся в правительственных гимназиях и прогимназиях к 1 января 1882 года было 65,751 а к 1 января 1894 г. 62,863 [144].

Таблица 3 - Число учащихся по учебным округам

№	Учебные округа	в 1881 году		в 1894 году	
		число учащихся	в процентах	число учащихся	в процентах
1	С.-Петербургский	6,844	10,4	7,520	12,0
2	Московский	9,359	14,2	8,917	14,2
3	Казанский	3,447	5,2	3,021	4,8
4	Оренбургский	1,955	3,0	1,563	2,6
5	Харьковский	6,753	10,3	5,586	8,9
6	Одесский	7,321	11,1	5,745	9,1
7	Киевский	7,540	11,5	7,506	11,9
8	Виленский	5,330	8,1	3,962	6,3
9	Варшавский	11,055	16,8	8,345	13,3
10	Рижский	4,263	6,5	3,613	5,7
11	Кавказский	-	-	4,557	7,2
12	Западно-Сибирский	789	1,2	1,027	1,6
13	Восточная Сибирь	641	1,0	667	.
14	Приамурский край	-	-	521	0,8
15	Туркестанский край	454	0,7	313	0,5

Если обратить внимание на таблицу 3, то можно увидеть, что увеличение числа учащихся за тринадцать лет происходит только в Санкт-Петербургском учебном округе, во многих центральных округах России число их остаются стабильными, в Оренбургском же учебном округе и Туркестанском крае число учащихся уменьшается на 141 ученика [144, с. 17]. Причинами такого явления можно назвать, во-первых, нежелание родителей отдавать в правительственные школы своих детей, особенно это ярко проявлялось в Туркестанском крае, во-вторых, упразднение подготовительных классов, в-третьих, слабым материальным положением основной части казахского народа, в-четвертых, большая осторожность при приеме учащихся из низших слоев населения, и самое главное, возникновение в этот период многих промышленных и технических училищ, отвлекавших от классического образования тех, кому не под силу слишком продолжительное гимназическое образование. Также все еще слабо развивается система образования в Казахстане, которое не могло не сказаться на увеличении численности учащихся.

Таблица 4 - Число успевающих учеников по округам

№	Учебные округа	1881 г	1894 г	
		в гимназиях и прогимназиях	в гимназиях	в прогимназиях
		в процентах		
1	С.-Петербургский	75,9	78,9	71,1
2	Московский	79,8	77,3	72,3
3	Казанский	79,0	79,3	76,1
4	Оренбургский	78,5	80,0	-
5	Харьковский	нет сведений	78,0	70,2
6	Одесский	73,4	77,9	70,9
7	Киевский	78,0	78,5	74,8
8	Виленский	73,5	78,4	74,8
9	Варшавский	76,0	73,3	69,7
10	Рижский	нет сведений	74,5	78,1
11	Кавказский	-	78,1	74,9
12	Западно-Сибирский	74,0	83,7	-
13	Восточная Сибирь	75,0	70,1	68,9
14	Приамурский край	-	78,0	74,8
15	Туркестанский край	78,0	77,8	-

Из таблицы 4 видно, что небольшое количество детей обучающихся в правительственных школах, имели достаточно высокий процент успеваемости [144, с. 203]. Это объяснялось, с одной стороны отношением к образованию обучающихся, с другой стороны незначительным охватом учащихся в учебных заведениях. К 1 января 1882 года в ведомстве Министерства народного просвещения было учреждено открытие учительских семинариев и школ. Данное мероприятие преследовало одну из целей народного образования, как удовлетворение потребности в учителях, а также равномерное распределение

семинариев по местностям. Было учреждено 49 семинариев, при которых было 16 подготовительных классов и 13 учительских школ. В большинстве учительских семинариях продолжали готовить учителей для низших училищ. В обзоре деятельности ведомства Министерства народного просвещения приводятся данные об открытии учительской школы в городах Орске, Оренбургской губернии, вместо г.Троицка: «въ виду того обстоятельства, что этотъ городъ находится почти въ центре Киргизскихъ кочевниковъ и, какъ по центральному своему положенію среди Киргизскаго населенія, такъ и по удобству путей сообщенія, представляется болѣе удобнымъ мѣстомъ для учительской школы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 10 день іюня 1882 года». Уже в конце XIX - нач. XX вв. в западном регионе появляются свои учительские курсы, так в г.Гурьеве открываются двухгодичные педагогические курсы при Гурьевском 4-х классном городском училище (I – II классы), заведующий курсом К.Е.Филатов, в г.Илеке двухгодичные педагогические курсы при 2-х классном русско-киргизском училище (I – II классы), заведующий курсами В.И.Иванов. По Тургайской области в г. Актюбинске открываются Актюбинская учительская семинария (I-й класс), двухгодичные педагогические курсы при Актюбинском городском 4-х классном училище, заведующий курсами И.Н.Гречкин, в г.Кустанае двухгодичные педагогические курсы при Кустанайском 2-х классном реальном училище, заведующий курсами М.В.Степаненко [145].

Таблица 5 - Число городских училищ по учебным округам

№	Учебные округа	1882 г.		1894 г.	
		число училищ	% всего число гор.уч.	число училищ	% всего число гор.уч.
1	С.-Петербургский	40	14,3	52	11,5
2	Московский	63	22,5	110	24,3
3	Казанский	32	11,5	46	10,2
4	Оренбургский	12	4,3	23	5,1
5	Харьковский	22	7,9	30	6,6
6	Одесский	33	11,8	34	7,6
7	Киевский	27	9,7	28	6,2
8	Виленский	14	5,0	16	3,6
9	Варшавский	5	1,8	8	1,8
10	Рижский	3	1,1	27	6,0
11	Кавказский	-	-	36	7,7
12	Западно-Сибирский	14	5,0	17	3,8
13	Восточная Сибирь	1	0,4	7	1,6
14	Приамурский край	-	-	8	1,8
15	Туркестанский край	13	4,7	10	2,2

Другое учебное заведение, только развивающееся в Казахстане, было городское училище. Единственным препятствием в распространении этого учебного заведения был недостаток в подготовленных учителях. И в 1882 году

выходит новое распоряжение, которое временно позволяло решить данную проблему. В городских училищах разрешено было на должность учителей и их помощников брать лиц, имеющих свидетельство на звание учителя уездного училища.

Данная таблица – 5 ярко показывает, насколько развивалась школьная система в Казахстане. Так, Оренбургский, Западно-Сибирский учебные округа, Туркестанский край, куда входили школы регионов Казахстана по сравнению с другими регионами России имели незначительный процент организованных школ и охвата в них учащихся. При такой организации, несомненно, не приходится говорить о развитии просвещения казахского народа. В малочисленных учебных заведениях количество обучающихся детей казахов было мало. Так, в г.Уральске открывается Уральское городское 4-х классное училище (классы: I- IV), почетным смотрителем назначается купец А.М.Лукашев, в г.Гурьеве городское 4-х классное училище (классы: I- IV), почетный смотритель М.А.Чанпалов, в г.Актюбинске 4-х классное городское училище, попечителем которого назначается И.Н.Гречкин, в г.Кустанае – Кустанайское городское 4-х классное училище, на момент открытия должность попечителя было на вакансии, руководил организацией работ учитель-инспектор М.А.Игнатъев, в г.Тургае – городское 4-х классное училище, почетный смотритель И.И.Ермолаев [146].

Необходимо отметить и другую сторону подготовки молодежи, число окончивших курсы в городских училищах было незначительным, в силу некоторых объективных и субъективных причин, молодежь не завершала курсы. Главный контингент училищ составляли дети небогатых купцов и ремесленников, которые не стремились дать законченное образование.

Таблица 6 – Число окончивших курс в городских училищах по отношению к общему числу выбывших из училищ

№	По учебным округам	1882 г.	1894 г
1	С.-Петербургский	20,3 %	30,7 %
2	Московский	22,4	28,1
3	Казанский	21,5	35,0
4	Оренбургский	10,3	38,0
5	Харьковский	23,2	31,7
6	Одесский	11,7	19,5
7	Киевский	29,2	32,0
8	Виленский	30,3	34,2
9	Варшавский	9,7	20,2
10	Рижский	13,7	33,0
11	Кавказский	-	18,2
12	Западно-Сибирский	6,0	14,1
13	Восточная Сибирь	31,2	28,7
14	Приамурский край	-	20,6
15	Туркестанский край	-	12,1

В основном они были удовлетворены тем, что дети умели читать, писать и считать и пристраивали их к разным родам дел. Основной контингент городских училищ составляли дети русских переселенцев, только 1 % из общего числа учащихся составляли дети казахов, особенно это проявлялось в Туркестанском крае.

Из таблицы 6 следует, что во-первых, четко определить количество окончивших городские училища по отношению к общему числу выбывших учащихся казахской национальности не возможно, во-вторых, какое число городских школ Казахстана входят в учебные округа. Но вместе с тем, если обратиться к статистическим данным по Оренбургскому учебному округу, то радует, что число окончивших учеников 1894 г. значительно выше нежели было 1882 г. Занимающая значительное пространство и малонаселенный Оренбургский округ, куда входила Тургайская область, и Внутренняя Киргизская орда являлся одним из самых невыгодных регионов в развитии народного образования. Но, тем не менее, Империя стремилась любыми путями обустроить систему подготовки детей, открывая правительственные школы. «Сами по себе инородцы очень склонны к восприятию культуры и даже обрусению, но без необходимой поддержки и надлежащего руководства в этом направлении они легко подчиняются влиянию своих религиозных руководителей и окружающих их более культурных племен» - такой цели преследовали при подготовке детей в правительственных школах [146, с. 401].

Неоднократно подчеркивалось в отчетах начальников округов о значительном влиянии татар-магометан на инородцев христиан и язычников в Казанском и Оренбургском учебных округах. Влияние мусульманской пропаганды было настолько велико, что вызывало опасение, что многие крещеные инородцы губерний стремятся принять магометанство и становятся фанатичными проповедниками отращения от всего русского.

В обзоре деятельности ведомства Министерства народного просвещения отмечается, что влияние магометан в значительной степени препятствовало ассимиляции инородцев с господствующей русской национальностью. И предлагалось предотвратить такое явление с помощью распространения русских и русско-инородческих школ. Такая мера по имеющимся данным Министерства народного просвещения принималась с легкостью, так как инородцы охотно посылали детей посещать русскую школу, чтобы получить возможность занимать общественные должности.

В 1892 году Министерство народного просвещения положило начало устройству в Тургайской области, подходящей к образу жизни аульных школ, и в 1894 году число этих школ достигло 25. В Ханской ставке на ежегодной ярмарке было заявлено Астраханскому губернатору о ежегодном сборе на учреждение в Орде 14 старшинских школ. Это было началом для сбора и продвижением в осуществлении поставленных целей в русских школах. На состояние этих школ обращалось пристальное внимание, так как они имели большое значение в проведении в инородческую среду русского языка и русских начал. В 1882 году учителя таких школ привлекались на кратковременные курсы при Оренбургских татарских учительских школах, где

подготовку проходило значительное количество молодых людей из западного региона. Основной задачей курсов было ознакомление с новыми приемами обучения, а также для утверждения в знании русского языка. В улучшении экономической части в пансионах для киргизских и русских детей в Акмолинской и Семипалатинской областях были учреждены на основании закона 26 октября 1882 г. почетные смотрители, которым представлен был надзор за хозяйственной частью, попечение о благоустройстве пансионов в материальном отношении. В 1883 году была открыта киргизская учительская школа в г. Орске, которая позволяла готовить специалистов для западного региона Казахстана.

Министерство народного просвещения ежегодно проводила тщательное инспектирование школ, так в отчете за 1882 г. показывается о неудовлетворительном положении магометанских мектебов и медресе. Такое положение дел очень сильно беспокоило Министерство, и подписывается особый указ чинам учебных ведомств «особый надзоръ за мектебами и медресами и по соглашенію съ Московскаго, Казанскаго, Оренбургскаго, Одесскаго и Херсонскаго учебныхъ округов руководствоваться правилом, чтобы въ подвѣдомыхъ Министерству магометанскихъ школахъ были употребляемы лишь печатныя книги, одобренныя цензурою, и чтобы къ преподаванію въ нихъ допускались только русскіе подданные, получившіе образование въ Россіи» [145, с. 408]. С одной стороны видно, о том, что Российская империя заботится о школах в окраинах, об успеваемости и положении дел в них, и с другой стороны школы постепенно теряли свой национальный колорит и, в-третьих, нельзя и упускать тот факт, что на тот период подготовленных специалистов своих национальных кадров не было, что сильно сказывалось на сохранении национальной особенности обучения детей.

С каждым годом растет благосостояние и содержание начальных училищ, так в 1882 году на содержание их было ассигновано 11.152.593 руб., а в 1894 году – 18.171.640 руб. [147].

Таблица 7 - Содержание учебных заведений на пожертвование различных ведомств

Ведомства	1882 год	1894 год
	рубли	
1	2	3
изъ суммъ государственнаго казначества	1.294.765 или 11,6 %	1.362.539 или 7,5 %
Отъ городскихъ обществъ	1.815.433 – 16,3 %	3.357.202 – 18,5%
От сельскихъ обществъ	2.563.114 – 22,9 %	4.523.849 – 24,9%
От земствъ и изъ земскихъ сборовъ	4.051.783 – 36,4 %	6.099.659 – 33,6%
От дворянства	500 – 0,0 %	47.174 – 0,2%
Взносовъ и пожертвованій обществъ и лицъ	878.058 – 7,9 5%	1.598.313 – 8,8%
Изъ войсковыхъ суммъ	80.050 – 0,7 %	168.204 – 0,9%

Продолжение таблицы 7

1	2	3
Изъ специальныхъ средствъ	207.028 – 1,9 %	705.942 – 3,9 %
От разныхъ ведомствъ	68.381 – 0,6 %	14.144 – 0,1%
Свѣчнаго и коробочнаго съ евреевъ сбора	764 – 0,0 %	6.896 – 0,0%
Изъ разныхъ другихъ источниковъ	191.717 – 1,7 %	296.718 – 1,6%

Из таблицы 7, видно, содержание начальных училищ находились на попечении многих обществ и частных лиц, которые содействовали и проводили различные агитационные работы, сами же поддерживали их взносами и пожертвованиями, деньгами и полезными для училищ предметами. Важной составной в деятельности народного образования было и поддержание способных учителей, им увеличивали жалования соответственно продолжительности их службы. Размер оплаты в разных округах и губерниях были по-разному, решение о размере доплаты принимали на местах. Например, доплаты составляли от 40 до 120 рублей тем, кто проработал от 10 до 19 лет. Интересен и тот факт, когда в округах и губерниях по ходатайству директоров народных училищ выделялись средства на различные расходы училищ, таких как для организации курсов по ознакомлении с лучшими приемами преподавания, постройка новых домов и ночлежных помещений для приходящих учеников, постройка новых и обновление старых помещений училищ, снабжение учебными пособиями. Особое место в занятиях училищ имели предметы, обучающие сельскому хозяйству: по садоводству, огородничеству, пчеловодству и др.

Повсеместное развитие промышленности ставило вопрос о необходимости создания общей системы промышленного образования. Существовавшие в 1877 году профессиональные школы, открытые по инициативе частных и общественных лиц, и имеющие разнообразные учебные планы не могли удовлетворить существующие на данный момент требования в развивающейся промышленности. 13 января 1884 года при Министерстве народного просвещения создается особое отделение Ученого Комитета по техническому и профессиональному образованию, которое создает общий план промышленного образования. На этот момент все реальные училища работали по уставу 1872 года, задачей которого была подготовка молодых людей к технической деятельности. В Казахстане в целом профессионально-техническое образование начало зарождаться в 80-х гг. XIX в., но и оно, в основном было представлено реальными училищами, специальных учебных заведений не было.

По уставу 1872 года шестиклассные реальные училища с техническим отделением в дополнительном VII классе предназначались для удовлетворения потребностей среднего класса общества, дети которых вследствие своего

материального положения, вынуждены были начинать практическую деятельность намного раньше, чем требуется для окончания курса в высших учебных заведениях, но в тоже время для практической деятельности не было достаточно того образования, которое получали в городских и других низших училищах.

Но так как из VII (дополнительного) класса, как общего, так и технических отделений был открыт доступ в высшие специальные училища, а технические отделения с их одногодичным курсом не могли давать надлежащей практической подготовки к практической промышленной деятельности, то реальные училища вскоре превратились в подготовительные школы к получению высшего технического образования и, таким образом, уклонились от прямой своей цели, что повлекло за собой очень многие нежелательные явления, таких как переполнение высших технических учебных заведений, избыток техников-инженеров, отсутствие техников средней подготовкой. Одним из наиболее организованных в городе Уральске было Уральское войсковое реальное училище (классы: подготовительные, основные I – IV и дополнительный VII-й и параллельный I - VI), попечителем был Г.К.Бизянов, директором Э.К.Галлер, г. Кустанае, Кустанайское реальное училище занималось обучением только I – IV классах, директором училища был В.В.Петров. Следует сказать, что по Уральскому войсковому реальному училищу за 1899-1902 учебные годы сделан обстоятельный анализ по деятельности училища и представлен подробный статистический отчет. В отчете рассматриваются вопросы: учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности, работы педагогического совета, предметных комиссий, классных комиссий, материальная поддержка, результаты занятий, даются сведения об учащих, награды и подарки учащимся, сведения о служащих, обязанностях преподавателей и др. Так, к числу мер материальной поддержки воспитанников были бесплатное обучение детей всех лиц войскового сословия, детей православного духовенства и чиновников, служащих в Уральском казачьем войске; бесплатное пользование беднейших учеников учебниками и учебными пособиями; освобождение от оплаты за право учения некоторых беднейших учеников невойскового сословия, заслуживающих своим поведением и прилежанием; 14 стипендий для детей киргизов Уральской области; деятельность общества по оказанию помощи детям бедных родителей в снабжении платьем и обувью, учебными пособиями, лекарствами и вносящего платы за обучение. В Уральском войсковом училище 1899-1900 учебном году в подготовительном классе из 58 учеников не было ни одного ученика казаха, в I классе из 51 ученика 2 казахов учились Досмухамедов Джанша, который перешел без экзамена и со сдачей экзамена Суянтуров Джальмухамед, во II классе среди 45 учеников 1 казах, в III класс перешли из 52 ученика без экзамена 2, со сдачей экзамена 1 казах, в IV класс из 27 учеников 2 казахов, один из них был Калел Досмухамедов, в V классе из 31 ученика 2 казаха, в VI и VII классах не было ни одного казаха. Ученики 1 класса Д.Досмухамедов, IV класса К.Досмухамедов за примерное поведение и отличный успех в учебе были удостоены награды первой степени, книгой и похвальными листами [148].

Изучив обстоятельства дела, решается вопрос об изменении устава реальных и промышленных училищ, а именно возвратить реальные училища к их прямому назначению, преобразовав их в пятиклассный срок обучения. Основная задача их должна оставаться как подготовительная школа для перехода в средние технические училища и отвечать исключительно потребностям общего образования для лиц среднего класса общества. И в этой связи доступ к высшему образованию и подготовка к государственной деятельности должно было идти только через гимназии.

При рассмотрении в Государственном Совете проектов Министерства народного просвещения между членами Совета возникло разногласие по вопросу срока обучения и содержания курса в реальных училищах. Многие члены были не согласны с мнением Министерства и полагали, что реальные училища должны иметь семилетний общеобразовательный курс и готовить своих учеников непосредственно к поступлению в высшие технические учебные заведения. Разногласие по данному вопросу было решено резолюцией императора Александра III от 26 мая 1887 года: «Проект оставить без последствий.- Я далъ лично Министру народнаго просвѣщенія указанія по этому предмету» [144, с. 428]. 16 июня 1887 года издается другая резолюция, где рассматривался вопрос о продолжительности курса в реальных училищах. Так, императором были даны четкие указания, сохранявшие за реальными училищами нормальный состав шести общих классов. Также в данном документе были даны указания Министру народного просвещения о необходимости преобразования в реальные, технические и городские училища тех гимназий и прогимназий, которые не отвечали своим назначениям.

4 октября 1887 года Министром народного просвещения в Государственный совет был представлен новый устав реальных училищ и положения о промышленных училищах. В нем рассматривался вопрос об устройстве промышленных училищ, задачей которых была подготовка к практической деятельности специалистов на фабриках, заводах и ремесленных заведениях, а также эти училища не могли быть подготовительными школами к средним техническим училищам. В уставе отмечается о необходимости придерживаться ряда мер по улучшению организации работы реальных училищ. К числу таких мер следует отнести закрытие технических отделений при дополнительных классах реальных училищ, так как отделения эти с выгодою заменяются средними техническими школами, более рациональное распределение преподавания в шести нормальных классах этих училищ, с некоторым усилением курсов низших классов, ослабленного для облегчения перехода в них воспитанников гимназий. Этот документ «Основные положения о промышленных училищах» был утвержден императором 7 марта 1888 года и являлся законодательным актом в организации промышленных училищ во всех регионах.

В «Основных положениях о промышленных училищах» указываются все направления работы и содержания училищ, устанавливается три типа: средняя техническая, низшая техническая и ремесленная [149].

В среднем техническом училище давались знания и умения, необходимые техникам, помощникам инженеров и других высших руководителей в промышленности. Низшие технические училища обучали приемам какого-либо определенного производства, а также получали знания и умения, необходимые ближайшим и непосредственным руководителям труда рабочих в промышленных заведениях. Основная задача в ремесленных училищах было практическое обучение приемам, какого-либо производства и сообщение знаний и умений, необходимых в производственной работе.

Для поступления в средние технические училища требуется удостоверение об окончании пяти классов реальных училищ или другого среднего образовательного учебного заведения, курс которого признавался Министерством Народного Просвещения равным по степени этим учебным заведениям. Для поступления в низшие технические учебные заведения необходим был аттестат об окончании курса городского училища по положению от 31 мая 1872 года, уездного, или двухклассного сельского училища. Ремесленные училища принимали на обучение учащихся, представлявшие свидетельства об окончании курса в начальных, или церковно-приходских, или же одноклассном сельском, городском приходском училище.

Особый интерес на наш взгляд, представляет и организация промышленных училищ, так все типы училищ могли существовать или отдельно, или в соединении с другими подобными же училищами различных степеней и специальностей. Так же допускалось соединение с подготовительными к ним школами общего образования, причем общая продолжительность такого соединения учебных заведений не должна превышать нормальной продолжительности курса обоих училищ.

Организация промышленных училищ в основном опиралась на закон от 7 марта 1888 года, на основе которого были разработаны устав учебных заведений. Было определено число специальностей для средних технических училищ: механическое, химическое, строительное, сельскохозяйственное и горнозаводское. Для низших технических училищ было определено три вида специальностей: строительная, механическая и химическая специальности. В ремесленном училище было предложена только одна специальность: механическая по обработке дерева и металла.

Комиссия при Министерстве народного просвещения определяет 30 пунктов, где открываются за счет казны промышленные училища: 7 средних технических, 15 низших и 18 ремесленных училищ. Так, попечитель Оренбургского учебного округа 12 мая 1892 г. вносит предложение в Министерство народного просвещения об открытии ремесленных классов при всех школах Внутренней орды. Это было одним из возможностей решения проблемы по организации профессионального образования в регионе. Так, в Букеевской орде открываются ремесленные отделения по изготовлению гнутой мебели и плетению корзин, столярное, сапожное и слесарное дело, сельскохозяйственные отделения.

Департаментом Земледелия и Сельской промышленности на содержание сельскохозяйственных школ были выработаны временные правила, одним из

пунктов которого было открытие курсов в виде опыта работы по сельскому хозяйству на 3 года, создание питомников, садилов, пасеки. Наряду с Одесским, Харьковским, Казанским и Кавказским округами, особенно хорошо было поставлено преподавание сельского хозяйства и в Оренбургском округе отмечает Министерство. Кроме подготовки к сельскохозяйственному труду, Министерство считало, что эти предметы способствовали кочевым племенам облегчить переход к оседлости. Министерство народного просвещения строго следило за тем, чтобы во вновь создаваемых инородческих училищах открывались ремесленные классы. В г.Уральске 22 сентября 1896 г. открывается Уральская школа ремесленных учеников, с 2-мя начальными при ней училищами (I – III классы и начальное училище), почетным смотрителем назначают Ф.И.Макарова [150].

Наряду с открытием этих училищ Министерство народного просвещения работает и над созданием учебных планов и программ для каждого типа училищ и специальностей. Для целенаправленной работы в Департаменте народного просвещения было создано особое Отделение для управления работой промышленных училищ на правах директора Департамента, который избирался Министром.

При организации промышленных училищ учитывались местные условия, потребности, состояние промышленности и торговли.

Один из документов, позволяющий открыть новый тип ремесленных училищ «школа ремесленных учеников» был выработан Министерством народного просвещения в 1893 году на основе указа Государственного Совета и утвержден императором в законодательном порядке 20 декабря 1893 года.

Данная школа, главным образом, предназначалась для подготовки ремесленных учеников, за три года ученики должны были получить общее образование и научиться практическим приемам известного ремесла. Поступают в школу мальчики после начальной школы в возрасте 11-14 лет, первые два года обучаются общим приемам какого-либо ремесла, а в последний год изучают специальные приемы по отдельным отраслям ремесла с учетом местных потребностей.

Открытие новых типов промышленных школ на этом не завершается, и в 1893 году Министерством народного просвещения на утверждение в Государственный Совет был представлен новый тип «низших ремесленных школ», в задачу, которого входило обучение учащихся практическим навыкам в местных отраслях производства. Курс обучения в этих школах был четыре года, и распределялся на 4 класса, причем четвертый год обучения, в основном, был связан только с практической деятельностью. Для поступления в данную школу необходимо было представить свидетельство об окончании курса начальной школы, но допускались и не окончившие этого курса, если они умели читать, писать и выдержать приемное испытание. Эти школы, в основном, открывались в сельской местности.

Ремесленная школа была не сложной по своей организации, имела сравнительно незначительную стоимость своего содержания, и завершённый

курс ремесленного обучения. И в связи с этим была рассчитана на то, что она будет открываться во многих регионах и учреждена частными лицами.

Интересными по своему назначению были курсы, которые организовывались при заводах, были предназначены для рабочих и носили практический характер: курсы черчения и рисования.

Наиболее распространяющимся учебным заведением со средне-образовательным курсом были средние и низшие промышленные училища. Источниками содержания служили частные пожертвования, оплата за обучение самими учащимися и частичное выделение из государственной казны. Во многих учебных заведениях данного типа главными источниками содержания служили плата за учение и пожертвования учредителей. Обучение составляло из следующих разделов: 1) предметы общеобразовательные; 2) специальные; 3) практические занятия, проходившие в химических лабораториях и учебных мастерских. В свою очередь, механические мастерские состояли из отделений: столярного и слесарного. Обязательным в учебном процессе было и посещение заводов и фабрик.

Весьма интересным на наш взгляд, представляется организация практической деятельности учеников, так в течение года ученики занимаются в различных учебно-опытных лабораториях, в летнее же время каждому ученику группы, изучавшему полеводство, отводился на ферме участок земли, на котором он самостоятельно производил все работы от подготовки поля и посева растений, до уборки посевного, другая же группа изучала уход за животными, приготовление масла, сыра и производила опыты откармливания животных по различным нормам.

Те ученики, которые обучались в технических училищах: горнодобывающей, лесной, химической и так далее, все в летнее время проходили практику непосредственно на заводах и фабриках.

Таким образом, развитие системы образования в XIX в. связано с проведением ряда административных и школьных реформ, как в Казахстане, так и в России. Так, реформы 1822, 1824 гг. привели к образованию территориальных изменений в Казахстане, что впоследствии приводят казахский народ к проведению различных волнений, сказавшихся на внутрисполитическое состояние; школьные реформы 1864 г. и принятие различных инструкций в последующие годы в области народного образования изменяют состояние школьного образования: содержание образование, открытию различных типов школ, подготовка педагогических кадров, открытию новых профессиональных направлений подготовки молодежи.

Как административные, так и школьные реформы, в целом в Казахстане имели свое своеобразие и особенности. Если обратить внимание на западный регион, то в административном плане она была наиболее сложной, но и более разработанной. Так, высшим звеном управления стала Пограничная комиссия или же ее в официальных документах называли Оренбургским азиатским управлением. Наделенная исполнительной и судебной властью комиссия осуществляла надзор над казахами. Пограничное управление западного региона основывалась на трех звеньях управления: высшее, линейное и степное. Казахи

были ограничены в передвижении на территории региона, созданные первые военные окружения вокруг казахских кочевий не позволяли им свободно пользоваться земельными угодьями, ведению традиционного хозяйства и быта. Более того, на основе «Положения об управлении Оренбургским краем» была ликвидирована ханская власть Младшего жуза, произошло разделение территории жуза на три части: западную, среднюю и восточную, чуть позже были образованы дистанции.

14 июня 1844 года было издано новое положение по Управлению Оренбургскими казахами и казахами Внутренней Орды, но вместе с тем Внутренняя Орда была оставлена в зависимость от Оренбургской Пограничной комиссии еще на один год со времени введения в действия нового положения. Согласно этого положения, управление Оренбургскими казахами находилось под главным заведованием Министерства Иностранных дел и под непосредственным начальством оренбургского военного Губернатора.

К середине XIX в. наметился ряд школьных реформ, изменения в развитии и совершенствовании образования происходят практически до конца XIX в. Так, реформа 1864 г. утвердила положение о начальных народных училищах и устав гимназий и прогимназий.

Следует отметить, что все изменения, которые планировались провести в системе образования, в основном касались школ России. И только в той или иной мере происходили изменения в общей системе развития образования Казахстана. Безусловно, все реорганизации системы школьного образования в Казахстане происходили на основании положений, которые разрабатывались и принимались в Министерстве народного просвещения. В редких случаях Министерство затрагивало вопросы развития школ в Казахстане, в основном, они касались языка обучения, подготовки учебников и учебных пособий на казахском и русском языках, в управлении школами, улучшение подготовки педагогических кадров.

В этот же период проводят изменение устава программ классических гимназий. Для этой цели при Министерстве народного просвещения создается комиссия, под председательством бывшего Министра народного просвещения, Князя Волконского, в состав комиссии входят специалисты по предметам и опытные работники знакомые с работой гимназии. Комиссия вырабатывает перечень изучаемых предметов, которые утверждается императором 13 июня 1890 года, составляется новый учебный план и программы предметов. Все еще к концу XIX в. просвещение казахского народа остается слабым, не во всех уездах и городах присутствует сеть школ высшего уровня. Большое количество аульных школ, которые были распространены в Казахстане, безусловно не могли повысить уровень грамотности населения.

К концу XIX в. в школьном вопросе обращается внимание на профессиональное образование, так в Государственном Совете был рассмотрен проект Министерства народного просвещения о преобразовании реальных училищ, определяются сроки и направления обучения. Указом императора 9 июня изменяют Устав реальных училищ, готовят новый учебный план, в основе которого лежало устранение несоразмерности распределения учебного

материала по классам. Организация промышленных училищ опиралась на закон от 7 марта 1888 года, на основе которого были разработаны устав учебных заведений. В ряде школ открываются учебно-опытные лаборатории, сельскохозяйственные пришкольные участки, позволяющие формировать практические навыки.

2.2 Деятельность инспекторов народных училищ в организации школьного образования

Процесс колонизации Казахстана Российской империей определил необходимость открытия учебных заведений для казахского народа, которая решала бы задачи царского правительства. Мусульманские учебные заведения (мектебы и медресе), по мнению центральной администрации, не могли обеспечить выполнения этих задач. В этой связи, императрица Екатерина II активно претворяла в жизнь планы по образованию и просвещению казахского народа. В рескрипте от 12 ноября 1786 г., адресованном симбирскому и уфимскому генерал-губернатору О.А.Игельstromу, императрица предписывала «устроить при мечетях школы... с наблюдением..., дабы учебные книги печатались на их языке вместе с российскими» [151]. Так, в 80-х годах XVIII века в Оренбурге при мечети Менюмова двора на казенные средства открылась школа для всех желающих казахов, первыми учениками были дети и родственники султанов и ханов младшего жуза.

В дальнейшем развитие школьного образования в Казахстане происходило в основном от желания царского правительства и местных органов народного образования. В основном, развитие системы образования в XIX в. происходило в последней четверти века. Эти учебные заведения должны были давать учащимся основы светского образования с обязательным обучением русскому языку. Не последнюю роль в открытии и организации учебных заведений сыграли инспектора народных училищ.

Впервые в исследовании такого характера проводится анализ деятельности инспекторов народных училищ, систематизируются все документы, касающиеся народного образования. На наш взгляд, уже с первых дней колонизации Казахстана проводятся реорганизации в системе школьного образования, так как царское правительство большие надежды в выполнении своих задач возлагала не только на изменения административной структуры Казахстана, но и на преобразование школьного образования. В своем исследовании мы останавливаемся на деятельности инспекторов народных училищ, которые участвовали в организации школьного образования в XIX - нач. XX вв., которые проводили реорганизации в школьном образовании Казахстана. Бесспорно, что многие вопросы регулировались и регламентировались царским правительством и Министерством народного просвещения, которое было образовано в начале XIX в. П.В.Завадовский был первым министром народного просвещения, и первые реформы связаны с учреждением учебных округов в 1803 г., которые по мнению царского правительства могли полноценно регулировать развитие школьной сети как в России, так и на окраинах российской империи. Изменение учебных округов происходило на протяжении всего XIX в., это было: во-первых, связано с

административными изменениями; и во-вторых, для создания удобных условий для регулирования и совершенствования сети школ.

Определенной трудностью при создании школьного образования тюркоязычных народов было то, что русско-национальные школы подчинялись разным министерствам - в Поволжье и Казахстане (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области) - Министерству внутренних дел, а в Туркестане - Военному министерству. Такое деление создавало определенную трудность, в связи с чем, в 1867 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский и попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков ходатайствовали о передаче «инородческих» школ в ведение Министерства народного просвещения. Ходатайство было одобрено Государственным советом и 20 ноября 1874 г. было принято постановление: «в областях Уральской и Тургайской, во Внутренней орде, в губерниях Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Астраханской, Оренбургской, Уфимской существующие ныне, а равно имеющие быть открытыми впоследствии «инородческие школы» и училища над разными наименованиями, содержащиеся за счет казны или местных средств, а равно занимающихся домашним к частным обучением лиц из числа инородцев - нехристиан подчинить учебному начальству ведомства Министерства народного просвещения на общих основаниях. Отпускаемые по смете Министерства внутренних дел казенные суммы на башкирские и киргизские школы перевести с 1 января 1875 года в смету Министерства Народного Просвещения» [152]. 27 мая 1875 г. было принято решение о передаче в подчинение Министерству народного просвещения всех русских и «туземных» училищ Туркестанского края.

Созданные в конце XIX в. органы народного образования, учебные округа сыграли определенную положительную роль в развитии системы русско-национальных школ в Казахстане. Оренбургский учебный округ был открыт постановлением Министерства народного просвещения от 18 мая 1874 г. и начал свою деятельность с 1 января 1875 г. во главе с попечителем П.А.Лавровским. В учебный округ были включены учебные заведения Тургайской и Уральской областей. Через год 29 мая 1875 г. утверждается документ о создании Главного управления учебными заведениями Туркестанского края. Свою деятельность управление начало с января 1876 г., возглавил его А.Л.Кун. Намного позже 12 марта 1885 г. создается Западно-Сибирский учебный округ, в состав которого вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Внутренняя Киргизская орда первоначально входила в состав Оренбургского учебного округа, а с 1893 г. перешла в Казанский учебный округ [153].

Создание управленческой структуры в системе народного образования дало возможность регулировать все вопросы организации школы. Так, утвержденные должности инспекторов народных училищ сыграли большую роль в становлении и развитии русско-национальных школ в этих регионах, большинство которых хорошо знали восточные языки и заинтересовано в просвещении нерусских народов: И.А.Алтынсарин (1879 г.) в Тургайской

области, В.В.Радлов (1871 г.) в Казанском учебном округе, В.В.Катаринский (1875 г.) в Оренбургском учебном округе, С.М.Граменицкий в Туркестанском крае, А.Е.Алекторов (1886 г.) во Внутренней орде. Немаловажное место в системе управления сыграли дирекции народных училищ, в 1902 г. были утверждены директорами следующие представители народного образования: Акмолинской и Семипалатинской областей (1902 г.) с местом нахождения в г. Омске (директор А.Е.Алекторов), Сыр-Дарьинской области (1900 г.) в г. Ташкенте (директор С.М.Граменицкий), Тургайской области (1902 г.) в г. Оренбурге (директор М.П.Ронгинский) [154].

Следующей должностью в общей системе управления школой являлись инспектора русско-национальных школ, они были созданы при Казанском и Оренбургском учебных округах, а позднее и в Туркестанском крае. В плане административных функций они, в основном, оставались в руках местных инспекторов училищ. Такое определение функций руководителей, особенно инспекторов школ не устраивало, так как они практически не могли по одному вопросу принимать самостоятельное решение. В письме департамента народного просвещения № 5780 от 14 апреля 1887 г. указывалось: «должность инспектора башкирских, татарских и киргизских школ не составляет самостоятельной инстанции в порядке управления училищами и с этой должностью не соединено ни прав, ни обязанностей входить в непосредственные письменные сношения с местными административными учреждениями... Управление и заведование иногородческими училищами, определение, перемещение и увольнение учителей принадлежит директорам народных училищ, ...инспектору... принадлежит лишь наблюдение за означенными училищами и руководство в учебном и воспитательном отношениях на правах окружного инспектора» [155].

До 1874 г. Уральская и Тургайская области и Внутренняя орда входили в состав Казанского учебного округа. Один из ярких деятелей народного просвещения был В.В.Радлов, который в 1871 г. был назначен инспектором народных училищ. Окончив Берлинский университет, защитил диссертацию «О влиянии религии на народы Азии», в котором раскрыл значение религии для народов Казахстана и Средней Азии. Разносторонние занятия и научно-исследовательские экспедиции, дали возможность осветить вопросы тюркологии, диалектографии, диалектологии, лексикографии, лексикологии, сравнительной и исторической фонетики, грамматики, этнографии и археологии, фольклора и истории народов Алтая и Западной Сибири и, в частности, казахского народа. Собранные материалы легли в основу фундаментального труда, принесшего автору всемирную известность – «Образцы народной литературы тюркских племен».

Для нашего исследования особое значение имеет деятельность В.В.Радлова в организации и совершенствовании учебных заведений в Казанском учебном округе. Так, в 1871 г. он переезжает в Казань, где был назначен инспектором татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа. Своему назначению В.В.Радлов обязан известному востоковеду Н.И.Ильминскому, занимавшему тогда должность профессора

турецко-татарского языка в Казанском университете. Большое содействие ему оказали министр народного образования Д.А.Толстой и председатель Государственного Совета Великий князь Константин Николаевич. Согласившись на эту должность, он был уверен, что здесь сможет продолжить свои научные изыскания, сумеет ближе познакомиться с языком и особенностями быта казанских татар и других народов Поволжья.

С первых же дней назначения, В.В.Радлов получает успех в решении многих организационных вопросов в области школьного образования. Зимой 1872 г. В.В.Радлов приступает к исполнению своих обязанностей в Казанском учебном округе. По поручению попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова В.В.Радлов отправляется в столицу и, преодолевая немалые трудности, добивается проведения в жизнь проекта об открытии татарских школ. Одним из проблем в организации школы была подготовка педагогов, которые смогли бы взять в свои руки дело обучения детей татар-мусульман. Для этого должны были быть созданы специальные учебные заведения для подготовки учительских кадров.

27 марта 1872 г. Государственный Совет принял «Положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе», определил к ним штатное расписание и выделил денежные средства. С 1 июля и до конца 1872 г. из Государственного казначейства на каждую из школ было ассигновано по 6 760 руб. Начиная с 1 января 1873 г., школам начали отпускать по 13 520 руб. Из этих средств на содержание каждого учащегося ежегодно выделялось по 90 руб [156]. Согласно «Положению», татарские учительские школы имели «целью приготовление сведущих и опытных учителей в начальные училища татар».

Одна из школ в г. Уфе должна была готовить педагогов для Казанского учебного округа. Несколько позднее, в 1876 г. была открыта аналогичная школа в Казани. Создаваемые школы причислялись к средним учебным заведениям с четырехлетним сроком обучения и пользовались правами, аналогичными правам прогимназий. Выпускники данных образовательных учреждений могли приниматься в очередной класс гимназии без вступительных экзаменов.

Обучение в учительской школе зависело от вакантных мест, так, в каждой из учительских школ выделялось по 40 мест для воспитанников - детей татар всех сословий в возрасте не моложе 15 лет. Все обучение предполагалось вести исключительно на русском языке и только мусульманское вероучение преподавать на татарском и арабском.

В обязательное число предметов входили: русский язык, арифметика с кратким курсом геометрии и черчения, история (основной упор делался на исторические события России), природоведение, основы педагогики и дидактики, чистописание, рисование и мусульманское вероучение. Кроме того, воспитанники занимались гимнастикой и обучались некоторым ремеслам, в частности переплетному и токарному делам.

Учащиеся старшего четвертого класса ежедневно в течение двух часов должны были проходить педагогическую практику в начальном татарском училище с русским классом, которое состояло при учительской школе. С этой целью для них устанавливалось по 12 часов уроков в неделю. Остальные

воспитанники занимались на уроках 24 часа. Вместе с гимнастикой и изучением ремесел учебная неделя включала в себя 36 часов занятий. Большое место в общей системе подготовки занимало изучение русского языка: в первом классе - 9, во втором - 8, в третьем - 7 и в четвертом - 3 часа. Вторым предметом по числу часов была арифметика. Для вероучения отводилось только по три часа в первом и втором классах, а в третьем - два и четвертом - по одному часу. Следует отметить, что все воспитанники учительской школы являлись выпускниками медресе, где основу всего учебного курса составляло вероучение.

Лица, успешно окончившие школу, становились учителями начальных татарских училищ и должны были отработать в этой должности не менее шести лет, в противном случае - возместить затраты на обучение и содержание за четыре года в размере 360 руб.

В процессе формирования учительской школы в Уфе, В.В.Радлов столкнулся с проблемой подбора учителей и будущих воспитанников. Местное население всячески противилось и не хотело отдавать своих детей в школу из-за боязни обращения учеников в православие. С такой же ситуацией, в целом в Казахстане, столкнулись и организаторы правительственного школьного образования. По этому поводу неоднократно выступал инспектор народных училищ В.В.Радлов: «Когда в 1872 г. мне было поручено отыскать в г. Казани 5 учеников для Уфимской школы, то старший ученик 1-го медресе Биккенин первый подал прошение для поступления в эту школу, если только ему впоследствии возможно будет служить в Казанской губернии. Это заявление достойно уважения, потому что ему было уже 30 лет от роду и, что он был тогда уже выбран в муллы своего прихода, так что никакие внешние выгоды не могли его привлечь в школу, и что его родственники, здешние купцы, старались его всячески отклонить от этого намерения». И далее В.В.Радлов пишет: «Уже 10-го августа инспектор школы Саинов, сообщая мне о прибытии казанских учеников, выразился следующим образом: казанские ученики, приехавшие ныне в Уфу, вывели меня из страшных затруднений, напрасно я старался до сих пор отыскать учеников, и когда казанские ученики поступили в школу и начали показываться в городе, то и здешние татары начали подавать прошения, здесь действовал пример таких почтенных личностей, как Биккенин и сын известного муллы Иманкулов».

Также, на что обращает внимание В.В.Радлов, это был вопрос, связанный с женским образованием в округе. Сталкиваясь со значительными трудностями, он занимается учреждением учительской семинарии, открытием женской школы. Второе, на что было обращено внимание В.В.Радлова, это нехватка школьных учебников и пособий. И видимо, с этим связано образование в г. Казани и Казанском университете издательств по подготовке и выпуску большим тиражом различных учебников и учебных пособий. В свое время, и школы Внутренней орды снабжались учебниками и пособиями печатавшиеся в г.Казани. Инспектор сам принимал участие в написании и редактировании школьных учебников. Кроме этого, параллельно он изучал тюркские языки Поволжья. Большую помощь в освоении русского языка, неродного для

большинства народов Поволжья, явилась изданная в университетской типографии «Грамматика». Ее автор лингвист-тюрколог В.В.Радлов в предисловии указывал, что она «...имеет целью быть учебником для татар восточной России вообще, и в особенности, для шакирдов мусульманских медресе» [157].

Несомненно большая заслуга в деле развития школьного образования принадлежит инспектору народных училищ А.Е.Алекторову, проводивший с одной стороны просветительскую работу в Казахстане, и с другой стороны, осуществлявший политику царского правительства. С 1879 г. он служит инспектором школ Внутренней орды, впоследствии на эту должность назначается А.Воскресенский. А.Е.Алекторов в течение более шестнадцати лет являлся инспектором народных училищ Тургайской области (1894 г.). Неоспорима заслуга А.Е.Алекторова в этот период в развитии русских учебных заведений во Внутренней орде и Тургайской области. Инспекторская деятельность А.Е.Алекторова, как и многих миссионеров, зачастую начиналась с изучения языка народа, это было одним из важных условий в процессе русификации народов. Особое значение А.Е.Алекторов уделял построению языка, и в одной из своих работ для учителей пишет: «Ореографія у киргизь до сихъ порь не установилась; этимъ самымъ объясняется разнообразное писаніе какъ въ коренныхъ киргизскихъ словахъ, такъ и иностранныхъ» [158]. Впоследствии им был сделан вывод о том, что говор букеевских киргизов почти не отличается от говора киргизов оренбургских, сьрдарьинских и семиреченских, говора достаточно исследованного и в отношении фонетическом, и в отношении морфологическом.

Проводя большую миссионерскую работу в Казахстане, А.Е.Алекторов обращает внимание на изучение языка казахского народа. В книге А.Е.Алекторова «Инородцы въ Россіи. Современные вопросы» А.С.Будилович дает в предисловии анализ деятельности ученого. «Имя его, пишет А.С.Будилович, мне уже раньше было известно, как одного из энергичных тружеников русско-инородческого образования между киргизами, сначала Букеевской Орды, а потом Тургайской области, где он был сотрудником Катаринского по устройению русско-киргизских школ, в духе заветов В.В.Григорьева, Н.И.Ильминского, И.А.Алтынсарина» [159].

Проводя в начале XX в. инспектирование мусульманских школ, А.Е.Алекторов - директор народных училищ пишет: «Гигиеническая обстановка мектебе невозможная: циновки и кошмы, коими застлан пол и на которых учащиеся сидят во время занятий и спят ночью, грязны и заплеваны. Вследствие скученности и темноты, дверь приходится держать в большинстве случаев открытой. Отопление дает смрад и наполняет комнату угаром». Важное на наш взгляд, в работе А.Е.Алекторова было то, что исследования опирались на фактические материалы: данные о развитии правительственных учебных заведений в области на основании школьных уставов и отчетов, сведения о материальном обеспечении русскоязычных школ и т.д. [160].

В своем отчете А.Е.Алекторов пишет: «Внушения указных, т.е. утвержденных правительством, уфимских мулл привели к кровавой развязке -

преобразованию степи в 1868 г. Подстрекаемые муллами, султанами и Хивую, киргизы разграбили почтовые станции, а под конец, сделались настолько смелы, что угоняли табуны лошадей из-под самых укреплений, как это случилось, например, под Уральским укреплением, откуда угнано было 300 лошадей, а также под Эмбенским постом, откуда угнали 200 казачьих коней... Как свидетельство, до чего могла дойти самоуверенность киргизов, можно привести условия, предложенные ими Оренбургскому генерал-губернатору: 1) дать им особого муфтия; 2) назначить им уездных начальников из мусульман; 3) избавить от новых податей; 4) оставить им - ничем, впрочем, не стесняемое до сих пор - право перекочевков; 5) отменить разделение на области, оставить народ, по-прежнему, в ведении Оренбурга; 6) не требовать выборных от каждых 10-50 кибиток» [161].

А.Е.Алекторов в ряде публикаций излагает социальную и культурную обстановку в казахских аулах, отношение населения к просветительным мероприятиям властей, а также рассказывает об открытии некоторых русско-казахских школ в Северном Казахстане. Необходимо отметить, что А.Е.Алекторов в своих работах идеализирует деятельность местных органов образования по просвещению нерусских народов. А.Е.Алекторов в своих работах рассматривает хронологию развития народного образования в Тургайской области, исследование охватывает большой период, начиная с открытия татарских школ для казахских детей с 1744 до 1898 гг.

Определенный вклад в историю развития учебных заведений внес инспектор школ Тургайской области А.Васильев (1890 г.). А.В.Васильев в 1876 году поступил в Казанскую духовную семинарию, которую закончил в 1882 г., далее поступил в Казанскую духовную академию. Следует отметить, что при академии изучались предметы миссионерского, противомусульманского направления, которое было направлено на осуществление задач царского правительства по русификации инородцев. В академии А.В.Васильев изучает татарский и арабский языки. После окончания академии в 1886 г. и, получив звание кандидата богословия, был направлен преподавателем в Оренбургскую духовную семинарию.

В 1887 г. по инициативе Н.И.Ильминского и личным распоряжением оберпрокурора Синода К.П.Победоносцева был освобожден от обязательной шестилетней службы в духовных учебных заведениях и назначен инспектором народных училищ Тургайской области (в г. Кустанае). Проводя активную работу по формированию школьного образования, в период с 1887-1894 гг. по его инициативе были открыты более 30 русско-киргизских школ для казахов, 6 школ для русских, 3 уездных училища, педагогический класс для подготовки учителей казахских школ. Также занимался совершенствованием казахского алфавита на русской основе, разработанного Н.И.Ильминским и И.Алтынсариним. В октябре 1894 г. оставил службу по Министерству народного просвещения и был назначен советником Тургайского областного правления, которое находилось в г. Оренбурге. На этой должности продолжал заниматься вопросами просвещения, в 1899-1906 гг. был редактором Тургайской областной газеты.

Новое назначение окружного инспектора народных училищ Оренбургской губернии А.В.Васильев получает 7 октября 1906 г. Прослужив некоторое время, 14 марта 1909 г. получает назначение директора народных училищ Симбирской губернии, а уже с 4 сентября 1911 года – директор народных училищ Казанской губернии [162].

Значительное место в его деятельности занимает составление характеристики истории учебных заведений Оренбургского учебного округа для казахских детей и молодежи XIX в., функционировавших на территории Тургайской области и Южного Урала. Также в работу вошли статистические материалы, в том числе списки выпускников казахов с 1825 по 1896 гг.

Один из первых в организации и управлении системой школьного образования из числа казахов становится И.Алтынсарин (1841-1889 гг.). Выдающийся просветитель своего времени, общественный деятель, он все свои знания и силы посвящает просвещению своего народа. Получив ортодоксальное воспитание у деда Балгожи, но вместе с тем, он же становится проводником в мир знаний.

Проявив с малых лет стремление к знаниям, И.Алтынсарин в 1857 году с золотой медалью окончил школу при оренбургской пограничной комиссии. Особенно хорошо давались ему изучение различных языков: русский, арабский, татарский и персидский. Овладение данными языками, позволяет ему изучать произведения классиков, которые сыграли большую роль в духовном становлении.

После отличного завершения школы в 1857 году, И.Алтынсарин работает писарем у своего деда Балгожи - бия, затем переводчиком в Оренбургском областном правлении. В этот период ему было поручено открыть школу для казахских детей. В 1864 году Алтынсарина назначают учителем открытой в Оренбургском укреплении под Торгаем начальную школу [163].

В 1879 г. И.Алтынсарин был назначен инспектором школ Тургайской области. Безусловно, организация и положение учебных заведений в Илецком, Костанайском (Николаевском), Иргызском, Торгайском уездах, как и повсеместно в Казахстане находилось в тяжелом состоянии. Причем вся управленческая деятельность находилось в руках областного генерал-губернатора, что ограничивало его просветительскую службу. Повсеместно в Казахстане все мероприятия связанные с развитием просвещения и грамотности проходили цензуру у губернатора.

Особое место в его деятельности занимает организация ремесленных и сельскохозяйственных школ. Просветитель уделял внимание постановке работы разнопрофильных школ. Следует отметить, что в своем завещании И.Алтынсари все принадлежащие ему земли оставляет в пользование сельскохозяйственной школе Торгая. Также, И.Алтынсарин является основоположником женского образования в Тургайской области. Бесспорно и его достижения в области создания городе Иргизе школы-интерната для казахских девочек.

Заслуживает внимания и организация им учебных заведений для подготовки учителей начальных школ. Открытая с большими трудностями

учительская школа в г. Троицке, а затем переведенная в Оренбург явилось событием в просветительской деятельности Казахстана.

Слабое развитие педагогического дела в казахском ауле, недостаток специальных учебных руководств подтолкнули И.Алтынсарина широко использовать педагогическое наследие К.Д.Ушинского, Л.А.Тихомирова, В.И.Фармаковского, Л.Н.Толстого.

Для русско-казахских школ И.Алтынсарин написал два учебных пособия: «Киргизская хрестоматия» и «Основное руководство по обучению киргиз русскому языку». Они предназначались для казахских детей, обучающихся в то время на русском языке. Однако «Киргизская хрестоматия» просветителя способствовала вытеснению многовековой, привычной для населения арабской графики. Царские чиновники были заинтересованы в использовании этого учебного пособия и в других аульных школах степных областей. Конечно, он не мог не принять влияния вдохновителя миссионерского движения в Поволжье, Сибири, Средней Азии и Казахстане Н.И.Ильминского, с которым находился в тесном общении.

Воодушевленный просветительскими идеями, он разъезжал по аулам, разъясняя населению значение светского образования. Собрав у казахского населения средства, он приступил к строительству школы, торжественное открытие которой состоялось 8 января 1864 г. В школу записались 16 мальчиков, при школе был создан интернат. В 1869 г. И.Алтынсарин поступил на службу в Тургайское уездное управление в качестве делопроизводителя, затем исполнял обязанности старшего помощника уездного начальника и обязанности уездного судьи. По долгу службы бывал в аулах, участвовал в выборах волостного управителя и аульных старшин. На выборах пытался не давать хода подкупам, взяточничеству и злоупотреблениям. Недовольные баи подавали на него жалобы в областное управление, военному губернатору и министру внутренних дел, обвиняя его в нарушении правил выборов, предусмотренных «Временным положением» 1868 г.

С именем выдающегося казахского ученого-просветителя И.Алтынсарина тесным образом связано стремительное развитие научной мысли и образования в конце XIX в. Его имя символизирует преемственность лучших традиций в школьном образовании Казахстана. В открытых светских, новых школах И.Алтынсарин предлагает обучение детей параллельно на двух языках казахском и русском. В своих рекомендациях просветитель предлагает придерживаться определенной системы обучения, учитель методично, систематично, настойчиво должен был включать детей в разговорную речь на русском языке, письму и чтению. Для этого были переведены интересные сюжетные рассказы, которые развивали воображение детей и тренировали разговорную речь. В отличие от рекомендации теоретического изучения русского языка, И.Алтынсарин предлагает возможность ориентироваться в обучении на подготовленность учащихся и на знание своего языка. Таким образом, родной язык изучался без предварительной подготовки чтения и письма, и усвоение начиналось на более высоком уровне.

И.Алтынсарин разрабатывает четкую систему обучения, в которой основное место занимает «переводной метод», эта система, по его мнению, дает возможность учащимся в совершенстве овладеть двумя языками, основным стержнем было безупречное владение устным и письменным родным языком. Переводной метод, считал педагог, позволяет ученикам мыслить и на родном, и на русском языках [164].

Проповедники реакционной политики царизма сводили задачи образования у нерусских народов к узким русификаторским и религиозно-нравственным целям, стремясь тем самым изолировать народы от движения века и влияний, развертывающейся в стране общественно-политической борьбы. Так, на почве реакционной политики сложилась известная система Н.И.Ильминского. В основу его системы был положен религиозно-этический принцип – замаскированный подход к мышлению и сознанию ребенка с тем, чтобы ослабить влияние его традиционной неправославной веры. Система Н.И.Ильминского не была способна разрешить проблему народной школы. Она была совершенно чужда стремлениям передовых педагогов, в том числе и И.Алтынсарина.

И.Алтынсарин, отвергая отрицательные черты системы Н.И.Ильминского, пользовался его советами и помощью в разрешении труднейших вопросов организации школ, подготовки учителей, издания своих учебных руководств для школ, словарей и других пособий, а также во введении нового алфавита.

Печатные книги светского содержания на казахском языке стали появляться еще в начале XIX века. Во второй половине XIX века выходили газеты на казахском языке, в качестве учебных руководств в пользование вошли самоучители, словари, отдельные сборники, произведения по этнографии.

Изучая педагогические взгляды И.Алтынсарина, профессор А.Ф.Эфирев справедливо отмечает заслуги ученого: «При поверхностном исследовании педагогической деятельности И.Алтынсарина может показаться, что он лишь проводил систему Н.И.Ильминского... Но, заимствуя многое хорошее у Н.И.Ильминского, он все же не воспринял его православно-религиозного мировоззрения. И.Алтынсарин был проникнут передовыми идеями русской интеллигенции 60-х годов, был близок к принципам демократического просветительства того времени, высоко чтит имена Чернышевского и Добролюбова. Им была создана своя система школ, отличных от системы Н.И.Ильминского. Его школы-интернаты, приспособленные для детей кочевого населения, и по типу, и по программе были иными, чем школы Н.И.Ильминского» [165].

И.Алтынсарин очень старательно относился к внедрению в учебный процесс прогрессивного, советуя учителям тщательно отбирать учебники по предметам истории, географии, естествознания и др., придерживаться четкого методического руководства в отборе материалов. «Иначе, - писал ученый, - не может установиться система преподавания и ведения вообще учебного дела, а без системы и дело не может идти успешно, так как не все учителя одинаково

способны самостоятельно и без данного направления вести обучение инородческих детей» [166].

Особое место в деятельности И.Алтынсарина занимала разработка и открытие различных типов школ. Волостные школы открываются на территории волости, для них строятся здания, создаются условия для работы (классные комнаты, комнаты для учителей, столовая, мастерские, пришкольный участок).

Аульные школы по своему назначению явились новым типом массовой школы грамоты. Организация школы имело свою особенность, так как они открывались в виде отделений при волостной или двухклассной русско-казахской школе. Считается, что эти школы, открытые после И.Алтынсарина, как бы дальше развивали его систему.

Согласно разработанному Положению, «учебный год в аульных школах продолжался круглый год, каникулы же были 2 месяца – апрель и сентябрь». По объему знаний аульные школы соответствовали первому и второму отделениям одноклассной волостной школы. Ученики один раз в год проходили испытание в волостной школе перед комиссией.

Изучая труды зарубежных исследователей, И.Алтынсарин в своих теоретических исследованиях учитывал передовой опыт, педагогические взгляды просветителей русской школы. Так, в обучении письму и чтению он придерживался методических взглядов Л.Н.Толстого. И.Алтынсарин переоценивал развитие природы самого ребенка, считая, что для обучения письму и чтению на родном языке нет необходимости проходить подготовительный этап. В результате такого подхода, родной язык изучался без подобранной системы упражнений и сознательного освоения его грамматических форм. В обучении родному языку не была предусмотрена система продуманных занятий для развития языка, красноречия, расширения запаса слов. И.Алтынсарин разрабатывает такой метод, который позволяет обучению русскому языку, в основе которого лежит требование безупречного владения устного и письменного родного языка. Свой метод стал называть «переводный метод».

Значительное место в педагогическом наследии И.Алтынсарина занимает разработанная им «Киргизская хрестоматия» на казахском языке, которая на тот период являлась одним из источников, проводников народного языка, культуры, нравственности и патриотизма, любви к своему народу, краю. Работая долгие годы (1876-1888 гг.) над хрестоматией, И.Алтынсарин преследовал две цели, как развитие родного литературного языка и подбирал систему естественно-исторических первоначальных научных знаний. Его учебники и хрестоматии по содержанию носили научно-реалистические идеи, материалы же, формирующие естественно-научное мировоззрение, воспитывающий характер детей. Содержание его рассказов в хрестоматии сравнимы по строению, по целенаправленности, воспитывающему характеру с идеями Я.А.Коменского, К.Д.Ушинского, Л.Н.Толстого.

Нельзя не сказать и о воспоминаниях Н.И.Ильминского об И.Алтынсарине. Зная его практически с молодых лет, Н.И.Ильминский был свидетелем его

становления как ученого и просветителя, им была дана широкая и положительная оценка его деятельности в области создания школ и просвещения казахского народа [163,с. 57].

Другим направлением в педагогическом наследии И.Алтынсарина является разработанная им методика первоначального обучения русскому языку. В пособии «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку», изданное им в 1879 году, дается система обучения языку. По мнению И.Алтынсарина, при обучении русскому языку необходима систематическая подготовка к пониманию отдельных слов, наравне с основными грамматическими правилами. При изучении грамматики, И.Алтынсарин советует пользоваться методом сравнений на примерах с похожими правилами киргизского языка. И еще на что обращал внимание ученый, это на разъяснение прочитанного ученикам. Это можно достигать методом активной, живой, разговорной речи. И только после овладения минимумом запасом разговорной речи, советовал переходить к изучению букваря.

Важно отметить, что в методической системе И.Алтынсарин особо отмечает, что использование родного языка при объяснении русского языка не является обучением родному языку.

На первоначальном этапе изучения русскому языку, особенно разговорной речи используется непосредственно переводный метод. И.Алтынсарин разрабатывает четкую поэтапную систему развития речи, обучению чтению и письму на русском языке. Первая стадия: развитие устной речи на основе первоначальных слов, предварительные уроки: работа над произношением, накопление и закрепление, практика и упражнения; методы: предметный и переводный; родной язык: чтение, усвоение грамоты, письмо. Вторая стадия: обучение по букварю: чтение (произношение: осмысливание логического материала, усвоение грамматических форм) - практика (переводы с русского на казахский, переводы с казахского на русский) и письмо (элементы букв, чистописание, письменные упражнения на материале букваря). Третья стадия: книга для чтения: чтение (развитие речи, изучение грамматических форм) - объяснительное чтение, предметные уроки; письмо (чистописание, списывание, письменные упражнения); методы: переводы (устно и письменно: с русского на казахский, с казахского на русский), сопоставление с родным языком, составление лексических словарей, практика (совместное обучение с русскими учащимися, внеклассное чтение). На схеме видно, что переводный метод в разработанной системе И.Алтынсарина важное место занимает только на этапе развития первоначальной разговорной речи. На втором и третьем этапе преобладают методы дидактического и методического характера, т.е. методы, которые направлены на овладение элементами знания. Пусть эти методы носили элементарный характер, но, тем не менее, вырисовывается научно обоснованный выбор методов обучения. Эти методы дают возможность системно изучать основы научного знания [167].

С.М.Граменицкий в 1881 г. по окончании отделения естественных наук Санкт-Петербургского университета был назначен в Туркестанский край в Ташкентскую мужскую гимназию на должность учителя математики, физики и

естественных наук. В 1892 г. по болезни и совету врачей С.М.Граменицкий оставляет преподавательскую деятельность и получает назначение вначале инспектором (1892-1900 гг.), а с 1900 г. - директором народных училищ Сыр-Дарьинской области. За время своей работы он избирался почетным мировым судьей Ташкентского окружного суда, секретарем попечительского комитета при управлении учебными заведениями Туркестанского края, членом Сыр-Дарьинского попечительства о детских приютах.

В недавно вошедшем в Российскую империю Туркестане, где устои ислама были очень сильны, эти русско-туземные учебные заведения распространялись весьма медленно. Так, С.М.Граменицкий, вспоминая первые годы своей работы в Туркестане, писал, что ошибкой администрации было открытие русско-туземных школ в сельских местностях (из первых 18 только 6 были городскими), поскольку население кишлаков не имело ни малейшей потребности в знании русского языка. Все же за 1880-1893 г. число детей в этих школах выросло в три раза, хотя было и ничтожным относительно общего населения края (в 1893 г. - 0,02%) [168]. В 1911 г. в Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях русско-туземных училищ насчитывалось 89, мектебов - 6003, медресе - 32 [169].

Со временем административные органы Туркестанского края решили открывать учебные заведения в городах, где местное население было более заинтересовано в обучении своих детей русскому языку. Такая тактика оказалась удачной: число школ стало стремительно расти. Однако двухчасового обучения в русском классе было явно недостаточно для овладения основным языком империи. Встал вопрос об изменении всей методики его преподавания. Она должна носить более интенсивный и прагматичный характер и ориентировать, в первую очередь, на овладение разговорной речью. Кроме того, С.М.Граменицкий сомневался в возможности перевода местных языков с арабского на русифицированный алфавит, что являлось одним из главных принципов методики Н.И.Ильминского, считавшего, что тип алфавита тесно связан с конфессиональной ориентацией и «знаменует преимущественно религиозную связь народов» [169, с.37]. Система профессора Казанской духовной академии позволяла в период обучения на родном языке максимально подготовить учащихся к зрительному восприятию русского текста и способствовала переходу прежде всего языческих народов в православие.

Но поскольку, арабская письменность, против которой так восставал миссионер Н.И.Ильминский, была непременным атрибутом мусульманского образования, то местное население никак не могло, утверждал С.М.Граменицкий, согласиться с подобной реформой письменности, считая ее прямым покушением на исламское вероисповедание. Практически здесь просматривались два подхода к просвещению нерусских народов. Если Н.И.Ильминский свою задачу видел в продолжении деятельности братьев Солунских и Стефана Пермского, то С.М.Граменицкий, действуя совершенно в иных условиях, считал своей целью не проведение политики прозелитизма через просвещение, а только просвещение через образование. Время показало правоту С.М.Граменицкого. Введение в 1906 г. русской графики вместо

арабской вызвало среди мусульманского населения мощную волну протеста: телеграммы с мест и материалы по пересмотру правил 1906 г. составили пять увесистых томов [169, с. 92]. Спустя полтора года правительство приняло новые правила, в которых был законодательно закреплён свободный выбор графики - русской, арабской или двойной.

Однако споры вокруг выбора типа школы для нерусского населения не затихали. Особенно резко против С.М.Граменицкого выступал его коллега Н.П.Остроумов, считавший школы казанского просветителя более приемлемые для российских условий с педагогической и гражданской точек зрения. Знаниям и любви к общему отечеству, по его мнению, быстрее научит школа с родным языком, потому что она «мила и понятна местному населению» [170].

Тем не менее, система С.М.Граменицкого все же одержала верх. Практически все русско-туземные учебные заведения Туркестанского края перешли на наглядно-звуковой метод обучения русскому языку. Были открыты и училища повышенного типа - двухклассные (6 вместо 4 лет обучения). В 1907 г. специальная комиссия утвердила учебные планы и программы русско-туземных школ с четырехлетним обучением, а также комплект учебников. Все это называлось «энциклопедией» С.М.Граменицкого. Одновременно впервые появились планы и программы обучения родным языкам как особым предметам [170, с. 52-69; с. 116-127]. Все это не могло не вызвать роста популярности этих школ, что подтверждалось целым рядом ходатайств об открытии новых учебных заведений, которые «дают знания и открывают будущее». Так, киргизы содержали за свой счет не только училища, но и интернаты при них.

Но критика педагогических постулатов С.М.Граменицкого не утихала ни в Туркестане, ни в Казани, ни в центре России. Инспектор народных училищ Ферганской области Ф.И.Егоров считал, что система С.М.Граменицкого непригодна для сельских школ, где русский язык практически не распространен, и в них предпочтение надо отдать системе Ильминского. При этом надо подчеркнуть, что Ф.И.Егоров с уважением относился к деятельности С.М.Граменицкого, как это утверждается в вышедших в 1991 г. «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР». Он вполне допускал правоту принципов С.М.Граменицкого для городских школ Туркестана, то есть главным образом для экономически более развитой Сыр-Дарьинской области. Правильность его мнения подтверждала и школьная статистика - успехи русско-туземных школ были наиболее заметными именно здесь. В 1900 г. в ней работали 23 такие школы, в Ферганской области - 10, в Самаркандской области - 8 [170, с. 103].

Поскольку деятельность С.М.Граменицкого противоречила правилам 1907 г., в которых роль родного языка определялась как «орудие первоначального обучения», одной из задач, направленной в Туркестанский край ревизионной комиссии сенатора К.К.Палена было обследование школ, после которого комиссия утвердила метод С.М.Граменицкого как единственно перспективный в условиях Туркестана [170, с.87]. Итак, несмотря на беспрекословный авторитет системы Н.И.Ильминского, «энциклопедия» С.М.Граменицкого упорно отвоевывала позицию за позицией, соответствуя курсу правительства.

Таким образом, развитие школьного образования зависело от многих условий, которые составляли основу в структурном изменении, расширении сети, изменения содержания и совершенствования. Так, одним из условий на наш взгляд, является создание центральной управленческой структуры, таковым явилось образованное в 1803 г. Министерство народного просвещения. Практически до второй четверти XIX в. в Министерстве не принималось столь значимых документов, которые могли бы существенно изменить развитие школьного образования. И только в 80-90-е гг. новый министерский кабинет обращает внимание на развитие начального образования среди инородческого населения. Развитие начальных школ шло на основании тех правил и инструкций, разработанных в 70-х гг., то есть основным принципом, из которого исходила подготовка инородцев, было уровень овладения русским языком. Исключение из основного положения по организации инородческих школ было в том, что министерство не могло быть полным распорядителем инородческих школ, как того хотели при разработке общего положения. Министерство понимало, что при руководстве необходимо учитывать разнообразие местных условий быта, культуры, языка и т.д. Инородческие школы создавались по окраинам России, на Кавказе, Западной Сибири, Западных окраинах, в Поволжье и на востоке. Условия их были разнообразны по национальной культуре, восприятию всех изменений, не говоря уж о бескрайних степях Казахстана. В Министерстве народного просвещения отмечали, что особенно трудно оказалось установление надзора над магометанскими школами. Выработанная особая инструкция 1874 г. по образованию инородцев практически не была приведена в действие, так как к проекту инструкций были серьезные возражения со стороны Оренбургского генерал-губернатора и губернаторов некоторых восточных губерний. Доводом этих возражений было то, что руководители губерний опасались, что правила в инструкциях по постепенному вытеснению духовного образования вызовет недовольствие среди мусульман.

Следующим условием в развитии школьного образования была организация учебных округов. Учебные округа стали создаваться с 1828 г., следующее реформирование произошло в 1835 г. Так, первой крупной реформой, проведенной министром народного просвещения С.С.Уваровым в 1835 г. было «Положение об учебных округах» [171]. Основная цель реформы заключалась в передаче всех обязанностей и прав по управлению учебными заведениями их округов в руки попечителей. Полномочия попечителя были очень высоки, и для «сохранения пользы совещательнаго порядка и для обсуждения вопросовъ учебныхъ и хозяйственных при попечитель образуется совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій» [171, с. 361].

Третьим, не маловажным условием является организация управленческой структуры в системе народного образования, которая дала возможность регулировать все вопросы организации школы. Более того с учетом местных условий пытались создать те школы, которые совершенствуют систему

школьного образования. Так, утвержденные должности инспекторов народных училищ сыграли большую роль в становлении и развитии русско-национальных школ во всех регионах Казахстана.

2.3 Нормативные документы XIX начала XX вв. по совершенствованию образования

Как уже во втором параграфе говорилось, школьное образование в Казахстане развивалось на основе тех нормативных документов и положений, которые разрабатывались в Министерстве народного просвещения, либо принимались царским правительством. Реорганизации были связаны не только с развитием школьных сетей, но с образованием учебных округов, которые существенно влияли на изменения всей системы школьного образования. Так, первой крупной реформой, проведенной по реорганизации учебных округов, которые были образованы еще 1828 г. стала реформа 1835 г. В принятом министром народного просвещения С.С.Уваровым «Положении об учебных округах» были разработаны основные цели, которые заключались в передаче всех обязанностей и прав по управлению учебными заведениями округов в руки попечителей. Но в то же время иерархическая зависимость низших училищ от средних оставалась неизменной. Директора и почетные попечители лицеев и гимназий, инспекторы частных училищ и пансионов были непосредственно подчинены попечителю. Уездные и приходские училища каждой губернии по-прежнему остаются во введении губернских директоров. Попечитель по своему усмотрению совместно с помощником и инспектором рассматривают все вопросы управления и надзора за училищами. Полномочия попечителя были очень высоки, и для «сохранения пользы совещательного порядка и для обсуждения вопросовъ учебныхъ и хозяйственных при попечитель образуется совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двух директоровъ гимназій» [171, с. 371]. Вырабатываются определенные правила работы Совета, так он лишается права инициативы; дела на обсуждение поступают только по назначению попечителя; исполнения по его решениям производятся от имени попечителя.

Так, в «Положении об учебных округах», который определил порядок управления учебными заведениями, управление осуществлялось попечителями учебных округов. В 1835 г. принимаются следующие инструкции, на основе которых работают все учебные заведения Казахстана:

- а) строгое сословное разграничение разных типов школ;
- б) подчинение частных заведений и домашнего образования правительственному контролю;
- в) преобразование учебной системы на окраинах в духе общегосударственном;
- г) усиление средств учебных учреждений, подведомственных Министерству [171, с. 328].

В течение последующих лет выходит ряд инструкций, которые в той или иной мере отразились на состоянии работы школ Казахстана. Так, 12 февраля 1836 г. выходит «Положение о преимуществах службы на окраинах», этот

документ очертил основные задачи выезжающих на службу на окраины России, каковым являлись Казахстан, Средняя Азия и Восток России, кроме этого были установлены льготы служащим и семьям. 15 февраля 1846 г. принимаются правила испытаний в гимназиях и уездных училищах, степень успеваемости и поведения учащихся определяются пятибалльной системой; успешно выдержавшие полное окончательное испытание в гимназии освобождаются от экзамена при поступлении в университет.

В середине XIX в. в период деятельности министра П.А.Ширинского-Шихматова впервые обращается внимание развитию женского образования. Одним из вопросов реформы 1850 г. было разработка положения об открытии в губернских, уездных городах и больших селениях школ для девиц. Положение о женских училищах было принято чуть позже при деятельности Е.П.Ковалевского. Если уже в середине XIX в. в России открываются женские училища, в Казахстане первая школа для девочек-казашек была открыта в 1887 г. в Иргизе, позже в 1891 г. женское училище с интернатом было открыто в Тургае, 1893 г. в Костанаве, 1895 в Карабутаке, 1896 г. в Актюбинске. Но вместе с тем, есть сведения о том, что уже в 1872 г. во Внутренней орде в русских классах обучались 25 девочек.

Организация школ при степных укреплениях имела свои особенности. Так, в представлении г-ну Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору от 9 октября 1859 г. № 9602 предлагаются для рассмотрения следующие вопросы по организации школ при степных укреплениях:

1) Относительно условий приема киргизских детей в школы при укреплениях, Комиссия полагает, что должно принимать в нее желающих без различия происхождения и состояния родителей.

2) Штат каждой школы Комиссия полагает удобным ограничить на первый раз 25 воспитанниками с одним учителем, который будет вместе и смотрителем школы. Для варения пищи детям должен быть при школе нанятый работник из киргизов. Чем проще будут школы, чем более они будут походить наружностью на азиатские, тем лучше.

3) Учения в степных школах для киргизских детей достаточно будет ограничить чтением и письмом на русском и киргизском языках, первыми четырьмя правилами арифметики и переводом с киргизского на русский и обратно, причем объяснять и грамматические формы обоих языков.

4) Срок пребывания в школах, по мнению Комиссии, назначать не следует. Пусть ребенок учится, пока выучится всему преподаваемому в школе, один может этого достигнуть в два года, другой в три, иной в четыре. Дальше четырех лет, по курсу учения в школе, держать воспитанников не следует...[172].

Были разработаны Правила по организации русских школ для киргизских детей в Уральском и Оренбургском укреплениях. При представлении Пограничной Комиссией от 17 ноября 1861 г. за № 11021 были представлены следующие пункты:

§ 2. Право помещения детей в школы предоставляется преимущественно ордынцам, состоящим на службе по степному управлению. Пока же школы не

наполнятся детьми таковых, принимаются в нее все желающие из киргизов, без различия происхождения и состояния, а на первое время - даже и взрослые.

§ 8. Кроме воспитанников из киргизов, дозволяется допускать к обучению в степных школах и детей русских переселенцев при укреплениях, но не иначе, как в качестве приходящих. Обучение киргизской грамоте для детей этих необязательно.

§ 9. Учителями в степные школы определяются преимущественно молодые киргизы, окончившие курс учения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе или в Школах для киргизских детей при Областном Правлении Оренбургскими киргизами.

§ 21. Воспитанники из киргизов, поступившие в степные школы, пользуются в ней от казны помещением с отоплением и освещением, пищею, постелью и учебными принадлежностями; но одежду, белье и обувь должны иметь собственные. Формы одежды никакой не полагается.

§ 22. Пособия от казны для снабжения совершенно бедных и сирот: одеждою, бельем и обувью может быть оказываемо лишь в виде отступления от общего правила.

§ 25. Издержки по содержанию каждой школы ассигнуются ежегодно, из кибиточного сбора, в количестве 1803 р. 50 к. на следующие предметы:

а) на ремонт школьного дома – 50 р.;

б) на ремонт мебели, посуды и учебных принадлежностей (аспидных досок, чернильниц, книг, бумаги, перьев и проч.) – 75 р.;

в) на отопление и освещение в течение шести месяцев (хворостом, соломою, кизяком, дровами, чем представится возможность, полагая этого топлива, для шести печей или каминов, на 18 руб. в месяц, да по 8 свечей сальных на вечер – 7 р.) – 360 р.;

г) на довольствие воспитанников из киргизов пищею (по 10 коп. в сутки на каждого из 25 учеников, - в течение девяти учебных месяцев) – 687 р. 50 коп.;

д) на снабжение беднейших и сирот одеждою, бельем и обувью – 150 р.;

е) на мыло для стирки белья и умывания, на полотенца кухонные, метлы и проч. – 85 р.;

ж) на жалованье работнику-повару и работниц-прачек – 8 р. в месяц обоим – 96 р.;

з) на жалованье учителю школы – 300 р.

В примечании оговаривается в случае, если учитель выполняет обязанности переводчика при начальнике укреплении с получением жалования, то содержание ему по должности учителя уменьшается на 200 руб.

§ 27. «Киргизские школы при укреплениях, находясь под главным попечением Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, стоят в непосредственном заведывании: в Оренбургском и Уральском – Областного Правления...» [173].

В 60-х гг. XIX в. при кабинете министра А.В.Головнина выходит ряд нормативных документов, который значительно изменил направление образования, как в Казахстане, так и в России: устав гимназий 1864 г.; положение о начальных народных училищах 1864 г.; уставы и штаты

некоторых учебных учреждений; 14 июля 1864 г. выходит «Положение о начальных народных училищах», где упор делается на попечительскую деятельность, о народном образовании земства и городского общества [174].

Следует подчеркнуть, что при деятельности графа Д.А.Толстого на посту Министерства народного просвещения было впервые обращено внимание на создание особой системы школ для инородцев в пределах Казанского, Оренбургского учебных округов, в Сибири и Туркестане. Основная цель данной политики была в том, что эта система «больше прочное сближение инородцевъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ постепеннаго распространения между ними знания русскаго языка» [175]. Основные свои идеи по образованию инородцев граф Д.А.Толстой изложил в отчете после осмотра учебных заведений Казанского и Одесского учебных округов в 1866 году. По предложению министра, попечителю Казанского округа было предложено рассмотреть вопрос об образовании инородцев в особом комитете, исходным материалом которого служил опыт школы для детей крещеных татар, основанной 1863 г. профессором Казанского университета Н.И.Ильминским. Изначально основной целью школы было обучение детей русской грамоте, и положить начало христианской веры на их родном языке.

Один из первых документов «Положение о школах при укреплениях» (утверждено оренбургским и самарским генерал-губернатором 18 октября 1862 года) разработанный в середине XIX в., не ограничивало желающих получить образование и не учитывало сословность воспитанников (Приложение Б) [176]. Также впервые в качестве учителей позволялось приглашать подготовленных молодых казахов, окончившие Неплюевский кадетский корпус. В отличие от прежних положений не было жесткого отбора учеников на основе сословности, а также ограничивались при поступлении набором формальных документов.

Школы при укреплениях могли посещать и дети переселенцев, что позволяло правительству успешнее решать проблему русификации казахского народа.

В § 18 давали указание о пребывании в школе учащихся в зависимости от поведения и успеваемости по предметам. Если ранее ученики, не усвоившие программу курса, могли учиться дольше положенного срока, то по новому положению в школе более четырех лет не могли пребывать. Большим успехом положения было в привлечении в качестве работников казахов, которые находились на службе при столовых, прачечных и плотнических мастерских.

Достаточно объективно и лояльно разработанное положение о школах при укреплениях учитывали все направления жизнедеятельности учеников: общее положение, в котором определялись и штат школы, и местопребывания учеников, а также прием на обучение детей казахов, с возможностью обучения детей русских переселенцев; учебная часть охватывала следующие важные разделы учебного процесса:

§ 11. курс учения в степных школах полагается следующий: а) чтение и письмо на киргизском и русском языках, б) первые четыре правила арифметики и в) переводы с киргизского языка на русский и обратно, с объяснением при этом грамматических форм обоих языков;

§ 12. главное внимание должно быть обращено на обучение воспитанников русскому языку, но русской грамматике следует учить только мальчиков, умеющих уже по-киргизски читать. Обучение арифметике должно начинаться, когда воспитанник выучился читать по-русски и по-киргизски;

§ 13. во избежание необходимости делить воспитанников по успехам на классы, что при одном учителе невозможно, способ учения в степных школах полагается применительный к ланкастерскому, то есть учитель обучает только способнейших и прилежнейших из воспитанников, а эти, приобретенные от учителя знания, передают другим;

§ 14. учебное время разделяется на утреннее и после обеденное, каждое по три часа в сутки. Утреннее в течение сентября, октября, марта, апреля и мая начинается с 8 часов утра и продолжается до 11; в зимние же месяцы: ноябрь, декабрь, январь и февраль - начинается в 9 и продолжается до 12 часов. Послеобеденное время во все месяцы года, когда производится учение, начинается в 2 и оканчивается в 5 часов пополудни; 15. летние вакации полагаются с 1 июня по 1 сентября. На это время все воспитанники, имеющие родителей или родственников, отпускаются по кочевьям; § 16. праздничные дни для киргизских мальчиков должны быть определены по указанию опыта, применяясь к их обычаям.

Таблица 8 - Список поступающих в русскую школу

№№	Имя, отчество, возраст, род и отделение воспитанника	Какого происхождения воспитанник	Когда воспитанник принят в школу или записан кандидатом	Когда воспитанник выпущен из школы и с какими успехами или, если исключен, то за что именно

Данную таблицу - 8 мы приводим, так как по нему также проводили работу по образованию во всех регионах Казахстана [176,с. 47]. Большое внимание учебная администрация уделяла статистике охвата детей в учебных заведения, благодаря такой тщательной работе, как центральная, так и местная учебная администрация имела возможность в той или иной мере контролировать уровень охвата учащимися. Особенностью положения является в том, что по нему участие в организации образования принимали и сами казахи, которые являлись советниками областного правления. Но, тем не менее, основное управление, безусловно, оставалось за военным губернатором. Как и в ранних документах, в школе основное руководство находилось в руках надзирателя. Также жесткое ограничение оставалось и при распределении выпускников. Правительство России ограничивало возможности выпускников в дальнейшем

их деятельности, они в первый год служили в областных правлениях, набирая опыт делопроизводства, позже при имеющихся вакансиях находились при султанах толмачами, либо писцами. Необходимо заметить, что наиболее четко было поставлено делопроизводство во Внутренней орде, о чем свидетельствуют документы о регионе.

Следующее положение, которое было разработано и принято в период реформы 1864 г. было «Положение о школе для киргизских детей, учреждаемой при областном правлении сибирских киргизов» (утверждено государственным Советом 4 октября 1865 г.) (Приложение В) [174, с. 58]. Следует отметить, что и данный документ был разработан с учетом внимания на овладение детьми казахов русского языка, так в следующих пунктах предусматриваются задачи царского правительства: 7) надзирателю вверяется ближайшее заведование школой и надзор за воспитанниками. Он избирается из людей, служивших в киргизской степи и хорошо знающих язык и обычаи киргизов; 8) учитель русского языка, географии, арифметики, чистописания, предварительно до поступления на эту должность, подвергается испытанию из означенных предметов и должен знать киргизский разговорный язык. Должность эту преимущественно могут занимать способные переводчики или толмачи; 9) учитель киргизского языка и магометанского законоучения может быть лицо духовного звания, но предпочтительно следует назначать лиц недуховного звания; 10) надзиратель и учитель русского языка определяются по представлению военного губернатора генерал-губернатором, а учитель киргизского языка и магометанского законоучения - военным губернатором. В примечании оговаривается назначение цели школы, «...чтобы киргизские мальчики более знакомились с русским языком, необходимо всеми мерами поощрять прием пансионеров и вольноприходящих из русских, ибо дети всего легче выучиваются чужому языку в играх и вообще в сношениях с товарищами. В том случае, когда в означенной школе будут обучаться русские мальчики, им преподается закон божий православного исповедания».

Учебные заведения Казахстана в середине XIX в. обучались на основе «Положение о начальных народных училищах», утвержденного указом от 14 июля 1864 г. В Положении отмечалось: «Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». Первоначальные задачи всех указов и инструкций были обращены на решение политики русификации.

Позже выходит следующий указ от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» в какой-то степени уменьшил остроту проблемы. В нем говорилось: «Ввидах облегчения детям татар-магометан и вообще детям инородцев - не христиан - прохождения курса учения в городских и в сельских начальных училищах, а также в уездных училищах и в гимназиях, всех таковых детей освободить, независимо от посещения уроков Закона Божия: в городских и сельских начальных училищах - от чтения по церковно-славянским книгам, в уездных училищах - от изучения церковно-славянского языка, а в гимназиях - от изучения церковно-славянского, греческого и немецкого языков, - без ограничения притом прав и

преимуществ для тех, которые при таких изъятиях окончили бы с успехом полный гимназический курс по прочим предметам».

И в контексте всех этих указов и положений инспектор народных училищ В.В.Радлов, безусловно, обращал большое внимание на изучение русского языка как государственного, поскольку в будущем шакирды становились духовными лицами и им по долгу службы приходилось бы тесно взаимодействовать с властями Казанской губернии, где вся деловая переписка, как и во всей России и российской империи, велась по-русски.

В территориальном распределении учебных округов изменения произошли на окраинах России, новый учебный округ был образован на востоке. Осмотрев в 1866 году многие учебные округа, министр Д.А.Толстой делает доклад о том, что огромный Казанский округ необходимо выделить в несколько губерний и образовать из них новый учебный округ. Затруднение вызвало решение финансового вопроса, что побудило перенос данного вопроса. Но тем не менее, для усиления контроля 11 февраля 1867 года была учреждена новая должность окружного инспектора, обязанного жить в городе Оренбурге.

По мнению министра Д.А.Толстого окружной инспектор не мог заменить попечителя учебного округа в решении многих вопросов, и вынужден был вернуться к вопросу создания нового округа. 18 мая 1874 года было решено разделить Казанский учебный округ: состав Казанского учебного округа ограничить губерниями: 1) Казанскою, Симбирскою, Самарскою, Саратовскою, Астраханскою и Вятскою; 2) отчислив губернии Нижегородскую и Пензенскую от Казанского округа, а Орловскую от Харьковского, присоединить Нижегородскую и Орловскую к Московскому, а Пензенскую к Харьковскому округу; 3) из губерний Пермской, Оренбургской и Уфимской, и областей: Уральской и Тургайской образовать Оренбургский учебный округ; 4) на содержание управления Оренбургского округа ассигновать ежегодно по 27.409 р. 76 к., в том числе 8.000 р. на содержание попечителя; 5) меру эту привести в исполнение в виде опыта на 3 года [177].

Несколько пунктов временного положения по управлению в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях, которое было принято 21 октября 1868 г. посвящены организации школ в Степи (Приложение Г).

На наш взгляд, данный документ жестко регламентировал получение образования детей казахов, все пункты положения были разработаны с учетом осуществления задач царского правительства в Казахстане. Следуя данному документу, дети казахов могли поступать на обучение в открытые школы в станицах и селениях, но принимались они по согласованию станичных обществ, либо за умеренную плату. Так, следующие пункты ярко показывают условия организации просвещения казахских детей:

№ 262 ...для первоначального образования в степи на первое время при каждом местопребывании уездного управления полагается иметь общую школу для всех без различия народностей;

№ 263 ...на устройство и содержание школ отпускаются в распоряжение областных правлений определенные по расписаниям особые суммы, которые

распределяются по уездам соответственно местной потребности и развитию школ;

№ 264...программа для занятий в школах устанавливается генерал-губернатором по соглашению с Министерством народного просвещения;

№ 265...киргизские дети могут поступать на обучение в школы, существующие в станицах и селениях, по соглашению станичных обществ, или безвозмездно, или за умеренную плату;

266...учителям, преподающим в школах, дозволяется принимать к себе на дом для обучения киргизских детей не иначе, как с разрешения местного начальства. Эти школы были удобны тем, что было большое влияние станичников в обучении русскому языку с одной стороны, а с другой наиболее прогрессивные жители станицы влияли на мировоззрение молодых казахов.

Иностранческие школы постоянно находились под наблюдением местных чиновников и Министерства, развитие их происходило на основе разработанного закона от 26 марта 1870 г. Основные моменты этого закона не противоречили задачам, которые ставило Министерство перед развитием иностранческих школ:

а) открытие разных типов народных школ для совместного обучения русских и иностранцев происходило по инициативе местной администрации;

б) допускалась организация для детей иностранцев в зависимости от местных условий организация группового и индивидуального обучения;

в) делались слабые попытки открытия вечерних курсов для взрослых туземцев и ремесленные классы;

г) правительство содействовало устройству пансионатов и ученических квартир учреждением должностей почетных смотрителей.

Первые ремесленные училища в Казахстане появляются в 70-е гг. XIX в. Широкое распространение они получили в начале XX в. В первом специальном документе по ремесленным училищам в Казахстане главным образом уделялся вопрос о путях устройства их. Ремесленные училища первоначально находились при школах, имеющих свой интернат, обустройство их на начальном этапе возлагалось на пожертвования и сборы с населения. По положению в училища принимались только дети казахов, в исключительных случаях некомплектования могли позволить учиться детям русских переселенцев. В отличие от управления других учебных заведений, ремесленные училища находились под руководством инспекторов школ. В приложении № 6 дается подробное описание всех разделов Устава Казахского начального ремесленного училища в г. Тургае.

Устав 1871 г. установил единственный тип гимназии – классическую, с восьмилетним курсом обучения. К концу XIX в. были проведены изменения в управлении народным образованием в Казахстане, так были определены области, управление которых определяется с положением: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская и Тургайская. Уральская область состояла из четырех уездов: Уральского, Калмыковского, Гурьевского и Темирского. Тургайская область состояла из четырех уездов: Актюбинского, Кустанайского, Иргизского и Тургайского.

В пункте № 9 было дано о местопребывании управления: главного Уральского – г. Уральск, Тургайского – г. Оренбург и уездные – одноименные с уездами города.

В пункте № 11 дается следующее распоряжение «инородцы областей, кочевые и оседлые, пользуются правами сельских обывателей. Права и преимущества, присвоенные другим состоянием Империи, инородцы приобретают на основании общих законов».

Был разработан свод законов и в разделе «Извлечении из положения об инородцах», были даны разъяснения по отдельным управлениям инородцами различных губерний и областей. Так, для тех инородцев, которые кочуют в степях между Каспийским морем, Уральскою областью и губернией Астраханскою: в пунктах № 7, 8, 9, 10, 11, 16, 26, 29, 30, 32 определены основные права, управление и образование инородцами, так, в пункте № 30 дается следующее распоряжение: «инородцы имеют право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от правительства учебные заведения. Они имеют право заводить и собственные школы, но не иначе как с позволения начальников губерний или областей» [177, с. 193].

Коренные изменения в области образования связаны с именем Д.А.Толстого. Так, в 1871 г. выходит новый «Устав гимназий», который представил основу общего научного образования с приоритетом классического образования; принимается в 1874 г. новое «Положение о начальных народных училищах», на основе которого действуют все народные училища Казахстана. Следующие документы, так же значительно усовершенствовали состояние образования в Казахстане: 31 мая 1872 г. выходит «Положения о городских училищах и учительских институтах», в 1872 г. принимается Устав по преобразованию реальных гимназий в реальных училищ; 31 июля 1872 г. были изданы учебные планы гимназий; учебный план 1872 г. был пересмотрен в 1877 г. – сделаны частные изменения в распределении учебного материала по классам; 23 мая 1872 г. были приняты «Правила по заведыванию пансионами при гимназиях и прогимназиях», а так же «Правила для учеников гимназий и прогимназий»; 1 июля 1876 г. инструкция о порядке управления учительскими институтами; «инструкция для двуклассных и одноклассных училищ Министерства народного просвещения» [178].

Вопрос образования инородцев имел не только культурологический характер, но и носил политическую окраску. Вследствие этого для глубокого и всестороннего изучения данного вопроса один из чиновников Министерства народного просвещения был командирован в Алжир с целью изучения магометанских школ, устроенных французским правительством. Так же, были добыты сведения о положении школ в английской Индии. Таким образом, все сведения по различным школам инородческого типа было широко проанализировано, обсуждено на совете Казанского учебного округа, Учебном комитете и в советах попечителей учебных округов. В ходе обсуждения выяснились основные моменты, на которые необходимо было обратить внимание, во-первых, племенное и религиозное разнообразие русских инородцев, во-вторых, различная степень обрусения и культурное развитие их.

Следовательно, не было возможности принять единую систему образования для всех инородцев. На Совете было решено все меры по образованию разделить на две группы: образование «инородцев-христиан» и «татар-магометан». Инородцев первой группы, мало обруселых и почти не знающих русский язык было принято обучать в особых школах. Преподавание должно было вестись на местном наречии по книгам, напечатанным русскими буквами и с переводом на русский язык для того, чтобы облегчить ученикам переход к изучению русского языка. Для «инородцев» достаточно обруселых, школы учреждаются на общих основаниях. Особое предписание было к учителям, они должны были быть или сами инородцы, хорошо знающие русский язык, или русские, владеющие местными инородческими наречиями.

С особой осторожностью подходили к обучению инородцев, татар-магометан, так как, по мнению чиновников министерства на них большое влияние оказывало духовенство с множествами мечетями и национальными школами. Было принято открывать за счет казны начальные, сельские и городские училища. При поступлении в общие русские училища для детей татар-магометан были установлены привилегии, как подготовка их через подготовительные классы для изучения русской разговорной речи, а также они освобождались от изучения христианского Закона Божья, церковно-славянского, греческого и немецкого языков. Открытие новых мектебов и медресе разрешалось только при обязательном введении русского языка совместно с учителем данного предмета, и он должен был быть на содержании магометанских обществ.

Введение новой системы образования инородцев поставила и другие задачи, во-первых, разнородные инородческие школы были в подчинении разных ведомств - Военного, Горного, Внутреннего Дел. Такое разделение школ вело за собой определенные трудности в управлении и контроле, и внедрении передового педагогического опыта и препятствовало развитию школ. В связи, с чем генерал-губернатор Оренбургского края ходатайствует о передаче в управление Министерства народного просвещения киргизских, башкирских и казачьих школ Оренбургского края. В этот же период попечитель Казанского учебного округа вышел с предложением о передаче Министерству народного просвещения магометанских школ (мектебов и медресе).

По мнению графа Д.А.Толстого оба эти ходатайства вписывались в общую систему образования, и не противоречили ее развитию. И по соглашению с министрами Внутренних Дел и Военным министром 22 октября 1872 г. было решено реализовать данный проект и передать все инородческие школы в ведение Министерства народного просвещения. Одним из разногласий Министерства народного просвещения возникало с Соединенным Департаментом Законов и Экономии по вопросу о том, удобно ли подчинять учебному ведомству магометанские школы, находящиеся на содержании местных средств. В ходе обсуждения многие члены Соединенного Департамента Законов и Экономии и Общее Собрание Государственного Совета согласились с заявлением графа Толстого, о важности передачи этих школ в ведение Министерства народного просвещения. По мнению графа

Д.А.Толстого, было бы политической ошибкой оставить магометанские школы в руках фанатичного духовенства, проповедующего вражду к русской культуре и языку [179].

Так же, в конце XIX в. был принят ряд документов по организации школьного образования на территории Казахстана. Так, в документе «Народные училища по положению 25 мая 1874 года. Систем свод законов, распоряжений, правил инструкций» под редакцией Г.А.Фальборка, В.И. Чарнолуцкого в пункте 54 дается указание о назначении инспекторов народных училищ по Внутренней Киргизской Орде и Тургайской области [180]. По велению императора временно во Внутреннюю Киргизскую Орду назначается один из инспекторов народных училищ, назначенных по закону от 27 апреля 1876 г. (№ 55859) для губерний внутренних, а в Тургайскую область один из инспекторов народных училищ Пермской губернии. Вместе с тем эти инспектора должны были находиться в подчинении следующих попечителей: инспектора Внутренней Киргизской Орды – попечителю Казанского, а Тургайской области – попечителю Оренбургских учебных округов. В своих действиях по организации школ, обучении и воспитании инспектора, безусловно, регламентировались теми законами, правилами и инструкциями, которые готовились для русских школ. В этом же документе дается следующее распоряжение: «изъять Уральскую область из ведения Дирекции народных училищ Оренбургской губернии, с отчислением в упомянутую область одного из четырех инспекторов народных училищ названной губернии и с подчинением его непосредственно начальству Оренбургского учебного округа».

«Положение о Казахской учительской школе», утвержденное Государственным Советом в 1880 г. дает возможность судить нам о дальнейшем совершенствовании системы образования профессионального характера в Казахстане и возникновении первых наиболее организованных учебных заведений (Приложение Д) [174, с. 128]. Организовываясь на основе положения о татарских учительских школах, новое положение имело и свою особенность. Так, школа при себе имела начальное русско-киргизское одноклассное училище, для подготовки будущих учителей «...что для упражнения воспитанников сей школы в преподавании при ней состоит начальное русско-киргизское одноклассное училище». Было ограничено действие татарских мулл и татарского языка. Все предметы преподавались на русском языке. Штат для казахской учительской школы тщательно прописывался.

Бесспорно, развитие уровня образования в Казахстане в первую очередь зависело от подготовленных учительских кадров. Практически до конца XIX в. подготовка их осуществлялась в приграничных городах России, зачастую из-за нехватки учителей на службу в школы шли малограмотные люди, которые едва разбирались в самом предмете. И только к концу XIX в. появляются первые учительские училища, открываются подготовительные классы, курсы для учителей, это дает возможность улучшить ситуацию в подготовке учительских кадров в Казахстане. Положение, которое было принято в 1880 г.

регламентировало деятельность учителей и школы, и ставило в зависимость от задач царского правительства. Так, некоторые пункты положения ярко показывают об осуществлении этих задач, в пункте № 4, 5, 7 говорится о том, что учителями назначаются киргизы знающие русский язык, все предметы преподаются в школе на русском языке.

Управление войсковыми школами также было утверждено 5 сентября 1885 года постановлением Военного Совета: 1) по штату войскового хозяйственного правления Уральского казачьего войска добавить новую должность инспектора войсковых школ [174, с.165].

Пункт 55. Надзор за низшими училищами в Акмолинской и Семипалатинской областях возложен на Директора, и на Инспектора народных училищ с служебными правами и преимуществами, присвоенными той же должности в империи.

«Извлечение из положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской»

Пункт 5. Уральская область состоит из четырех уездов: Уральского, Калмыковского, Гурьевского и Темирского.

Пункт 6. Тургайская область состоит из четырех уездов: Актюбинского, Кустанайского, Иргизского и Тургайского.

Пункт 9. Местопребыванием управлений назначаются: главного для областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской – город Омск; областных: Акмолинского – временно город Омск, Семипалатинского – город Семипалатинск, Семиреченского – город Верный, Уральского – город Уральск, Тургайского – город Оренбург и уездных – одноименные с уездами города.

Пункт 11. Иностранцы областей, кочевые и оседлые, пользуются правами сельских обывателей. Права и преимущества, присвоенные другим состояниям империи иностранцы приобретают на основании общих законов.

Пункт 13. Главное управление областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской вверяется Степному Генерал-Губернатору.

I. Уездное управление.

Пункт 29. Уезды с находящимися в них городами, кроме городов, имеющих отдельное управление, состоят в ведении Уездных Начальников.

Пункт 35. Уездный начальник имеет право рассматривать все приговоры, постановленные волостными, аульными и сельскими съездами и сходами в пределах вверенного ему уезда [174, с. 87]. Как ранее уже отмечалось вышедшие множество документов о развитии и преобразовании школ в России в основном относились к школам центральной и западной ее части. Впервые к середине XIX в. стали целенаправленно говорить об образовании казахских детей, в связи с этим выходит ряд документов, в котором достаточно подробно описываются все требования к такой школе. Обращается внимание на особенности жизнеустройства учащихся с учетом национальных особенностей. Так, в «Положении о казахской школе при Оренбургской пограничной комиссии» (утверждено 14 июня 1844 г.), в параграфе № 19 говорится о том, чтобы содержание воспитанников соответствовало их образу жизни, одежда была удобна и привычна для них. Отдельным пунктом было выделено и

здоровью воспитанников так, в § 21 данного документа обращалось внимание на состояние здоровья их. Говоря обо всех положительных сторонах положения, необходимо обратить внимание и на те стороны, которые на наш взгляд ярко показаны в документе, о задачах царского правительства, которое в основном преследовала колонизаторскую и русификаторскую политику в Казахстане. Так, в §§ 2, 3, 7 и в ряде других дается указание о распространении среди казахского населения русского языка, подготовке их для дальнейшей службы при султанах-правителях, которые поддерживали царское правительство. Полностью организацией жизнедеятельности воспитанников на себя брала Пограничная комиссия, которая регламентировала все действия учащихся. Некоторые параграфы свидетельствуют об ограничении влияния единоплеменников на воспитанников в процессе обучения и воспитания в школе. Так, при учениках постоянно находились унтер-офицер и надзиратель, которые вели наблюдение за поведением и состоянием обучения их. Далее мы предлагаем полный документ по организации деятельности школы для казахских детей, который даст возможность детально рассмотреть какие проблемы стояли перед правительством при открытии школы [174, с. 89].

Самыми распространенными учебными заведениями в Казахстане были аульные русско-казахские школы. В 1891 г. попечителем Оренбургского учебного округа утверждаются «Правила об аульных русско-казахских школах Тургайской области», содержание их было намного дешевле, чем другие учебные заведения (Приложение Е). Так, в § 7 дается смета на содержание школы, всего расходов на год было 324 руб. Например, на содержание ремесленной школы выделялось 1300 руб. Аульные школы были наименее организованными.

И 28 ноября 1896 г. получив одобрение Императора Государственный Совет постановил: 1) все инородческие школы и училища в Уральской и Тургайской областях, во Внутренней орде, в губерниях Казанской, Астраханской, Оренбургской, находящиеся на содержании государства либо местных средств, а также лиц из числа инородцев-нехристиан занимающихся домашним и частным обучением передать учебному начальству ведомства Министерства народного просвещения на общих основаниях; 2) отпускаемые по смете Министерства Внутренних Дел казенные суммы на башкирские и киргизские школы перенести с 1 января 1875 г. в смету Министерства народного просвещения.

Переход учебных заведений в ведение Министерства народного просвещения осуществлялось на основе положений от 28 ноября 1896 г. Так, в документе пункта 48 в примечании дается разъяснение по поводу перехода: «В областях Уральской и Тургайской, во Внутренней Киргизской Орде..., существующая, но не состоящая в ведении Министерства народного просвещения, а равно имеющая быть открытыми в последствии, инородческие школы и училища, под разными наименованиями (в том числе мектебы и медресе), содержимое за счет казны или местных средств, а равно и занимающиеся домашним и частным обучением лица из числа инородцев нехристиан, подчиняются учебному начальству ведомства Министерства

народного просвещения, на тех же основаниях, на которых выдаются этим Министерством подчиненные ему до 20 ноября 1874 года инородческие и русские училища и школы в поименованных выше местностях».

Пункт 54. дает пояснение нам по поводу определение должностных лиц: «Впредь до учреждения во Внутренней Киргизской Орде и в Тургайской области должностей особых инспекторов народных училищ, в первую определяется временно для заведывания народными школами и вообще низшими и частными учебными заведениями, один из числа Инспекторов народных училищ, назначенных по закону 27 апреля 1876 г. (55859) для губерний внутренних, а в Тургайскую область, также временно с той же целью, отчисляется один из числа Инспекторов народных училищ Пермской губернии, с тем, чтобы названные Инспекторы, подчиняясь непосредственно во Внутренней Киргизской Орде – Попечителю Казанского, а в Тургайской области – Попечителю Оренбургского учебных округов, в действиях своих руководствовались общими для Директоров и Инспекторов народных училищ правилами, насколько это окажется возможным среди населения Орды и инородческого населения Тургайской области».

В управлении школьным образованием немаловажную роль сыграло и принятое положение об управлении областями. В Своде Законов т. II. даются следующие указы:

Области, управление которых определяется с положением: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская и Тургайская.

1. Акмолинская область состоит из пяти уездов: Омского, Петропавловского, Акмолинского, Кокчетавского, Атбасарского.

2. Семипалатинская область состоит из пяти уездов: Семипалатинского, Павлодарского, Каркаралинского, Устькаменогорского и Зайсанского.

3. Семиреченская область состоит из шести уездов: Верненского, Копальского, Лепсинского, Пржевальского, Пишпекского и Джаркептского.

4. Уральская область состоит из четырех уездов: Уральского, Калмыковского, Гурьевского и Темирского.

5. Тургайская область состоит из четырех уездов: Актюбинского, Кустанайского, Иргизского и Тургайского [181].

Указом от 26 декабря 1897 г. постановлено: Семиреченскую область изъять из состава Омского военного округа и Степного Генерал-Губернаторства, а также из ведения Министерства Внутренних Дел, с включением ее в состав Туркестанского военного округа и Генерал-Губернаторства и с передачей в ведение Военного Министерства.

В этом же документе было определено управление областями: 1) главное управление в областях: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской; 2) управление отдельными частями разных ведомств; 3) местные административные установления: а) областные; б) уездные; в) городские; г) сельские.

В пункте № 9 было дано о местопребывании управления: главного для областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской - город Омск; областных: Акмолинского – временно г.Омск, Семипалатинского –

г.Семипалатинск, Семиреченского – г.Верный, Уральского – г.Уральск, Тургайского – г. Оренбург и уездные – одноименные с уездами города.

В пункте № 11 дается следующее распоряжение «инородцы областей, кочевые и оседлые, пользуются правами сельских обывателей. Права и преимущества, присвоенные другим состоянием Империи, инородцы приобретают на основании общих законов» [174, с. 53].

Был разработан свод законов и в разделе «Извлечении из положения об инородцах», были даны разъяснения по отдельным управлениям инородцами различных губерний и областей. Так, для тех инородцев, которые кочуют в степях между Каспийским морем, Уральскою областью и губернией Астраханскою: в пунктах № 7, 8, 9, 10, 11, 16, 26, 29, 30, 32 определены основные права, управление и образование инородцами, так, в пункте № 30 дается следующее распоряжение: «инородцы имеют право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от правительства учебные заведения. Они имеют право заводить и собственные школы, но не иначе как с позволения начальников губерний или областей».

Опыт развития школьной системы был изучен чиновниками Акмолинской и Семипалатинской областей. На основании чего было принято решение открыть школы в областях аналогичных школьной системе Тургайской области. В 1901 г. были разработаны специальные правила для училищ Акмолинской и Семипалатинской областей.

Основные направления правил отражали характер развития и содержание школ:

§ 3. Аульные школы по внутренней своей обстановке должны отвечать условиям быта казахов...

§ 4. Учебный год продолжается, за исключением двух каникулярных месяцев апреля и сентября, круглый год, с октября до апреля в наемных землянках, с мая до сентября в наемных кибитках.

§ 5. Курс и программы учебных предметов аульных школ должны соответствовать 1 и 2-му отделениям волостных одноклассных школ.

§ 7. Аульные школы содержатся на местные средства. Ежегодный расход по содержанию аульных школ исчисляется в 540 руб., а именно: а) на жалование учителю 360 руб., б) на наем школьной квартиры 120 руб., в) на книги и учебные пособия 20 руб. в год, г) прочее – 40 руб. [174, с. 85].

Особо необходимо отметить о положении, «о почетных блюстителях при аульных школах». Издав такой документ министерство просвещения с одной стороны дает возможность самим казахам принимать участие в жизни школ, но с другой стороны практически ограничивали их действия различными указаниями (Приложение Ж). Об этом свидетельствуют пункты 2, 3. Деятельность блюстителей ограничивались только сбором информации о состоянии школы и учебы учащихся, и информировать о них инспекторов народных школ. Большую пользу они приносили по сбору взносов на содержание школы.

В начале XX в. Министерство народного просвещения предпринимает попытки унификации сети русско-национальных школ для тюркоязычных

народов Поволжья, Казахстана и Средней Азии. В связи, с чем в 1905 г. в Петербурге было созвано совещание по вопросам образования «восточных инородцев», которое высказалось за создание единой для всех восточных и среднеазиатских нерусских народов системы школ.

В решениях по вопросу о языке обучения отмечалось, что преподавание на родном языке может быть позволено только тем народам, которые имеют свою письменность и литературу. Такими языками были признаны польский, литовский, немецкий, татарский, латышский, эстонский, армянский, грузинский. Относительно казахского, киргизского, узбекского, таджикского и многих других языков народов было сделано заключение «...допускать в школы только в первые два года обучения». Рекомендации этого совещания учитывались при составлении правил «О начальных училищах для инородцев», живущих в восточной и юго-восточной России, которые были утверждены Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г.

Правила «О начальных училищах для инородцев» не предусматривали существование национальных школ различных типов и подчиняли конфессиональные мусульманские школы Министерству народного просвещения [182]. При конфессиональных школах должны были открываться классы русского языка. Введение в действие правил 1906 г. вызвало недовольство среди ряда деятелей просвещения в Казахстане и Средней Азии, особенно мусульманского духовенства. Эти правила вызвали резкое недовольство деятелей национальных школ, в частности С.М.Граменицкого.

Директора народных училищ опасались возмущения и волнения среди населения. Оживленные дискуссии в прессе и письма недовольных правилами вызвали у Министерства Внутренних Дел и Министерства народного просвещения опасения. В связи с создавшейся ситуацией 28 сентября 1906 г. попечитель Оренбургского учебного округа Н.А.Бобровников обратился в Министерство народного просвещения с запиской «К вопросу о пересмотре правил 31 марта 1906 г.», в которой высказал мнение о том, что критика пунктов правил, касающихся регламентации деятельности мусульманских мектебов и медресе организована реакционным мусульманским духовенством, пантюристскими и панисламистскими элементами, «агитация против правил была создана искусственно, а многие пункты правил мусульманской печатью умышленно извращались» [183]. Здесь же Н.А.Бобровников предлагал пересмотреть и смягчить в ряде пунктах формулировки правил. Также с просьбой об отмене правил 1906 г. в Министерство просвещения обратился ряд деятелей высшего мусульманского духовенства и купечества А.Баязитов, Т.Курбангалиев, Ш.Кучуков, Т.Юнусов, Г.Еникеев и др. Министерство внутренних дел, прислав обзор поступивших писем о правилах 1906 г., также просило об их пересмотре.

С началом XX в. связаны ряд существенных изменений в системе образования в Казахстане. 1905-1907 гг. был период противоречий в строительстве народного образования, с одной стороны-поражение революции 1905-1907 гг. вызвало усиление правых реакционных кругов, что привело к широкому наступлению на демократические завоевания трудящихся, с другой

стороны-решительные действия и сопротивление социал-демократов, защищавшие интересы народного образования. Эти события позволили правительству и церкви расширить контроль над школами, содержанием образования и учебно-воспитательной работой в них, в изгнании прогрессивно-настроенных учителей, продолжить в национальных школах осуществление русификаторских идей.

Контроль за деятельностью конфессиональных школ нерусских народов стал одним из важных вопросов правительственных учреждений. В министерстве народного просвещения неоднократно поднимается вопрос относительно мусульманских мектебов и медресе. Так, в одном из совещаний было рекомендовано различать «мектебы и медресе сугубо вероучительного характера» и «новометодные мектебы и медресе», в которых наряду с религиозными предметами изучаются общеобразовательные дисциплины. В первых из них предлагалось осуществлять контроль через мусульманское духовенство, во вторых через инспекторов народных училищ. Рекомендовалось своеобразное руководство религиозными школами, назначить специальных инспекторов из числа мусульман, которые находились бы в подчинении правительственным инспекторам народных училищ. Документ, который был разработан на совещании «Об инспекции мусульманских школ» ограничивал надзор с указанием в деятельности школьных мугалимов за тем, чтобы в них не преподавалось ничего «противного русской государственности». В документе излагалось: «...Инспекторы над мусульманскими вероучительными школами имеют сравнительно с настоящими инспекторами народных училищ пониженное служебное положение, как в отношении класса должности, так и по окладу содержания, но должны быть с образованием не ниже городского училища, знакомыми с местными языками» [184].

В мае-июне 1905 г. в Петербурге Министерством народного просвещения было проведено специальное совещание для обсуждения состояния и путей дальнейшего развития образования нерусских народов Поволжья, Казахстана, Средней Азии «по вопросам образования восточных инородцев». В совещании приняли участие ученики и последователи Н.И.Ильминского - Н.А.Бобровников, А.А.Воскресенский, М.А.Мирописев, Н.П.Остроумов, С.В.Смоленский, И.Я.Яковлев и др. Вопросы, которые обсуждались на совещании касались следующих направлений: «организация русско-инородческой школы для христиан и язычников; содержание образования и методы обучения (главным образом русскому языку) в русско-инородческих школах; основные принципы организации начальной и учительской школ для магометан» [185].

Значимость совещания можно было судить по участию в нем государя Николая II и министра просвещения Глазова, они указали на необходимость расширения сферы изучения русского языка и обучения его в русско-инородческих школах, на усиление тенденций приобщения нерусских народов к русской государственности. Поднимался вопрос о создании единой для всех восточных и среднеазиатских народов системы русско-инородческих училищ. По итогам совещания была предложена следующая структура системы школ:

1) Первоначальное училище или первое отделение одноклассной школы с нормальным двухгодичным курсом (аульные, старшинские), которое факультативно может быть обращено в трехгодичное.

2) Одноклассное начальное училище, которое состоит из курса первоначального училища, с прибавлением второго двухгодичного отделения. Нормальный курс такого одноклассного училища - 4 года, а с прибавлением к первому отделению одного года - 5 лет.

3) Второй класс, составляющий с вышеназванными училищами общий шестилетний курс, а с прибавкой факультативного года - семилетний.

Было рекомендовано организовать их, таким образом, когда эти три отдела начального инородческого училища могут либо существовать обособленно, либо войти в состав одного училища».

Важный вопрос, который был поднят на совещании, был вопрос о языке обучения в русско-национальных школах. Так, в одном из решений отмечалось, что преподавание на родном языке может быть разрешено только тем народам, которые имели свою письменность. Языками, имеющими письменность, были признаны: польский, литовский, немецкий, татарский, латышский, эстонский, армянский, грузинский, что касается казахского, киргизского, узбекского, таджикского и многих других языков народов Сибири, Казахстана, Средней Азии, то они были признаны «не имеющими письменности и литературы», и преподавание в национальных школах этих районов на родном языке разрешалось проводить только в первые два года обучения.

Следующая проблема, которая обсуждалась на совещании, была методика преподавания русского языка в национальных школах. При обсуждении было выяснено, что наиболее эффективным является наглядно-переводный метод, при использовании которого учитель опирается на родной язык.

Участники совещания также обсудили вопрос о деятельности мусульманских мектебов и медресе, они оставались практически обособленными от правительственных школ и бесконтрольными со стороны органов народного образования и государства. На что делегаты совещания высказались за введение правительственного контроля за их деятельностью. Инспектора училищ, отмечается в документах совещания, не вмешиваясь в сугубо религиозные дела и не обременяя деятельность мусульманских мечетей, вместе с тем должны контролировать следующие вопросы:

1) открытие мектебов и медресе, благонадежность лиц или обществ, содержащих школы;

2) наличие у мулл или мугалимов-учителей документов о сдаче экзамена по русскому языку;

3) наполняемость мектеба учениками, содержание обучения в нем;

4) чтобы учебные книги были изданы в России, одобрены цензурой и рекомендованы для использования в мектебах не муфтием, а учебным начальством;

5) наблюдать, чтобы обучение осуществлялось на природном языке учащихся, по книгам, изданным на родном языке русской графикой;

б) чтобы преподавание осуществлялось в соответствии с педагогическими требованиями и не противоречило нравственным принципам;

7) чтобы в русских классах при мектебах и медресе преподавались русский язык и арифметика в объеме начальной русской школы.

Несомненно, совещание по вопросам образования нерусских народов Казахстана, Средней Азии, Поволжья в 1905 г. в общем, имело положительное значение. Принятые на нем ряд решений позволило унифицировать различные виды русско-национальных школ, а также упорядочить их структуру, регламентировать деятельность кадимистских и новометодных мектебов и медресе. Впервые на таком уровне были разработаны проекты учебного плана, а также учебных программ по русскому языку и ряду других учебных предметов для русско-национальных школ, даны практические рекомендации по совершенствованию методики обучения русскому языку. Особо было высказано и заслуживает одобрения рекомендация совещания об изучении родного языка и литературы в русско-национальных школах: «...городских училищах, гимназиях, реальных училищах местных языков и литературы, за счет увеличения числа часов сверх установленного учебными планами», за счет родительских или общественных средств.

Одновременно участники совещания ратовали за усиление русификаторских тенденций в «инородческом образовании», явно преувеличивали значение педагогических идей Н.И.Ильминского в деле развития образования нерусских народов, недооценивали позитивный опыт русско-национальных школ различных регионов.

На совещании был обсужден проект новых правил о русско-национальных школах Казахстана, Средней Азии, Поволжья в основе проекта лежали те требования, которые были приняты еще 1870 году. Новый проект представлял собой дальнейшее развитие его. Однако текст «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденных министром И. Толстым в 1906 г., хотя и отражал ряд рекомендаций совещания, существенно отличался от проекта и от правил 1870 года.

Идеи русификации нерусских народов также были предписаны в правилах «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» и утверждены 31 марта 1906 г. Отдельные пункты правил явно показывали о решении задач царского правительства, в § 2 отмечается: «Начальные училища для инородцев имеют цель, с одной стороны, содействовать их нравственному и умственному развитию и, таким образом, открывать им путь к улучшению их быта, а с другой стороны - распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему отечеству» [186]. Предложенная единая типология школ в 1906 г. была отражена в правилах для обучения нерусских детей. По такой типологии дети обучались в следующих учебных заведениях: первоначальные училища с двухгодичным, одноклассные - с четырехгодичным, двухклассные - с шестилетним курсом обучения. В первоначальных училищах разрешалось увеличение срока обучения до трех лет. Правила устанавливали, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть его природное

наречие». Учителями и учительницами могли быть граждане России, имеющие установленный образовательный ценз, одной национальности с учащимися, или русские, знающие родной язык школьников. В первоначальных (аульных и старшинских) школах, одноклассных училищах должны были преподаваться следующие предметы: закон божий или вероучение, церковно-славянское чтение (для православных), грамота на природном наречии, русский язык (разговор, чтение, письмо), счет и пение. Пункт 9 правил указывал, что «Общее наблюдение и руководство всеми училищами для инородцев как казенными, так и частными, содержатся ли они на средства жизни или учреждениями и частными лицами, - возлагаются на инспекторов инородческих училищ; ближайшее же заведование и надзор за всеми этими училищами возлагаются под руководством помянутых инспекторов, на местные органы министерства народного просвещения» [187].

Непоследовательность решений вопроса была в принятом документе относительно языка обучения. Так, в правилах говорилось, что дети, не знающие русского языка или мало его знающие, первые два года должны обучаться на родном языке, а потом языком обучения должен становиться русский, родной же язык изучается как учебный предмет. Учебные книги «на природном наречии» печатаются русскими буквами, а для народностей, имеющих национальный алфавит, книги эти печатаются в двойной транскрипции: русской и инородческой». В случае, если в школах обучаются русские учащиеся, их объединяют в общих классах со второго года обучения и преподавание ведется на русском языке. В отдельном пункте (п.16) давались рекомендации относительно обучения девочек «инородческие девочки обучаются совместно с мальчиками или же для них открываются особые училища того же типа, как и для мальчиков» [182, с. 38].

Для нерусских учащихся мусульманского вероисповедания, в соответствии с правилами, должны были создаваться те же типы школ, что и для православных.

Правила четко регулировали отношения органов народного образования и конфессиональных мусульманских школ. Они отражены в пунктах 32—36, в которых говорится:

32. Общий надзор за частными инородческими вероисповедными училищами (магометанскими, ламаитскими и др.) возлагается на инспекторов училищ по принадлежности.

33. Заведующее таким училищем лицо должно состоять в русском подданстве и иметь образование не ниже курса одноклассного училища Министерства народного просвещения.

34. Знания заведующего вероисповедным училищем по соответствующим вероучениям контролю инспекцией не подлежат.

35. К употреблению в вероисповедных училищах допускаются только те учебные руководства и пособия, которые изданы в России, прочие же не иначе как с особого, в каждом отдельном случае, разрешения инспектора инородческих училищ.

36. Частные инородческие вероисповедные училища открываются с разрешения инспектора инородческих училищ по представлении надлежащих удостоверений в том, что содержание училища обеспечено всеми необходимыми для того средствами, что при нем будет состоять класс русского языка и заведующий училищем имеет образование, показанное в п. 25 [182, с. 127].

Таким образом, правила 1906 г. жестко регламентировали деятельность мектебов и медресе, ставили в зависимость на местах органы народного образования Министерства просвещения, требовали открытия при них классов русского языка, регулировали организацию учебной работы.

Положительным в правилах 1906 г. было то, что в них впервые четко была определена система русско-национальных школ, уделено внимание на содержание образования в них. Создания единых типов русско-национальных школ во всех территориях с тюркоязычным населением, преобразования уже существующих школ, таких как русско-туземных в Туркестане, старшинских и участковых во Внутренней орде и др. в один из типов, указанных в правилах позволило, и унифицировать программу подготовки школьников. Спорный вопрос о языке обучения также был отражен в правилах, одобренных учительством и общественностью первоначальное обучение осуществлять на родном языке, он был введен в учебный план как учебный предмет. Безусловно, такое решение ограничивало глубокое изучение родного языка, литературы, истории и культуры народа.

Введение в действие правил 1906 г. вызвало недовольство среди ряда деятелей просвещения в Казахстане, особенно мусульманского духовенства. Директора народных училищ опасались возмущения и волнения среди населения.

В начале XX вв. новый министр народного просвещения, деятельность которого ограничилась апрелем 1906 г. и декабрем 1907 г. П.М. фон Кауфманом были проведены незначительные изменения, в том числе с его именем связаны репрессии учителей неблагонадежных с точки зрения политики царского правительства. Накануне и в годы первой русской революции в Казахстане формируется ряд партийных групп и организаций, которые вели пропагандистскую работу в массах, основной упор делался на развивающуюся казахскую учительскую интеллигенцию, которые и впоследствии попали под репрессии. Был издан циркуляр «Об улучшении общей постановки учебно-воспитательного дела» и впервые издаются самостоятельные правила «о начальных училищах для инородцев», которые по содержанию предшествовали тем нормативным документам, которые касались общего состояния школ России.

Новые правила «О начальных училищах для инородцев» был утвержден министром просвещения П.М. фон Кауфманом 1 ноября 1907 г. [188]. Важным в новом документе было то, что в пункте № 10 оговаривалась возможность открывать ремесленные классы и классы ручного труда в русско-национальных школах, а также из правил были исключены пункты, регламентировавшие работу мусульманских мектебов и медресе, а также относительно применения

русской графики к тюркским и др. языкам и издания на них учебной литературы.

Действие указанных правил распространялось на Казанский, Оренбургский, Одесский, Кавказский, Западно-Сибирский учебные округа, а также на Туркестанское, Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства.

Развитие системы образования в начале XX в. связано с революционными событиями 1905-1907 гг. Эти события заставили царское правительство провести ряд мероприятий по народному образованию, которые оказали позитивное значение для дальнейшего совершенствования развития просвещения народа. Так, 1 ноября 1907 г. министерством просвещения, возглавлявшим П.М. фон Кауфманом, было внесено представление (законопроект) «О введении всеобщего обучения в Российской империи». Данный законопроект не отвечал интересам народным масс с одной стороны, и с другой стороны, не была упорядочена школьная сеть. Многообразие существующих на тот период начальных училищ, их было около 60 видов, со своими положениями, уставом и правилами осложняло развитие народного образования. В законопроекте не учитывались эти особенности [189]. В связи с этим думская комиссия по народному образованию поручила пересмотреть законопроект подкомиссии под руководством Е.П.Ковалевского. Принятие этого закона затянулось на долгие годы, и был принят Государственной думой лишь в 1911 г. Это видимо один из законопроектов по вопросу образования, который вызвал бурное обсуждение среди думских партий, интеллигенции, народных учителей, деятелей просвещения. На страницах печати за 1908-1912 гг. постоянно появлялись статьи, на которых поднимался вопрос всеобщего обучения. Сроки осуществления всеобщего начального обучения на местах должны были определяться органами местного самоуправления. Минимальный размер содержания одноклассного училища устанавливался в 700 руб. в год, из которых 420 руб. (жалование учителю 360 руб. и законоучителю 60 руб.) отпускались из средств государства. Максимальный срок введения всеобщего начального обучения для всех местностей России устанавливался 10 лет. Правительство предлагало закончить введение всеобщего обучения в 1917 г. [190]. Однако этот проект не был осуществлен.

Сложность деятельности русско-национальных школ были связаны с подчинением их различным министерствам, которое в некоторой степени изменилось с принятием правил в 1907 г. Однако передача в подчинение Министерству народного просвещения, не решили вопроса об унификации их. По-прежнему наблюдается отсутствие единого законодательства по вопросам школьной системы нерусских народов, входивших в состав Российской империи. Все это побуждало правительственные круги к очередной попытке унифицировать систему национальных школ.

В мае 1908 г. был издан закон предоставления средств на нужды начального образования, в основном деньги отпускались местностям, нуждающимся в открытии новых учебных заведений [191]. Согласно данному закону кредиты на открытие училищ отпускались в размере 700 руб., общая сумма, которая была определена на нужды начального образования, составляло

6 900 000 руб. Вводилось бесплатное обучение во всех начальных школах, получающих пособие из этого кредита.

Другой закон, принятый 22 июня 1909 г. «Об образовании при Министерстве народного просвещения школьно строительного фонда и об установлении правил о выдаче пособий из средств государственного казначейства на школьные строительные надобности начальных училищ ведомства того же Министерства» дал возможность быстрому расширению сети школ, улучшению их учебно-материальной базы образования. Согласно этому закону казначейство, начиная с 1909 г., ежегодно ассигновывало на строительство школьных зданий один миллион рублей. Облегчало строительство новых школ разработанные правила об отпуске пособий, так ссуда из фонда выдавалась в размере 50% фактической стоимости строящегося школьного здания на 40 лет. Оставшиеся 50% средств ассигновали земства, переселенческие организации или общества, строящие школу.

Председатель Совета министров П.А.Столыпин неоднократно отмечал о неэффективности в многообразии типов национальных школ, их подчинение различным министерствам и ведомствам, так как это усложняло контроль над ними. В январе 1909 г. он предложил созвать междуведомственное совещание, на которое были приглашены представители министерств внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия и землеустройства и др. и выработать единые правила для всех «инородческих школ России» от запада до востока [192].

В октябре 1909 г. комиссия государственной думы по народному образованию созвала совещание по выработке положения об инородческой школе. В нем участвовали А.Д.Леонов (председатель), А.Н.Баратынский (секретарь), С.И.Алексеев, П.В.Березовский, О.А.Бракман, М.С.Воронов, Н.Генецкий, Г.Х.Еникеев, Е.П.Ковалевский, А.М.Масленников, А.М.Ржонд, В.К.Тычинин и др. На совещании было принято, не внося изменений в типологию национальных школ, разрешить нерусским народам самим решать вопрос о языке обучения. Однако «совещание не сочло возможным распространить эту привилегию... на Среднюю Азию, Восточную Сибирь и Дальний Восток [193]. В остальных местностях России разрешалось обучение на родном языке в тех случаях, если в уездах проживало свыше 50 % нерусского населения и «при условии, если: а) у этого народа имеется письменность и литература на своем языке; б) если в пределах обслуживаемой школой местности с трехверстным радиусом имеется в среднем 50 не говорящих по-русски детей, принадлежащих к нерусской национальности» [193, с. 102]. Обучение же на языках народов, не имеющих письменности и литературы, по мнению совещания, должно было осуществляться только впервые два года, а затем языком обучения становится русский. В этой ситуации было предложено увеличить часы на изучение русского языка и обратить внимание на методику преподавания. Все рекомендации совещания практически не выходили за рамки тех положений, которые были ранее разработаны относительно национальных школ, со всеми целями, задачами и установками.

Значительное влияние на развитие национальных школ оказало междуведомственное совещание «по вопросам постановки школьного образования для инородческого, инословного и иноверного населения России», проходившее в Петербурге под председательством заместителя министра просвещения Л.А.Георгиевского. В нем участвовали представители всех министерств и ведомств, которые имели отношение к народному образованию, это - министерства внутренних дел, военное, торговли и промышленности, путей сообщения, землеустройства и земледелия, от ведомства императрицы Марии, управления учебных заведений Синода, а также деятели национальных школ Поволжья, Средней Азии, Казахстана и других национальных регионов. На неоднократных совещаниях такого уровня, поднимались вопросы:

- 1) объединения всех школ в ведении министерства просвещения;
- 2) унификации типов школ для русских и нерусских;
- 3) совершенствования в них учебной работы;
- 4) упорядочения содержания образования и издания учебно-методической литературы;
- 5) улучшения управления ими и контроль за их деятельностью и др.

Однако совещание столь действенных рекомендаций относительно единого законодательства о национальных школах так и не приняло, а также вопрос об унификации их и создании единой типологии остался не решенным. При обсуждении перечисленных выше вопросов четко просматривается тенденция к русификации нерусских народов через национальную школу и изучение русского языка.

Другим, не менее реакционным в своих действиях отмечается министр Л.А.Кассо. Им в 1912 г. был принято «Положение о высших начальных училищах с четырехгодичным сроком обучения», проводятся преобразования в высших и низших мусульманских школ (мектебов и медресе), на основе данного документа закрываются национальные просветительские центры и общественные организации [194].

В постановлении от 30 мая 1917 г. «Об изменении и дополнении действующих узаконений о промышленных училищах и об отделе промышленных училищ Министерства народного просвещения» указывалось, что профессиональные учебные заведения, классы и курсы, а равно различные учреждения, содействовавшие распространению профессиональных знаний, должны состоять в ведении Министерства народного просвещения. Постановление узаконивало следующую систему профессионально-технических учебных заведений: 1) технические училища, 2) ремесленные училища, 3) ремесленные школы. Технические училища должны были готовить техников, ремесленные училища — мастеров, ремесленные школы - подмастерьев и квалифицированных рабочих.

В новом законе были определены основные направления профессионального образования: 1) профессиональное образование приводилось в некоторое согласование с системой общего образования; 2) открывалась широкая возможность проявления частной инициативы как в школьном, так и внешкольном профессиональном образовании; 3) значительно

повышалось материальное содержание педагогических и административных работников профессионально-технических учебных заведений. С августа 1917 года в ряде городов возникли четырехклассные технические училища, или на базе ремесленных училищ или путем преобразования старых технических училищ, продолжительность обучения в которых была от 4 до 7 лет.

Политические условия в России были настолько серьезными, правительство не могло игнорировать этих протестов. Срочно была создана комиссия по пересмотру правил 1906 г., в состав которого входили: заместители министра О.П.Герасимов, В.В.Белюстин, М.Р.Завадский, члены Совета министра: А.С.Будилович, академик А.М.Позднев, А.Н.Деревицкий - попечитель Казанского учебного округа, Н.А.Бобровников - попечитель Оренбургского учебного округа, директора департаментов министерства А.А.Андрианов, С.И.Анциферов, Н.Ф.Катанов - профессор-тюрколог, А.Е.Алекторов, А.Балгимбаев - инспектор училищ Тургайского уезда, заведующий Кокпектинским русско-киргизским училищем Семипалатинской области О.Альжанов, С.М.Граменицкий, Н.П.Остроумов, А.А.Воскресенский, а также представители мусульманского духовенства и купечества А.Баязитов, Г.Еникеев, Г.Курбангалиев, И.Юсупбеков, И.Акчурун, Ш.Кучуков и др. По итогам работы комиссии под руководством министра просвещения П.Кауфмана был подготовлен новый проект и представлен для обсуждения 7 октября 1907 г. [195]. Уже в 1907 г. были утверждены новые правила «О начальных училищах для инородцев», в которых эти пункты отсутствовали.

Реакционный курс министерства Л.А.Кассо направлен был и на усиление правительственного надзора за русско-национальными школами, ограничения в них роли родного языка. В правилах «О начальных училищах для инородцев», утвержденным министром просвещения Л.А.Кассо, 14 июня 1913 г. было рекомендовано шире изучать русский язык [196]. По сравнению с правилами 1907 г. в новом законоположении изменения коснулись лишь пунктов, регламентировавших преподавание родного и русского языков. Отличительной особенностью правил 1913 г. было в том, что из правил 1907 г. были исключены из пунктов: п. 1 - первоначальное обучение проводится на родном языке; с п. 5 исключалось положение о том, что после перехода на русский язык обучения, родной язык изучается как учебный предмет. В правилах 1913 г. в п. 4 указывается, что «обучение русскому языку в училищах» для инородцев подлежит начинать не позднее третьего месяца первого года обучения», тогда как правилами 1907 г. обучение разговорной русской речи с опорой на родной язык вводилось со второго полугодия, а обучение русскому языку как учебному предмету, со второго года обучения [197].

Как и все министры, которые усердно контролировали выполнение основных задач в русско-национальных школах, новый министр просвещения Л.Кассо в разъяснениях к правилам от 14 июня 1913 г. отмечал плохое положение в преподавании русского языка в этих школах. Но надо заметить, что министра беспокоило не, сколько слабые знания учащихся по русскому языку, а столько выполнение основных задач в национальных школах, как проведение русификаторской и колонизаторской политики царизма.

Основанием такой ситуации в школах министр видел в «слишком широком применении инородческого языка при преподавании, и позднее начало изучения русского языка». Разъясняя такое состояние дела в русско-национальных школах, министр указывает: «Такое положение дел не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного, которому должно быть отведено подобающее место во всей школе. Задача начальной «инородческой школы» состоит не в одном лишь сообщении учащимся необходимых знаний, но и в приобщении подрастающего поколения инородцев к общей гражданской жизни их отечества. Для достижения этой цели знание языка государственного представляется, безусловно, необходимым» [198]. По этому поводу, отдельным пунктом в § 4 новых правил дается разъяснение в особенности преподавания родного и русского языков. Родной язык следовало преподавать в двух первых классах лишь только в том случае, если в течение двух лет ученики не овладеют русским языком. В случае, если же учащиеся усвоят русский язык раньше указанного в правилах срока, то нужно немедленно переходить к обучению на русском языке.

Таким образом, уточнение и изменение отдельных сторон правил «О начальных училищах для инородцев» в основном было направлено для усиления идеологического воздействия правительства через школы на «инородческое» население Казахстана, Средней Азии и других национальных территорий. Между тем ни совещания, ни правила 1913 года так и не решили задач унификации русско-национальных школ, передачи руководства в одно ведомство. Сохраненная разнотипность правительственных русско-национальных школ была характерной чертой системы народного образования дореволюционного Казахстана и Средней Азии.

Неоднократные попытки Министерства народного просвещения по вопросу создания единой национальной школы единодушно встречали отклик у ряда деятелей народного образования Казахстана. В соответствии с правилами 1907 года во Внутренней орде в 1911-1912 гг. все старшинские школы были преобразованы в одноклассные русско-казахские училища. В Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской областях русско-казахские училища и аульные школы начали работать по учебному плану правил 1907 года. Несомненно, такое преобразование казахских школ было явлением положительным, так как позволило увеличить срок обучения в национальных школах и расширить программы обучения. Надо отметить, что на протяжении многих десятилетий политика царского правительства по отношению к национальным школам отличалась своею непоследовательностью и двойственностью. Итак, с одной стороны правительство преследовало вопрос колонизации края, включения его в общую экономическую жизнь России, усиление идеологического русификаторского влияния на население и это требовало создания государственных школ, с другой стороны - страх самодержавия перед ростом политического и национального самосознания народных масс, развитием революционного движения, а также консерватизм государственного аппарата сдерживали увеличение числа школ и контингентов

учащихся. В результате чего образование детей казахского народа ограничивалось начальной русско-казахской школой, в которой давались элементарные знания. Варварская система министерства Л.Кассо установила казарменную атмосферу в средней и низшей школе. В конце 1913 и начале 1914 года состоялся первый Всероссийский съезд по народному образованию. Основной целью организации съезда было в том, чтобы согласовать и решить вопросы дальнейшего развития школьного образования. Разногласия, которые возникли в IV Государственной Думе по вопросам всеобщего образования, изменения программы и учебных планов вынудили вынести эти вопросы на съезд. На съезде работало множество секций, одна из них «инородческая» секция, которая по мнению многих участников была наиболее демократичной. Так, «инородческая» секция в своем решении записала: «Принимая во внимание, что, во-первых, вопрос о народной школе тесно связан с вопросом о государственной школе, и что, во-вторых, самый вопрос о государственной школе непосредственно зависит от формы государственного строя, инородческая комиссия при 1 Всероссийском съезде по народному образованию находит, что нормальная постановка дела народного образования мыслима лишь при оздоровлении всего государственного организма» [198, с. 129].

Инородческая секция требовала осуществления действительной всеобщности обучения для всех народностей, введения преподавания на родном (материнском) языке, расширения программы народной школы за счет усиления в ней общеобразовательных предметов и т.п.

Коренные изменения в системе образования происходят с октября 1917 г. Так, октябрьский переворот 1917 г. привел к коренной перестройке работы всего Министерства народного просвещения. Вместо него правительством большевиков был создан Наркомпрос. Первый нарком просвещения становится А.В.Луначарский, прослуживший на этой должности с 1917 по 1929 гг. Происходят изменения в отношении структуры учебных заведений, учебных планов, программ. В 1918 г. в Наркомпросе была начата программно-методическая работа, были подготовлены материалы почти по всем предметам, которые рассылались на места в литографированном виде.

Итак, в развитии системы образования в Казахстане значительное место занимали деятели просвещения не только Казахстана, но и России, в частности существенную роль в данном направлении сыграло деятельность министров народного просвещения. Несомненно, огромен вклад и инспекторов народных училищ в общей системе развития школьного образования. Следует отметить, что роль каждого из них и отношение к просвещению казахского народа в течение XIX - начала XX вв. были различны.

Безусловно, проводя множество реформаторских идей в системе школы, Министерство народного просвещения в первую очередь заботилось о преобразовании и совершенствовании российской школы. В первую очередь, в развитии системы образования в Казахстане ставились задачи русификации казахского народа. В осуществлении этой задачи царским правительством и Министерством народного просвещения принимались различные меры:

проведение административных и школьных реформ (принятие различных инструкций и циркуляров), ограничение деятельности мусульманских духовных школ, образование и распространение правительственных школ и т.д.

Значительные изменения происходят в Казахстане в 60-х гг. XIX в., но ощутимые сдвиги в школьном образовании были в конце XIX - нач. XX вв. В исследуемый нами период, министерством был проведен ряд преобразований. Так, были учреждены учебные округа и разработаны положения по их управлению (1803 г., 1835 г., 1860 г., 1863 г., 1874 г.), Устав низших и средних учебных заведений, который до конца XIX в. был основным учебным документом.

Изменения в старой системе образования происходят при деятельности министерства А.В.Головнина. Следует отметить, что изменения, которые происходили в период службы А.В.Головнина, в основном, осуществляются благодаря мероприятиям, проведенным предшественником Е.П.Ковалевским. Проведенные подготовительные работы министерства Е.П.Ковалевского (анализ отчетов попечителей учебных округов, деятельность различных типов школ, управление и делопроизводство и т.д.) позволили наметить ряд реформаторских шагов. В частности были законодательно приняты и утверждены в учебной системе: реформа центрального управления Министерства и цензуры, устав гимназий 1864 г., положение о начальных народных училищах 1864 г., уставы и штаты некоторых учебных заведений.

Ряд изменений происходит в 70-90-е гг. XIX в., они в основном были связаны с преобразованием реальных гимназий и училищ, появляются первые профессиональные учебные заведения. В эти годы впервые рассматриваются и принимаются решения по инородческим школам: «Положение об училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях», «О некоторых изменениях в устройстве начального народного образования в Туркестанском крае», 12 марта 1885 г. учреждается Западно-Сибирский учебный округ в составе губерний: Тобольской и Томской и областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской. Значительные преобразования в системе школы происходят в период службы министра И.Д.Делянова. Одним из главных документов, который впоследствии существенно изменил систему образования, стал принятый 7 марта 1888 г. «Основные положения о промышленных училищах» [199]. Как уже говорилось раньше только в 80-90-е гг. министерством обращается внимание на развитие начального образования среди инородческого населения. Вновь создаваемые школы, в основном, опирались на те правила и инструкции, которые были разработаны в 70-х гг., где главным принципом обучения был уровень овладения русским языком.

В начале XX в. большое внимание уделяется профессиональному образованию, появляются новые типы школ, как промышленные, сельскохозяйственные училища. Разрабатывается новое положение общеобразовательной средней школы. Начало XX в. можно считать переломным в развитии системы народного образования, изменяются уставы, пересматриваются вопросы об управлении, объединяются некоторые типы школ подведомственные разным учреждениям, но вместе с тем в русско-казахских

школах русский язык по-прежнему остается приоритетной. Так, министерство Л.Кассо 14 июня 1913 г. утверждая правила «О начальных училищах для инородцев», рекомендует все шире изучать и использовать русский язык.

Но, тем не менее, несмотря на все старания царских властей придать деятельности русско-казахских школ русификаторский характер не удалось, объективно они играли позитивную роль в просвещении казахского народа. Главная заслуга в этом принадлежала прогрессивному народному учительству разных национальностей.

Таким образом, процесс колонизации Казахстана в Российской империей осуществлялся через множество мер и принятий официальных документов, ограничивающих с одной стороны-возможность самостоятельного управления, в системе образования, политического, социально-экономического и культурного развития, и с другой стороны- регулирующее административно-правовые изменения. Основными причинами этих мер были: расширение сферы влияния на территории Казахстана, интенсивная реализация поставленных задач царским правительством, проведение активной русификаторской политики.

Итак, основными документами, изменившие сферу влияния султанов и приведшее к преобразованию образа жизни казахского народа, оказались «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.) и «Устав об Оренбургских киргизах» (1824 г.). Вся власть управленческая оказалась в руках царской администрации. Безусловно, все эти действия царской администрации вызвало волну сопротивления среди казахского народа, которые вспыхивали в различных регионах Казахстана: восстания под предводительством Саржана Касымова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, хана Кенесары. Привлечение отдельных преданных царской администрации султанов позволило осуществить в некоторой степени административную реформу в XIX в.

На протяжении XIX в. проводится ряд школьных реформ, которые существенно изменяют систему образования в Казахстане. Появляются новые типы школ, но, к сожалению, содержание их долгое время остается на местном попечении. Следовательно, о высоком уровне подготовки учащихся не могло быть и речи.

Таким образом, общее состояние развития народного образования в Казахстане проходило с общими тенденциями преобразования, которые происходили в Российской империи. Проводя реформы школьного образования, Министерство народного просвещения в основном упор делала на изменение системы образования в России. Множество нормативных документов, которые были приняты в различных ведомствах, имеющих отношение к народному образованию, были в основном посвящены проблеме преобразования классических гимназий, которых не было в Казахстане. В середине XIX в. разрабатывается ряд документов, который впервые вносит изменения в систему образования в Казахстане. Но, эти попытки не могли принести больших успехов, так как в основном учитывались интересы царского правительства. Только лишь в конце выходит ряд документов, относящихся к преобразованию системы народного образования в Казахстане. Особую роль в

создании этих документов сыграли миссионеры, работавшие на территории Казахстана.

Также значительное место в развитии системы образования в Казахстане занимали министры народного просвещения. Принимая активное участие в разработке нормативно-правовых документов, участвуя в инспектировании учебных округов, изучая отчеты попечителей и других чиновников народного образования, министерство пыталось развивать сеть правительственных школ в Казахстане. Коренные преобразования в системе образования связаны с именами министров А.С.Норова, Е.П.Ковалевского и Е.В.Путятин. Реформируя в различных направлениях систему образования в России, они в той или иной мере проводили слабые попытки улучшения и изменения образования в инородческих школах. Так, изменения происходили в следующих направлениях: в рамках устава 1864 г. группируются четыре главных пункта: управление учебными заведениями, учебные планы и программы, обеспечение учительскими кадрами и организация учащихся, обучение носило всеобщий характер. «Устав гимназий и прогимназий» 1864 гг. установил три типа семиклассных гимназий: 1) классическая гимназия с греческим и латинским языками; 2) классическая гимназия с латинским языком; 3) реальная гимназия без древних языков, но с естествознанием в большом объеме. Развиваясь в единой структуре школы Казахстана и относясь к одной управленческой системе, слабо изменялись и в содержательном и в количественном плане.

Происходит реорганизация в территориальном распределении учебных округов, 18 мая 1874 года было решено разделить Казанский учебный округ следующим образом: в состав Казанского учебного округа вошли губернии Казанский, Симбирский, Самарский, Саратовский, Астраханский и Вятский; губернии Нижегородский и Пензенский были выведены из Казанского округа, а Орловская от Харьковской; были присоединены Нижегородская и Орловская к Московскому, а Пензенская к Харьковскому округу; 3) из губерний Пермской, Оренбургской и Уфимской, и областей: Уральской и Тургайской был образован Оренбургский учебный округ; 4) на содержание управления Оренбургского округа было ассигновано ежегодно по 27.409 р. 76 к., в том числе 8.000 р. на содержание попечителя [200]. При деятельности графа Д.А.Толстого на посту Министерства народного просвещения было обращено внимание на создание особой системы школ для инородцев в пределах Оренбургского учебного округа. Им же было уделено внимание образованию инородцев. По предложению министра, попечителю Казанского округа было предложено рассмотреть вопрос об образовании инородцев в особом комитете, исходным материалом которого служил опыт школы для детей крещеных татар, основанный 1863 г. профессором Казанского университета Н.И.Ильминским.

В 1896 г. впервые поднимается вопрос на Государственном Совете в областях Уральской и Тургайской, во Внутренней Киргизской Орде, Астраханской, Оренбургской областях, где имелись инородческие школы и училища, под разными наименованиями, содержащиеся за счет казны или местных средств, а также занимающихся домашним и частным обучением лиц

из числа инородцев-нехристиан подчинить учебному начальству ведомства Министерства народного просвещения на общих основаниях; отпускаемые по смете Министерства Внутренних Дел казенные суммы на башкирские и киргизские школы перенести с 1 января 1875 г. в смету Министерства народного просвещения.

Также в конце XIX в. был принят ряд документов, по организации образования на территории Казахстана: так, в документе «Народные училища по положению 25 мая 1874 года. Систем свод законов, распоряжений, правил инструкций» в пункте 54 дается указание о назначении инспекторов народных училищ по Внутренней Киргизской Орде и Тургайской области. По велению императора временно во Внутреннюю Киргизскую Орду назначается один из инспекторов народных училищ, назначенных по закону от 27 апреля 1876 г. (№ 55859) для губерний внутренних, а в Тургайскую область один из инспекторов народных училищ Пермской губернии [201]. Вместе с тем эти инспектора должны были находиться в подчинении следующих попечителей: инспектора Внутренней Киргизской Орды – попечителю Казанского, а Тургайской области – попечителю Оренбургских учебных округов.

Большое внимание обращает новый министерский кабинет 80-90-е гг. на развитие начального образования среди инородческого населения. Развитие начальных школ шло на основании тех правил и инструкций, разработанных в 70-х гг., то есть основным принципом, из которого исходила подготовка инородцев, был уровень овладения русским языком. Исключение из основного положения по организации инородческих школ было в том, что министерство не могло быть полным распорядителем инородческих школ, как того хотели при разработке общего положения. Министерство понимало, что при руководстве необходимо учитывать разнообразие местных условий быта, культуры, языка и т.д. Условия их были разнообразны по национальной культуре, восприятию всех изменений, не говоря уж о бескрайних степях Казахстана.

Итак, и в начале XX в. особое место в деятельности образования занимают вопросы контроля выполнения основных задач в русско-национальных школах и в том числе преподаванию русского языка в русско-казахских школах. Так, новый министр просвещения Л.Кассо в разъяснениях к правилам от 14 июня 1913 г. отмечал плохое положение в преподавании русского языка в этих школах. Но надо заметить, что министра беспокоило не, сколько слабые знания учащихся по русскому языку, а столько выполнение основных задач в национальных школах, как проведение русификаторской и колонизаторской политики царизма.

В целом, в Казахстане за короткий срок 1909-1914 гг. были открыты в Акмолинской области 357 школ, из них 53 русско-казахских, в Семипалатинской - 135, в Семиреченской – 57, из них русско-казахских 11, в Тургайской – 328, из них русско-казахских 30, в Уральской – 191, из них русско-казахских 93, во Внутренней Киргизской Орде - 30 национальных школ, и всего 1098 школ, в том числе - 217 русско-казахских.

3 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ИССЛЕДУЕМЫЙ ПЕРИОД

3.1 Условия возникновения школьного образования в Казахстане

Исторические и политические условия, сложившиеся в XVIII в., повлияли на последующее историческое развитие Казахстана, имевшие свои особенности в отрезке времени и в отдельном взятом регионе. Безусловно, образование является составной частью общего развития любого государства, и события, которые происходят в нем (политические, социально-экономические, культурно-исторические и др.), существенно влияют на исторические процессы, состояние, развитие и процветание страны. Мы в своей работе рассматриваем несколько важных объективных условий, явившихся предпосылкой возникновения и развития школьного образования в Казахстане. И склонны разделить их на несколько аспектов. Так, одним из условий на наш взгляд, является объективное внешнеполитическое положение Казахстана и дальнейшее его присоединение к России, которое было вызвано жизненной необходимостью. С одной стороны, Казахстан в XVIII в. подвергался набегам со стороны отсталого Джунгарского государства, а в начале XIX в. со стороны среднеазиатских ханств Хивы, Коканда и Бухары; но и с другой стороны, влияние мусульманского духовенства на образование еще больше подвергало отсталый народ к культурно-экономическому рабству.

В Казахстане в данный период отмечается очень сложная внутренняя и внешняя обстановка: борьба казахских ханов за власть, желание укрепить собственные позиции, опасность со стороны джунгар, а также угроза английского нападения. Все эти обстоятельства вынудили казахских ханов в течение нескольких десятилетий, начиная с 30-х гг. XVIII века, принять российское подданство. Геополитическая ситуация на Евразийском континенте во второй половине XVIII - нач. XIX вв. была отмечена фактором усиления русско-английских противоречий в Средней Азии, характеризующаяся активным проникновением Англии вглубь региона Среднего Востока. С начала XIX в. Средняя Азия становится полем нарастающего геополитического соперничества между Россией и Англией, первая из которых рассматривает регион в качестве буферной зоны между Российской империей и странами Средней Азии и Индией, а вторая - в качестве рынка сбыта товаров английской промышленности.

Колонизацию Казахстана можно условно подразделить на два направления: первая включает мирное вхождение, вторая - военную колонизацию, то есть открытое завоевание территории Казахстана. Казахские жузы, присоединяясь в состав России, имели разные исторические и политические условия. Так, Средний жуз, во главе которого стоял хан Аблай, был гораздо меньше связан с Россией, Старший жуз находился под властью джунгар и кокандского хана, а присяга Абулхайра положила начало постоянно возрастающему влиянию России на жизнь казахского народа. В 1741-1742 гг. джунгарские войска вновь вторгаются в Средний и Младший жузы, но

вмешательство русских пограничных властей заставило их отступить. В 1787 г. казахам, которых теснили узбекские племена, было разрешено перейти р.Урал и кочевать в Заволжье. Это решение официально закрепил император Павел I в 1801 г., когда из 7500 казахских семейств была образована Букеевская (Внутренняя) Орда во главе с султаном Букеем [202].

Присоединение Старшего и Среднего жузов к России затянулось на многие годы. Юридически присоединение Старшего жуза состоялось 10 июня 1734 года в соответствии с указом императрицы. Однако, отдаленность этого края от России существенно осложнила их практическое вхождение в состав Российской Империи. В результате к началу XIX века значительная часть Старшего жуза попала под власть кокандского правителя Алим-хана.

В 1818 году Старший жуз вновь обратился с просьбой о принятии их в российское подданство. В мае 1824 года император Александр I подписал грамоту о принятии в подданство 14 султанов Старшего жуза, кочевавших в Семиречье. В 1830 г. присягу приняло население нескольких волостей Среднего жуза. Затем в течение 15 лет в российское подданство вступили почти все остальные роды Старшего жуза.

В первой половине XIX в. Россия, проявляя некоторый интерес к пограничному с ней среднеазиатскому району, пыталась наладить с ним экономические связи, изучить возможность его завоевания и последующего освоения. Однако решительных внешнеполитических действий Россия не вела. Во второй половине XIX в. ситуация кардинально изменилась из-за стремления Великобритании проникнуть в эти районы и превратить их в свою колонию. Россия не могла допустить появления Англии в непосредственной близости от своих южных рубежей. Соперничество с Англией стало основной причиной активизации русской внешней политики на Среднем Востоке. Так, основные регионы северо-восточного и Центрального Казахстана вошли в состав Российской империи в 20-40 гг. XIX в. В 1840-х годах в государственной политике России происходит переход на юго-востоке к мероприятиям по «выдвижению границ» для контроля безопасности на степном пространстве Средней Азии.

Таким образом, происходит процесс постепенной трансформации методов геополитического контроля над пространством региона, от протектирования казахских родов и объединений жузов к постепенному внедрению центральной власти путем строительства на караванных трассах военизированных укреплений и вовлечения казахов в экономические интересы России. Комплекс военно-политических мероприятий русского правительства, проведенных на протяжении 40-60-х годов XIX в., привел к полному контролю управления над центральной и южной частью Казахстана. Меры, предпринятые в названный период, привели к полному прекращению набегов кочевников на приграничные районы Казахстана и России.

Взятие царскими войсками в 60-х гг. XIX в. Туркестана, Шымкента, Аулие-Аты и т.д., сопровождавшееся применением крупных воинских сил, завершило завоевание территории Старшего жуза Россией. Присоединение

Казахстана, а затем Средней Азии позволило России одержать верх в соперничестве с Британской империей.

Следует отметить, что присоединение к России было единственным на тот момент выходом из сложившейся ситуации, поскольку риск потери государственности был очень велик. Естественно, что Российская Империя, желая защитить свои новые владения, приняла ряд мер по обеспечению безопасности присоединенных территорий. Кроме того, России было необходимо обеспечить безопасность торговых караванных путей, ведущих в Западный Китай и Среднюю Азию.

Царское правительство прежде чем приступить к систематическому продвижению в Казахстан и Среднюю Азию посылала «научные» разведывательные, а иногда и военные экспедиции. Одна из них была организовано в 1839 г. направленная против хивинского ханства. Позже, начиная с 1841 г. стали предприниматься активные шаги для проникновения в Среднюю Азию. Так, были организованы три русские миссии: научная - для изучения края, которая проходила под руководством ученого-востоковеда Н.В.Ханыкова; дипломатическая - посольство Н.П.Игнатьева и торговая - во главе с Ч.Ч.Валихановым. В их задачу входило изучение политического и экономического положения государств Среднего Востока, установление с ними более тесных контактов [203].

К моменту завоевания Туркестана Россией на территории Средней Азии имелись три самостоятельных феодальных государства - Бухарский эмират, Кокандское и Хивинские ханства. В результате колониальной экспансии в 1864-1884 гг. на этой огромной территории было образовано Туркестанское генерал-губернаторство России и два вассальных государства - Бухарское и Хивинское.

Тема присоединения Казахстана к России - достаточно сложная по своему социальному, политическому и экономическому взгляду. Различные точки зрения историков разных лет с одной стороны показывают прогрессивность действий Абулхаир хана, с другой стороны подвергаются полному сомнению правильности и важности этого события.

Колонизация Казахстана с его обширными территориями, и с многочисленным населением вызвало у царской России немало трудностей. Царская администрация проводила непоследовательную работу на территории Казахстана, ущемляя коренное население, что впоследствии привело к падению авторитета русской власти в глазах казахского народа.

Первые десятилетия колонизации Казахстана российской империей казахский народ, как и многие народы Средней Азии являлся свидетелем высокой русской власти среди населения. Особенно, это чувствовалось на юге Казахстана, где казахский народ терпел давление со стороны бухарского эмира, кокандского и хивинского ханов. Первый генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, проводя интеграционные работы среди казахского народа, был отмечен, как сильный администратор, диктовавший свою волю бухарскому эмиру, кокандскому и хивинскому ханам. Но, к сожалению, местная администрация со временем утратила свою самостоятельность в принятии

решений относительно местного населения, что привело к потере авторитета русской власти.

Колонизация Казахстана имела свое важное стратегическое значение для царской империи. Являясь плацдармом для продвижения вглубь Средней Азии, Казахстан был важным звеном в решении политических и экономических задач. Представляя собой источник сырья и дешевой рабочей силы, Казахстан не мог не интересовать Россию. Царское правительство, проводя различные административные реформы, укрепляло свои позиции на всей территории Казахстана.

Колонизация различных регионов Казахстана в составе Российской империи имела свою особенность. Процесс колонизации в западном, северо-западном и центральном Казахстане проходил мирным путем, в этих регионах не проходили военные действия как в Туркестанском крае. На наш взгляд, возникшее в начале XIX в. в западной части Казахстана Букеевское ханство сыграло огромную роль в процессе присоединения Казахстана к России. Внутренняя Орда, проходя первым путем присоединения к Российской империи тем не менее, сохранила свое политическое и административное управление. Колонизация этого региона шла наиболее интенсивнее, чем в других регионах. Более тесные взаимоотношения казахов с русским населением и казахских поселений повлияли на ведение хозяйства, их быта и образа жизни. Для Российской империи Внутренняя Орда была местностью для успешного проведения колонизаторской политики и окном для дальнейшего распространения этой политики в другие регионы Казахстана.

Таким образом, вследствие проведения колонизации Казахстана произошли изменения не только во внешнеполитической ситуации, но и оно явилось условием возникновения новых типов светской школы. Казахстан являлся не только сырьевой базой Российской империи, но и страной, в котором народ принимал новые изменения в социальной жизни, где были свои взгляды на образование и просвещение.

В планы российской империи входило продвижение через Казахскую Степь вглубь Азии и до самой Индии. В связи с этим, был необходим город, который не только бы сдерживал натиск джунгар, но и стал бы пограничным торговым и культурным центром. Этим городом стал Оренбург. Таким образом, строительство этого города было необходимо и выгодно, как и младшему жузу, так и российской империи: казахские ханы получали защиту от внешних противников, прежде всего, джунгар, а Россия планировала развитие азиатской торговли. Создание приграничных укреплений и городов, на наш взгляд, является существенным условием возникновения школьного образования в Казахстане, так как именно здесь возникают первые правительственные школы. Казахская родовая знать Младшего жуза была заинтересована в укреплении своих позиций, получении льгот, поэтому поддержала Абулхаир хана, высказавшего мнение о необходимости строительства города на реке Ор, для ослабления натиска со стороны джунгар.

Строительство города было началом укрепления позиций царского правительства на территории Казахстана, следующим шагом было

строительство линии укреплений. Бесспорно, строительство таких линий укреплений ограничивало районы кочевий казахов и являлось в сущности противоречивым явлением. С одной стороны - строительство крепостей и колонизация степных земель привели к изъятию части традиционных территорий и сокращению радиуса кочевок казахов Младшего и Среднего жузов, но с другой стороны - строительство городов обусловило и создание в них сети правительственных школ, которые со временем расширялись и совершенствовались. Бесспорно, центром распространения просвещения среди казахского народа стал город Оренбург, созданный как пограничный торговый центр.

Следующее условие, в осуществлении задач колонизации, которое мы хотели бы выделить в своей работе, является установление административно-правовых мер, которые обеспечили управление народом, дали возможность осуществлять транзитные торговые пути через казахские земли и дальнейшее развитие системы школ.

С принятием российского подданства в Оренбургском крае были созданы органы управления и регулирования отношений с населением Казахской Степи. Об административных реформах XVIII и XIX вв. мы говорим во второй главе диссертации. Первые административные реформы в Степи были проведены русской властью на территории Младшего жуза в последней четверти XVIII в., по инициативе сибирского и уфимского наместника О.А.Игельстрома (1784-1792 гг.). Если обратиться к некоторым узловым моментам создания административных структур, то можно выделить следующие периоды: с 30-х годов XVIII в. до 1782 г. управление осуществлялось Оренбургской губернской канцелярией; затем с 1782 г. - Пограничной экспедицией, которая в 1799 г. была преобразована в Оренбургскую Пограничную комиссию, которая впервые включает в свой штат заседателей от казахского населения; а в 1859 г. - Областное правление оренбургскими казаками.

Административные изменения обусловили и создание учебных округов, которые служили инструментом организации и управления школьного образования как в Казахстане, так и в России. Постоянные изменения происходили на территории Оренбургской губернии. Так, в 40-80-е гг. XVIII в. это была Оренбургская губерния с административным центром в городе Оренбург, в состав которой вошли все населенные пункты и крепости, находившиеся на оренбургской линии и подчиненные Оренбургской экспедиции, казахи и яицкие казаки. В состав Оренбургской губернии входила почти половина территории современного Казахстана.

Административные реформы первой половины XIX в. в Казахской степи («Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем», 1824 г.; дистанционная система, 1831 г.; «Положения об управлении Оренбургскими киргизами», 1844 г.) выдвинули на первый план представителей казахской знати, которые в поисках лучшей должности и содержания органично влились в управленческую систему имперской России. Так, султан-правитель получал чин майора российской службы и считался чиновником, поставленным во главе местного правления.

Наделение султанов-правителей исполнительной властью в среднем звене управления от русского правительства, назначение им жалованья, сумма которого в год составляла 1200 рублей серебром, дополнительно 60 четвертей муки, а при выходе в отставку – пожизненной пенсии, превращало их в служилых чиновников Российской империи [204].

Возможность нового ведения административно-правовых дел на территории Казахстана стало возможно с образованием Азиатского департамента, который регулировал вопросы, касающиеся обширных казахских земель, взаимоотношения России с казахским и азиатскими народами. Вопросы по западному Казахстану рассматривались в созданном при департаменте Азиатском комитете.

В 1822 г., а затем в 1824 г. был утвержден новый порядок управления казахскими землями. Система пограничного управления разделялась на три звена: высшее, линейное и степное.

Так, по Уставу о сибирских и оренбургских казахах 1822-1825 гг. были внесены изменения по управлению казахским народом, на основе которого была ликвидирована ханская система управления, исключение составила Внутренняя Орда. Во Внутренней Орде вплоть до 60-х гг. XIX в. оставалось ханское управление. Так, на основе Устава 1822 г. были созданы округа и волости.

Изменение политического строя в Казахстане началось в первой половине XIX в. и связано с разработанным М.М.Сперанским в 1822 г. «Устава о сибирских киргизах». Первые шаги по ликвидации ханской власти в жузах началось именно в этот период. Так, по Уставу 1822 г. первым ханская власть была упразднена в Среднем жузе, чуть позже в 1824 г. в Младшем жузе. Средний жуз разбился на восемь внешних округов во главе с окружными приказами. На основании устава произошло следующее административное деление: 50-70 кибиток составляли административный аул, во главе стоял старшина, избранный на три года, 10-12 аулов – волость, с волостным управителем, 15-20 волостей – округ (избиравшийся волостными управителями старший султан). В соответствии с таким административным делением стали создаваться определенные типы и количества школ в волостях ограничивались. Управление округом постоянно контролировалось царской администрацией, членами управления являлись русские чиновники, назначенные губернатором, которые проводили в основном все работы по регулированию и организации. И в это управление входили «почетные» казахи, которые оставались всего лишь почетными членами управления округа. На наш взгляд, такое административное деление составляло достаточно сложную структуру в организации и управлении школьного образования. В результате чего, впервые 31 октября 1824 г. образуются учебные округа, в основу которых легло административное деление, губернии были распределены по учебным округам. Впервые в Казахстане в этот период появляются правительственные школы, единичные по всей территории и они подчинялись центральной администрации губернии.

Административные преобразования в Казахстане и законодательное их оформление послужили мерой вторжения в государство через управленческую структуру. Высшим представительством царского правительства стало генерал-губернаторство, которое осуществляло на местах не только надзор над вверенной ему областью, но и предпринимало все правовые меры в отношении казахского народа. Генерал-губернатору предоставлялись большие права в управлении казахским народом, вплоть до издания распоряжений и инструкций об образовании в Степном крае волостей, не говоря о судебном надзоре, разрешение на замещение должностей волостных управителей, разрешение на возведение мечетей, открытие школ, установление срока сбора и сдачи подати и т.д.

Таким образом, принятый Устав 1822 г. стал документом, позволяющий помогать укреплению власти царского правительства. В 1822 г. Оренбургским генерал-губернатором П.К.Эссеном был разработан для Младшего жуза «Устав об оренбургских киргизах», который был принят Азиатским комитетом в 1824 г. По Уставу 1824 г. была упразднена ханская власть, в связи с чем, последний хан Младшего жуза Сергазы был вызван в Оренбург и оставлен там, на постоянное жительство с жалованием в 150 рублей серебром в месяц.

Административные реформы 1822-1824 гг. ставили задачи подчинить казахские аулы русским властям. На основании реформы вся казахская степь была разделена на два ведомства - Оренбургские и Сибирские казахи. Был разработан определенный устав в 1825 г., где вся область Оренбургских казахов была поделена на три части, во главе которых стояли правители-султаны, которые назначались русским правительством. Такие административные изменения закономерно повлияли и на управление учебными заведениями. Так, 31 октября 1824 г. издается указ о распределении губерний по учебным округам «сообразно разделению губерний на округа генерал-губернаторского управления». Преимущество такой организации позволяло наиболее усиленно контролировать учебные заведения местной администрацией генерал-губернаторства.

В Западном Казахстане, где в основном проживали казахи Младшего жуза управление осуществлялось через султанов-правителей и дистанчных начальников, которые подчинялись Оренбургской пограничной комиссии при оренбургском генерал-губернаторе. Позже в 1844 г. в Младшем жузе Пограничное управление было заменено Областным правлением, однако по-прежнему в регионе был оставлен институт султанов-правителей.

Создание линейного управления во многом препятствовало сохранению сложившегося веками передвижения казахов. Таким образом, постепенное образование все новых административно-территориальных единиц, таких как «линия», куда проникало русское крестьянство и казачье население, и где не могли кочевать казахи, ставило в зависимость коренных казахов от русского правительства. Территория Младшего жуза была разделена на три части: Западную (из родов байулы, к западу от рек Илека и Темира и Аральского моря), Среднюю (жетыру и алимулы, к западу от верхнего Тобола, Тогузака,

Аята) и Восточную (из алимулы, а также кипчаков и аргынов, район, прилегающий к Сыр-Дарье и к северо-востоку от нее) [205].

Особенностью управления западной части Казахстана являлось то, что во главе каждой части жуза был поставлен султан-правитель, также назначавшийся царским правительством, к нему приставлялся казачий отряд под командованием офицера, который охранял с одной стороны султана, с другой стороны, и это было основным его назначением, наблюдал за действием султана в управлении народом. Султан-правитель в основном, решал мелкие дела, споры между родами, а организация торговли, крупные уголовные дела было в ведении Оренбургской пограничной комиссии.

Трансформация административного и школьного управления проводилась постоянно. Так, следующая реорганизация, направленная на систему школьного образования, связана с радикальными изменениями в 1835 г. в учебных округах. Сущность данной реформы, введенной в «Положении об учебных округах», заключалась в передаче всех обязанностей и прав учебных заведений в руки попечителей, но вместе с тем, основное руководство остается в руках генерал-губернатора. В отличие от первой реформы учебных округов, которая произошла в 1824 г., данная реформа более или менее приблизила в самостоятельное управление в области образования. Так, попечители округов самостоятельно и целенаправленно могли вести наблюдения за развитием школьного образования не только в России, но и в казахских глубинках. Основной задачей этого периода у попечителей округов была ослабить влияние мусульманского духовенства, и в этот период возникают миссионерские движения на территории Казахстана.

В 1844 г. было принято «Положение об управлении Оренбургскими казахами». По положению, было сохранено деление на части и дистанции, но были введены должности попечителей из русских чиновников, контролировавших действия казахской администрации. Таким образом, по Уставу была полностью ликвидирована самостоятельность казахских аулов, административные единицы стали строиться без учета родоплеменного деления казахов. Такое положение в Младшем жузе просуществовало вплоть до 1868 г. В этот же период происходит изменение и в учебных округах, связанных с управлением отдельных регионов. Так, в 1855 г. управление учебными округами и инородческими школами, находившихся в ведении местных генерал-губернаторов, было снова возложено на особых попечителей, кроме Сибири и Кавказа, которые оставались в управленческой структуре генерал-губернаторов.

В середине XIX в. колонизация Казахстана была завершена, в этот же период происходит ряд административных реформ. Как уже было сказано ранее, до 60-х годов в Казахстане не было единой системы управления. Обширные территории в Казахстане в плане природно-географических особенностей с одной стороны, и с другой стороны - разное ведение хозяйства с различным уровнем развития экономики, создавали определенную трудность в управлении. Но, тем не менее, в этих условиях царское правительство предполагало реформировать систему административно-территориального

управления, которое бы позволило решить задачу рынка сбыта готовой продукции и дешевого источника сырья животноводства и растениеводства. Происходят изменения и в управлении школьного дела, так в 1863 г. некоторые преобразования проводятся и в учебных округах, в связи с обширностью территорий в Казанском учебном округе, из состава выходят Вологодская и Саратовская области, из которых было предложено образовать два самостоятельных учебных округа, но это ходатайство не было удовлетворено. По новому положению происходит значительное расширение власти попечителей, а также народные училища были изъяты из подчинения директоров гимназий и переданы инспекторам народных училищ.

Достаточно сложная и разная по структуре система управления, в целом, в Казахстане была не удобна для самого царского правительства, которая затрудняла ведение политики колонизации государства. Это послужило предпосылкой для изучения царским правительством состояния положения в целом в Казахстане, и разработки нового «Положения об управлении степных областей». И в этот период встает вопрос и о преобразовании учебных округов на окраинах царской России. В основном, это касалось преобразований в западном регионе России (Варшавский и Дерптского учебных округов). В 1867 г. была учреждена новая должность окружного инспектора, обязанного жить в г.Оренбурге. Это, безусловно, положительно повлияло на организацию школьного образования в западном регионе Казахстана. С ним связаны открытие новых школ, развитие женского образования. Следует отметить, что инородческие школы Восточной Сибири до 1867 г. оставались на Положении, принятом еще в 1828 г., в результате чего школьное дело страдало отсутствием единства в направлении, зависевшем от взглядов губернаторов или начальников областей [206].

21 октября 1868 г. был подготовлен проект «Временного положения» об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями. Действие проекта предполагалось начать с 1 мая 1869 г. Необходимо отметить, что это положение явилось основным завершающим звеном в присоединении Казахстана к России, и окончательном решении всех задач колонизации Казахстана.

Данный документ, разработанный на территориальном принципе управления, заменивший родоплеменное управление вызвал волну недовольствия со стороны Младшего жуза. В исторических исследованиях можно встретить мнения ученых по поводу причин этих событий в западном регионе. Так В.Ф.Шахматов считал, что в Среднем жузе административное управление было принято безболезненно, так как уже в 20-40-х гг. процесс присоединения начался задолго до принятия «Временного положения» от 21 октября 1868 г., а Н.А.СерEDA утверждал, что возмущения в Уральской области «не в народе и реформах», а в способе управления казахами через султанов [207].

Основной задачей реформы и нового «Положения...» было создание единого управления, устранения от власти местной аристократии, ослабление родовых начал. В результате данного положения территория Казахстана была

подчинена трем генерал-губернаторам. Уральская и Тургайская области были переданы в ведение Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская – Западно-Сибирского, Семиреченская и Сыр-Дарьинская – Туркестанскому генерал-губернаторству, центр которого находился в Ташкенте. Внутренняя Орда в 1872 г. вошла в состав Астраханской губернии, школы в Казанский учебный округ. Управление областями происходило следующим образом во главе каждой области стоял военный губернатор, которому подчинялось областное правление. Нужно отметить, что генерал-губернатор являлся в то же время и командующим войсками военного округа, таким образом, административная и военная власть была сосредоточена в одних руках, такое управление было удобно царскому правительству.

Области делились на уезды, во главе которых стояли уездные начальники из офицеров, а их помощниками назначались из казахской знати. Уездным начальникам подчинялись войска, находившиеся в уездах. Уральская область была разделена на следующие уезды: Уральский, Гурьевский, Калмыковский, Эмбенский; полуостров Мангышлак был выделен в отдельное Мангышлакское приставство.

Следующее административное деление было по волостям, то есть уезды делились на волости, во главе волости ставились выборные волостные управители. Волостное деление придерживалось принципа территориального деления, в одной волости могли находиться от 1000 до 2000 кибиток (хозяйств).

Волости в свою очередь делились на аулы с аульной старшиной во главе. Это была небольшая административная единица, где насчитывалось от 120 до 200 кибиток. Как волостное административное деление, так и аульное не учитывали родовой принцип деления казахского народа. Безусловно, можно сказать в данном случае, что такое деление, во-первых, было очень удобно царскому правительству, так как происходило ослабление влияния родовых старшин и биев.

Волнение вызывал и сам процесс подготовки документа, который практически был написан и подготовлен далеко за пределами Казахстана, не включая в состав разработки представителей казахского народа. Интересы царского правительства, отраженное во «Временном положении» вызвали негодование среди казахского населения и волну сопротивления. Вооруженные сопротивления казахского народа в 1868 г. были в ответ встречены хорошо организованными казачьими отрядами.

18 мая 1874 г. проводится следующая реорганизация в учебных округах. Один из важных моментов в развитии школьного образования в Казахстане был связан с образованием Оренбургского учебного округа, куда вошли Уральская и Тургайская области. По примеру сибирских генерал-губернаторств было организовано управление школьного образования в Туркестанском крае. До 1875 г. оно находилось в ведении генерал-губернатора, при котором с 1870 г. находился старший чиновник особых поручений по учебной части. В 1875 г. генерал-губернатором был предложен новый проект управления учебной администрации, также учреждения училищ для туземного и русского населения. 12 марта 1885 г. был учрежден Западно-Сибирский учебный округ, в

состав которого вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области.

Колонизация Российской империей происходила не только на территории Казахстана и Средней Азии, но и в Восточной Сибири. «История России, писал В.О.Ключевский, есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [208]. По сравнению с Казахстаном развитие школьного образования в Восточной Сибири, проводилось в жестких условиях политики русификации и христианизации. Это, во-первых, было связано с тем, что в 1884 г. происходит разделение Восточной Сибири на два генерал-губернаторства, Иркутское и Приамурское, которое на некоторое время нарушило правильность и единство учебного управления, во-вторых, учебная часть в Забайкальской области, отошедшая в состав Приамурского генерал-губернаторства, осталась в ведении главного инспектора училищ Восточной Сибири, а в областях Амурской и Приморской в непосредственном ведении местных военных губернаторов. По сравнению с Казахстаном, в этом регионе происходила активная русификация и христианизация народов, школьное образование находилось в очень тяжелом состоянии, в основном это были низшие правительственные школы. В отличие от Казахстана, школы в Восточной Сибири не отличались разнотипностью.

Следующим важным условием в развитии системы образования стало развитие экономики. Необходимо отметить, что в продвижении России в Среднюю Азию огромную, а подчас и решающую роль, играл ландшафтно-географический фактор, но за редким исключением, это не учитывается при анализе исторических событий. Ландшафтно-географический фактор, положение Казахстана с его обширными территориями также выступает в качестве приоритетного условия в декабре 1863 г., когда царская администрация России принимает решение о соединении Оренбургской (в ее Сырдарьинской части) и Сибирской пограничных линий, расположенных в безводной, полупустынной местности. Вследствие такого расположения, продовольственное, а подчас и фуражное, снабжение войск производилось по коммуникациям протяженностью до тысячи и более километров с Южного Урала, Сибири и Нижнего Поволжья.

Необходимость окончательного определения южной границы государства в Средней Азии в плодородных оазисах неоднократно доказывалась военной и гражданской администрацией России XIX в. В частности, это указывалось на совещании командования войск Оренбургской и Сибирской линий в форте Перовский 31 августа 1861 г. Здесь отмечалось, что занятие плодородных оазисов в районе Ташкента, Туркестана и других южных городов создает необходимые условия для продовольственного снабжения русских войск на Сырдарьинской части Оренбургской пограничной линии, расположенной в полупустынных районах.

На влияние ландшафтно-географического фактора указывает и военный историк В.Водопьянов: «Прежде всего, завоевание городов Туркестана и Ташкента явилось очевидной необходимостью не только для прочного соединения Сибирской и Оренбургской линий, но и в экономическом

отношении, ибо присоединение такого богатого края, как Туркестан и Ташкент, могло доставить России большие средства; оставаясь же на Сыр-Дарье, мы владели бы самой бесплодной, самой бедной местностью Азии, тогда как по соседству - богатый край, изобилующий дарами природы. К сожалению, политическое и финансовое положение России того времени не позволяло предпринять решительное наступление против Коканда и мы на время затишли» [209]. Еще более определенно на данный геополитический фактор указывает другой военный историк, генерал-лейтенант М.А.Терентьев: «Ближайшее ознакомление с проектированной границей указывало, что Каратаусский хребет, служа естественной границей, нисколько, однако же, не облегчал дела, так как сообщения между отрядами и снабжение их запасами было бы крайне затруднительно, а северные склоны хребта, к тому же, весьма небогаты водой. Поэтому признано было необходимым утвердиться по реке Арысу и занять крепость Чимкент, расположенную на соединении путей из Коканда к нашим границам и владеющую, таким образом, узлом важных торговых путей, ведущих от наших границ к Бухаре, Коканду и Кульдже» [210].

Таким образом, определение южной границы России в Казахстане на протяжении 60-х годов XIX века в значительной степени было связано с ландшафтно-географическими факторами, что в сочетании с определенной политической ситуацией в Европе и событиями в приграничной с Кокандским и Хивинским ханствами зонах, повлекло за собой наступление русских войск на территорию земледельческих оазисов Казахстана и Средней Азии.

Кроме богатых, плодородных, изобилующих земель в центральной, северо-западной части Казахстана преобладал традиционный хозяйственный уклад. На рубеже XIX и XX вв. Казахстан, в основном, являлся аграрным краем с феодально-патриархальным обществом. Большая часть населения Казахстана проживало в сельской местности. И соответственно, главным занятием казахского населения было кочевое скотоводство. Переселение из многих областей России крестьян на протяжении многих десятилетий повлияло на изменение хозяйствования в Казахстане, в конце XIX – начале XX вв. земледелие становится занятием основной части населения. Им кроме крестьян-переселенцев занимались и казахи, которые по переписи 1897 г. составили 55,4% всего земледельческого населения края. Развитие профессионального образования в Казахстане в конце XIX в. связано именно с развитием экономики, появляются сельскохозяйственные школы в Акмолинской, Семипалатинской областях, открываются в школах классы ручного труда, низшие технические училища.

Во второй половине XVIII в. отмечает Б.Абдрахманова, наблюдается стремление к изменению, вмешательству в ход развития социальной и политической организации казахского общества [211]. Растущий интерес в торгово-экономических направлениях со среднеазиатскими государствами предопределили некоторые жесткие шаги со стороны царского правительства. Так, повстречав со стороны казахов некоторые препятствия, Екатерина II в 1763 г. отправляет на имя канцлера М.А.Воронцова указ: «...прикажете Коллегии, чтобы она немедленно употребила с оным киргиз-кайсацким народом

пристойные средства, коими так чинимые обиды и притеснения отвращены были» [212]. Царское правительство не скрывала, что казахские территории являются внутренними землями российской империи. О чем свидетельствует указ императрицы: «...можно ответствовать киргиз-кайсацкому хану на его доказательство о дозволении перейти со скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякой российской подданной не смеет переходить, где ему не позволено. А если у них корму для скота недовольно, то покупают за деньги, или выменяют на товары или запасают на зиму, что и им советуется делать и если бы они захотели порядочно селиться, то им удобнее было все нужное для человеческой жизни иметь» [213].

Одним из значительных исторических условий в развитии школьного образования явилось влияние прогрессивно настроенной русской интеллигенции. Так, со второй половины XIX века Казахстан стал местом политических ссыльных, в числе которых были Т.Г.Шевченко, Ф.М.Достоевский, В.М.Майков, С.Ф.Дуров, Е.П.Михаэлис и многие другие представители русской и украинской интеллигенции, которые оказали значительное влияние на формирование мировоззрения просветителей Ч. Валиханова, И.Алтынсарина, А.Кунанбаева и др. Развитие капитализма в регионе, увеличение численности рабочих меняли отношение к образованию.

Конец XIX - начало XX веков является ярким периодом в социально-экономическом, политическом развитии Казахстана, а также безусловно, в этот период происходят существенные изменения и в школьном образовании. Массовые открытия школ, изменения в содержании образования, ликвидация неграмотности среди населения - все это характерно данному периоду. Это явилось одним из условий подготовки для проникновения европейской и, в частности, русской культуры в казахскую народную среду. В этом отношении большая роль принадлежит представителям русской демократической интеллигенции - общественным деятелям, ученым, педагогам и писателям, принимавшим непосредственное участие в развитии просвещения в Казахстане, в формировании казахской демократической интеллигенции.

Просветительская мысль дореволюционного Казахстана вбирала в себя идеи разных социально-политических течений и характеризовалась особым плюрализмом. Авторы книги «История школы и педагогической мысли Казахстана» отмечают, что педагогическая мысль этого периода отличалась многоаспектностью по идейно-политической, философско-мировоззренческой и социально-культурной направленности, поскольку в школах трудились представители «официальной (правительственной) и религиозной педагогики, социал-демократической, демократической, либеральной, консервативной и т.п. педагогической мысли» [214]. Там же ученые указывают, что «было бы ошибочно жестко и безапелляционно приписывать того или иного педагога по его философско-мировоззренческой позиции и социальным пристрастиям к определенному идейному течению, чаще всего личная мировоззренческая позиция просветителя бывает многоаспектной, неоднозначной и подгонять

философичность его педагогических взглядов или системы под определенный шаблон весьма трудно и неверно» [214, с.96].

Политические реалии XIX - начала XX вв. были таковы, что русская интеллигенция и просветители были осведомлены о внутренних противоречиях России, хорошо знали реакционную роль царизма, душившую всякую прогрессивную мысль и остро реагирующую на малейшее проявление демократического движения. В связи с чем, основная роль их была в просвещении не только русского, но и казахского народа, развитии педагогической мысли и создании массовых школ для всех слоев населения. Русская прогрессивная интеллигенция в Казахстане, желая изменить реакционный курс царизма, являлась инициатором многих общественных мероприятий (создание различных обществ по содействию развития начального образования, организация библиотек, музеев, создание учебных пособий для русско-казахских школ и т. п.), направленных на развитие просвещения и создание новых школ для казахского и русского населения.

Революционные движения, которые происходили в России, получили свои отзвуки, и в Казахстане. В них участвовали, безусловно, учителя, как самые просвещенные слои населения, также участие учителей и школьников в революционном движении было поддержано передовой общественностью, которая осуждала полицейские методы воспитания. Подавив революционное движение в стране, царское правительство усилило также и полицейский надзор за школами. В секретном циркуляре Министерства Внутренних дел от 14 июля 1908 г. (№ 66324) указывалось, что в целях борьбы с революционным движением учащих полиция и учебное ведомство должны установить тесный контакт. В свою очередь, попечители учебных округов, принимали свои меры к ограничению участия учеников в общественной жизни, искоренению в школах тех небольших завоеваний, которые были достигнуты в годы революционного подъема [215].

В гимназиях и реальных училищах были установлены правила, которые запрещали посещение публичной библиотеки, всех зрелищных и общественных мест без особого на то разрешения начальства. За малейшее нарушение правил полагалось строгое наказание, вплоть до исключения из школы.

Одним из условий, повлиявших на становление школьного образования в Казахстане было привлечение мусульманского духовенства во главе с муллами для образования простого народа. В основном, более или менее образованные муллы-татары привлекались в мечетях для создания при них школ, воспитание и образование казахских детей. Но здесь, царская администрация встретила другую проблему, как влияние мулл-татар на казахов, особенно это сказывалось при изучении русского языка и осуществлении задач царского правительства. В отчете генерал-губернатора за 1886 г. по Семипалатинской области говорится, что «...сами кочевники вовсе не чуждаются образования и, обладая от природы хорошими умственными способностями, не лишены стремления давать своим детям образования... При несомненно существующей потребности образования, киргизы находят, в этом случае, выход в помещении

своих детей в школы при мечетях в городах, и кроме того, поручают детей учителям из татар, спрос на которых в степи также заметен» [216].

Также, в рапорте Токмакского уезда Семиреченской области от 12-13 декабря 1891 г. в канцелярии степного генерал-губернатора дается следующее пояснение: «Киргизы кочуют небольшими аулами юрт в 10-15, таких соседних аулов иногда собираются до двух-трех сотен. Между ними появляется мулла из своих же киргизов, а иногда из узбеков. Каждый желающий обучать своих сына или дочь, входит в частное соглашение с муллой об оплате и приводит ученика. Если собирается 10-15 учеников, то начинается обучение. Число таких школ определить весьма трудно, ибо они определенного характера не имеют. По отчетам за последние три года на уезд приходится у киргиз в среднем выводе 50 школ с учениками, а население уезда по переписи 1891 года - 84522 душ обоего пола» [217].

Чиновники в своих отчетах остерегались особого положения мулл в образовании казахского народа. Так, в отчете и сборнике документов чиновников даются следующие разъяснения по этому поводу: «русско-христианское просвещение должно быть прочно водворено на всем пространстве нашей восточной окраины. В этом отношении не может быть ни малейшего разногласия. Итак, вот настоящее положение дел в восточной окраине европейской России: с одной стороны – татары-магометане, влиятельные и по своей многочисленности, и по своей зажиточности и смышленности, опирающиеся на замечательные успехи, сделанные в последнее время в их среде магометанским просвещением, и готовые притягивать в их среду и каждого из близких к ним инородцев, а с другой стороны – русское христианское просвещение, до сих пор еще весьма мало и слабо действовавшее как на самих татар, так и на других инородцев, хотя последние отнюдь к нему не враждебны и даже склонны к полному его усвоению. Очевидно, что ныне настало пора противопоставить татарско-магометанскому влиянию влияние христианско-русского просвещения и употребить энергетические усилия, чтоб извлечь инородцев из того невежества, в котором они коснеют и вследствие которого они могут становиться жертвами тех или других пагубных влияний». В связи с чем в своем выступлении г. Золотницкий, инспектор чувашских школ обращает внимание на следующее: «вообще, для прочного объединения здешних инородцев с русским народом, необходимо усвоение ими не столько русского языка, сколько – истин христианской религии» [218].

По мнению многих чиновников Министерства народного просвещения, стоящих у истоков становления народного образования, обрусение инородцев лежит через усвоение понятия нравственного превосходства русского народа.

Следующим важным условием развития школьного образования явились школьные реформы, которые проводились в 1864, 1874 гг. и начале XX в. Первые попытки преобразования школьного дела в Казахстане происходит именно в этот период. Так, были приняты устав гимназий - 1864 г.; положение о начальных народных училищах - 1864 г.; новый «Устав гимназий» - 1871 г.; новое «Положение о начальных народных училищах» - 1874 г.; «Положения о городских училищах и учительских институтах» - 31 мая 1872 г. Так, по

«Положению» в уездных городах должны были быть открыты русско-казахские начальные школы, которые с трудом открывались в крупных уездах. Для наиболее интенсивной русификации казахским детям разрешалось поступать учиться в школы при станицах и русских селах.

На наш взгляд, одним из немаловажных условий становления образования стало появление первых журналов и газет, позволившим освещать проблемы образования казахского народа на своих страницах: «Айкап», «Казах», «Тургайские областные ведомости» (первая официальная газета Оренбургского края, выходила ежедневно с 1891 по 1917 гг.), «Тургайская газета» (с 1 января 1895-1910 гг.), «Киргизская газета». В круг наиболее деятельных авторов этих изданий входили яркие представители казахской демократической интеллигенции (И.Алтынсарин, Б.Даулбаев, Д.Беркинбаев, Б.Каратаев, Х.Карджасов, С.Сейфуллин, Б.Майлин, Н.Манаев, М.Жумабаев, Ж.Сейдалин и др.), выпускники казахской учительской школы и других учебных заведений (Г.Балгимбаев, Д.Токтабаев, А.Байтурсынов, С.Бабин и др.). Их просветительские и демократические взгляды находили отражение в опубликованных на страницах этих журналов статьях, посвященных культурно-просветительским, земельным, правовым, национальным и религиозным проблемам, проблемам образования женщин, развития естественных и гуманитарных наук, вопросам содержания и методов обучения в школах, народного образования и книгоиздания.

Под влиянием общественно-педагогического и просветительского движения 60-х годов, распространявшегося на национальные окраины, на территории Казахстана с 70-х годов создавались отдельные научные общества и учреждения, общественные библиотеки и читальни, музеи, проводились публичные чтения. «При Семипалатинском благородном собрании, имеется одна библиотека, - отмечалось в отчете за 1872 год, - устроенная на суммы добровольных подписчиков. Библиотека располагает ныне 12 периодическими изданиями и 20 названиями разных сочинений». Организация такого характера работы бесспорно влияла на просвещение, и стремление казахского народа получать знания, давать образование своим детям не в конфессиональных, а в светских учебных заведениях.

Создавались также отдельные общества по оказанию содействия развитию народного образования. В городах Семипалатинске и Усть-Каменогорске имелись общества попечения о начальном образовании, которые оказывали материальную помощь школам и бедным ученикам. Семипалатинское общество, кроме того, отпускало ежегодную дотацию открытым в 1883 г. областному музею и общественной библиотеке. Библиотеки имелись также в Павлодаре, Каркаралинске, Усть-Каменогорске и Зайсане.

С 1883 года Семипалатинский областной статистический комитет решил сделать библиотеку г. Семипалатинске общедоступной для населения. В библиотеке были книги 175 наименований в 260 томах, до 200 номеров различных журналов, а также значительное количество «сырого материала» в виде отчетов и протоколов различных научных обществ, комиссий и т. п. Кроме того, библиотеке было передано около 900 названий различных

предметов естественно-исторического, этнографического и археологического характера, находившихся в музее, созданном по инициативе секретаря Статистического комитета Е.П.Михаэлиса.

Также в городе функционировал небольшой музей при географическом подотделе Западно-Сибирского отдела Императорского Географического общества, издавались областные ведомости и неофициальное издание Областного сатирического комитета «Памятные книжки».

Нельзя сказать, что все эти новые направления в жизни казахского народа проходили безукоризненно. Передовая педагогическая мысль Казахстана в конце XIX в. поднимала вопросы обучения казахских детей на их родном языке, светское и реальное образование, женское образование, введение в школах прогрессивных методов обучения, создание на родном языке качественных учебников и учебных пособий и т. п.

Разнообразное развитие получает система образовательных учреждений, которая пополняется новыми школами для детей казахского и других нерусского населения Казахстана. Обучение в них шло не только на родном языке, но и на русском. Этот период можно считать расцветом профессионально-технического образования, создается ряд культурных и научных учреждений, органы печати и издательства литературы на казахском языке. Все это, несомненно, способствовало активному развитию культуры и просвещения Казахстана.

Проблема женского образования вплоть до 80-х годов XIX в., практически не была решена. В решении этого вопроса сыграли большую роль казахские просветители и, прежде всего, первый казахский педагог И.Алтынсарин, явившийся основоположником образования казахских девушек. В своих выступлениях в газете «Киргизская газета», в переписке с Н.И.Ильминским, И.Алтынсарин поднимал вопрос об образовании казахских девочек наравне с мальчиками, и за раскрепощение казахской женщины, предоставление ей равных прав с мужчиной. В условиях патриархально-феодального Казахстана идеи многих казахских просветителей не могли быть полностью претворены в жизнь. Но, несмотря на это, в конце XIX в. зарождаются первые шаги женского образования.

Большим достижением на территории Казахстана в XIX в. стало проведение научных исследований, которые, также на наш взгляд, косвенно стали влиять на отношение казахского народа к вопросу просвещения и можно считать эти события, как одним из условий становления школьного образования. И первые шаги в области научных исследований стали проводить С.Асфендиаров, А.Е.Алекторов, П.И.Рычков, В.Е.Игнатъев, А.Васильев (география, геологии, история и археология), Ч.Валиханов (антропология, этнография), И.Алтынсарин, А.Байтурсынов (филология). В работе М.М.Спиранского ярко показано о постепенном нарастании интереса в отношении исследования Казахстана, Средней Азии и Восточной Сибири.

Нельзя не сказать о деятельности миссионеров, которые занимали особое место в истории Казахстана, и являлись участниками создания определенных условий в становлении и развитии школьного образования. Миссионеры,

деятельность которых связана с Казахстаном, участвовали в различных направлениях социально-просветительской, политической жизни казахского народа (Н.И.Ильминский, А.Е.Алекторов, П.И.Рычков, В.Е.Игнатъев, А.Васильев, С.М.Граменицкий, Н.А.Бобровников и многие другие). Неоднозначен их вклад и отношение в просвещении казахского народа.

Так, в 50-х гг. имело место и противоречивое отношение к деятельности Н.И.Ильминского, одна часть дореволюционной официальной прессы рассматривала, как почти правительственную политику, а другая часть той же прессы, к концу века, стала считать это вредной и чуть ли не революционной затеей. Такое двойное мнение было результатом того, что в деятельности Н.И.Ильминского переплетались и прогрессивные и реакционные черты. В исследованиях некоторых ученых до последнего времени расценивали взгляды миссионера только с негативных позиций. И это вполне закономерно, так как Н.И.Ильминский был действительно убежденным миссионером, находившим поддержку в ряде случаев у министра народного просвещения Д.А.Толстого, который отличался своим реакционным взглядом. Однако являясь видным русским ученым-востоковедом, он вольно и невольно продвигал далеко на Восток многие из лучших идей русской школы, устанавливая тесные культурные связи между казахским и русским народами.

Н.И.Ильминский утверждал: «Мышление народа и все мирозерцание выражается в его родном языке. Кто владеет языком инородцев, тот понимает, хотя бы только инстинктивно, мирозерцание их. Кто говорит с инородцами на их родном языке, того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе со словами он употребляет их же элементы мысли. Таким образом, и с гуманной точки зрения учебные и вообще образовательные книги для инородцев должны быть изложены и преподаны на их родном языке в подлинном, чистом виде» [219].

Небольшие учебные заведения классического типа Н.И.Ильминского - с одним учителем (чаще духовного звания) или приходская школа были, в основном, популярны в Западном Казахстане и Поволжье, и практически не имели успеха в Туркестане, на наш взгляд это происходило по чисто религиозным мотивам.

Напротив, русско-туземные школы, автором идеи которых был известный востоковед-лингвист В.В.Радлов, в конце XIX в. заняли ведущее место в системе начального образования в Туркестанском крае. Эти светские учебные заведения, кроме образовательной имели важную социальную задачу: через изучение русского языка и других предметов приобщить детей к гражданской жизни Российского государства, образовать из них в реальной жизни, а не только по закону, полноправных членов общества.

Эти школы соединяли в себе два типа учебных учреждений - мусульманский мектеб и школу Министерства народного просвещения. Преподавание в русском классе велось на русском языке, в мусульманском - на арабском, в некоторых регионах на фарси, и только в первые годы XX в. стали применяться местные языки - казахский, узбекский и др. Следует отметить, что

в государственной русско-туземной школе преподавалось и мусульманское вероучение.

В отличие от Н.И.Ильминского, А.Е.Алекторов жестко продвигал политику царского правительства, он открыто выступал за русификаторскую деятельность, предлагая в школах Казахстана использовать активно русский язык. Другой представитель, проводивший значительную работу в Казахстане был С.М.Граменицкий. В 1881 г. по окончании отделения естественных наук Санкт-Петербургского университета С.М.Граменицкий был назначен в Туркестан на должность учителя математики, физики и естественных наук в Ташкентскую мужскую гимназию. В 1892 г. С.М.Граменицкий оставляет преподавательскую деятельность и был вначале назначен инспектором (1892-1900 гг.), а с 1900 г. - директором народных училищ Сыр-Дарьинской области. За время своей работы он избирался почетным мировым судьей Ташкентского окружного суда, секретарем попечительского комитета при управлении учебными заведениями Туркестанского края, членом Сыр-Дарьинского попечительства о детских приютах. В период своей деятельности С.М. Граменицкий, неоднократно проводит обследование русско-туземные школы Туркестана, и делает вывод о неэффективности обучения детей местных национальностей русскому языку по переводному методу, использовавшемуся при обучении классическим и новым иностранным языкам в школах Центральной России [220].

Создание учебных пособий, учебников на казахском языке стало одним из важных условий в развитии школьного образования. О подготовке их для «инородческих школ» стали говорить только лишь во второй половине XIX в. В Департаменте народного просвещения от 9 декабря 1887 г. № 17720 был представлен отчет по Семипалатинской области генерал-губернатора «Отчет по вопросу о мерах к распространению среди кочевого населения Семипалатинской области». В отчете отмечается, что «... по умственным способностям тюрко-монгольские племена стоят гораздо выше северных инородцев финского племени, и без всякого сомнения могут с значительным успехом воспринять начала культурной жизни и русского просвещения. Киргизы в этом отношении могут считаться наиболее благоприятным элементом как по своим способностям, так и в особенности по их способности к образованию...». В этом же отчете речь заходит и об учебниках для инородческих школ: «...более неудачным в этом отношении (образовании) представляется сочинение для инородцев учебников на их языках, которые может быть и облегчают преподавание, но вместе с тем могут вселять инородцам мысль о возможности существования их собственной литературы. Доказательством тому мы видим на татарах» [221].

Зная какую роль играет литература в национальном самосознании народа, царское правительство долго сдерживала подготовку учебников на казахском языке. Большая роль здесь принадлежит И.Алтынсарину, А.Кунанбаеву, А.Байтурсынову. Для русско-казахских школ И.Алтынсарин пишет два учебных пособия: «Киргизская хрестоматия» и «Основное руководство по обучению киргиз русскому языку». Второе произведение было предназначено

для казахских детей, обучающихся русскому языку. Наиболее интенсивно формирование литературы в Казахстане происходит в начале XX в. Так, в работе Н.А.Бобровникова можно встретить следующее мнение: «Стремление приблизить искусственно литературный язык к языку живому особенно усилилось после 1905 г., когда мусульманские писатели сильнее почувствовали потребность обращаться не к группе ученых и хорошо грамотных людей, а к большой публике. Тогда собственно в большом количестве появились издания на языке весьма близком к народному» [222].

Особое место в этот период занимают чисто литературные произведения (поэмы, песни, повести, рассказы) на киргизском (казахском) языке. Выходят в свет театральные произведения: а) драма Кулбая; б) повесть об охотнике Кули; в) повесть о герое Шартан-би и др. Н.А.Бобровниковым отмечается, что многие из этих произведений печатаются на языке изобилиющей «татаризмами» и часто представляющей лишь нечто среднее между киргизским и татарским языком.

Одним из исторических предпосылок в развитии школьного образования в Казахстане было массовое переселение крестьянства из центральных областей России, Украины. Начиная с середины XIX в. происходит усиление процесса переселения крестьян из европейской России на окраины в целях решения земельной проблемы в центре; изъятие пастбищных земель у кочевых скотоводческих хозяйств (к 1917 г. изъято более 40 млн. десятин). Свидетельством активного заселения территории Казахстана является фундаментальный труд М.М.Сперанского «Азиатская Россия», где ярко показаны периоды колонизации не только Казахстана, но и Восточной Сибири. Так, М.М.Сперанский пишет: «... «занятие и разработка» русским народом его азиатских владений, их колонизация, в широком значении этого слова, - только начинается... Всего переселилось и прочно осело в Азиатской России свыше 3 1/3 миллионов русских людей, из них: 3 миллиона в Западной Сибири и Степном Крае, около 100 тысяч в Туркестане» [223].

Этот процесс, во-первых, можно рассматривать, как реакционные цели переселенческой политики царского правительства, разорение и обнищание широких масс казахского народа, в результате изъятия лучших земель, предназначенные для скотоводства; во-вторых, усиливается развитие капитализма в сельском хозяйстве, наблюдается переход от кочевого скотоводства к земледелию и оседлости, появляются крупные сельскохозяйственные капиталистические хозяйства, в которых использовалась техника и наемный труд и; в-третьих, в местах переселения царская и местная администрация организует сеть правительственных школ.

Отмена крепостного права позволила крестьянам самовольно покидать свои места, в поиске лучшей жизни в Казахстане, Средней Азии и Сибири. Царское правительство предпринимало все меры для пресечения таких попыток, крестьяне наказывались арестом на срок от 2 недель до 3 месяцев. В связи с активным переселением принимались различные инструкции по регулированию кочевков и пользования земель казахами. В документы такого характера попадали все земли казахов. При проведении переселенческой

политики был разработан ряд инструкций, который регулировал места кочевков казахов. Так, при разработке 3-го пункта инструкции были высказаны мнения переселенческого управления, где идет рассуждение по поводу того, какие земли необходимо отнести в пользование казахского народа и переселенцев. Разногласия шли даже относительно казахских могил, которые якобы находились в пригодных местах. Переселенческой администрацией указывалось на то, что казахские могилы находились на берегах рек, возвышенностях, урочищах, представляющие особую плодородную ценность [224].

Поток переселенцев вынудил царское правительство издать в 1881 г. «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», в которых при строгом контроле и регламентации указывались крестьянские переселения. Следующий закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» вышел в 1889 г. [225]. В частности, в Уральскую область, в основном переселялись крестьяне Астраханской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской областей. В Туркестанском крае наибольшее число переселенцев были выходцами из Воронежской, Самарской и Саратовской губерний, черноземных районов с самой высокой стоимостью земли в России.

Переселенческая политика на всей территории Казахстана имела свою особенность. Так, в Туркестанском крае сложность заключалась в противоречивости в решении проблемы колонизации. С одной стороны, было необходимо заселить край русским населением, и с другой, нужно было сохранить спокойствие местного мусульманского населения. Противоречия в решении данного вопроса возникали между центральной и местной администрацией. Центральная администрация не видя местных условий и отношения народа к переселенческой политике, стремилась решить проблему избытка населения в центральных российских районах. Такому решению противостояли чиновники местной администрации, они знакомые с местными условиями и опасаясь, что наплыв русского крестьянского населения в край, где практически отсутствовали свободные орошаемые земли, вызовет беспорядки и волнения. И решение вопроса русификации не оправдывает положения дел.

Следует отметить, что наиболее лояльным в управлении краем был К.П. фон Кауфман, наделенный большими полномочиями, просивший центральную администрацию ограничить переселенческую политику в регион. К.П. фон Кауфман особо оберегал от переселенцев земледельческие районы края, разрешая заселять свободные земли степных районов Семиреченской области. Также он запретил покупку земель у туземного населения европейцами и в том числе русскими. Поэтому за первые два десятилетия русского управления Туркестаном, в крае официально поселилось лишь 2170 переселенцев-крестьян. В последующие годы местная администрация пыталась сдержать поток крестьян, но не могла его остановить без поддержки центра.

Природно-климатические условия, плодородие земель притягивало русских крестьян. Так, в начале 90-х годов XIX в. из-за голода в Центральной России более 15 тысяч самовольных переселенцев направилось в Туркестанский край. Местной администрации удалось разместить лишь 2 тысячи крестьян на отчужденных у коренного населения землях. Остальные русские переселенцы находились в нищенском состоянии. И даже такое состояние русских крестьян не спасало положение. Генерал-губернатор А. Вревский в письме военному министру сообщал о недовольстве коренного населения отчуждением земель и выражал свои опасения новым наплывом переселенцев. Военный министр добился указаний начальникам Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний, давших наибольшее число переселенцев, о принятии мер к прекращению самовольного переселения в Туркестанский край. Однако самовольное переселение в край продолжалось и администрации приходилось изымать у народа земли для размещения крестьян. Эти действия администрации вызвали беспокойство мусульманского населения и, как писал военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.Корольков, могли привести к серьезным беспорядкам.

Хочется обратить внимание на отношение местной русской администрации к вопросу переселения, так они часто обращали внимание царского правительства не только к переселению крестьян, но и к их составу. Так, в одном из своих записок К.Пален писал, что областные офицеры в отличие от центральной администрации, приветствующие переселенцев, принимали их как чужаков с таким же варварским образом жизни, как и традиции коренного населения. Прибывшие из России не были ни крестьянами, ни рабочими, а были промежуточной обнищавшей прослойкой, рассчитывавшей получить в Туркестане землю и создать идеальную жизнь, не вкладывая тяжелого труда. Их мало интересовала экономия и они свысока смотрели на тяжело работающих и дисциплинированных туземцев. А ферганский военный губернатор писал в 1907 году: «Вместе с переселенцами-хлеборобами набрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики и запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» [226].

Голод 1905-1906 гг. в центральных районах России вынудил к переселению в Туркестанский край несколько десятков тысяч людей, и чиновники Переселенческого управления начали выискивать излишки земли у местного населения. В своих действиях чиновники руководствовались мнением о том, что туземцы, с помощью казиев и биев, записали за собой большие количества земли, которые они фактически не обрабатывали. Жесткие действия переселенческих комиссий возмутили коренное мусульманское население и туркестанскую администрацию. Военный губернатор Семиреченской области писал в 1907 г. генерал-губернатору, что «свыше двадцати тысяч самовольных переселенцев, преимущественно бродяг ждут наделения землей. Переселенческая партия собирается наделить их орошенной, лучшей киргизской землей с усадьбами и пашнями. Результатом таких действий будет переход киргизов из нынешнего панического состояния к бунту» [227].

Наделенное большими полномочиями Переселенческое управление в области земельной политики, исключая зависимость от генерал-губернатора с одной стороны, подрывало авторитет местной администрации у мусульманского и русского населения, с другой стороны, сокращали полномочия местной администрации и вынуждало прибегать местное население к чиновникам управления, игнорируя местные власти.

Царское правительство в декабре 1910 г. предоставило Переселенческому управлению право отчуждать земли казахов под переселенческие участки. Это позволило беспрепятственно, пользуясь этим правом отнимать у казахов не только пастбищные земли, но и места зимовок с обрабатываемыми землями. Жалобы казахского населения и местных администраторов на Переселенческое управление ни к чему не приводили. Накопленное недовольство русской властью выплеснулись во время восстания 1916 года. Революционное движение способствовало политическому просвещению народных масс в Казахстане, подняло их сознательность, дало мощный толчок развитию демократической общественной мысли.

В гимназиях и реальных училищах были установлены правила, которые запрещали посещение публичной библиотеки, всех зрелищных и общественных мест без особого на то разрешения начальства. За малейшее нарушение правил полагалось строгое наказание, вплоть до исключения из школы.

Вспыхивающие восстания казахского народа против русской власти жестоко подавлялись, а всю вину за него центральная администрация возложила на администрацию края. Были сняты с должностей генерал-губернатор и четыре из пяти военных губернатора.

Вновь назначенный генерал-губернатор А.Куропаткин, хорошо знавший туркестанский край, провел свое расследование причин восстания. В отчете, отправленном Николаю II, он указал, что одной из причин беспорядков была массовая конфискация земель у туземцев. Однако это не остановило Переселенческое управление, которое продолжило изымать земли у казахов. Интересен такой факт, А.Куропаткин 13 сентября 1916 г. записал в своем дневнике о споре с представителем министерства земледелия и государственных имуществ В.Н.Татищевым, который собирался отобрать у казахов до 70 тысяч десятин земли, увеличив таким образом казачий надел до 30 десятин на хозяйство, а также выселить казахов, уже живущих оседло в окрестностях Верного (Алматы) и занимающихся земледелием на своих участках по 5 десятин на семью.

Об основной задаче колонизации казахского народа царское правительство и не собиралась скрывать. Так, в «Сборнике узаконений о киргизских степных областей» дается следующее пояснение «...в степных областях коллегияльное устройство уездных управлений было бы неудобно применимо как по отсутствию в некоторых уездах сословных элементов, из которых должны быть избираемы члены полицейских управлений, так и потому, что при единоличной власти уездных начальников выигрывается быстрота административных распоряжений» [228]. Данное распоряжение четко дает

разъяснение по поводу того, что царское правительство и не собиралось скрывать о своих намерениях относительно окраинных земель.

Казахстан, превратившись в сырьевую базу для России, практически удовлетворял потребности многих приграничных регионов, в 30-40-х гг. казахи Младшего жуза продавали ежегодно до полумиллиона голов скота. Поставляли в Россию большое количество казахской ткани, шерсти, шкур, мехов. В свою очередь из России ввозились промышленные изделия и хлеб. Созданные в приграничных регионах торговые ярмарки позволили развитию торговли. Нельзя не отметить такую сторону развития хозяйства, как земледелие. В западных регионах, как и во многих приграничных районах, значительно растет процент русского крестьянского населения, которые приобщили казахов Младшего жуза к данной отрасли. Земледелие было характерно для казахов южного региона Казахстана, которые занимались садоводством, выращиванием бахчевых культур. Но вместе с тем, мы выделяем отдельно проблему переселения, как условие возникновения школьного образования, поскольку именно в переселенных регионах создавались правительственные школы, кроме этого, русские переселенцы неоднократно выходили с требованием в школьное управление и местную администрацию об организации школ для детей.

Хочется обратить внимание и на следующее преобразование в школьной системе, связанное с новым подходом в методике преподавания и изменения содержания образования. Хотя в целом, в конфессиональных учебных заведениях, а также в правительственных школах в Казахстане вплоть до начала XX в. в некоторой степени присутствовал религиозный характер обучения, но вместе с тем уже в конце XIX и начале XX вв. начинается постепенное понимание и переосмысление сущности содержания образования. В этот период отдельные представители мусульманской интеллигенции России закладывают основу развития системы религиозно-светского образования. В основе такой организации школы лежало изменение, с одной стороны, методики преподавания, а с другой и содержания образования. В результате чего сущность содержания образования получает схоластический характер. Она развивается в рамках движения джадидизма (от араб. аль-джадид – новый), получившего наибольшее распространение в Среднем Поволжье, в Центральной России и Туркестанском крае. Реформаторское движение джадидизма практически не получило распространение в Западном Казахстане, хотя были попытки Г.Карашем поддержать и развивать данное движение [229].

Основные идеи, которые были заложены в обновлении старой системы образования заключались в следующем: создание новой концепции образования, радикальная модернизация его, в обновлении состава и направленности учебных программ. Все это, по мнению реформаторов, должно было стать средством культурной трансформации тюрко-язычных народов. Основным идейным вдохновителем проекта обновления мусульманства и разработчиком этого направления был Исмаил Гаспринский, который был не удовлетворен общим состоянием мусульманской цивилизации. Данное направление получает развитие в Крыму, Поволжье, Туркестане.

Модернизация мусульманского образования, в основном, связана была с созданием новых учебников и учебных программ.

Именно И.Гаспринский впервые в мусульманском пространстве Поволжья, Туркестана (в меньшей степени) пытается изменить содержание и методику нового образования (усул-и джадид). Неценима роль И.Гаспринского в области образования и просвещения народов Поволжья и Туркестанского края [230]. Он является основателем нового звукового метода в преподавании языка – «Усуль ал-джадид» (от арабского слова «джадид» - новый), новометодной или джадидистской программы, благодаря которой скорость усвоения материала увеличивалась во много раз. Джадидизм как общественно-политическое движение сформировался в конце XIX в., прежде всего как попытка реформирования начальной школы. Это направление стало альтернативой для господствовавшего долгое время в системе мусульманского образования «Усуль ал-кадим» (старого метода).

Следует отметить, что обучение в старых и новых школах отличалось методами преподавания, в первую очередь, формой подачи одного и того же материала. В старой школе применяли систему слогового преподавания, когда отдельные буквы сливались в слоги, а из слогов потом составлялись слова. Сторонники нового – джадидистского движения предлагали использовать «звуковой метод», когда каждой букве алфавита соответствовал определенный звук.

В 1884 г. И.Гаспринским было открыто первое джадидистское учебное заведение в Крыму. Курс обучения был рассчитан на два года. В мектебы принимались дети с 7-летнего возраста. Причем основную преподавательскую деятельность осуществлял сам Гаспринский. Им были созданы учебники и учебные пособия («Ходжа-и субьян» - «Учитель малолетних»), по которым обучались во всех новометодных учебных заведениях. Наибольшее распространение джадидизма происходит в Крыму, Поволжье и на Урале. Значительное же количество новометодных школ было в Поволжском регионе, где к 1913 г. было зарегистрировано 694 новометодных учебных заведения.

Но следует отметить, что по существу И.Гаспринский, говоря о мусульманстве обращался не к вероисповедной проблематике, а социокультурным развитиям тюркских народов. Культура при этом им понимается как совокупность знаний о мире, а также использование новых методов, позволяющих поставить эти знания на службу человеку, и обращенность в будущее.

Таким образом, на наш взгляд, нельзя не отрицать и прогрессивность присоединения Казахстана к России. Этому свидетельствует множество фактов, которые позволяют сделать такой вывод. Одной из главных причин процесса присоединения является вторжение джунгар с юга в пределы казахских кочевий, которые не только грабили население, но и вырезали все население, обращали в рабство уцелевших казахов. Постоянные джунгарские нашествия влекли за собой серьезный хозяйственный урон жизни народа. Хозяйственная разруха, политический и экономический кризис в государстве вынудили казахский народ вступить на путь присоединения с Россией. Россия на тот

период была единственной страной и возможностью, которая могла защитить Казахстан от захватчиков. Это событие имело прогрессивное значение как для экономической и политической, так и, безусловно, для культурной жизни казахского народа.

Нельзя отрицать тот факт, свидетельствующий о проникновении в Казахстан более передовой экономики и культуры, открытию возможностей развития производственных отношений. Но вместе с тем, нельзя и умалчивать и о другой стороне процесса присоединения. С каждым годом по мере продвижения царского правительства в Казахстан колониальный гнет усиливался, отбирались наиболее удобные пастбища, товарообмен был неравнозначным и равноценным, переселенцы занимали лучшие земли и т.д. В связи с этим, повсеместно в Казахстане происходят волнения народа. Интерес исследователей к проблеме восстаний в Казахстане неоднозначен и показаны противоречивые точки зрения. Следует отметить, данный вопрос не является целью нашего исследования, но некоторые направления развития казахского народа связаны именно с данной проблемой. В связи с этим мы затрагиваем некоторые аспекты данного вопроса. Так, социальные и политические процессы, происходящие в Казахстане, связаны с одной стороны, со стремлением султанов сохранить свою власть на территории, либо взойти на престол, как в случае с Каипгали Ишимовым, либо участие самих биев в карательных действиях совместно с карательными отрядами царского правительства по отношению к восставшим.

Политическое и социально-экономическое положение в Казахстане в исследуемый нами период XIX - начало XX вв. определялось разобщением традиционного казахского хозяйства и усилением социальной дифференциации общества. Экономика на всей территории Казахстана развивалась крайне неравномерно. Это во многом определялось историческими условиями в целом в Казахстане, близости к хозяйственным и культурным центрам в самой стране и Российской империи, к железным дорогам и рынкам сбыта. Немаловажную роль играли и природно-климатические условия. Имея обширные территории, с разными природно-климатическими условиями (засушливые степи и пустыни, плодородные лесостепные зоны и горные массивы) в Казахстане существовали различные типы хозяйства: кочевое, полукочевое и оседлое. Основным видом хозяйства в этот период было скотоводство, однако существовали целые районы оседлого земледелия, а в южных областях было распространено орошаемое земледелие. Промышленное производство в исследуемый период было крайне неразвитым и было представлено небольшими кустарными предприятиями, в основном добывающей и обрабатывающей промышленности. Все это в свою очередь, объективно предопределило развитие известных типов учебных заведений в Казахстане: мектебы, медресе, аульные, волостные, старшинские, русско-казахские школы и др.

Самым неосторожным шагом в процессе колонизации Казахстана и России была русификаторская политика и обезземеливание казахского шаруа. В результате чего казахский народ перестал скрывать свою неприязнь к русским.

Это приводило к открытым бунтам и восстаниям. Туркестанская администрация жестоко подавляла вспышки возмущения коренного народа, но была неспособна устранить причины недовольства, так как это требовало разрешения серьезных проблем в колониационной политике.

Завершение процесса присоединения Казахстана к России имело и прогрессивное значение в развитии культуры и просвещения казахского народа. Прежде всего, на наш взгляд была устранена постоянная угроза захвата Казахстана агрессивными ханствами Средней Азии и Китая, а также в значительной степени были ослаблены разрушительные последствия междоусобных столкновений казахских родов. Активное приобщение казахского народа к передовой демократической культуре европейского и русского народов шло, безусловно, через изучение русского языка, открытие русско-казахских школ во второй половине XIX в.

Процесс присоединения Казахстана в состав Российской империи в XVIII - XIX вв. проходил в очень тяжелых противостояниях. И здесь одним из условий создания единого геополитического, духовного и культурного пространства должна была сыграть развивающая система школьного образования. Проведенные административные реформы в 1867-1868, 1891 гг., в том числе школьные реформы 1864-1890 гг. в Казахстане приняли по-разному. Наиболее образованные, смотрящие в более глубокие перспективы развития Казахстана воспринимали процесс присоединения, как одну из условий выхода страны из слаборазвитого экономического состояния (Ч.Валиханов, И.Алтынсарин, А.Кунанбаев, М.Сералин, И.Кубеев). Другие, нашли в ней форму национального гнета, преследовании национальной культуры и экономического захвата территории (восстание казахских шаруа).

Прогрессивность присоединения Казахстана к России заключалась также в расширении и углублении связей между народами региона. Развитие передовой общественной мысли и культуры казахского народа в значительной степени обуславливалось тем, что прогрессивные представители русского народа - ученые, писатели, инженеры, врачи, деятели народного образования и учителя принимали самое активное участие в развитии экономики, культуры, народного образования, создавали научные общества и библиотеки. Присоединение Казахстана к России давало возможность казахскому народу познакомиться с культурой многих народов приграничных районов, так как школьные учебники из этих местностей широко использовались в русско-казахских школах и имели большое образовательное и воспитательное значение.

Несмотря на большие усилия просветителей, административная раздробленность территории Казахстана, отсутствие единой государственности как до присоединения Казахстана к России, так и после его присоединения, не могли не сказаться на общем состоянии развития культуры и просвещения. Причинами отсталости развития школьного образования, по мнению многих исследователей, также являлись колониаторская политика царизма и патриархально-феодальные устои в жизни казахского народа. В целях более успешного проведения колониаторской и русификаторской политики царское правительство создавала систему «иногородческих» школ для детей казахов и

других нерусских национальностей, отличную от общепринятой системы школьного образования в России.

В этот период происходит активное влияние передовой демократической культуры русского народа и формирование общественно-просветительских взглядов многих казахов. Общественно-просветительское движение России также способствовало развитию школьного образования и формированию педагогической мысли в Казахстане. Таким образом, большая роль в развитии культуры и просвещения в Казахстане, в формировании казахской демократической интеллигенции принадлежит представителям русской демократической интеллигенции, общественным деятелям, ученым, педагогам и писателям, принимавшим непосредственное участие во всем процессе интеграции Казахстана в составе России.

К истории развития взаимоотношений Казахстана с Россией многие ученые относятся неоднозначно. Одни утверждают, что Казахстан являлся колонией Российской империи, а другие же придерживаются мнения, что такая интеграция являлась развитием стабильных связей и взаимоотношений между различными национальностями, позволившей в дальнейшем развитии социального, культурного и экономического направления.

3.2 Развитие школьного образования в период колонизации Казахстана в XIX в.

Становление и развитие различных типов русско-казахских школ в Казахстане, как и в других регионах Средней Азии проходили в разных социально-экономических и политических условиях. На процесс становления существенное влияние оказали ряд факторов, таких как:

1) Период и форма присоединения. Казахстан в отличие от других регионов Средней Азии добровольно вошел в состав русского государства. Интеграция Казахстана в составе Российской империи произошло в 1731 г., вплоть до середины XIX в.

2) Разнообразные политические, социально-экономические условия жизни, а также форма хозяйствования. Казахское население занималось скотоводством и вело кочевой образ жизни.

3) Немаловажным фактором, оказывающим влияние на формирование школьного образования, была особенность вероисповедания и уровень религиозности народа. Третий фактор был одним из сильных, существенно влияющим на все развитие системы образования. Двойное положение школьной политики царизма в отношении третьего фактора вынуждало правительство обходить острые углы в решении многих вопросов, связанных с религией. С одной стороны, мусульманское духовенство, препятствующее развитию светской системы образования и не позволяющее осуществлять основную задачу царского правительства, как, христианизация «инородцев», с другой стороны, религиозное образование и воспитание было основой всей школьной политики царизма и одним из путей в осуществлении задач.

Также значительное влияние в становлении школьного образования оказала и географическая особенность Казахстана. В приграничных регионах с

Казахстаном уже в середине XIX в. были открыты народные училища, кадетские корпуса, в которых обучались дети казахов. И следует заметить, что они были встречены народом с большим уважением. Преимущества этих школ, по сравнению с религиозными были явно видны из желаний населения отдавать своих детей именно в правительственные школы. В конце 80-х гг. в Тургайской области стали возникать русификаторские школы, организованные по системе Н.И.Ильминского. Организатором и проводником дальнейшего их развития был И.Алтынсарин. И.Алтынсарин и Н.И.Ильминским были составлены несколько учебников для начальных школ на казахском языке. В частности, И.Алтынсарин составил учебник по мусульманскому вероучению. За время своей деятельности И.Алтынсарин были открыты следующие учебные заведения: 4 классных центральных казахских училища, 1 волостная русско-казахская школа, 1 ремесленная казахская школа, 1 женская казахская школа с интернатом.

После И.Алтынсарина в направлении деятельности казахских школ произошли значительные изменения. Были намечены другие методы русификации. Если система Н.И.Ильминского в центре внимания своей школьно-русификаторской деятельности ставила русификацию «инородческой» школы и орудием для этой цели выдвигала родной язык учащихся, то новое направление - орудием русификации считало русский язык.

Одним из сторонников этого направления являлся А.Е.Алекторов, он считал, что «... начальная народная школа в инородческой орде должна стремиться к постоянному и последовательному обрусению путем развития русской грамоты и путем нравственного сближения инородцев с господствующей массой – русским народом» [231].

4) Следующий немаловажный фактор – это отсутствие единых правил и законоположений о национальных школах, были неоднозначны принятие разработанных документов в Казахстане. Казахстан был расчленен на пять административных единиц. Административная раздробленность Казахстана, и подчинение школ Казанскому, Оренбургскому, Западно-Сибирскому учебным округам и Туркестанскому генерал-губернаторству не позволяло создавать единую систему управления и деятельности школ, так как они работали в большинстве случаев по своим внутренним правилам. Внутренняя Орда в 1893 г. входила в состав Астраханской губернии (куда вошла в 1872 г.), школы в Казанский учебный округ; Тургайская и Уральская области входили в Оренбургский край, школы подчинялись Оренбургскому учебному округу; Акмолинская и Семипалатинская области - в Степной край, учебные заведения подчинялись Западно-Сибирскому учебному округу; Семиреченская область также вначале входила в Степной край, а с 1899 года была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Ее школы подчинялись Главному управлению учебных заведений края. Мангышлакское приставство в 1870 г. отошло в ведение Кавказского военного округа, а чуть позже вошло в состав Закаспийской области; учебные заведения Закаспийской области какое-то время входили в состав Кавказского учебного округа, а затем переданы в ведение Главного управления учебными заведения Туркестанского края. Такая

пестрая административная и учебно-управленческая раздробленность существенно влияло на развитие системы русско-национальных школ и созданию единой типологии.

5) Одним из важных факторов, можно отметить также миссионерскую деятельность Н.И.Ильминского в отношении формирования школьной системы в Казахстане. Опасаясь влияния татарских и бухарских мулл (выходцы из Средней Азии), он настаивал на развитии русско-казахских школ. Так, в записке «Мнение по вопросу о мерах для образования киргиз» (1870 г.), представленное министру просвещения Д.А.Толстому он писал: «В видах собственного образования киргизов и в интересе государственном нужно: 1) поставить школы киргизские так, чтобы посредством их вводилось направление не татарско-магометанское, а киргизско-русское; 2) дать этому образованию такую постановку и характер, чтобы оно способно было широко развиваться в массе киргизского населения; 3) обучение должно быть по языку и изложению совершенно популярно и понятно для старого и малого.., а по содержанию занимательно для киргизов и заведомо полезно... Поэтому в киргизских школах нужно преподавать сведения и идеи русские и общечеловеческие, а не магометанские, притом на языке киргизском, а не татарском»[232].

Из записки не следует, что Н.И.Ильминский был против татарского народа, напротив он относился с большим уважением к народу, который стремился к образованию и распространению культуры. Его, как и правительство беспокоило не проблема «отатаривания» казахов, а «татарско-магометанское образование», фанатичное, реакционное настроенное мусульманское духовенство, состоявшее почти на сто процентов из татар. Обучение в старой школе велось на арабском языке, по арабским книгам, учителями были муллы и другие священнослужители. Обучение осуществлялось схоластически, отжившим буквослагательным способом. И при такой ситуации деятельность Н.Ильминского нельзя отнести к стремлению против образования казахского или других народов. В отличие от идей обучать детей казахов только на русском языке, предлагаемые прогрессивные мысли Н.И.Ильминского обучения на родном языке давало далеко идущие перспективы. Нельзя отрицать тот факт, когда в середине XIX в., в создаваемых миссионерских (братских) школах, несмотря на большую долю религиозных знаний, обучали на родном языке, учили родному и русскому языкам, арифметике, давали другие общеобразовательные знания. И в этом случае многие казахи предпочтению отдавали именно этим церковным школам, нежели мусульманским мектебам и медресе.

Несмотря на большую критику педагогической системы Н.И.Ильминского, нельзя не отметить ряд положений, имевших в то время сравнительно с реакционными позициями многих министерских и местных чиновников русификаторов-черносотенцев, объективно положительное значение. Так, по системе Н.Ильминского, при обучении в русско-национальных школах должны быть соблюдены следующие положения: 1) должно быть обучение на родном языке и изучение родного языка как учебного предмета; 2) необходима подготовка национальных кадров учителей, которые бы активно участвовали в

просвещении своего народа; 3) соблюдать приспособления организационно-педагогической структуры русско-национальных школ, форм и методов их учебной работы к национальным особенностям народа. То есть создавать передвижные школы для кочевых народов, интернаты при школах для казахского населения и др.; 4) необходимо использовать русскую графику к национальным языкам, применение ее в литературе и в обучении народных языков (татарского, башкирского, казахского и др.), что способствовало бы очищению их от арабизмов и других ненужных наслоений, привнесенных мусульманским духовенством. Это способствовало развитию национальных литературных языков, созданию на них учебной и детской литературы и т.п.; 5) настоятельно требовать от русских учителей знания родного языка учащихся, использовать его в учебно-воспитательной работе; 6) необходимо начинать обучение русскому языку с разговорных уроков, широкой опоры на родной язык при обучении русскому [233].

В правительственных кругах, министерства просвещения и среди ученых образовалось две группы, которые придерживались двух точек зрения по вопросу выбора языка обучения. Так, одни считали, что изучение инородцев на родном языке будет препятствовать основной цели царского правительства, то есть успешной русификации. Другая группа же придерживалась на наш взгляд, более демократической точки зрения. Они считали, что обучение инородцев на основе родного языка, но русскими алфавитами наиболее эффективнее для достижения цели. Так, в «Сборнике документов и статей по вопросу образованию инородцев» дается подробный анализ взглядов представителей разных областей. Здесь речь также шла о влиянии татарских мулл на восточные народы, в частности на казахский народ, так как обучение в учебных заведениях шло на татарском языке: «... нельзя было бы не заметить, что подобное искусственное усиление татарского элемента на восточной окраине России и слияние различных инородческих групп в одну инородческую массу, даже при серьезном христианском просвещении его, никаким образом не могло быть желательно» [234].

Проводя миссионерскую деятельность в Казахстане, многие представители обратили внимание, что казахский народ довольно безразличен к языку, они охотно обучаются на татарском языке. Но этим безразличием не следует пользоваться для окончательного их отатарения, считал миссионерский корпус. Было предложено до окончательного решения вопроса о языке преподавания в инородческих школах, в новых татарских школах обучать только представителей этой национальности.

Другая проблема, которая встречалась в обустройстве инородческих школ была в привлечении преподавателей, знающих язык инородцев. В вышесказанном документе, давая оценку системе Н.И.Ильминского утверждают ценность этой школьной политики: «... не должно быть и речи о том, чтобы засаживать инородческих детей прямо за русский букварь или заставляя их, как попугаев, со слов учителей, заучивать на непонятном для них языке молитвы, без всякого объяснения значения употребленных в них слов и общего их смысла» [235].

Далее ссылаясь на опыт европейцев были предложены пути образования инородцев. Так, развивая мысль в этом направлении, в документе пишут: «совершенное исключение инородческих наречий из инородческих училищ было крайностью; предлагаемое возведение их на степень господствующего языка школы было бы, по приведенным выше мнениям, противоположною крайностью; не был ли бы, поэтому, вернейшим путем средний путь...» [236].

Итак, эти пути виделись в следующем: 1) нормальный курс училищ для инородческих детей, по трудности усвоения ими русского языка, должен был продолжаться 4 года; 2) все обучение в них могло бы быть разделено на два периода. В первый период дети обучались бы, при помощи местных наречий, русскому разговорному языку, знакомясь в то же время сознательно с окружающими им предметами и явлениями и переходя в строгой постепенности от ближайшего и легчайшего к отдаленнейшему и труднейшему, и, наконец, к отвлеченным понятиям, а вместе с тем просвещались бы и в христианстве посредством кратких поучений на их племенных наречиях [236, с.132]. В своих рекомендациях в области преподавания в русско-национальных школах Н.И.Ильминский придерживался идей К.Д.Ушинского. Эти рекомендации касались методов и средств обучения, использования принципов наглядности, доступности, систематичности. Безусловно, все вышеперечисленные факторы оказали положительное влияние на развитие русско-национальных школ.

Казахский народ исповедуя ислам, все же не являлся как в других регионах Средней Азии фанатичными мусульманами, особенно остро этот вопрос возникал в Туркестанском крае. В отличие от Средней Азии в Казахстане не был развит институт духовенства, мечети имелись лишь в крупных пунктах оседлости. С распространением Ислама на восток и запад, связаны и появления мектебов и медресе в Казахстане и Средней Азии. Но вместе с тем, мектебы и медресе, которые являлись источниками религиозного фанатизма в Казахстане были намного меньше, чем в Средней Азии. Первые исторические сведения о мектебе и медресе появились еще в VIII в. В работе В.В.Бартольда дается характеристика этим двум типам школ, по его мнению, у мусульман с момента утверждения ислама были известны начальная школа – мектеб, и медресе, как высшая духовная школа [237]. Большое распространение они получили в XV-XIX вв. Такие крупные медресе, как медресе Улугбека в Самарканде, Мир-Араб в Бухаре и др. были основаны в XV-XVI в., на территории же современного Казахстана медресе возникли значительно позже - в основном, во второй половине XIX в., медресе создавались там, где проживало оседлое население, а кочевники-казахи обучали своих детей в юртах.

Медресе, как место, где проводились лекции знатоки ислама, возникли у арабов еще в VII-VIII вв. Позднее начали строить специальные здания для учебных занятий, с местом пребывания студентов и для чтений лекций. Эти школы получили название «медресе» - «место учения» (от глагола «дараса» - «изучать»). Мектеб, в буквальном смысле означает «место, где пишут». Интересен такой факт характеристики мусульманских школ в Казахстане, так в своем отчете директор Казанской учительской семинарии Н.А.Бобровников

писал: «мектебы и медресе, до недавнего времени были во всем мусульманском мире, от Марокко до Китая, одной застывшей в неподвижных формах организацией. Еще 25 лет назад, входя в мектебу или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна. Эта однородность организации школ в столь взаимно отдаленных странах была обусловлена безраздельным господством религиозных начал над умами и сердцами мусульман и их полным подчинением авторитету прочно сложившихся традиций» [238].

Хочется обратиться и к работе английского ученого Дж.Вуда, который в 30-х гг. XIX в. проводил исследования в верховьях реки Оксуса (Аму-Дарьи) и описал киргизскую юрту-мектеб: «В одной юрте дети занимались уроками под наблюдением муллы: одни учились писать, другие бормотали над истрепанными листами засаленных экземпляров Корана...» [239].

В Казахстане мектебы и медресе были, в основном, в ставках султанов и ханов, число учащихся в них было ограничено, обучались в них, главным образом, дети султанов и ханов. Практически до конца XIX в. не проводили подсчета количества мектебов в Казахстане, основной причиной было в том, что в процессе кочевок перемещались и организованные мектебы, в период же зимовок мектебы могли по усмотрению местной власти переместиться из одного аула в более густонаселенное место. Так, например, в рапорте Токмакского уезда Семиреченской области от 12-13 декабря 1891 г. в канцелярию степного генерал-губернатора было передано: «Киргизы кочуют небольшими аулами юрт в 10-15, таких соседних аулов иногда собираются до двух-трех сотен. Между ними появляется мулла из своих же киргиз, а иногда из узбеков. Каждый желающий обучать своих сына или дочь, входит в частное соглашение с муллой об оплате и приводит ученика. Если собирается 10-15 учеников, то начинается обучение. Число таких школ определить весьма трудно, ибо они определенного характера не имеют. По отчетам за последние три года на уезд приходится у киргиз в среднем выводе 50 школ с учениками, а население уезда по переписи 1891 года - 84522 душ обоего пола» [240]. Такая ситуация была повсеместно во всех регионах Казахстана.

К концу XIX в. мектебы, в основном, стали располагаться в оседлых поселениях, в обыкновенных постройках. Обучение в них имело свою особенность, основной упор делался на изучение арабского алфавита, очень сложного для изучения и употребления, после запоминания арабского алфавита ученик переходил к заучиванию абджада - 8 вымышленных слов - абдажд, гавваз, хутти, кальман, сагфас, карашат, саххасс, саззага - в эти слова включен весь арабский алфавит, и только потом ученик приступал к чтению по словом «Хафтьяка». «Хафтьяк» представлял собой сборник избранных мест из Корана, посвященных основным положениям вероучения.

Следующим этапом в обучении было изучение Корана, затем, «Чар-Китеб» («четверокнижия»), в нем содержалось, в основном, описание мусульманских обрядов, при чтении «Чар-Китеба» ученик обучался и письму. Практически в мектебах не проводили письменных работ, и зачастую ученики не умели писать

самостоятельно текст. Изучению арифметики в мектебах уделялось достаточное внимание, но изучение ограничивалось простому, элементарному счету, арифметические действия производили с помощью камешков. Курс обучения в мектебе продолжался в среднем четыре года. Закончившие его могли лишь читать механически знакомые книги, выводить буквы, списывать с оригинала. После всего этого очень немногие одаренные ученики в возрасте не менее 14 лет поступали в медресе.

Наиболее организованным учебным заведением были медресе, в которых готовили мелких духовных лиц - служителей мечетей и мулл для мектебов. Медресе по уровню организации и подготовке учащихся стояло на более высоком уровне. Содержание медресе обеспечивалось вакуфом (вакф) - имуществом, доходы с которого на вечные времена посвящались какому-либо религиозному учреждению. Особого конкурса при поступлении в медресе не было, одним из условий при поступлении служило получение места (худжры), а значит и доли вакуфного дохода [241].

Особая организация жизнедеятельности учащихся, как проживание артелями, под руководством старшего ученика, позволяло самим обеспечивать самостоятельный процесс проживания (готовили себе пищу, пекли хлеб и пр.). Медресе представляло собой четырехугольник, огороженный высокой кирпичной стеной, к внутренней части которой пристраивались худжры, где жили учащиеся (муллы), а иногда и преподаватели (мударрисы), в помещении имелись дарс-хана - классные комнаты для занятий и отдельно особняком находилась мечеть. Обязательным устройством было маленькая комната для омовений (даарат-хана), чаще всего она располагалась посередине двора, а за стеной находилась баня для зимних омовений. Передний фасад наружной стены медресе украшался куполом, расположенным над главными входными воротами. Каких-либо документов по организации медресе, как Устава не существовало. Содержание медресе разделялось на две части, первая учебная часть, за которую отвечали мударрисы, вторая - хозяйственная вели мутавали. Принятые в медресе учебные программы в общих чертах были выработаны где-то в VII-VIII вв. [242]

Процесс обучения строился следующим образом, учебный год начинался в октябре и продолжался до апреля. Занятия проводились в субботу, воскресенье, понедельник, вторник в остальные же дни не учились. Следует отметить, что занятия не проводились ввремя поста и в праздники Рамазан (у казахов называют Ораза-айт) и Курбан-айт. Летние каникулы имели продолжительность с мая по октябрь. Ученики медресе по степени подготовки разделялись по трем разрядам: младший, средний и старший. Такое разделение определялось степенью изучения священных книг, так ученики находились в младшем разряде до тех пор, пока не осваивали книги Акаид, в среднем разряде - до перехода к книге Мулла-джалал, начав ее они переходили в старший разряд. При переходе из одной ступени в другую никаких экзаменов не проводили, степень усвоения не учитывалась.

Обучение в медресе состояло из трех главных разделов: грамматика арабского языка, курс изучался в течение 2, 5-4 лет, кроме этого учащиеся

знакомились с изложением мусульманского и гражданского права; изучался курс мусульманское право (масалья); курс логика (мушкилят) состоял в прохождении на арабском языке отвлеченного богословия из древнегреческой мудрости, в отрывках, часто искаженных. Самым трудным и сложным был 3 курс, и только те, кто рассчитывал в дальнейшем стать казием или муфтием, проходил его [242, с. 57].

Из общеобразовательных предметов изучали: науку исчислений, медицину на элементарном уровне, географию. Безусловно, весь этот перечень изучаемых предметов не давал полного объема знаний, учащиеся после окончания медресе, выходили с ничтожным багажом знаний. Особое значение уделялось воспитанию молодых людей, внешней дисциплине, которое достигалось благодаря систематическому и настойчивому приучению к порядочности, изучению общепринятым правилам, так называемой благопристойной жизни, а не соображениям собственного разума. Поэтому слащавая вежливость, молчаливость и напускное смирение, стремление говорить только приятное для собеседника, употребление книжного языка и цитирование какого-нибудь автора заменяли собой естественную живость, наблюдательность и общительность учащихся в медресе. Все эти, вначале напускные качества с течением времени превращались в естественные свойства характера [242, с. 21].

В Западном Казахстане во второй половине XIX века стали активно развиваться мусульманские школы. В основном они располагались в крупных населенных пунктах. Город Уральск был местом распространения культуры и образования, как духовных (мектебы и медресе), так и светских правительственных школ. Если обратиться к мусульманским школам, то среди них наибольшую известность получили «Ракыйбия», «Гайния» и «Мутыйгия». Содержание подготовки учащихся ни чем не отличалось от других мусульманских учебных заведений, которые были распространены в Казахстане. Так, в медресе «Мутыйгия» (1850 г.) которая находилась при старой Красной мечети служил главный мулла Мутыголла Тухватуллин. Получив образование в высшем учебном заведении «Аль-Азхар» в Египте, он пытался дать своим ученикам основы философии, изучались труды Авиценны, Аль-Фараби, Омара Хайяма, Фирдоуси, Навои. Известны существование мектебов в населенных пунктах в Кушуме, Бударино. В поселке Кульсары в 1880 году имамом Дуйсеке была построена мечеть. Сам имам получил образование в Бухаре, а затем продолжил в Казани [243].

Итак, в западном регионе к концу XIX в. насчитывалось следующее количество мектебов и медресе: в Гурьевской области около 70 школ – где обучалось от 50 до 100 учащихся в каждой из них; в Актюбинском уезде 70 мечетей, и обучались от 50 и более 100 учащихся. Следует отметить, что численность их не уменьшалась, как пытались показать в исследованиях советского периода, а наоборот, строительство мечетей продолжалось практически до 1911 года. Так, в начале XX в. в регионе было построено 12 новых мечетей, и количество их к этому периоду насчитывалось около 200 мечетей.

Иная картина была в Уральской области, так по данным военного губернатора и статистическим данным количество мусульманских школ в регионе было значительно меньше, в 1879 году было 15 мечетей - обучалось 2140 учащихся, а, в 1883 году уже обучалось - 3802 учащихся. К 1894 году количество мечетей увеличилось до 118, с обучающимися в них 3006 учащихся. В начале XX в. в Уральском и Лбищенском уездах было 74 мектебов и медресе. По сведениям архивных данных, составленных на основе отчетов генерал-губернаторов и попечителей округов, к началу XX в. во всех регионах Казахстана количество мектебов и медресе значительно сокращаются, хотя по отчетам местных администраций количество их гораздо больше. Такие разные данные говорят о том, что сведения в отчетах центральной администрации о деятельности мусульманских учебных заведениях заведомо занижались.

Таблица 9 – Число конфессиональных школ в областях Казахстана

Области	Число школ		Число учащихся	
	1894 г.	1911 г.	1894 г.	1911 г.
Тургайская	59	13	457	340
Уральская	118	12	3006	796
Внутренняя Орда	400	123	3821	нет сведений
Акмолинская	98	31	2658	1298
Сыр-Дарьинская	нет сведений	917	нет сведений	19782
Семиреченская	нет сведений	34	нет сведений	433
Семипалатинская	нет сведений	27	нет сведений	1514
Итого	675	1157	9942	24163

Во-первых, из таблицы – 9 следует, что в Казахстане о количестве конфессиональных школ и охвата в них учащихся, нет точных данных, особенно это касается периода XIX в. Стали проводиться более или менее подсчеты в начале XX в. В таблице 9 мы представляем сведения на основе статистического отчета попечителей округов за 1911 г. В более ранних работах Бурмистрова, Т.Тажибаева даются иные данные по Тургайской и Уральской областей, нами дополнены сведения по Внутренней Орде, Акмолинской, Сыр-Дарьинской, Семиреченской и Семипалатинской областям. В западном регионе, как и ранее количество мусульманских школ уменьшилось незначительно. В южных регионах, особенно в Сыр-Дарьинской области конфессиональные школы вплоть до 1917 г. сохранили свое значение. В работе Н.А.Бобровникова «Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России» заслуживает внимание следующее: «...мектеп и медресе по сведениям отчета в Западно-Сибирском округе не было, это я считаю совершенно маловероятным», из данного материала следует, что подсчетов конфессиональных школ не проводилось, и количество обучающихся в них учащихся не было известно [244].

К началу XX в. постепенно снижается количество конфессиональных школ, но в разных регионах Казахстана степень распространения и сохранения

своего положения была различной. Не сразу, но народ стал отдавать предпочтение правительственным школам. Это также позволяет сделать вывод о том, что казахский народ большое внимание уделял образованию своих детей и отдавал их в светские школы.

Но, национальная политика царизма допускала получение знаний «иногородцами» лишь в пределах потребностей колониального аппарата. Целью этой политики, как пишет Т.Т.Тажигаев, являлось сдерживание всей системы школьного образования под «железным колпаком». На первый план ставились не естественные права коренных национальностей, не свободное культурное самоопределение, а интересы самодержавно-полицейского строя. Для того, чтобы держать казахский народ в повинности и покорности, царское правительство подкупало феодальную верхушку и через нее проводило свою колониально-грабительскую политику.

Основанная при Пограничной комиссии в 1850 г. Оренбургская киргизская школа, по мнению А.Ф.Эфирова, была одной из форм такого подкупа. Она имела целью подготовить чиновников в правительственный аппарат по управлению казахским народом. В нее принимались дети таких казахов, которые «оказали услуги правительству или же известны по своей особенной оному преданности [245]».

Становление и развитие русско-казахских школ в Казахстане в целом, и в отдельных областях имело свои особенности. Так, развитие сети школ в Тургайской и Уральской областях протекало в иных политических, социально-экономических условиях, так как казахи этих областей ранее других вошли в состав России.

Первая правительственная школа, в которой обучались дети казахов, была открыта генерал-губернатором Оренбургского края Н.И.Неплюевым в г. Оренбурге в 1744 г., и имело название «татарская школа». В 1818 г. она была преобразована в военное училище, которую окончили дети казахской знати Муххамедгалий Тяунин, К.Шигаев, К.Караулов, Д.Чукеев, Д. Айчуваков и др. В 1844 г. училище было преобразовано в Неплюевский кадетский корпус, места были ограничены, следовательно, не все желающие могли получить образование. За 22 года Неплюевский кадетский корпус закончили всего лишь 28 казахов, эти данные красноречиво говорят о ничтожном положении образования и просвещения казахского народа. Более того, в 1866 г. корпус был преобразован в военную гимназию, куда доступ детям казахов был закрыт.

Следующее учебное заведение, где обучались дети казахов была Оренбургская школа. В переписке по организации Оренбургской школы г-ну Оренбургскому Военному Губернатору от 16 апреля 1847 года, № 6205 излагаются основные требования в организации жизнедеятельности воспитанников в школе. Предлагалось организовать их жизнь так, чтобы дети не чувствовали резкой перемены в быту. В переписке говорится: «... для поддержания в них кочевой природы, могущей не иначе как исподволь покориться новому жизненному порядку, - полагает необходимым дать свободное развитие их организму, посредством гимнастики, верховой езды...», «... предметы школьной мебелировки, приобретенных Комиссией из Москвы по

распоряжению г. председателя, как то: железные кровати, металлические приборы для умывальной (которая, по магометанскому обряду омовения, составляет у азиатов одну из более ценимых и уважаемых принадлежностей дома), и тому подобное, а также некоторая собственно мебель в азиатском вкусе... » [246]. Также в документе обращается внимание на то, что при комплектовании кандидатов в штатное число воспитанников школы, в основном, брались дети почетных ордынцев, султанов знатного киргизского происхождения. При организации учитывалось возможность принятия посетителей из ордынцев для того, чтобы показать о заботе и попечении их детей.

Открытие Оренбургской школы затягивалось, хотя из переписки Оренбургской Пограничной Комиссии и Оренбургского Военного Губернатора, генерала от Инфантерии (пехота) В.А.Обручева видно, что были приложены все усилия для скорейшего открытия школы. Так, в Москву были заказаны специальная мебель, учебники и учебные принадлежности, составлены перечень изучаемых предметов, составлена смета и др. Так, генерал В.А.Обручев пишет: «... проект устава Школы для киргизских детей и смету расходов на первоначальное ее устройство, я вносил на рассмотрение в Азиатский Департамент Министерства Внутренних Дел» [247]. Управляющий этим Министерством, Тайный Советник И.Г.Сенявин от 14 июня за № 2118, сообщил, что необходимо соотнести данное Положение уже с имеющимся, утвержденным от 14 июня 1844 г. Кроме того, он обращает внимание на то, что необходимо ускорить открытие Школы, так как Пограничная Комиссия уже достаточно подготовила все условия для открытия данного учреждения.

В инструкции Положения от 14 июня 1844 г. о «Школе для киргизских детей при Оренбургской Пограничной Комиссии» даются разъяснения: в § 1 - в состоящую при Пограничной Комиссии Школу должны быть принимаемы, на точном основании § 12 Высочайше утвержденного Положения, дети вообще киргизов, и преимущественно оказавших заслуги Правительству и известных по своей преданности. В примечании указывается, что ими могут быть дети в независимости от сословия [248].

В Журнале Пограничной Комиссии за 31 июля 1850 года даются сведения о прибытии на учебу следующих одиннадцати воспитанников: Джумагула Джанбаева, Мумина Байбусова (Яндосова), Якуна Амангельдиева, Идеге Айтукаева (Айтокина), Юль-Мухамета Байджанова, Нурума Минсизбаева, Сигизбая Аксартова, Дусалы Байгуджаева (Байгоджина), Харирулла Кунаева (Халилулла Кунанова), Бикбулата Кунгурбаева, Ибрахима Алтынсарина. При освидетельствовании все дети оказались здоровыми, кроме И.Алтынсарина, который страдал чесоткой (Scabies). Воспитанников сопровождал Джытыбай Утемисов. Из журнала за 22 сентября 1850 г. известно, что по поводу Д.Утемисова, о его нахождении при одиннадцати воспитанниках вели переговоры Пограничная Комиссия и султан-правитель Восточной части Орды полковник Ахмед Джантюрин. Д.Утемисову на период пребывания были назначены порционные деньги для проживания. «... согласно с мнением г. председателя Комиссии оставив на время ордынца этого, при помянутых

мальчишках, с производством ему и порционных денег. Поступившие в школу мальчишки к образу нашей жизни еще вовсе непривычны и могут поэтому, не зная русского языка, скучать по родным, признал необходимым оставить киргиза Д.Утемисова при мальчишках, покуда последние не свыкнутся с настоящим положением...» [249].

К открытию Школы, кроме прибывших одиннадцати детей еще имелись три вакансии, на которые были привезены еще трое детей управляющим Западной части Орды. В донесении правитель Западной части Орды от 7-го августа 1850 г. № 1495 и подписанное за отсутствием его сотником Баймухамметовым говорится, что «...вверенной мне части Табынского рода Абызова отделения старшина Чулак Айбасов и почетные киргизы Кусвак Калмакбаев и Аксый Джангильдин изъявили желание отдать детей своих: Аймагамбета – 11 лет, Туктамыша – 12 лет и Сеит-Алия – 11 лет, для обучения в Школу...» [249, л. 17].

В первые годы в Школе учились из Восточной части орды – 20, из западной части – 7, из средней части - 3 детей [250].

Из журнала Пограничной Комиссии на 23 июня 1857 г. в статье 7 было представлено попечителем школы ведомость о поведении, способностях, прилежании и успехах в науках воспитанников. Было произведено частное испытание с 28 мая по 5 июня. По инструкции необходимо было проводить и публичные испытания (15 июня), на которые были приглашены почетные киргизы Орды, родители воспитанников «... воспитанники по всем предметам, им преподававшим, оказали те же самые успехи, как и на испытании частном» [251]. Воспитанники из Восточной части, как более удаленной от Оренбурга были отправлены в Орду с Джетыбаем Утемисовым, но перед отъездом Шахмурат Кулубеков, Шахмурат Кчербаев и Джулмухаммет Байджанов-сыновья киргизов Восточной части, и Миргалей Бахтияров - сын киргиза Западной части подали Его Превосходительству г. председателю Комиссии докладные записки, в котором ходатайствуют об оставлении их при ней для усовершенствования их в делопроизводстве.

По окончании обучения был подготовлен приказ, содержащий следующие пункты: 1) Приказ об окончании воспитанников: всех воспитанников IV класса, как окончивших положенный в Школе курс наук удовлетворительно, выпустить в Орду, именно: Кулубекова в Восточную часть, Бахтиярова в Западную часть (каждого в свою родную часть); 2) Заготовить окончившим курс наук воспитанникам надлежащие об этом свидетельства с показанием в них, при каких способностях, прилежании и поведении, с какими успехами и какие предметы проходили в Школе, отослать свидетельства для напечатания в типографии штаба отделения Оренбургского корпуса; 3) На точном основании 27 § Положения о Школе киргизских детей, об окончивших курс наук воспитанниках с отличными успехами составить особый список в Комиссии, включив в него Кулубекова, Косвакова, Мунгсызбаева, Алтынсарина и Кучербаева. 4) Дядьку при воспитанниках Школы киргизских детей Джитыбая Утемисова окончательно из нее уволить, за выпуском ныне большей части воспитанников I – го семилетнего курса, и более дядьки из киргизов в Школу

не назначать, ибо с одной стороны, подобных ордынцев хотя и приносил начальству Школы некоторое облегчение по надзору с октября за нравственностью воспитанников и по заботам о их здоровье, но с другой стороны невольно мешал успехам их в разговорном русском языке, так как питомцы обращались со всеми своими нуждами к нему, как к соплеменнику; об увольнении Утемисова из Школы, так же как и от обязанностей рассыльного при Комиссии, которым он вместе с этим занимал, сообщить султану-правителю Восточной части Орды. 5) По поводу ходатайства воспитанников Кулубекова, Кучербаева и Бахтиярова о прикомандировании их к Комиссии для практического изучения делопроизводства, что Комиссия полагала бы со своей стороны удовлетворить этому ходатайству не только по уважению к отличным успехам, с какими питомцы закончили курс учения в школе, и особенной любознательности в молодых людях подобным ходатайством проявляющиеся... [252].

Создания определенных условий для обучения детей, а также сопровождающему Д.Утемисову можно судить об отношении местного руководства к положению детей казахов, находившихся вдалеке от родителей. Срок обучения в Школе был 7 лет. За 12 лет существования ее окончило 48 человек, в том числе в 1857 г. закончил данную школу видный казахский просветитель Ибрай Алтынсарин (1841-1889 гг.). Школа просуществовала до 1868 г.

Либеральные реформы Александра II заложили основы всеобщей русскоязычной начальной школы, привлекли к начальному строительству государственные ресурсы и содействовали активизации общественного внимания к идеям народного образования. Русское правительство, в основном, выделяло средства школам центральных губерний и русским школам, национальные школы вплоть до начала XX в. находились на содержании местных султанов и сборов с народа. Реформы 60-х годов совершили некоторые перемены в системе образования, главной отличительной особенностью данной реформы стало широкое использование государством в делах управления и финансирования начальных учебных заведений местных органов. Руководство школами, впервые после реформенные годы возлагалось, в основном, на городские думы и управы, приходское духовенство и волостные правления; финансирование лежало на плечах городских налогоплательщиков и сельских обществ.

Такая политика продолжалась и в последующие послереформенные годы. По мнению чиновников Министерства народного просвещения, она вела к постепенной децентрализации деятельности министерств и расширению полномочий местных органов народного образования. Такое беспокойство чиновников сопровождалось активной деятельностью местных органов уездного уровня, которые обладали широкой автономией в решении текущих вопросов деятельности местных училищ.

При организации школ правительство России с осторожностью подходило к содержанию образования, к перечню изучаемых предметов, особенно в вопросе изучения религии. Так, в одном из разделов обращается внимание на

следующее: «...стараться особенно, употреблять какие-либо усилия к тому, чтоб склонять и привлекать ордынцев к отдаче детей своих учиться в школы при степных укреплениях, Комиссия признает со своей стороны не только ненужным, но и вредным для успеха дела при подозрительности магометан во всем относящимся до их религии (обучение же в глазах их не есть дело гражданское, а религиозное); ... для самого успеха дела не следует приступать к нему с особою горячностью. Когда киргизы увидят, что правительство не придает важности тому, будут, или нет отдавать они детей своих в русские школы, а между тем убедятся в выгодах, проистекающих от того для детей, можно быть уверенным, что через несколько лет число желающих обучать детей своих в школах при укреплениях будет так велико, что местное управление найдется в необходимости отказывать просьбам о том, за неимением средств к их удовлетворению» [253].

Историческим событием середины XIX в. было принятие устава низших и средних школ, который позволил как-то решить проблему образования казахских детей. Так, основные положения данного устава предусматривают организацию жизнедеятельности детей, содержание образования, финансирование и другие вопросы (Приложение И) [253, с. 9].

В начале 60 гг. XIX в. открываются школы при укреплениях (по Положению 2 февраля 1860 г.) в Троицке (1861 г.), Тургае и Уральске (1864 г.). Учителем Тургайской школы был назначен И.Алтынсарин.

Обучение детей казахов в Акмолинской и Семипалатинской областях имели свою особенность. В северном регионе учебные заведения были открыты в Омске: Омское азиатское училище, которое было открыто в 1789 г., Омское училище для казахских детей, организованное в 1856 г., Омский пансион для казахских и русских детей, действовавшее с 1881 г., Омские интернаты и сельскохозяйственные школы. В Омске существовали несколько мужских интернатов, где обучались дети казахов в основном ремеслам. Хочется остановиться на сельскохозяйственных школах, которые были организованы Степным генерал-губернатором Г.А.Колпаковским в 1885 г. вместо интернатов. Эти сельскохозяйственные училища были специально организованы для детей казахов, которые не занимались сельским хозяйством, дабы научить их к ведению сельского хозяйства. Неоднократные просьбы казахского народа по преобразованию этих сельскохозяйственных училищ в общеобразовательные школы не были удовлетворены.

Система организации школ и планы в Уральской и Тургайской областях были разработаны и основаны на двухклассных и одноклассных училищах по положению «О двухклассных и одноклассных училищах», утвержденное 29 мая 1869 г. и дополненное «Инструкцией для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения», утвержденное министром просвещения 4 июня 1875 г.

При открытии новых школ основную ответственность в соответствии с этими положениями должны были брать местные общества, которые были обязаны выделить для школы земельный участок (не менее одной десятины), средства на наем помещения (или приобретение соответствующего здания), на

оплату учителя, приобретение учебных пособий и школьного оборудования. В случае открытия училища министерством просвещения, то из казны на содержание двухклассной школы отпускалось 1000 рублей, одноклассной - 226 руб. При училищах разрешалось открывать классы ручного труда и ремесленные отделения, которые были очень важны для подготовки местных рабочих. Срок обучения в двухклассном училище был 6 лет, в одноклассном - 4 года. Безусловно, заслугу И.Алтынсарина мы видим в том, что, работая в 80-е гг. инспектором народных училищ в Тургайской области пытался создавать школы для обучения детей в условиях кочевой жизни, открывая при них интернаты. В то время эти начальные школы были лучшими из тех, которые разрешалось открывать для народа в сельской местности. И неудивительно, что И.Алтынсарин, и другие демократически настроенные деятели национальной школы взяли этот тип учебного заведения за основу при создании системы русско-казахских школ, что позднее было закреплено правилами 1906 г., 1907 г., 1913 г.

Первые начальные школы в степи были открыты в семидесятых годах XIX в. на основе правила Пограничной комиссии от 17 ноября 1861 г.

Срок пребывания в школах не был установлен. В школы могли поступать наряду с детьми казахов и дети русского населения. Дети казахов принимались в интернаты за казенный счет, русские в качестве приходящих. В интернаты попадали дети феодальной верхушки. Были открыты при укреплениях Оренбургском и Уральском и других населенных пунктах четыре таких школы. В 1868 г. Оренбургская степь была разделена на две административные единицы: Тургайскую и Уральскую области. Во главе управления каждой из них стоял генерал-губернатор, в связи с этим вопросы школьного дела получали в каждой из областей свои особенности.

Стремительное развитие русско-казахских школ в Уральской области начинается с 1871 г. Так, открывается несколько одноклассных (или же их еще именовали волостными) русско-казахских училищ: Гурьевское (1879 г.), Симбертинское (1881 г.), Караобинское (1882 г.), Индерское (1884 г.) и др. [254].

В эти же годы в Тургайской области открываются также ряд школ, которые в различные годы были преобразованы в более совершенные школы. Итак, в 1868 г. в Тургае начинает работать еще одна русско-казахская школа (в 1879 г. она была преобразована в двухклассную), и Иргизе. В 1881 г. открывается одноклассное училище в Буртинской волости (в 1885 г. оно преобразовывается в двухклассное и переводится в п. Ак-Тюбе). В 1888 г. открывается женское русско-казахское училище в Иргизе [255]. В 1890 г. в Уральской области функционировали 2 двухклассные и 10 одноклассных русско-казахских школ. В Тургайской же области 4 двухклассные и 5 одноклассных русско-казахских училищ.

В сложных этнокультурных условиях необходимо было создать такой тип школы, который позволял бы сохранить кочевой образ жизни казахского народа. И.Алтынсарин и его преемник на посту инспектора училищ Тургайской области А.Васильев понимали, что для расширения сети школ с одной стороны,

и с другой стороны сохранения культуры среди кочевого казахского населения необходимо создать такой тип учебного заведения, который бы находился непосредственно в казахском ауле, передвигался с ним во время перекочевок, обеспечивал бы обучение детей на родном языке основам знаний. Такой школой могла стать аульная школа, положение о которой для Тургайской области было утверждено попечителем Оренбургского учебного округа в 1891 г. (Опубликовано в газете «Тургайские ведомости»). Первая аульная школа была открыта в 1892 г. в ауле № 4 Костанайского уезда. Летом школы располагались в юртах, в период зимовки - в домах. На ее содержание ассигновалось всего 324 руб., в том числе 180 руб. - зарплата учителю [256].

Чуть позже 13 июня 1899 г. соответствующие правила были утверждены и для Уральской области. В конце XIX в. аульные школы получили широкое распространение в Тургайской, Уральской, а позднее в Акмолинской и Семипалатинской областях. В 1892-1893 гг. в Тургайской области было открыто 25 аульных школ. Статистический отчет на 1 января 1902 г. показывает, что в Уральской области функционировало - 4 двухклассных, 14 одноклассных и 23 аульных школы, в Тургайской - 6 двухклассных, 13 одноклассных и 83 аульных школ [256, с. 27].

В конце XIX в. сложилась следующая система образования в Казахстане: аульные школы грамоты с двухлетним обучением; волостные (старшинские) русско-казахские начальные школы с 4-летним обучением; двухклассные шестилетние школы. Аульные школы являлись школами грамоты, существовали в виде отделений при волостных или двухклассных русско-казахских школах и состояли в ведении заведующих этими школами. Организационная структура школ создавалась под влиянием системы Н.И.Ильминского. Аульные школы напоминали «братские школы» миссионера, двухклассные соответствовали центральным школам этой системы.

При организации аульных школ Департаментом народного просвещения были рекомендованы: 1) организовать для киргиз подвижные или аульные школы практическим изучением русского языка и грамотности; 2) учителями избирать из киргиз, окончивших курс в уездных или городских училищах, или даже в приходских училищах, но непременно хорошо знающих русскую разговорную речь; 3) им выдавать особые свидетельства на звание аульных учителей; 4) деятельность сосредоточено в среде кочевого киргизского населения; 5) задача их состоит в практическом ознакомлении киргизских детей с русской разговорной речью и с первыми элементами русской грамоты; 6) вознаграждать аульных учителей должны быть сообразовано с числом обученным им детей; 7) для окончивших курс в городских и уездных училищах учителей до 100 руб. в год, в приходских училищах – 75 руб. и при приготовлении в течении двух лет и ежегодно не менее 5 учеников [257].

Но, вместе с тем, при общей инструкции организации и открытию аульных школ, в областях Казахстана они несколько отличались друг от друга, как в организационно-хозяйственном плане, так и в организации учебного процесса. Условия проживания казахов в Тургайской области обусловили организацию

«подвижных» аульных школ. В свою очередь в Уральской области эти же условия позволяли открытию стационарных школ.

Изменения в системе образования как в Казахстане, так и в России происходят во второй половине XIX и нач. XX вв. Особое место в этом направлении занимает татарская национальная буржуазия Поволжья и Крыма, которая внесла ряд преобразований в просвещение «своих» туркестанских единоверцев. Реформаторы мусульманской жизни стремились в первую очередь взять в свои руки школы, чтобы, не меняя религиозного содержания приспособить школу к новым реалиям исторической действительности. И задачи эти были положены в основу так называемых новометодных школ. Учредителями и первыми учителями были, в основном, приволжские татары, проводившие в жизнь идеи джадидистов. Программы для этих школ были выработаны на мусульманских съездах 1905 и 1906 гг. в Нижнем Новгороде. Джадидисты старались включить в учебный план школ некоторые светские дисциплины, используя их в помощь богословию и с целью подготовки миссионеров для укрепления ислама. В 1908 г. один из деятелей, «инородческого» образования М.Мирописев писал: «В конце 60-х гг. минувшего столетия небольшая группа русских педагогов и других интеллигентных людей заинтересовалась было довольно сильно этим вопросом; но и это движение прошло, не оставив по себе крупных следов, кроме Казанского края» [258].

На территории Казахстана, в основном в Туркестанском крае новометодные школы стали распространяться в конце XIX начале XX вв. Состояние русско-туземных школ в начале XX в. остается все еще слабым, количество их насчитывалось около 89. Так, из протокола Особого совещания «...чинов Областной, уездной администрации и Переселенческого Управления Семиреченской области», которое состоялось в январе 1912 г. свидетельствует, что в некоторых уездах, таких как Джаркентский, Копальский, Лепсинский, Пржевальский новометодных медресе не было, количество новометодных мектебов были ограничено. Так, в Джаркентском уезде было 11 новометодных школ, где обучались 436 мальчиков, и 73 девочек, отдельных новометодных женских школ было еще меньше-2 школы, где обучались 70 девочек. Количество мектебов и медресе в Туркестанском крае к этому периоду было – 6331, из них 6003 мектебов, и 328 медресе. Это были небольшие учебные заведения, разбросанные по населенным пунктам.

В 1901-1902 учебном году в г. Пржевальске появляются 3 новометодные школы, в г. Пишпеке 2 школы, одна школа в Токмаке переходит на новый метод обучения. Нелучшее положение было в Верненском уезде, так статистические данные 1912 г. свидетельствуют, что в уезде новометодных мужских мектебов насчитывалось всего лишь 1, обучалось 86, женских мектебов – 1, количество обучающихся девочек 100. Старометодных мектебов в уезде насчитывалось 27, в том числе мужских школ 24, где обучалось 1135 воспитанников, 3 женских школ с 95 воспитанницами. Таким образом, в Семиречье по сведениям на 1 января 1911 г. численность мусульманского населения насчитывала 1021860 человек, количество же учебных заведений было: новометодных мужских медресе 2, мектебов 20, женских 5;

старометодных учебных заведений существовало – мужских 77, женских 7, учительского персонала 151 человек и обучались мальчиков 3955, девочек 660. Итак, всего обучались 4615 человек. Таким образом, эти данные свидетельствуют, что одна мусульманская школа приходилось лишь на 9205 человек, а число учащихся составляет не более 0,45% от всего мусульманского населения [259]. Таким образом, развитие системы школ в Казахстане шло очень медленными темпами, охват количества обучающихся был незначительным.

В 1902 г. в Акмолинской области открывается 6, в Семипалатинской 10 аульных школ, в последующие 1903, 1904 гг. в обеих областях соответственно открываются 11, 15 аульных школ. Уже в 1906 г. в областях насчитывалось 4 волостных русско-казахских школ и 40 аульных. Общее число учащихся в них равнялось 833, из них 315 в Акмолинской области, и 518 в Семипалатинской. К 1915 г. число русско-казахских волостных училищ в этих двух областях насчитывалось 16, аульных школ – 150 (71 в Семипалатинской области и 79 в Акмолинской).

Есть некоторые сведения по начальным школам по областям Казахстана в конце XIX в., их насчитывалось следующее число начальных школ без церковно-приходских и мусульманских школ: год.

1) в Уральской - школ - 192, учащихся 7594, число детей школьного возраста насчитывалось - 57960;

2) Внутренней (Букеевская) орде – школ - 32, учащихся - 976, детей школьного возраста - около 31000;

3) Акмолинской - 182, и 9341 учащихся, детей школьного возраста 61106;

4) Тургайской - школ - 219, учащихся - 5496, детей школьного возраста - 40781;

5) Семипалатинской - 93, учащихся - 4488, детей школьного возраста - 61668;

6) Семиреченской - школ - 86, учащихся - 6020, детей школьного возраста – 89110;

7) Сыр-Дарьинской - 188, учащихся - 9318, детей школьного возраста - 133186 [260].

Таким образом, статистические данные показывают, что общее количество школ в Казахстане не соответствовало количеству детей школьного возраста, а действующие школы по содержанию находились в очень низком состоянии. Следует учитывать и то, что в основном в этих школах обучались дети русского казачества, переселенцев и чиновников. Следовательно, процент обучения детей казахов в школах еще больше снижается.

Для начала XX в. характерно увеличение числа русско-казахских школ. Так, в Уральской области открываются 14 школ, в Тургайской - 23 [261]. Перепись школ на 18 января 1911 г. дала следующие данные: в Уральской области насчитывалось 12 двухклассных, 49 одноклассных и аульных школ, в которых обучались 1704 мальчиков и 224 девочек; в Тургайской области 14 двухклассных и 110 одноклассных и аульных школ, в которых обучались 2192 мальчиков и 151 девочек.

Волостные и двухклассные школы, существовавшие на основе правил от 1 октября 1907 г. об инородческих школах, поставлены были лучше, имели более подготовленных учителей и помещались в большинстве своем в специально построенных зданиях. В некоторых из них имелись интернаты. Строились школы не в степи, а в русских населенных пунктах. В Уральской области стоимость двухклассной школы с интернатом в среднем обходилась в 5273 руб., одноклассной русско-казахской 2817 руб. В интернатах учащиеся пользовались столом, квартирой, а в некоторых интернатах учащимся выдавались платье и обувь. В интернатах Уральской области помещалось по 47 человек, в Тургайской области несколько меньше. Содержание школ-интернатов относилось целиком на местные средства.

Для подготовки учительских кадров в двухклассные и одноклассные школы в 1883 г. была открыта русско-казахская учительская школа в г. Орске, затем она в 1889-1890 учебном году переведена в г. Оренбург. Часть учителей готовилась в Казанской «инородческой» учительской семинарии и центральной Казанской крещено-татарской школе. Для аульных школ учителя готовились двухклассными училищами.

По переписи начальных школ в 1911 г. и обучающихся в них учащихся имело следующую картину [261, л. 3-6].

Таблица 10 – Количество школ в Уральской и Тургайской областях

№	Школы	Количество
Уральская область		
1	Двуклассная	12
2	Русско-казахская с 4-летним курсом обучения	38
3	Аульные	11
4	Миссионерских	1
5	Русских классов при медресе	5
	Итого	67
Тургайская область		
1	Двуклассная	13
2	Русско-казахская с 4-летним курсом обучения	20
3	Аульные	110
4	Миссионерских	2
5	Русских классов при медресе	2
	Итого	147

Анализ таблицы – 10 показывает с одной стороны уровень развития, и с другой, особенности развития правительственных школ в областях. Так, аульные школы в Уральской области имели стационарный характер, они находились в более или менее приспособленных зданиях. В Тургайской же области, в основном, аульные школы перемещались с казахскими кочевьями. Каждое кочевье имело свою аульную школу, и количество их определялось этим фактором. Количество русско-казахских школ с 4-летним курсом

обучения было больше в Уральской области. Во-первых, отмечается более ранний процесс присоединения западного региона в Российскую империю, во-вторых, была огромна роль Джангира хана в создании светской системы образования, в-третьих, с активным переселением русско-язычного населения в этот регион. В Уральской области в школах разного типа обучалось 2940, из них мальчиков 2658 и девочек 282. В это количество входило около 17 % учащихся русских. Интернатов в области было при 30 школах на 1609 учащихся. В Тургайской области общее количество учащихся обучалось 3291, из них мальчиков 2977 и девочек 314, в том числе детей русского населения 24%. Интернатов имелось в 20 школах на 538 мест. Так, на миллионное казахское население приходилось всего лишь 214 школ, дети школьного возраста составляли на 1911 г. 200 000 человек, из них были охвачены обучением всего лишь 5000 [262].

В конце XIX - начале XX вв. в Казахстане развивается профессионально-техническое образование, уделяется большое значение трудовому обучению в школах Казахстана. Зачатки профессионально-технического образования в Казахстане начали появляться благодаря развитию производительных сил и профессионально-технического образования в России. Однако, многие отрасли профессионального образования, среди них технические и промышленно-технические училища, не получили в Казахстане должного развития. Но вместе с этим, проводятся попытки введения преподавания в школах различных ремесел и ручного труда, которые способствовали пропаганде и распространению профессионально-технических знаний, подготовке учителей, ремесленных мастеров, работников сельского хозяйства, а также трудовому воспитанию учащихся. Однако господство феодально-патриархальных отношений в Казахстане и реакционной политики самодержавия ограничивали его развитие.

Наиболее интересный период развития системы народного образования можно отнести к после революционному периоду XX века. Переживая глубокий кризис, изменения и переустройства в школах, все же народное образование делает большие, комплексные шаги в решении некоторых вопросов, таких как ликвидация неграмотности, открытия массовых школ, преобразования программ и др. Учитывая разруху, решение этих вопросов носило на удивление организованный и системный характер. Одной из форм решения проблемы ликвидации неграмотности была организация курсов по решению проблемы неграмотности для взрослого населения. По сравнению с организованными школами XIX в., предназначенные для обучения взрослых умению читать и писать, данные курсы кроме азбучной грамотности решали еще и социальные задачи: 1) дать общее образование; 2) дать профессиональные навыки для развития производства; 3) развитие культуры и т.п.

Таким образом, политика царизма в XIX в. способствовала распространению мусульманского образования на территории Казахстана, но вместе с тем, деятельность их находилось под бдительным наблюдением администрации царского правительства. Проводя духовную ассимиляцию казахского народа, царское правительство принимало различные меры: 1)

принятие различного уровня (административных, правовых, образовательных) нормативно-правовых документов, которые позволяли во всех сферах регулировать жизнедеятельность казахского народа; 2) направление с миссионерской деятельностью организаторов школьного образования; 3) разработка и создание концепции миссионерской деятельности царского правительства, основанного на системе Н.И.Ильминского; 4) разработка специальных учебников и учебных пособий для мусульманских школ; 5) реформирование системы образования в Казахстане, открытия новых типов школ (русских, русско-казахских, русско-туземных), разработка русско-киргизского алфавита и обучение по системе Н.И.Ильминского, полностью поменяла существующую систему обучения. Необходимо заметить, что существующая система мусульманского образования в Казахстане никоим образом не связана с религиозным образованием, как ошибочно иногда представляли некоторые исследователи царского правительства.

В 1912 г. проводится съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, на съезде был поднят вопрос о состоянии школьного образования в Казахстане, и впервые были высказаны мнения о том, что царское правительство в процессе организации школ осуществляла русификаторские задачи. Казахский народ отрицательно относился к аульным школам, требуя более организованных общеобразовательных школ-интернатов. На съезде было установлено, что аульные школы не достигли основной своей цели, как русификация детей школьного возраста, так как малограмотные учителя школ не могли поставить «учебную» работу школ таким образом, чтобы эта работа обеспечила осуществление русификаторских задач в учебно-воспитательной работе. На съезде было принято аульные школы преобразовать в одноклассные русско-инородческие училища [263].

Итак, общая грамотность среди казахского населения в разных регионах Казахстана составляла всего лишь от 7,9% (мужского населения) и 2,2 (женского населения) [264]. Причиной такой низкой грамотности населения просветители видели в том, что правительство отпускало на нужды просвещения мизерные суммы, было очень слабое развитие сети школ. Большинство начальных школ Казахстана содержалось, главным образом, за счет общественных и частных средств населения. Объективные причины недостаточного развития школьного образования в Казахстане в XIX в. заключались также в следующем: недостаток материальных средств, качественных учебников и учебных пособий, отсутствие учительских кадров, задержка строительства и открытия школ. Царское правительство выделяло большие суммы на содержание царской администрации, жандармерии и тюрем, но не «находило» средств на дело народного образования, в особенности школ провинций. Печальное состояние народного образования среди казахского населения и других нерусских народностей не скрывали в своих отчетах попечители и чиновники учебных округов

4 ОСОБЕННОСТИ И СВОЕОБРАЗИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА В XIX- нач. XX вв.

4.1 Специфика зарождения школьного образования в Букеевском ханстве

При консервативности внутренней жизни и быта казахского населения, его отсталости, вовлеченное в сферу активной политики русского государства и в структуру метрополии, государство ощущало заметно растущее повсеместное влияние России. Особенно это сказалось на тех регионах Казахстана, которые находились в наиболее интенсивной зоне политики России, более заметно ощущали ее влияние вообще, в области культуры и просвещения в частности. Одним из таких регионов Казахстана было Букеевское Ханство.

Внутренняя Орда или иногда называемая Букеевским ханством образовалась в начале XIX века между реками Урал и Волга. На территории ханства, в основном, проживали казахи, которые относились к Младшему жузу, прикочевавших из-за Урала. Влияние Российской империи на административное строение было очень велико, так в 1845 году после упразднения ханства во Внутренней Орде был учрежден «Временный Совет по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой». В середине XIX века происходил ряд административных реформ, а также в школьном образовании. После реформ в Казахстане в 1867-1868 годы Орда была подчинена Тургайскому областному правлению, которая находилась в ведении Оренбургского генерал-губернатора. В административном отношении Орда делилась на пять частей и два округа.

Во второй половине XIX века Внутренняя Орда, как и весь Казахстан не отличалась развитой промышленностью. Исключение составляли баскунчакские соляные разработки. Основным хозяйством населения являлось, главным образом, скотоводческое дело.

В конце XIX века в Орде насчитывалось около 263 тысяч человек [265]. На такое количество людей было всего два врача: один - в Ханской Ставке, другой - в с. Новая Казанка.

История создания и организация школы в Ханской ставке исследована многими учеными историками и педагогами (С.З.Зиманов, А.С.Ситдыков, А.И.Сембаев, Т.З.Рысбеков, А.У.Муханбетжанова). В их работах дается общая характеристика, исторические предпосылки создания школы, показаны статистические данные и т.д. Организация школы была такова, что она явилось ступенью для подготовки и поступления казахских детей ханов и султанов в Неплюевский кадетский корпус. Все предметы в школе, кроме магометанского вероучения и восточных языков преподавались на русском языке. Позже в 1848 году школа становится смешанной, то есть в школе стали обучаться и казахские, и русские дети.

Говоря об ученых, изучавших жизнь, культуру и быт казахского народа нельзя не упомянуть имя известного русского антрополога и этнографа Алексея Харузина. Он в течение двух лет с 1887-1888 гг. всесторонне изучал историю, экономику и быт казахов Внутренней Орды. Ученый раскопал несколько

старинных курганов, сделал множество фотографий, провел некоторые антропометрические измерения, результаты исследований он обобщил в работе «Киргизы Букеевской орды». Наблюдения А.Н.Харузина дали возможность сделать ему следующую характеристику казахам Орды. «Букеевский киргиз, - пишет ученый, пришел к нам 90 лет тому назад; вся его история протекала на наших глазах: мы помним, каким он пришел и каким стал теперь. Он пришел, вооруженный копьем и айбалтой, перекочевывая с места на место и живя в кибитке; теперь он, до некоторой степени, оседлый, живет зимою в глиняном доме, бросил оружие; пришел он язычником, теперь он магометанин; жил прежде, строго соблюдая свои родовые и сословные традиции, теперь он их забыл; жил большими семьями, а теперь нет и т. д. Одним словом, постепенно утрачивает старину и, при том, в большей степени, чем его азиатский сосед» [266].

Данная цитата дает нам сделать вывод о том, что современнику того времени видны были преобразования, которые происходили в казахской степи, они являлись участниками и проводниками этих изменений. Следует ли однозначно говорить о благотворном влиянии процесса присоединения Казахстана к России, безусловно нет, но вместе с тем, мы не можем отрицать о тех положительных тенденциях, которые происходили в государстве, результатом которого явились изменения в социально-экономической и духовно-культурной жизни казахов.

Географическое и обособленное положение Внутренней Орды, в отличие от других частей Казахстана, а также тесное общение местного населения с русскими, накладывало отпечаток на развитие экономики и культуры ханства. Такое положение не могло не сказаться и на становление школьного образования, развитию которого в известной мере способствовало создание отличных от казахских религиозных мектебов и медресе школ, в которых велось преподавание русского языка.

Букеевское ханство по своему укладу внутренней жизни и развитию была наиболее организованным регионом в западном Казахстане. Несмотря на преобразования, которые были на тот исторический период, Букеевское ханство оставалось типичным для казахского населения патриархально-феодальным обществом. Культурные связи между Букеевским ханством и Россией оказали влияние на просвещение данного региона. Особенно интенсивное развитие культуры, искусства, литературы приходится на середину XIX в. Тесные связи с Россией, связанные с управлением ханства, усилением внешних связей ханства с метрополией в экономических и политических вопросах повлекло за собой подготовку грамотных людей, умеющих вести делопроизводство, вести переговоры. Более заметной она была в тех местах, которые были вовлечены в сферу непосредственного управления России и находились ближе к российским губерниям. И в связи с этим возникает потребность развития сети учебных заведений.

В Букеевском ханстве потребность в грамотных людях вначале возникла в системе внутреннего управления, что было связано с введением письменного делопроизводства, и быстрым ростом его значения во всей управленческой

деятельности. Меры упорядочения структуры внутреннего управления в ханстве, налаживание учета поголовья скота и земельных владений в каждом старшинстве, родовых подразделениях, установление стабильной системы сборов и обложения населения в пользу ханской казны, внедрение письменной формы ведения следствий по ряду категорий дел, возрастание роли документации в торговых делах и хозяйственных отношениях с представителями соседних губерний, введение периодической отчетности и информации по подчиненности во внутреннем управлении – все это изменило прежнее представление об управлении в казахском обществе. Необходимо отметить, что делопроизводство в Букеевском ханстве было хорошо поставлено, Джангир хан уделял особое значение этому делу, о чем свидетельствуют множество архивных документов ЦГА РК, ГА ОрО, ГА АО, ГА ЗКО, музей Джангир хана в Букей Орде.

Первая светская школа в Западном Казахстане появилась в 1841 году в Ханской ставке (ныне Бокей Орда). В школе было два класса: русский и татарский, первый состоял из 13 учеников, второй - из 12. Самому старшему было 22 года, а самому младшему - 9 лет [267]. В организованных классах (русская и татарская), обучались пришкольные и вольноприходящие учащиеся. Пришкольные находились на обеспечении школы, в русском классе преобладало изучение русского языка, а в татарском – восточных языков.

Особенно тяжелое положение в отношении обучения детей было в школе-пансионе Ханской ставки. В открытой школе ханом Джангиром для детей помощников своего окружения не хватало квалифицированных учителей, их места занимали переводчики, ветеринары и другие служащие, незначительно знающие русский язык. Букеевская Орда стала центром распространения просвещения в западном регионе – сюда правителем Джангир-ханом были приглашены муллы из Казани и Оренбурга, в свою очередь детей местной знати направляли на обучение в духовные школы медресе – в Казань, Уфу, Оренбург и Астрахань. Приезжим муллам поручалось содержание мечетей в орде. Джангир-хан очень ревностно относился к деятельности местных школ и мулл: собирались средства на строительство мечетей, при которых открывались мектебы, создавалась комиссия, экзаменующая направляемых на места мулл. Такое интенсивное проведение линии исламизации с одной стороны, и открытие начальных школ при мечетях с другой к XIX в. создало такую ситуацию, когда каждый род, каждое значительное отделение рода имели своего муллу.

Незнание детей казахов и русского языка, и татарского усложняло их обучение. Деятельность учителей-мулл татар обусловило и внедрение в учебный план татарского языка, а также официальные документы зачастую велись на этом языке. Необходимость обучения детей русской грамоте исторически и политически доказывались многими известными правителями и прогрессивными деятелями Казахстана (Джангир хан, И.Алтынсарин).

Являясь одним из активных пропагандистов просвещения народа среди казахских ханов, Джангир-хан с одной стороны понимал экономические и социально-политические интересы своего ханства, и с другой стороны

необходимость для преодоления отсталости среди народа внедрение сети образовательных организаций и почти насильственно отдавал детей своих подданных на обучение. Другой путь просвещения казахского народа в понимании Джангир хана, мог решаться через распространение духовных школ – мектебов и медресе. Духовные школы являлись для царского правительства острой проблемой, так как влияние татарского духовенства было намного сильнее, нежели зарождающиеся русские школы. Определенное влияние в вопросе распространении мектебов и медресе оказывал оренбургский муфтий, на дочери которого был женат Джангир-хан.

Прозорливость хана было в том, что он со временем намеревался заменить всех татарских, бухарских мулл при местных мечетях подготовленными муллами коренного населения. Нововведение хана было еще и в том, что в программу мектебов вводится изучение элементарного естествознания и русской грамоты.

Анализ архивных источников показывает, что в середине XIX в. в Букеевской Орде было немало первоначальных школ во главе с муллами, в которых преподавался наравне с Кораном и русский язык. Необходимо отметить и то обстоятельство, что открытие начальных школ – мектебов носило стихийный характер, то есть казахская знать открывала их в тех местах, где основное население вело оседлый и городской образ жизни. В этих школах, в основном, работали учителями-муллами выходцы из Бухары, Ташкента, Казани или Уфы. Муллы, которые обучали детей сами были малограмотными, обучение, в основном, носило бессистемный характер, мулла зачастую не имел ни плана, ни программы, умел сам с трудом читать и писать. Дети учили арабский алфавит, читали простейшие тексты из духовных книг, заучивали некоторые тексты.

Деятельность мектебов при мечетях носило двойственный характер, старые методы воспитания и обучения, бессистемность в подходах в обучении, изучение догмы Корана и религиозное учение, с одной стороны и трудный переход к новым требованиям времени с другой. Описывая положение в таких школах, один из современников писал: «У этих мулл мальчики лет 5-ти и более не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многим вовсе: до сих пор многие ученики того времени, умея читать, не могут написать ничего». Другой характер обучения в мектебах давался с учетом системы местной администрации и службы в царско-ханских делах. В мектебах преподавались русский язык и начала естественных наук. Прогрессивность отношения к образованию было настолько, что почти у каждого богатого и влиятельного в орде человека открывались домашние школы, в них обучались от 10 до 70 человек. Стараясь перейти к новой системе, открыватели старались приглашать русских учителей. В своей работе И.Ф.Бларамберг отмечал, что в Букеевском ханстве «грамотность и изучение русского языка начинают распространяться ежегодно с большим успехом» [268].

Однако, эти школы организованные знатью и распространенные по родовым отделениям и урочищам давали всего лишь первоначальные знания и самое первичное представление о русской грамоте. Молодые люди,

проучившись в таких школах 5-7 лет, практически не были пригодны для системы местной администрации и продолжения учебы в школах российских губерний, тем более в специальных училищах. Такое положение было не во всех духовных учебных заведениях, так во второй половине XIX в. открываются медресе, в которых служили муллы, прошедшие подготовку в Казани, Уфе, Египте, где давались знания в области философии, естественных наук, читались труды Авиценны, Аль-Фараби, Навои и др.

Это послужило предпосылкой для открытия дальновидным, прогрессивным ханом Джангиром центральной школы в Ханской ставке. Две цели, которые ставил Джангир-хан, были практически осуществлены, во-первых, школа должна была готовить юношей к поступлению в российские специальные учебные заведения, в том числе на подготовительные курсы университетов и кадетских военных училищ, во-вторых, выпускники школ должны были нести канцелярскую службу в местной и ханской администрации.

Строительство новой школы в Ханской ставке, а затем пополнение ее учениками проходило очень тяжело. Обострялось это тем что, во-первых, здание школы строилось на средства, поступающие от сборов с населения, во-вторых, знать отказывалась отдавать своих детей в эту школу. И открытая в 1841 г. школа набрала всего лишь 12 учеников на 30-40 мест вакансий. И только через два года школа смогла заполнить эти места. Большие усилия приложил сам Джангир-хан для того, чтобы знать отпустила своих детей в новую школу, личные письма родственникам, султанам и родоправителям позволили улучшить ситуацию. В одной из своих писем, адресованном родоправителю и родственнику Чуке Нуралиеву от 10 апреля 1841 года Джангир писал: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания и вразумления родных и друзей ваших и всех, кого следует, что если и ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя будет, что впредь безграмотных и по-русски не знающих вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание, всякая издержка денежная принесут во сто раз более плода, если они будут употреблены на обучение юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дело, что лучше употребить денег нельзя, как на то, чтобы приобрести знания закона божьего и правды его и через развитие в науках благородной честно служить Великому Государю Русскому и Народу» [269].

Все действия, которые использовал Джангир-хан, дали положительный результат, и в середине 50-х годов в Центральной школе обучалось уже 30 человек, и это был не предел, желающих учиться в школах с каждым годом увеличивалось. Вначале школу содержали за счет ханских доходов, а с отменой ханской власти в орде, школа содержалась за счет сборов с населения.

Обучение в школе было наиболее организованным и системным. Занятия начинались в начале октября и продолжались до мая. В школе преподавали арабский, татарский и русский языки, начальные правила арифметики и грамматики, географию, историю и совсем необычный предмет – правила

оспопрививания. Организовывались экзамены учащимся с целью демонстрации полученных знаний, где присутствовали отцы и родственники. Обычно на смотре участвовал и сам хан. Это было необычное событие, в Ханской ставке собиралась знать, устраивались приемы, увеселительные мероприятия.

Первый учитель школы, который еще и являлся ветеринарным врачом, Константин Ольдекоп преподавал русский язык, арифметику и географию. Наравне с преподаванием он еще осуществлял «надзор и попечение за поведением и нравственностью учеников». Восточные языки, а также и вероучение преподавал Садриддин Аминов.

Обеспеченность учебниками и обучение на основе наиболее прогрессивных учебников характеризовало и уровень знаний, и отношения к ним: «Краткая русская грамматика» А.Х.Востокова, «Арифметика» Н.Малинин, «География» И.П.Шульгина в 2-х томах, «Краткая хрестоматия» А.Д.Галахова, «Русская история» Н.Г.Устрялова в 2-х томах. Такая организованность школы и подготовленность школьников позволяли выпускникам поступать в средние специальные учебные заведения России и кадетские корпуса.

17 октября 1866 года Государственным Советом разрешается открытие при управлениях Букеевской Орды 7- первоначальных школ грамотности для казахских детей. Так, в 1868 году были открыты такие одноклассные школы:

- 1) Калмыцкая – в селе Владимировке.
- 2) Камыш - Самарская – в селе Новая Казанка.
- 3) Нарынская - на урочище Уялы коль.
- 4) Таловская - в с.Таловка (Казталовка).
- 5) Торгунская - в Ханской ставке.
- 6) В I - Приморском округе – около Кокаревского кордона.
- 7) В II - Приморском округе – около Бакалаевского кордона.

В 1896 году в Букеевской Орде было 24 - русско-казахских школ, в том числе двухклассных училищ - 2, одноклассных сельских училищ - 6, старшинских - 14, частных - 2, при медресе и мектебах существовали 2-русских класса. Всего в них обучались 708 учащихся. Из них: казахов - 629, русских - 64, татар - 15, девочек - 35. Среди учащихся казеннокоштных (на средства государства) - 167, своекоштных - 541.

В 1885 году открылись 7 старшинских школ, в 1896 году еще 7 школ. Первые старшинские школы были открыты в более многонаселенных пунктах Шунгае, Караколе, Толубае, Суюнали, Куйгенкуле, хуторе Есенбай и на Абинском форпосте.

Участковые одноклассные русско-казахские училища, существовавшие в каждой части Внутренней Орды, являлись 4-х летними и соответствовали одноклассным училищам применительно к § 13 Инструкции от 4 июля 1875 года.

Старшинские школы во Внутренней Орде являлись двухгодичными. Во Внутренней Орде сложилась своя система народного образования, которая несколько отличалась от системы школьного образования не только других частей России, но и других областей в Казахстане. Во Внутренней Орде было два типа правительственных школ - двухклассные с шестилетним курсом

обучения и одноклассные участковые русско-казахские школы с 4-х летним курсом обучения. В конце учебного года учащиеся сдавали экзамены по пройденной программе.

Созданная с середины XIX века примитивная система обучения детей была направлена, в основном, на изучение преимущественно русского языка. До начала XX в. был организован ряд школ различного уровня: Ханско-Ставочная и Больше-Ганюшенская двухклассные русско-казахские мужские училища, 7 участковых и 1 Ставочное женское одноклассное училище, 14 старшинских, 2 аульных и 3 классов русского языка при мектебе и медресе. Таким образом, 29 учебных заведений приходилось на 300-тысячное казахское население Орды. Причем условия в этих школах были очень тяжелыми, они находились в состоянии полной заброшенности [270].

Наиболее организованным было двухклассное Ханско-Ставочное училище, которое заменяло собой учительскую школу, где в основном готовили педагогические кадры для всех низших казахских учебных заведений. Уровень подготовки педагогических кадров в этом училище, безусловно, не соответствовал всем требованиям, специалисты выходили малограмотными, они не только плохо владели русским языком, но и были слабы в области других дисциплин: арифметики, естественных наук. Тому свидетельством являются архивные материалы инспектора Внутренней Киргизской Орды, которые подтверждают факт слабой подготовки выпускников Ставочного училища. Так, в отчете учителя Джуманиозова за 1900 г. показано движение учащихся за год следующим образом: 1 декабря 1899 г. было 13 учеников; потом поступило еще 23. До окончания занятий выбыло 10 человек. Следует ли понимать, что те 23 учеников, которые якобы были приняты на обучение, а затем, 10 из них были отчислены, оставшиеся 13 и составляли основной контингент учащихся. Вероятно, их больше и не было, но показать, как получился наличный состав учащихся к моменту отчета, Джуманиозов не мог. На поставленный вопрос: когда и кто из инспектирующих лиц посещал школу? учитель в отчете дает следующее пояснение (предлагаем дословный ответ учителя Джуманиозова): «В этом 1900 г. школа посещаем не был ни с кем» [271]. В 1902 г. при Ставочном училище открылись педагогические курсы с начальной школой для учительской практики курсантов, а в 1905 г. оно стало четырехклассным городским училищем и действовало по Положению 1872 г.

Следующим типом учебного заведения, которые открывались повсеместно, были участковые одноклассные школы, которые отличались своими особенностями. Они находились в бюджете государственного казначейства, как и двухклассные училища, являлись центральными школами, имели свои землянки – интернаты. Выпускники имели право продолжить обучение, и в основном поступали во второй класс Ставочного училища, которое не имело первого класса. Участковые училища в системе народного образования занимали особое место, но тем не менее правительство не уделяло должного внимания для организации этой школы, в результате чего многие из них страшно бедствовали. Училища 1903 г. действовали на основе нормативных документов, и государственных средств, определенных еще в

начале реформ 1867-1868 гг. В связи с этим, условия жизни в интернатах не обеспечивали возможности полноценного получения образования. Казахским детям на ежедневное питание отпускалось 10 коп., за целый год учитель с семьей получал 120 рублей. По свидетельству третьего инспектора Астраханской губернии А.А.Воскресенского, ученики проживающие в интернате жили впроголодь, а вокруг них царили грязь и холод [272].

Увеличение ассигнований стало одним из главных вопросов чиновников местного уровня. Так, 16-го мая 1903 года инспектором было сделано заявление директору народных училищ добиться увеличения ассигнований или снизить число воспитанников в интернате с 20-ти до 10-ти учащихся. Таким образом, за почти 40 лет своего существования первые школы не подвергались преобразованию, ни в хозяйственной части, ни в содержании образования, ни в совершенствовании процесса обучения. Только лишь изменился срок обучения, с 2 лет было преобразовано в 4 года. На раннем этапе участковые школы принимали совершенно необученных детей, теперь к ним приходили выпускники старшинских школ, которые неохотно шли в участковые. Разумеется, этот вопрос волновал и учителей, так учительница Калмыцкой участковой русско-казахской школы в ноябре 1903 г. пишет инспектору А.А.Воскресенскому, что «из старшинских школ не одного желающего поступить ученика не было» и что она поэтому организовала прием детей в подготовительное отделение [272, л. 12-27]. Такие письма в органы народного образования поступали постоянно. В своем извещении учитель Ажгиреев из Камыш-Самарской участковой школы от 20-го ноября сетует, что кроме Миндалиева никто из старшинских... не явился для поступления в школу. В Таловскую школу в тот год поступило 2 человека, а в Нарынскую - 6.

Старшинские школы были одной из разновидностью аульных школ, в основном, они были характерны для западного региона Казахстана. По уровню организации они были чуть выше последних. Старшинские школы содержались на средства местных казахских обществ. Основное количество детей обучалось именно в этой школе. В период с 1896 по 1903 гг. число их оставалось неизменным - около 14-ти. И только в 1904 г. количество их выросло до 19-ти. Будучи кочевыми школами, большинство из них не имело даже своих землянок, а занималась в наемных помещениях.

Забываясь об увеличении грамотности среди казахского населения летом 1903 г. председатель Временного Совета по управлению Внутренней Киргизской Орды предложил к существующим 14-ти старшинским школам добавить еще 14 и довести контингент учащихся в каждой до 50-ти. Понимая, что первым долгом следовало бы улучшить положение тех школ, которые не имели своих собственных зданий, инспектор А.А.Воскресенский возражал против открытия новых. По его мнению, учреждение школы без собственных помещений было бесполезным делом и потому предложил строить по два дома в год с таким расчетом, чтобы «годов через семь или даже пять, можно было бы обеспечить существующие старшинские школы собственными зданиями» [272, л. 12 об.]. Мнение инспектора было одобрено, но к сожалению этот более чем скромный план не был выполнен. Не имея постоянного и удобного места

пребывания, школы переезжали из одного урочища в другое, и инспектор порою не знал, где они находятся. Были и такие случаи, когда приехавший по назначению учитель не мог организовать обучение из-за отсутствия желающих учиться. Так, 25-го октября 1903 г. учитель Мурзалиев из урочища Каракудук сообщил, что он прибыл на место назначения, «но по неимению желающих обучать детей к русской грамоте я не находил возможности открыть школу на старом месте... почему я и переселился со школою в соседнее старшинство № 10 на урочище Тарангул, согласно просьбе общества одного старшинства, где уже открыл школу... Почетные и выборные этого общества обязывались обеспечить школу установленным числом учащихся мальчиков» [273].

Не безинтересен и такой факт, который был описан учителем Кок-Терекской школы Акбаевым. Вот как он описывает свое прибытие в этой школе: «Старшинская школа носящая ныне наименование – Кок-Терекской, была открыта на урочище «Аяк-копа» в 1896 году. Просуществовав на этом урочище 1 год, она была переведена на урочище «Жортан», откуда через год была переведена на урочище «Кошкар», отсюда в 1900 году была переведена на урочище «Ащи-Кудук». Затем в 1904 году была переведена на «Кок-Терек». Главной причиной перехода школы из одного урочища на другое служила невозможность набрать на данном урочище достаточного количества учащихся» [274].

Нужно заметить, что среди старшинских школ была одна, которая находилась на особом положении. Основал эту школу 3 ноября 1904 г. инспектор А.А.Воскресенский и называлась она «старшинской образцовой школой на урочище Ток-Сан-Арал», находившемся в 15-м старшинстве 1-го Приморского округа. Первый учитель этой школы А.Худайбергенов описал, что школа «помещается в наемной квартире, которая представляет из себя киргизскую землянку с деревянным полом и потолком. Квартира несмотря на свою внешнюю форму, считается весьма удобной на всем данном урочище...». «Некоторые из окончивших учение в школе поступают в Больше-Ганюшкинское двухклассное училище, а большинство по крайней бедности возвращаются в свои аулы и занимаются писцом старшины и приказчиком у купцов, приемщиком рыбы на промысле, в крайнем случае скотоводством» [275]. Сам же учитель А.Худайбергенов окончил педагогический класс в Ханско-Ставочном училище, получал 240 рублей в год и на свои деньги сделал школьные скамейки и столы. Находясь на особом положении, образцовая старшинская школа не содержалась за счет местных обществ на 250 руб., как все остальные, а финансировалась Министерством народного просвещения, расходуя ежегодно по его смете 548 рублей. Из все существующих школ, она была наиболее организованная, чему свидетельствуют такие факты, как организация процесса обучения. Итак, учение в школе продолжалось 3-4 года, а ежедневные занятия шли с 9 до 2 часов дня и с 7 до 9 часов вечера. Обучающиеся были в возрасте 7-12 лет. Среди всех старшинских школ только она имела большее количество учащихся, которое доходило до 30-ти человек. Основные предметы, которые изучали в школе были русский язык, арифметика и ручной труд – «мотание рыболовных сетей». По мнению учителя

А.Худайбергенова ученики за 3-4 года усваивали чтение, письмо, арифметические действия и несложную русскую разговорную речь. В своих отчетах А.Худайбергенов показывает свое отношение к ученикам, а также, что он доволен посещением детей школы, поведением их на уроке. В отличие от других школ в старшинской образцовой школе учебный год начинался своевременно.

В отдел народного образования поступали различные сведения, отчеты учителей. Так, 30-го декабря 1903 г. один из учителей сообщил инспектору, что до 1-го декабря у него собралось 9 учеников, «но ныне они хотят домой, причиною, что не желают учиться на одного русского наука, без киргизских чтений» [276]. Из сообщения видно, насколько был малограмотен учитель. Сетую на положение, незадачливый учитель просил разрешения перебраться ему в другое урочище. Подобного рода рапорты поступали неоднократно. Из старшинской школы в «Бес-Пшене» инспектору доложили, что занятия начались, прибыло 16 учащихся, далее учитель предполагал позднее иметь 25 учеников, так как по заявлению населения, ждал прибытия 6-10 девочек. Однако, эти оптимистические предположения не сбылись и к концу учебного года старшинская школа в урочище «Бес-Пшене» заметно не отличалась от других.

Наряду со старшинскими школами в Букеевской Орде, с 1900 г. существовали еще и две аульные школы. Первоначально они были задуманы А.А.Воскресенским как женские школы и содержались на средства государственного казначейства имея 250 руб. в год. Одна находилась в Нарынской, другая в Торунской части Орды, но позже после открытия его преобразовали в смешанную, причем общее число учащихся в каждой редко превышало 10-ти. В учебном отношении они ничем не отличались от обыкновенных аульных школ.

Еще одним «педагогическим экспериментом» отличился инспектор А.А.Воскресенский. Им в марте 1903 г. было предложено директору народных училищ Астраханской губернии новый проект учреждения «в чисто русском селе Никольском» русско-киргизской школы. На открытие школы он просил отпустить 225 рублей, из которых 120 руб. должен был получать свое жалованье учитель. Предполагалось открыть школу только на один год «в виде опыта». Инспектор рассчитывал здание для школы взять под наем. В скором времени разрешение и деньги были получены, ученики найдены. В течение нескольких месяцев учитель Б.Юсупгалиев вел занятия с 14-ю мальчиками, а потом все рассыпалось из-за недостатка учащихся, согласных поддержать начинания инспектора. 16 мая 1904 года последнему пришлось донести директору о причинах своей неудачи. По мнению инспектора повинны в этом были татары-муллы. «Всюду в окружности, - писал инспектор, - не только в каждом ауле, но и в каждом более или менее состоятельном киргизском семействе – проживают учителя – муллы из казанских и астраханских татар». Они обучали детей татарской грамоте, магометанскому закону и по просьбе казахов изучали русский язык. Но инспектор тут же успокаивал директора: «это

дело не идет дальше ознакомления с русскими буквами» [277]. Такой уровень изучения русского языка было и в других старшинских школах.

Развитие сети школ шло медленными темпами, а содержание их, преобразование самой системы обучения оставалось на начало XX в. все еще слабо. Так, к концу 1904 года в Букеевской Орде действовали следующие учебные заведения:

1) двухклассных училищ	2
2) одноклассных (участковых)	8
3) старшинских.....	19
4) аульных.....	2
5) русских классов при медресе.....	3
6) всего учебных заведений	34

Очень немногим эти школы могли привлечь симпатии казахов. Кроме того, их было так мало, что общая масса ордынцев их и не чувствовала, а там, где они непосредственно соприкасались с ними, тесные и мрачные училища разочаровывали родителей и пугали детей.

Развитие системы народного образования, как и во всем Казахстане, шло очень тяжело. Во Внутренней орде до административных и школьных реформ 1868 года, существовала только единственная русско-казахская школа в Ханской Ставке, другие мусульманские мектебы и медресе не могли удовлетворить потребности в образовании казахского населения. Нельзя с точной уверенностью сказать о количестве мусульманских мектебов и медресе в целом по Казахстану, и в частности в Западном Казахстане, из-за отсутствия учета, а также обучавшихся в них учащихся. В имеющихся архивных и литературных источниках даются по этому вопросу самые различные данные.

Так, по данным бывшего учителя школы второго приморского округа Внутренней орды Н.Леванова в 1872 году Орде было 154 мусульманских школы, в которых обучались 3821 учащийся. Есть сведения из отчетов инспекторов училищ и попечителя учебного округа о том, что на тот период действовали 38 мусульманских мектебов и медресе (по неофициальным данным — 56), а также две русские классы при них, в которых обучались 400 учащихся, в том числе: казахов 350, татар — 50; мальчиков — 375, девочек 25 [278].

Попечитель Оренбургского учебного округа И.Я.Ростовцев в своей информации в Министерство народного просвещения 11 ноября 1891 года сообщал, что в Букеевской орде имеется примерно 400 мусульманских медресе и мектебов. Вероятнее всего, в число мусульманских школ были включены и «школы» индивидуального обучения, которые были характерны для зажиточной части казахского населения. Нельзя сказать, что эти данные о существовании такого числа мектебов и медресе только в одной Внутренней орде является объективным, так как другими источниками эти данные не подтверждаются.

Другой источник - «Астраханский вестник», свидетельствует, что в Букеевской орде на 1 января 1899 года было 60 мектебов и медресе, в которых обучалось 1679 учащихся, в том числе мальчиков - 1436 и девочек - 243. Есть

сведения о том, что девочек «обучали» жены мулл (их было 27). Сокращение числа мусульманских мектебов и медресе, а также учащихся в них к концу XIX века произошло, главным образом, в результате увеличения русско-казахских школ Министерства народного просвещения. Они главным образом были единственно полезными для казахского населения типами школ. Открытие старшинских школ в различных частях Внутренней орды, также некоторым образом способствовало увеличению числа обучающихся и повышению уровня грамотности среди простого населения.

В конце XIX века другой формой проведения политики по изучению русского языка, была организация русских классов при мусульманских мектебах и медресе. В 1896 году в русском классе при медресе в Новой Казанке, открытом в 1895 году, обучалось 32 ученика, в русском классе при мектебе в Ханской Ставке, открытом в 1892 году 84 ученика [279].

Есть разные точки зрения ученых- историков на открытие русских школ и изучения русского языка. Есть мнение о том, что создание русских классов при мусульманских школах явилось результатом стремления и требования казахского населения обучать своих детей русской грамоте, другие считают, что оно явилось следствием известной победы самодержавия над мусульманским духовенством, которое правительство обязало открывать вместо новых мечетей и мусульманских школ русские классы при мектебах и медресе, третьи придерживаются точки зрения, о том, что шла активная русификация и христианизация казахского народа. На наш взгляд, создание новой системы образования вследствие реформ 1864-68 гг. увеличило уровень образования народа, способствовало развитию промышленности в начале XX вв.

Успешное открытие различных типов школ с русским языком обучения все чаще вызывало неудовольствие у мусульманского духовенства во Внутренней орде, они разжигали различные антиправительственные и антирусские настроения среди известной части казахских султанов и биев. Это причиняло беспокойство царской администрации. В результате чего были предприняты некоторые меры, направленные на нейтрализацию этого влияния. Выражая политику царского правительства, А.Н.Харузин писал: «В татарских школах преподают детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских, культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства, создавать и усиливать, таким образом, татарскую национальность не может входить в цели нашего государства». А.Н.Харузин считал, что татарско-магометанское влияние является главным препятствием для «обрусения» казахов [280].

Чтобы предотвратить влияние татарских мулл на казахских детей правительством, а также попечителем и инспекторами предпринимались различные меры. Так, попечитель Оренбургского учебного округа предложил не принимать их в мусульманские школы и русские классы. «Было бы целесообразно, - писал он в Министерство народного просвещения, - в медресе и в русские классы при оных, устроенные во Внутренней Букеевской орде для

татарского населения, принимать для обучения у мулл только татар, дабы училища под влиянием татарских мулл не сделались рассадником магометанского фанатизма среди киргиз». В свою очередь, Министерство народного просвещения 18 августа 1892 года направило это предложение на заключение попечителю Казанского учебного округа, так как Внутренняя орда по вопросам организации учебной работы входила в его состав.

Попечитель Казанского учебного округа В.А.Попов одобрил это предложение. В своем ответе он писал: «Татары воодушевлены не только мусульманским фанатизмом, но и любовью к своему языку и симпатиями к турецкой державе. Отчужденность от всего русского среди татар не уменьшается, но, напротив, возрастает» [281]. В доказательство он привел факты, установленные при инспектировании школ Внутренней орды инспектором казахских школ А.Е.Алекторовым, который, посетив 20 ноября 1887 года татарское медресе, где обучалось 50 учеников обнаружил, что учитель татарин «обучал детей мусульманскому вероучению, татарской грамоте ...» и «находил совершенно излишним» обучать их русскому языку. Беспокойство попечителя и вызывало тот факт, что ученики татарского медресе в Новой Казанке при посещении их А.Е.Алекторовым 11 февраля 1888 года на вопрос последнего: «Какой главный город нашего государства и кто наш царь», отвечали: «Главный город Стамбул, а царь наш - турецкий султан». По мнению инспектора, учащиеся могли и не знать главного города России, тем более имя русского царя. Но, он обращает внимание на тот факт, что учащимся было внушено, что не Петербург, а Стамбул является главным городом, а казахи якобы подвластны турецкому султану [282].

Беспокойство вызывало и то, что, несмотря на запрещение правительства селиться татарам во Внутренней орде, они все же расселялись самовольно. «Многие из татар,- писал В.А.Попов,- попав в степь под видом торговцев, сбрасывают там с себя личину и становятся учителями и распространителями ислама и татарского языка», и если этот наплыв не будет прекращен, «то отатаривание и фанатизирование киргизов будет идти весьма быстро». Он жестко предлагает не только запретить обучать казахов в татарских медресе и мектебах, но и селиться татарам во Внутренней орде. В существовавших мусульманских школах мулла обучал от 25 до 50 казахских детей. Обучение в этих школах продолжалось почти круглый год: «летом в кибитках мулл, зимой - в их душных сырых и вонючих мазанках-землянках». Руководствами для обучения, в основном, служили татарские книги, как наиболее понятные и изложенные на языке, на котором киргизы восприняли впервые магометанское вероучение. Причем под влияние отатаривания попадают не только дети «султанских родов, но и простых ордынцев».

Одной из главных причин распространения магометанской религии среди казахского населения Внутренней Орды В.А.Попов считает недостаточное распространение православной религии: «...только разумную, неослабленную, миссионерскую деятельность во Внутренней орде, только православных храмов, назначение способных священников, знающих киргизский язык, перевод православных священно-богослужбных книг, заведение церковно-

приходских училищ и, наконец, поощрение к поселению во Внутренней орде можно признать существенно государственными мерами, имеющими весьма серьезное значение в деле сплочения и слияния киргизского края с общим отечеством» [282, с. 39].

Привлечение казахов в «лоно православной церкви» было одной из целей царского правительства. Решение этой цели виделось в том, что казахи охотно вносят пожертвования на содержание семи русско-казахских школ, «имеющих целью распространение русской грамотности среди киргизов».

С целью повышения авторитета среди казахского населения, В.А.Попов предлагает ввести в русско-казахских школах преподавание магометанской религии – ислама. В подтверждение, в качестве примера, он приводит русско-казахскую женскую школу в Ханской Ставке, которой в 1883 году из 22 воспитанниц было 7 казашек, а в 1890 году — только одна. По его мнению, такое сокращение воспитанниц за семь лет связано именно с ослаблением преподавания магометанской религии в школе. «Введение преподавания магометанской религии в правительственные русско-киргизские школы говорит он,— вселит среди киргизов доверие к мероприятиям правительства, успокоит киргизов относительно посягания на их религиозную совесть, и, до известной степени облегчит, этим самым, задачи православно-миссионерского дела во Внутренней орде» [282, с.47]. Этот вопрос волновал и директора Казанской учительской семинарии Н.А.Бобровникова, инспектора «инородческих школ» Оренбургского учебного округа В.В.Катаринского.

В.В.Катаринским был подготовлен материал «Мнение», в котором автор дает анализ о состоянии систем школ во Внутренней орде [283]. Из этого материала следует, что до 1890 года в Ханской Ставке имелись один мектеб и три медресе, в которых обучалось 110 учащихся, в том числе 12 казахов. Эти школы, по мнению В.В.Катаринского, были открыты без разрешения царской администрации. Следовательно, инспектором училищ Внутренней орды было предложено местным мусульманам, состоявшим главным образом из татар, закрыть старые школы, и на основании правил 26 марта 1870 года открыть новые. В целях осторожности не поднимать волнение народных масс, инспектором было предложено закрывать по одной старой школе в год. Лишь в 1892 году задача по закрытию мусульманских школ была выполнена и последняя мусульманская школа в Ханской Ставке была преобразована в этот год, при ней был организован русский класс. Причем в этой школе обучались лишь дети татар. Вместо старого, ветхого здания медресе было построено новое. По настоянию инспектора, татары из своих средств ассигновали 600 рублей на выплату жалования учителю русского языка в течение трех лет (по 200 рублей в год). В.В.Катаринский в своем отчете писал: «киргизы со своей стороны ничем не выразили особенного желанья учиться в ставочном татарском училище и в русском при нем классе, а по-прежнему продолжают охотно учиться в своих русско-киргизских школах с интернатами». В этом же отчете он подчеркивал, что желающих учиться в русско-казахских школах с каждым годом увеличивается и превышает количество мест в интернатах,

установленных для каждой школы (по 20 человек). Иногда в школах обучалось до 30 казахов, выплачивая по 4 рубля в месяц за содержание в интернате.

Возражая попечителю Казанского учебного округа, предлагавшему ввести преподавание ислама в русско-казахских школах, В.В.Катаринский ссылался на то, что за все время деятельности русских школ в Букеевской орде с 1886 года магометанское вероучение никогда не преподавалось, и киргизы никогда не заявляли об этом. Несомненно, и то, что начальные сведения по магометанскому вероучению население приобретало в аульных школах у мулл еще далеко до поступления в русские школы, в возрасте от 7 до 10 лет. Следовательно, утверждал В.В.Катаринский, и нет особой необходимости обучать их вероучению в русских школах. Было и следующее категорическое заявление о влиянии татарских мулл на казахское население, из него следует, что в целях ограничения влияния татар не допустить селиться среди казахского населения Внутренней орды, не обучать казахских детей в татарских училищах (медресе и мектебах).

Вопросы образования детей казахов и влияния татар на казахское население были поставлены перед министром внутренних дел 9 июня 1894 года министром народного просвещения И.Д.Деляновым. Но министр внутренних дел, на основании представленных сведений от 25 марта 1895 года Астраханского губернатора о том, что в последние годы татары вообще не селятся в Орде, считал такую меру непредусмотрительной. Несомненно, стал вопрос о необходимости увеличить во Внутренней орде числа министерских русско-киргизских училищ, так как девяти имеющихся в Орде училищ было недостаточно для удовлетворения потребности населения. Этот вопрос был одобрен министром внутренних дел. Деятельность уже имеющихся школ показала, что киргизская молодежь идет в школы с большим желанием. Но, к сожалению, посадочные места были ограничены и заведующие школами были вынуждены все чаще отказывать казахам в приеме их детей. Местных органов народного образования беспокоил и вопрос ведения религии в русско-казахских школах. Инспектором училищ было предложено приглашать татарских мулл для обучения казахских детей религии, но была оговорка в предписании, они должны были вести занятия под присмотром заведующего школой и русского учителя.

Проблема влияния татарских мулл на казахское население в различных регионах Казахской степи была не новой, и не раз представители различных органов народного образования, министерства внутренних дел высказывались по данной проблеме. В свое время председатель Временного совета по управлению Внутренней ордой еще в 1862 году, говоря о необходимости борьбы с татарским воспитанием, писал о необходимости «очистки киргизского языка от привнесенных в него татарских элементов», что этого желают и сами воспитанники, окончившие школу при Ханской Ставке.

В решении этого вопроса большую роль сыграла система Н.И.Ильминского. Во-первых, обучение казахских детей в русско-казахских школах выполняло просвещенческую цель; во-вторых, было противодействие распространению ислама во Внутренней орде и; в-третьих, проводя

русификаторскую политику, царская администрация пыталась всячески сопротивляться татарскому влиянию.

Ссылаясь на отчет за 1898 год окружного наблюдателя церковных школ И.А.Износкова, С.Г.Рыбаков утверждает, что организация школьного образования в Орде по системе Н.И.Ильминского является «мощным пособником дела распространения и упорядочения христианства и русской культуры в среде инородцев». В своих отчетах И.А.Износков писал, что школы Внутренней орды достаточно близки к типу школ системы Н.И.Ильминского. По его утверждению, инспектор школ Внутренней орды А.А.Воскресенский, с согласия попечителя Казанского учебного округа, пытался проводить обучение казахов в Орде по инструкции, установленной для крещеных татар в Казанской губернии [284]. Одним из предложений инспектора школ Внутренней орды А.А.Воскресенского было реорганизовать двухклассную русско-казахскую школу в Ханской Ставке в Центральную школу, наподобие Казанской крещено-татарской школы. По организации, во-первых, обучение в ней должно было быть бесплатным; во-вторых, детей сначала обучать на казахском языке и лишь, потом знакомить учащихся с русским чтением и письмом; в-третьих, выпускников одноклассных школ зачислять на казенные стипендии, по окончании которого назначать учителями старшинских школ.

Преследуя одну из главных целей системы Н.И.Ильминского - ограничение влияния татар и закрепления во Внутренней орде, окружной наблюдатель церковных школ И.А.Износков предлагал: 1) школу в Ханской Ставке сделать центральной и увеличить число старшинских школ; 2) учредить два новых православных прихода в селениях Таловка и Казанка, назначив в Ханской Ставке, Баскунчаке, Казанке и Таловке священников, знающих казахский и татарский языки, постепенно вводить богослужение на казахском языке; 3) в помощь священникам назначить подготовленных дьяконов и псаломщиков или временно приглашать учителей казахских школ; 4) для русских, а также казахов, желающих обучаться русскому языку, при церквях открыть школы грамоты [285].

Просветительная система Н.И.Ильминского преследовала распространение православия с одной стороны, с другой - выполнение русификаторской политики, а также просветительскую деятельность среди казахского населения. Выполнение этих задач осуществлялось через соответствующие школы и церкви, ими были министерские русско-казахские школы. В этих целях родной язык казахского народа использовался как средство для последующей русификации. С этой целью использовалось и следующее средство, как печатание учебных пособий и книг духовного содержания на родном языке, но русскими буквами.

Несмотря на усиленные попытки царского правительства, Министерства народного просвещения и внутренних дел, по внедрению системы Н.И.Ильминского как во Внутренней орде, так и в целом Казахстане не было полностью осуществлено. Во Внутренней орде школы носили не миссионерский характер, а общеобразовательный. Несомненно, и то, что школы объективно способствовали распространению русской культуры среди

казахского населения, укреплению дружбы между казахским и русским народами.

Таким образом, первые русско-казахская и центральная школы нового типа, были открыты в Ханской Ставке в 1841 году ханом Внутренней орды Джангиром. Последующие школы такого типа с преподаванием русского языка начали организовываться в Орде с 1868 года. В 1868 году одноклассные школы были открыты: Калмыцкая в селе Владимировке, Камыш-Самарская в Новой Казанке, Нарынская в 12 верстах от. - Ханской Ставки: Таловская в селе Таловке и Торгунская - в Ханской Ставке.

В конце XIX в. начали повсеместно активно организовываться различные учебные заведения, в том числе и женские; 1883 году в Ханской Ставке организовалось одноклассное женское училище, здесь же было открыто первое двухклассное училище, а с 1893 года в с.Большое Ганюшкино начало действовать второе двухклассное училище. В 1895 году в Баскунчаке открылось русско-казахское училище. В 1895-1896 годах в различных частях орды было открыто 14 старшинских школ, что свидетельствует о высоких потребностях населения в образовании. Но если взять период. с 1883-1891 годы во всей Внутренней орде количество училищ Министерства народного просвещения оставалось постоянным. Всего их было 8 училищ, и обучались в них в разные годы от 149 (1884) до 189 (1890) учащихся. Девятое училище было организовано в с. Большое Ганюшкино, в результате чего общее число учащихся в школах Министерства народного просвещения начало увеличиваться: в 1891 году - 205, в 1892 г.- 244, в 1893 г.- 260, в 1894 г. – 307 [286]. Об этом свидетельствует и данные, приведенные в статье Н.Казанского «Народное образование в Астраханской губернии».

Из статистического отчета по Западно-Казахстанской области и отчета инспектора «инородческих школ» Оренбургского учебного округа В.В. Катаринского в 1891-1892 учебном году во всех школах Внутренней орды, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, обучалось 211 учащихся, в том числе 193 мальчика и 18 девочек; из них 160 казахов, 50 русских. К 1895 году в школах орды насчитывался 521 учащийся по два ученика на одну тысячу населения. Безусловно, такое количество обучающихся на территории Западно-Казахстанской области показывает низкий уровень грамотности среди населения, но, тем не менее, виден рост образования. Таким образом, постепенный рост министерских школ позволил поднять уровень грамотности среди населения. Так, в 1896 году в орде было уже 24 русско-казахских школ, в том числе двухклассных училищ - 2, одноклассных сельских училищ 6, старшинских 14 и частных 2. Кроме того, существовало два русских класса при медресе и мектебах. Всего в школах обучалось 708 учащихся, в том числе: казахов - 629, русских - 64, татар - 15; из них девочек было 35.

Новые старшинские школы - 7, которые были открыты в 1896 году, позволили увеличить число учащихся по сравнению с 1895 годом на 187 человек, в 1898 году оно уменьшилось в связи с выпуском и невозможностью некоторых учащихся посещать школы и составило 637. Среди них обучалось 573 казахов (меньше на 56 учеников), русских 44 (меньше на 20 учеников),

татар 20 (увеличение на 5 учеников). Девочек было 33 (меньше на 2 ученицы) [287].

Развитие и преобразование школ в Западно-Казахстанской области, как и по всему Казахстану, было под бдительным наблюдением Министерства Внутренних Дел и Министерства народного просвещения. Так, попечитель Казанского учебного округа, тайный советник В.А.Попона в своем письме в Министерство народного просвещения представляет полный перечень школ Внутренней орды (без мектебов и медресе). В письме дается подробное разъяснение по вопросу преобразования школ Внутренней орды. Из восьми правительственных школ по управлению и организации были: две двухклассные и шесть одноклассных, в свою очередь двухклассная школа, находившаяся в Ханской Ставке, была центральной, а остальные 7 участковыми. В основном, эти школы были организованы в 1870 году на общественные средства, но в дальнейшем они содержались на средства Министерства народного просвещения и получали ассигнования в размере 8180 рублей в год. Улучшалось положение, желающих получить образование, организация во всех правительственных школах интернатов на 20 воспитанников.

Большим продвижением в охвате желающих получить образование в русско-казахских школах Орды являлось открытие в Ханской Ставке Центрального Ордынского училища по подготовке учителей коренной национальности. Это было большим прогрессом, и улучшало положение в западном регионе.

Вместе с тем, инспектор народных училищ Внутренней орды считал необходимым для подготовки специалистов открытие при училищах ремесленных и профессиональных классов, которые финансировались бы местными казахскими обществами. Тем не менее, правители частей Орды не всегда вносили необходимые средства для поднятия образования. Было установлено с 1895 года, прилегающие регионы должны были ежегодно вносить на школьное дело по 500 рублей. Однако в 1895 и 1896 годах только правитель калмыцкой части внес 100 рублей, а от остальных поступлений не было.

На полученные средства старшинским школам было разрешено приобрести школьную мебель. Из этих же средств выдавались также пособия ученикам, отправлявшимся в Казанскую учительскую семинарию для сдачи экзаменов на звание учителя, в размере от 10 до 24 рублей. Необходимо отметить, что старшинские школы находились в крайне тяжелом материальном положении, о чем свидетельствует отчет инспектора народных училищ Орды за 1896 год. Он отмечал, что недостаток общественных средств в размере 2761 руб. «без сомнения поведет к очень важным затруднениям, некоторые бедные, но способные киргизы не в состоянии будут съездить в Казань и придется назначить учителей на свой глазомер, или остаться вовсе без учителей». По его мнению, сборы общественных средств, «...есть в некотором роде залог прочности школьного дела и обеспечение оно от всяких возможных невзгод, всякое увеличение сумм мы считаем в то же время увеличением силы школ и

способностью для осуществления какого-либо особо важного полезного предприятия».

Как видно из программ по отдельным учебным дисциплинам, экзаменационных программ, отчетов учителей двухклассных русско-казахских училищ: Ф.Белова (с.Большое Ганюшкино), Н.Крамалей (Торгунского одноклассного училища), отчет Калмыцкого одноклассного училища за 1894-95 учебный год; отчета инспектора народных училищ Внутренней орды за 1896 год, в учебную программу училищ входили: русский язык (чтение, письмо, грамматика), русско-казахский язык / пер. с русского на казахский и обратно, арифметика, русская история, пение и специальные, «предметные уроки закон божий (для русских детей). В отчете инспектора татарских, башкирских и казахских школ В.В.Катаринского «О состоянии киргизских школ во Внутренней киргизской (Букеевской) орде и в Уральской области в учебном и хозяйственном отношении» за 1877 год в отчетах учителей школ, инспектора народных училищ и в других источниках имеются следующие данные о правительственных школах.

Из подробного отчета инспектора «инородческих школ» Оренбургского учебного округа В.В.Катаринского видно, что представителей народного образования на местах волновало не только увеличение числа школ, но и обучение молодых людей. Так, в отчете он пишет, «...что учащиеся школы в Ханской Ставке обучаются грамоте буквослагательным методом и поэтому долго задерживаются на азбуке. Ученики старшего отделения, - сообщал он, проучившись 4 года, довольно хорошо читали статьи из книги Паульсена, передавали своими словами прочитанное, умели переводить на киргизский язык и писали эти переводы буквами. По арифметике они довольно порядочно решали задачи на четыре арифметических действия именованных чисел, но, как видно, мало приучены к умственным вычислениям и к сознательному решению задач, а делают все механически без всяких объяснений. Ученик среднего отделения, проучившись 2 или 3 года, плохо читает по-русски и почти совсем не мог порядочно решить задачи на сложение и простых чисел. Ученики младшего отделения, проучившись год, ничего не знали по-русски, едва могли разбирать русские слова по книге, по арифметике могли считать по порядку до 100. Все ученики вообще плохо говорят по-русски - это зависит от недостатка практики в разговорной русской речи» [288].

Другая школа, открытая в 1869 г. в Ханской Ставке, Торгунская одноклассная школа была наиболее организованная и по содержанию и по методике преподавания. Отчет о работе Торгунского русско-киргизского училища за 1894-95 учебный год свидетельствует, об отношении учителей к своим обязанностям, о серьезном и высоком отношении к методике преподавания. Так, в ходе инспектирования было обращено внимание на то, что занятия велись аналитическим методом, закрепление звуков в памяти учащихся проводилось путем заучивания слов из учебника, занятия проводились по «Букварю для киргизов», причем чтение букваря сопровождалось переводом на русский язык как отдельных слов, так и целых предложений, при обучении счету применялись наглядные пособия. В младшем

отделении ставилась задача научить учащихся читать внятно и толково, уметь излагать содержание коротких рассказов и правильно строить предложения, научить детей правильному произношению и соединению букв; по арифметике научить умению вычислять и решать задачи в пределах второго разряда, т. е. до 1000.

Одноклассная женская школа была открыта в 1883 году в Ханской Ставке. В ней обучались 24 казашек. Помощники учительницы занимались преимущественно обучением девочек рукоделию около двух часов после учебных занятий. Кроме того, они вели 2-3 урока в день в младших отделениях школы. Русско-казахская школа в поселке Баскунчак (одноклассная) была открыта в 1895 году. В ней обучалось 50 казахских детей. Интерната при школе не было. Как указывал в отчете инспектор школ Внутренней орды, успехи учеников были хорошими. Через 20 дней после начала учебных занятий 17 учеников «довольно свободно разбирали и читали слитно все буквы русской азбуки и упражнялись в письме их».

Из вышеуказанных данных видно, что участков школ в Орде было недостаточно, а обучалось в них незначительное число казахских детей. С каждым годом росло число желающих получить образование, в связи с этим, встала необходимость в создании более массовых школ, организация которых не представляла бы особых затруднений. Одними из таких школ во Внутренней орде стали старшинские школы. К концу XIX в. в Орде начали активно открываться старшинские школы, так 7 школ открылись в конце 1895 года и 7 - в 1896 году. Территориально они располагались в более многонаселенных местностях: в Шунгае (Калмыцкая часть), Караколе (2-е старшинство), Толубае (Нарьтиская часть), Сунали (Торгунская часть), Койган-куле, хутор Есенбай (Таловская часть) и на Абинском форпосте (Камыш-Самарская часть).

Эти школы содержались за счет общественных средств населения, помещались они в кибитках и землянках. Во многих школах учителями были казахи, окончившие двухклассное казахское училище в Ханской Ставке и выдержавшие в Казанской учительской семинарии экзамены на звание «начального инородческого учителя». Нельзя сказать, что старшинские школы находились в бедственном положении, на содержание их ежегодно выделялось по 250 рублей (в том числе на жалование учителю – 120 рублей, наем квартиры 60 рублей, отопление и прочие расходы (50 рублей и на приобретение учебных принадлежностей и пособий - 20 рублей).

Особенностью западного региона было в том, что казахские аулы в отличие от Тургайской области были разбросаны территориально, и организовывать в них «походные аульные школы» вызывало определенную трудность. Наиболее приемлемым в регионе с учетом особенностей и условий Внутренней орды, а также потребностью населения наиболее выгодной была организация старшинских школ. В своем отчете инспектор школ Внутренней орды за 1895 год указывает, что из всех пяти частей и двух округов Орды поступают ходатайства об открытии старшинских школ. И попечитель Казанского учебного округа Попов в своем письме Министру народного

просвещения от 9 июня 1897 года также указывал на большую заинтересованность казахов в открытии старшинских школ.

Начальник Внутренней орды генерал-майор Тверетников в целях экономии средств и привлечения более или менее грамотных учителей предлагал из семи участковых школ образовать четыре и за счет полученной экономии повысить учителям жалование. Школы Внутренней орды, как и других областей Казахстана, не были обеспечены учебниками и учебными пособиями. Н. Леванов отмечает, что начальник Внутренней орды, ревизовавший школы в 1872 году в своем донесении генерал-губернатору писал: «Я был поражен отсутствием каких-либо учебных пособий! ...В ставочной школе нет ни атласов, ни глобусов, никаких руководящих пособий и таблиц для наглядного обучения. Все пособие заключается в нескольких азбуках московских фабрикаций, где, между прочим, помещены и наши молитвы» [289].

В начале XX в. Внутренняя Орда по Положению входила в состав Астраханской губернии. Инспекция народных училищ подчинялась дирекции училищ Астраханской губернии, которая входила в состав Казанского учебного округа.

Огромная площадь Внутренней Киргизской Орды занимала в 70781 кв. верст, в нем проживало более 263 тыс. человек жителей. На данной территории проживали около 7000 человек русских и др. национальностей.

В западном регионе Казахстана, во Внутренней Орде насчитывалось наибольшее количество школ. Как и повсеместно по Казахстану, Внутренняя Орда отличалась своим разнообразием школ, в 1900 г. для обучения детей казахского населения функционировали следующие учебные заведения: 2 двухклассных училища (Ханско-Ставочное и Больше-Ганюшинское) и 6 одноклассных, в том числе Ханско-Ставочное женское русско-казахское и участковые училища (Камыш-Самарское, Калмыцкое, Нарынское, Таловское, Торгунское), 14 старшинских школ для мальчиков и 2 аульные школы для девочек. Программы школ соответствовали программам русско-казахских школ, действовавших в соответствии с правилами 4 июня 1875 г. Для обучения детей с далеких населенных пунктов были открыты при школах интернаты. Дети русских переселенцев в Орде обучались в двух одноклассных училищах Министерства народного просвещения и 2 церковно-приходских школах. Всего в школах Орды обучалось 631 учащийся, из которых 455 были дети казахов.

Ничтожное количество открывшихся школ в регионе, к тому же со слабой материальной базой, не могли удовлетворить всех желающих получить образование, так в начале XX в. одна русско-казахская школа в Букеевской Орде приходилась на 9740 человек казахского населения и один учащийся на 578 жителей. Число обучающихся казахских детей к общему числу жителей составляло 0,18%. Особенно тяжелым было положение старшинских школ, так как они существовали на средства казахских обществ, которые на содержание одной школы ассигновали всего лишь 250 руб. в год. Из этой небольшой суммы шли отчисления на жалование учителю 120 руб., на наем помещения 120 руб.,

его отопление, освещение и прочие хозяйственные нужды, и 10 руб. на учебно-письменные принадлежности [290].

Такое положение дел в старшинских школах не могло не беспокоить казахское население, видя ограниченность курса обучения в них, их материальную необеспеченность, стали все меньше отдавать своих детей в эти школы. Такое состояние народного образования серьезно беспокоило местную администрацию. 31 марта 1903 г. Председатель Временного Совета В.Ф.Новицкий писал Астраханскому губернатору: «... По сравнению с прошлыми годами народное образование не развивается, а начиная с 1897 г. понижается. Причина этому плохое положение старшинских русско-казахских школ, необеспеченных ни помещениями, ни учебниками и учебными пособиями, ни учительским персоналом. Эти школы ютятся в наемных киргизских землянках, темных, тесных. Магометанские медресе и мектебы, по сравнению с правительственными школами, находятся в гораздо лучших условиях и устроены с ночлежками для учеников из дальних аулов». Но, тем не менее, отмечал В.Ф.Новицкий, такое тяжелое положение старшинских школ и появляющееся у казахов недоверие к ним, отнюдь не снижает стремления киргизов к русскому образованию.

Председатель Временного Совета указывал, что нельзя оставлять без внимания интерес казахов к русской культуре и науке. Он считал необходимым принять меры к улучшению материального положения школ, увеличению сроков обучения и расширению программ.

Анализируя положение дел по образованию казахского народа, В.Ф.Новицкий предложил губернатору «... приступить к постройке в Орде училищных зданий для старшинских школ. На первое время построить по две школы для каждой из 7 частей Орды, на 50 человек каждая, с ночлежкой для детей казахов из дальних аулов». Была рассчитана смета на организацию школ в Орде. Так, по его подсчетам, на постройку школьного здания из местного необожженного кирпича нужно было 1600 рублей, 200 руб. на приобретение учебной мебели и пособий. Таким образом, всего на 14 школ было нужно 25200 руб. По мнению В.Ф.Новицкого, государственное казначейство должно субсидировать строительство учебных заведений, так как киргизское общество, не имеет возможности собрать такую сумму. Также он просил увеличить бюджет старшинской школы до 450-535 рублей в год.

Инспектор народных училищ Внутренней Киргизской Орды А.А.Воскресенский горячо поддержал ходатайства Временного Совета, но губернатор и попечитель учебного округа сочли строительство школ в Орде преждевременным.

Понимая серьезность дальнейшего развития народного образования во Внутренней Киргизской Орде, распространении через него основ русской грамоты и культуры среди казахов, А.А.Воскресенский считал единственно возможным открытие дешевых старшинских и аульных школ. Он осознавал их недостатки и несовершенство, но не имея достаточных средств на открытие училищ с повышенным курсом обучения, остановился именно на этих типах национальных школ. В 1905 г. в письме Главному инспектору училищ

Туркестанского края Ф.Керенскому он писал: «...Нельзя недооценивать роль аульных школ. Они осведомлены о любознательных, но добродушных дремавших киргизов о русской грамоте, школе, русских людях, о современной нужде учиться, расшевелили их и вовлекли в круг русских школьных интересов и дел. Они создают среди местных киргизов потребность сближения с русскими людьми» [291].

В 1903 г. инспектор народных училищ предпринимает попытку открыть опытную аульную школу в с. Никольском. Основной целью инспектора была возможность выяснить отношение казахского населения к школам этого типа. Дирекцией народных училищ на организацию этой школы было выделено 225 руб. Из этой суммы 126 руб. предназначалось на жалование учителю (по 10 руб. в месяц), 25 руб. на приобретение книг и учебных пособий, 80 руб. на наем помещения, отопление, освещение и прочие хозяйственные расходы [292]. Учителем школы был назначен выпускник педагогических курсов при Ханско-Ставочном двухклассном училище Б.Юсупгалиев. Другая сложность в организации школы состояла в том, чтобы обеспечить контингентом учащихся учебное заведение. В поисках учеников Б.Юсупгалиев объехал все ближайшие аулы и в результате чего было принято 16 человек, в возрасте от 7 до 18 лет, шесть учеников жили при школе, остальные были проходящими. В связи с трудностями при открытии школы, занятия в нем начались 15 ноября. Дети были разделены на 2 группы: в первую группу вошли дети совершенно неграмотные - их было 12 человек, во вторую группу знающие буквы русского алфавита - 4 детей. Через 2 месяца учебные группы были соединены в один 1 класс. Занятия по русскому языку проводились по «Букварю для киргиз», и по «Русской речи» М.И.Вольпера. В отчете учителя Б.Юсупгалиева отмечается о положительных сторонах учебника Вольпера. Обилие картинок и иллюстраций в учебнике Вольпера, наличие ударений в словах значительно облегчили по мнению учителя его работу [293]. Кроме этого, использовались пропись Гербача и задачки Я.Вишневого. В первый же год дети научились решать задачи на все 4 действия в пределах сотни. Учебный год закончился намного раньше обычного - 16 марта 1904 г., потому что с началом рыбной путины дети стали покидать школу.

Было замечено инспектором училищ А.А.Воскресенским и учителем Б.Юсупгалиевым, что среди казахского населения этого района широко распространены «домашние» школы, учителями в которых являются малограмотные и невежественные татарские муллы. Необходимо обратить внимание на то, что эти школы имелись не только в каждом ауле, но в каждой более или менее состоятельной семье. Основным видом занятия в них было заучивание молитв. Безусловно, наличие магометанских школ, отрицательно отражалось на распространении в Орде старшинских и аульных школ. Сетую на такое положение Б.Юсупгалиев считал, что создание участковых школ с интернатами и 4 годичным курсом обучения отвлекло бы казахских детей от «домашних» школ. А.А.Воскресенский, докладывая директору училищ Астраханской губернии К.Амосову о результатах работы Никольской аульной школы, просил сохранить ее и в дальнейшем. По мнению К.Амосова условия, в

которых находилась школа в с. Никольском была неблагоприятной, в связи с чем прекратил ее финансирование. И школу вынуждены были закрыть [293, С. 77]. Существующее количество школ в Орде, с одной стороны, и сам уровень их с другой не удовлетворяли растущие потребности населения в образовании. Однако многочисленные ходатайства казахских обществ об открытии школ, как правило, отклонялись. Так, к примеру, 30 сентября 1904 г. 211 семей 5 старшинства Таловской части просили открыть аульную школу на хуторе Исенбаева. Но инспектором А.А.Воскресенским это ходатайство было отклонено за неимением средств [294].

Единственная возможность открытия только старшинских школ увеличило количество их, в 1904 г. было вновь открыто 5 старшинских школ. В период с 1905 г. по 1910 г. число учебных заведений во Внутренней Орде не увеличивается.

Количества школ Министерства народного просвещения и контингент учащихся в них в 1900-1916 гг.

Таблица 11 – Число школ, учащихся, интернов во Внутренней орде (сведения на 1 января 1916 г.)

Наименование учебных заведений	Число школ	Учащихся			В том числе казах.	Интернов
		Мальч.	Девоч.	Всего учащ.		
Высшее начальное мужское училище	1	114	-	114	56	54
Педагогические курсы при нем	1	12	22	34	11	-
Высшее начальное женское училище	1	-	35	35	1	-
Двуклассные училища	7	287	20	307	218	96
Одноклассные училища	60	935	176	1111	861	108
Русские классы при мектебах и медресе	4	131	26	157	52	-
Церковно-приходские школы	3	117	41	158	21	10
Джаскуская лесная школа Мин-ва земледелия	1	26	-	26	3	26
Итого	78	1622	320	1942	1224	294

Из таблицы 11 видно, что развитие правительственной школы во Внутренней орде шло медленными темпами, как ранее говорилось, количество их не могло удовлетворять всех желающих получить образование, именно в правительственных школах. Также данные этой таблицы свидетельствуют о том, что все еще на низком уровне была посещаемость учебных заведений девочек, но и мальчиков-казахов в этих школах было незначительное количество. Таблица составлена на основании отчетов инспекторов училищ Внутренней Орды за 1900-1916 гг. [295].

Существующие школы в Орде по уровню подготовки учащихся были значительно ниже, эту ситуацию понимало и само казахское население. Казахскими обществами подавались ходатайства с неоднократными требованиями открыть учебные заведения повышенного типа, и в 1896 г. мужское двухклассное училище было преобразовано в Центральное Ханское-Ставочное трехклассное городское училище, применительно к правилам 1872 года. Тогда же на строительство здания и приобретение оборудования для него казахскими обществами было выделено более 20000 рублей. Предполагалось, что окончившие его казахи будут получать права учителей «киргизских начальных школ» и первый классный чин по гражданской службе, наравне с окончившими уездные училища.

В 1901 г. здание для трехклассного городского училища в Ханской Ставке было построено. Однако разрешения на открытие этого училища не последовало. В новом здании разместилось двухклассное русско-казахское училище. Такое состояние положения вызвало множество недовольных со стороны казахского населения. В связи с задержкой открытия городского училища казахское общество обращалось с жалобами к Астраханскому губернатору, попечителю Казанского учебного округа и с начала 1905-1906 учебного года двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное городское училище [296]. При училище был учрежден интернат на 35 мест. На содержание городского училища было отпущено 9505 руб. в том числе [297]:

1) Учителю-инспектору –	840 руб. 00
коп.	
2) Законоучителю и вероучителю по 390 руб. каждому –	780 руб. 00
коп.	
3) 3 учителям по 615 руб. каждому –	1845 руб. 00
коп.	
4) 2 надзирателям по 720 руб. –	1440 руб. 00
коп.	
5) Учителям пения и рисования по 75 руб. –	150 руб. 00 коп.
6) Учителю чистописания, рисования и черчения –	375 руб. 00
коп. Итого на учебные нужды	5430
руб. 00 коп.	

Хозяйственные расходы

1) На учебные пособия и руководства –	200 руб. 00
коп.	
2) Канцелярские расходы –	50 руб. 00
коп.	
3) Содержание здания и прислуги –	1200 руб. 00 коп.
4) Содержание 35 интернатов по 25 руб. в год на каждую –	875 руб. 00 коп.
Итого:	4075 руб. 00 коп.

На педагогическом совете было вынесено решение об отмене платы за обучение как с казахских так и с русских мальчиков. Содержание одного воспитанника в интернате обходилось в сутки 10 копеек. Учитель-инспектор городского училища А.Филиппов, отмечая рост цен, просил увеличить размер

суточного содержания воспитанника хотя бы до 15 копеек, но просьба была отклонена. В связи с тем, что большую часть учащихся городского училища в Ханской Ставке составляли казахи (в 1906 г. их было 82 человека из 92 учеников) педсовет счел необходимым несколько изменить распределение часов на учебные предметы. Было увеличено число часов на изучение русского языка в I-II классах на 1 час в неделю за счет арифметики. В III-IV классах было увеличено число часов на историю и географию с 3 до 4 часов в неделю, за счет уменьшения времени на изучение геометрии, черчения и рисования.

Для приходящих учащихся и воспитанников интерната городского училища был установлен строгий режим дня и правила внутреннего распорядка. Из интерната ученики отпускались только в воскресные и праздничные дни до 6 часов вечера.

На наш взгляд положительным в требованиях жизнедеятельности казахских детей в интернате было соблюдение некоторых традиций и обычаев народа, так детям было разрешено праздновать уразу и другие мусульманские праздники.

Важным событием в Западном регионе Казахстана было открытие городского Ханско-Ставочного училища, которое сыграло положительную роль в подготовке учительских кадров для национальных школ.

С опубликованием закона о введении всеобща стали чаще появляться на страницах печати материалы о необходимости расширения сети русско-казахских школ. Общественное мнение, которое концентрировалось вокруг этого закона подняли вновь вопрос об открытии новых школ, о преобразовании старшинских школ в одноклассные училища. Эти ходатайства постоянно готовились в разных частях Западного региона. Так, в 1909 г. казахские общества Таловской части возбудили ходатайство об открытии в с.Таловка двухклассного училища. В 1910 г. казахи Камыш-Самарской и Нарынской частей подняли вопрос об открытии двухклассного русско-казахского училища в с. Новая Казанка. Они указывали, что в этих двух частях, имеющих 100 тыс. казахского населения в 1910 г. функционировало всего лишь 10 школ: 2 участковые, 6 старшинских, одна аульная и русский класс при мектебе в Новой Казанке. При наличии в этих двух частях 10000 детей в школах обучалось всего 202 казахских мальчиков и 6 девочек. Отмечая то, что участковые школы не вмещают всех желающих учиться, особо было обращено внимание на то, что дети, окончившие участковые училища, не имеют возможность продолжать в дальнейшем образование [298]. Ходатайства и требования шли не только со стороны казахских обществ, но и со стороны самих учителей. Учителя национальных школ Нарынской и Камыш-Самарской частей Д.Айткожиев, С.Мендешев, М.Сарсемыев, Н.Залиев, Г.Алагузов, С.Актаев, М.Ботынов выступили с требованием упорядочить сеть школ для казахского населения, а также увеличить число учебных заведений.

В своих требованиях они отмечали, что русско-казахские школы в этих частях Орды являются культурно-просветительными центрами, вокруг которых группируются все стремящиеся к просвещению и развитию казахского народа. «В этих условиях, - писали авторы письма, - открытие двухклассного русско-

казахского училища в с. Новой Казанке будет большим делом» [299]. Временный Совет и инспекция народных училищ не могли не считаться с этими требованиями. В 1911-1912 гг. были открыты большое количество различных школ: 6 двухклассных русско-казахских училищ (женское в Ханской Ставке, мужские и смешанные в селениях Новой Казанке, Галовке, Джанибеке, Трехбратинском, Тыретинском).

На этом не заканчивается открытие и преобразование школ. Следом открываются 21 одноклассных училищ, в том числе 2 русские школы. В 1911 г. все старшинские и аульные школы преобразовываются в одноклассные русско-киргизские училища, применительно к правилам 1907 г. Часть старшинских школ переводится в новые населенные пункты и преобразовываются в одноклассные училища.

В 1914 г. открываются женское высшеначальное училище в Ханской Ставке, Сарбастинское мужское училище в 7 старшинстве Калмыцкой части и 1 русский класс при мектебе. В 1915 г. открывается 9 одноклассных училищ.

Таким образом, закон о введении всеобщего обязательного обучения стимулировал рост числа заведений для казахского и русского населения Внутренней Орды. Однако ни инспекция народных училищ Орды, ни Временный Совет не ставили вопрос о введении всеобщего обучения в Орде. Единственное на что повлиял закон, это улучшение материального положения учебных заведений Внутренней Орды.

В связи с новым законом содержание русско-казахских школ было передано государству. Безусловно, эта мера играла огромное значение в развитии системы образования. Во-первых, оно значительно увеличило объем средств, отпускаемых на содержание школ (с 250 руб. до 700 руб.). Во-вторых, это позволило выделить средства на приобретение учебников, художественной литературы, учебного оборудования и пособий. В-третьих, увеличить жалование учителям. В четвертых, облегчило положение казахского населения, освободив его от большей части расходов на школы. Однако школы продолжали испытывать материальные затруднения, так как сумма в 700 руб. была недостаточной для совершенствования учебно-материальной базы.

В 1915 г. из 84526 руб. 09 коп., поступивших на содержание школ, средства казахских обществ составили 5716 руб. или 6,7 %. В 1915 г. только 13 школ из училищ пользовались материальной поддержкой казахских обществ [300].

Особенно тяжелым было положение интернатов, которые содержались по сметам 1867-1868 гг. В соответствии с этими сметами на содержание одного воспитанника в сутки отпускались 10 копеек, а на месяц 3 рубля.

Тяжелое положение воспитанников беспокоило инспектора народных училищ А.Воскресенского, и в 1902 г. он пишет директору училищ К.Аммосову: «...на 10 копеек в сутки, по нынешним ценам на предметы первой необходимости, ученики-киргизы, проживающие в наших школьных интернатах могут содержаться и действительно содержаться в холоде и голоде» [301].

С жалобами на плохое содержание воспитанники Камыш-Самарской участковой школы писали 23 октября 1905 г.: «Учитель С.Ажгиреев не дает нам пищи в достаточном количестве. Каждый день 3-4 фунта мяса на 20 человек, запуская в эту баланду лапшу из слеглой, 4 сорта муки, по 25 коп. пуд. Из той же муки вместо калача нам пекут один табан. Для утреннего чая дают 1/8 фунта, к вечернему чаю и того нет. Такая пища изнуряет и ведет к полной голодовке. Не соблюдается чистота белья, в бане бываем редко. В школе холодно, сидим в зимней одежде» [302]. Расследование жалобы, произведенное правителем Камыш-Самарской части, показало, что учитель не присваивал деньги. На сумму в размере 2 рублей в день, которое выделялось просто нельзя было прокормить 20 детей. Доводы комиссии были обоснованы, в связи с чем Воскресенский писал директору училищ: «...Жалоба воспитанников интерната на недостаток пищи справедлива, но учитель в этом невиновен. На 10 коп. в сутки лучшего содержания обеспечить невозможно».

Недостаток средств, ежедневное недоедание и условия проживания приводили к частым заболеваниям воспитанников. В 1906 г. многие воспитанники из интерната городского Ханско-Ставочного училища заболели цингой. Учителем-инспектором А.Филлиповым сразу было доложено о случившемся: «28 апреля 1906 г. врач уведомил меня, что между учащимися развивается цинга и предписал немедленно усилить питание и по возможности разнообразить его. Во исполнение предписания врача питание усилили... Новых случаев заболевания нет» [303]. Однако даже после этого случая размер ассигнований на интернаты не был увеличен. Необходимо отметить, что в 1914-1916 гг. положение интернатов еще более ухудшилось.

В 1914 г. во Внутренней Орде интернаты существовали при 16 училищах. В 11 из них на содержание одного воспитанника отпускалось 15 коп., в пяти – 10 копеек в сутки. Рост цен на продукты питания поставил интернаты в тяжелое положение. Было подсчитано, что при стоимости 1 фунта хлеба в 12 коп., сахара в 1 руб. 50 коп., говядины в 40 коп. и т.д. содержать ребенка на 10-15 коп. в день было невозможно [304]. Многочисленные письма с прошениями из школ начали поступать инспектору народных училищ, в них в основном писали об отсутствии денег на питание и голод в интернатах. Из интерната при Камыш-Самарском одноклассном училище 12 августа 1915 г. инспектору писали: «На содержание каждого казено-коштного ученика по смете полагается 10 коп. в сутки. На эти деньги трудно было содержать интернат и тогда, когда цены были нормальные. При существующей дороговизне на 10 коп. в сутки содержать воспитанника совершенно невозможно... Голодные ученики вынуждены тем или иным путем утолить свой голод, добывать себе пищу. При этом они часто прибегают к таким средствам, какие в школе нетерпимы (воровству)» [305]. Такого содержания письма были получены из Торгунского, Больше-Ганюшинского, Джанибекского и других училищ с интернатами.

Поиск разных путей в улучшении состояния интернатов, вынудили в 1916 году инспекторов училищ просить попечителя Казанского учебного округа увеличить размер содержания интернатов до 30 коп. в сутки и ходатайствовать о выделении на это, из средств Министерства народного просвещения,

дополнительно 10560 руб., а также до получения дополнительных ассигнований, он предлагал сократить число интернов в училищах с бюджетом по 15 коп. в сутки вдвое, с бюджетом по 10 коп. на человека – втрое» [306]. К тому же большинство школ размещалось в наемных помещениях, на что выделялись определенные средства. Так, в 1910 г. из 34 школьных зданий 23 были наемными. Некоторые из этих зданий были ветхими и практически негодными для проведения учебных занятий и проживания детей. Один из сигналов на плохое состояние школы поступил в 1910 году из п. Таловка, в докладной писали: «Здание Таловского участкового училища ежеминутно грозит разрушением, что опасно для жизни детей... Ремонтировать здание не представляется возможным, так как ни фундамент, ни стены никуда не годны» [307]. После издания Закона «Об образовании при Министерстве народного просвещения школьно-строительного фонда» ...в Орде была предпринята попытка построить собственные здания для некоторых старшинских и участковых школ. В 1910 г. была составлена смета на постройку 13 школьных зданий. Однако, в связи с отсутствием денег, проект не был выполнен [308]. В 1911 г. 16 волостей Камыш-Самарской части постановили ассигновать на постройку 16 школьных зданий 9600 руб. Временный Совет не утвердил это постановление, находя выплату такой суммы слишком обременительной для населения [309].

Таким образом, многие школы Внутренней Орды оставались без собственных помещений. Здания некоторых школ строились частным порядком. Например, здание для Утинобугорской школы в 1908-1909 гг. построил на свои деньги Юзбаев. Учитель Токсан-Аральской школы Алпан Каржанович Худайбергенов на свою зарплату в течение нескольких лет строил здание под школу. Строительство школы было закончено в 1910 г. [310]. Но такие факты единичны. Отсутствие денег затрудняло обеспечение школ учебным оборудованием, учебниками, наглядными пособиями. Фонды библиотек не пополнялись годами.

В Больше-Ганюшинском двухклассном училище за 8 лет (с 1908 по 1916 гг.) число книг в библиотеке увеличилось на 15, учебных пособий и руководство на 196 штук. В среднем в год приобреталось пособий на 15 руб. 75 коп. Значительно хуже обстояли дела в одноклассных и старшинских школах. В 1908 г. Иреале-Аральская старшинская школа 1 Приморского округа в ученической и учительской библиотеках имела всего 115 книг на 23 руб. 80 коп. Существовали школы, в которых не было ничего, кроме учеников. Например, Мишер-Кульская Таловской части, Кунген-Кульская и др.

Продолжительность учебного года в русско-казахских школах Орды, как и во всем Казахстане была неодинаковой. В силу ряда причин продолжительность учебного года было различной. Правда, в различных положениях о русско-национальных школах и в соответствии с правилами 1913 г. учебный год должен был начинаться и заканчиваться одновременно. Но на самом деле школы начинали и заканчивали учебный год в разное время. Известно, что в 1913-1914 учебном году занятия в Кшейском одноклассном училище начались 7 октября 1913 года, а закончились 29 марта 1914 г. Учитель

объяснял это тем, что большинство учащихся привлекаются родителями на различные хозяйственные работы.

В 1915-1916 гг. продолжительность учебного года в школах Орды была следующей [311]:

1) В Больше-Ганюшинском двухклассном училище – дней	150 учебных
2) В Джанибекском двухклассном – дней	136 учебных
3) В Джалпак-Чагалском одноклассном - дней	156 учебных
4) В Сарбастинском одноклассном - дней	138 учебных
5) В Тулубайском одноклассном - дней	117 учебных
6) В Кшейском – дней	75 учебных

Безусловно, несоблюдение продолжительности сроков обучения и самостоятельное сокращение их влияли на качество знаний учащихся, это в свою очередь сказывалось и на количестве и качестве выпускников. Например, в 1915 г. окончили школы 240 учеников.

Итак, в 1915 г. во Внутренней Киргизской Орде насчитывалось 77 школ, в том числе 3 церковно-приходских, 4 русских класса при мектебах и медресе, 70-школ Министерства Народного Просвещения. Одна школа приходилась на 956 кв.верст и на 4150 человек казахского населения. В 70 школах Министерства Народного Просвещения и 4 русских классах при мектебах обучалось 1221 казахских мальчиков и девочек, вне школы оставалось 27355 детей (95,8%). На 1 школу приходилось 356 казахских детей школьного возраста [312].

Таким образом, при своей малочисленности и всех недостатках русско-казахские школы имели большое значение для казахского населения Внутренней Орды. Высоко оценивали роль этих школ учителя-казахи, которые видели результаты образования школьников и молодежи. Учитель Нарынского училища М.Сарсемьев писал в 1911 году: «...Культурное значение русско-киргизских школ вообще и Нарынской в частности для края очень велико. Отношение народа к ней дружелюбное. В 1880 г. знакомых с русской грамотой учителей киргиз не было. После учреждения в Орде старшинских и участковых школ в 1895-1896 гг. из народа начинают выходить учителя, число коих в конце века достигает 15... В начале текущего столетия число учителей доходит до 40 человек. Десятеро из них окончили Казанскую учительскую семинарию» [313]. Кроме учителей в Орде имелось около 20 фельдшеров, получивших образование в Кронштадте и других городах. Первые светские школы появились в Букеевской орде, это связано, прежде всего исторически сложившейся ситуацией этого региона, и с личностью самого хана Джангира, который создал условия для образовательного пространства западного региона.

Русско-казахские школы Внутренней (Букеевской) Орды и других областей Казахстана, несмотря на их малое число и слабую постановку учебно-воспитательной работы оказали положительное влияние на повышение грамотности казахов и других национальных меньшинств.

4.2 Школьное образование в Уральской и Тургайской областях

XIX в. - период становления и развития русско-казахских культурных связей Казахстана и России. Это был век расцвета науки в России, и первых шагов в этой области в конце XIX в. в Казахстане, искусства и литературы, интенсивной общественно-политической жизни, роста национального самосознания. Все эти прогрессивные направления жизнедеятельности способствовали увеличению сети учебных заведений и распространению образования не только в самой России, но и втягиванию в этот процесс казахского общества.

Просвещение казахского народа до конца XIX в. большей частью осуществлялось в мусульманских школах: мектебах и медресе. Число распространения их в различных областях Казахстана было различно. Так, если посмотреть на распространение их по областям Казахстана, даже в одном учебном округе они были различны, не говоря уж о Туркестанском крае, где основным учебным заведением до начала XX в. были мектебы и медресе, и количество их было гораздо больше, нежели в других регионах [314].

Степень распространения мусульманских школ в Уральской и Тургайской областях постепенно уменьшалась к началу XX в. На наш взгляд, большое количество конфессиональных школ в Уральской области связано с влиянием Казанского учебного округа, куда входили Внутренняя орда и Уральская область (пока не вошла в состав Оренбургского учебного округа), также с проживанием в области большого числа татар.

Первое светское учебное заведение в Уральске было открыто в 1812 году с разрешения Министра народного просвещения графа А.К.Разумовского, но в 1821 г. заведение сгорело. Спустя 10 лет атаман В.О.Покатилов открыл его вновь. В училище было три класса, но оно находилось в ведении Казанского учебного округа. Это училище вплоть до 1857 года оставалось единственным учебным заведением в Уральском войске. В 1857 году в училище произошли серьезные изменения: вместо трех классов стало пять, были введены новые более совершенные учебные программы, пришли более грамотные учителя.

В этот период элементарных начальных школ в Уральске не существовало. В 1855 г. среди войскового населения 14% жителей считались грамотными, в самом же Уральске на 200 человек приходилось 71 знающих чтение и письмо. Такой значительный процент грамотности объяснялся широко распространенным в войске частным способом обучения, так называемыми «мастерами и мастерицами». В том же 1855 г., по неполным данным, домашнее обучение осуществлялось в 150 домах.

Другим видом учебного заведения, которое открылось в 1837 г. в Уральске была церковноприходская школа диакона А.Лебедева. Но широкого распространения церковноприходские школы в крае не получили. Так как, во-

первых, их содержание четко не было определено, во-вторых, во многих приходах Оренбургской губернии имелись уже казачьи училища, и для открытия новой конфессиональной школы на местах не было средств.

Вновь создаваемые органы народного образования Уральской и Тургайской областей в конце XIX и начала XX вв. находились в подчинении Оренбургского учебного округа. Характерной особенностью школ Казахстана и, в частности, в различных регионах этого периода была неоднородность по типам и ведомственному подчинению. Своеобразной было и административное деление области, так территория Уральской области делилась на земли казачьего войска и казахскую степь. Территория казачьего войска включала в себя 62067,88 кв.верст. Здесь проживали 236532 русского населения, из которых 149898 были казаками. Казахского населения насчитывалось 11304 человек и одна русско-казахская школа на 5423 кв. в. Функционировала и одна русская школа на 1366 человек.

По этому поводу в губернаторском отчете за 1850 г. дается следующее объяснение: «Умственное образование в Оренбургском крае, несмотря на деятельные меры правительства и беспрестанно увеличивающиеся средства, распространяется довольно медленно» [315]. К тому же существовавшие школы (за исключением уездных училищ) давали самые простые знания - чтение, письмо, счет. Следующие показатели показывают, что на обширной территории фактически отсутствовала система школьного образования, так на одно начальное учебное заведение приходилось 13313 душ обоего пола. Из статистического показателя видно, в середине XIX в., доля детей школьного возраста 7-14 лет составляла 1/11 часть населения губернии, обучению подлежали 193 тыс. детей, тогда как в действительности школу посещали не более пяти тысяч детей школьного возраста [316]. Таким образом, основной задачей Министерства народного просвещения и других министерств было расширение и совершенствование системы учебных заведений и повышения грамотности населения в крае.

В период 1851-1865 гг. кардинальных изменений в школьной системе не было, хотя шла бурная подготовка к реформам. Но тем не менее, на местах в различных регионах Империи, и в частности в Казахстане, происходило совершенствование действовавших учебных заведений в рамках существовавшего законодательства. Педагогическая общественность России и многие министерства, начиная с 1856 г., начали подготовку для проведения проекта школьной реформы.

Либеральные реформы Александра II заложили основы всеобщей русскоязычной начальной школы, привлекли к начальному строительству государственные ресурсы и содействовали активизации общественного внимания к идеям народного образования. Русское правительство, в основном, выделяли средства школам центральных губерний и русским школам, национальные школы же вплоть до начала XX в. находились на содержании местных султанов и сборов с народа. Реформы 60-х годов совершили некоторые перемены в системе образования, главной отличительной особенностью данной реформы стало широкое использование государством в

делах управления и финансирования начальных учебных заведений местных органов. Руководство школами, впервые послереформенные годы возлагалось, в основном, на городские думы и управы, приходское духовенство и волостные правления; финансирование лежало на плечах городских налогоплательщиков и сельских обществ.

Такая политика продолжалась и в последующие послереформенные годы. По мнению чиновников Министерства народного просвещения, она вела к постепенной децентрализации деятельности министерств и расширению полномочий местных органов народного образования. Такое беспокойство чиновников сопровождалось активной деятельностью местных органов уездного уровня, которые обладали широкой автономией в решении текущих вопросов деятельности местных училищ.

При организации школ правительство России с осторожностью подходило к содержанию образования, к перечню изучаемых предметов, особенно в вопросе изучения религии. Так, в одном из разделов обращается внимание на следующее: «...стараться особенно, употреблять какие-либо усилия к тому, чтоб склонять и привлекать ордынцев к отдаче детей своих учиться в школы при степных укреплениях Комиссия признает со своей стороны не только не нужным, но и вредным для успеха дела при подозрительности магометан во всем относящимся до их религии (обучение же в глазах их не есть дело гражданское, а религиозное); ... для самого успеха дела не следует приступать к нему с особою горячностью. Когда киргизы увидят, что правительство не придает важности тому, будут, или нет отдавать они детей своих в русские школы, а между тем убедятся в выгодах, проистекающих от того для детей, можно быть уверенным, что через несколько лет число желающих обучать детей своих в школах при укреплениях будет так велико, что местное управление найдется в необходимости отказывать просьбам о том за неимением средств к их удовлетворению» [317].

Историческим событием середины XIX в. было принятие устава низших и средних школ, который позволил как-то решить проблему образования казахских детей. Так, основные положения данного устава предусматривают организацию жизнедеятельности детей, содержание образования, финансирование и другие вопросы.

В начале 60 г. XIX в. открываются школы при укреплениях (по Положению 2 февраля 1860 г.) в Троицке (1861 г.), Тургае и Уральске (1864 г.). Учителем Тургайской школы был назначен И.Алтынсарин.

Система организация школ и планы в Уральской и Тургайской областях были разработаны и основаны на двухклассных и одноклассных училищах по положению «О двухклассных и одноклассных училищах», утвержденное 29 мая 1869 г. и дополненное «Инструкцией для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения», утвержденный министром просвещения 4 июня 1875 г.

При открытии новых школ основную ответственность в соответствии с этими положениями должны были брать местные общества, которые были обязаны выделить для школы земельный участок (не менее одной десятины),

средства на наем помещения (или приобретение соответствующего здания), на оплату учителя, приобретение учебных пособий и школьного оборудования. В случае открытия училища министерством просвещения, то из казны на содержание двухклассной школы отпускалось 1000 рублей, одноклассной - 226 руб. При училищах разрешалось открывать классы ручного труда и ремесленные отделения, которые были очень важны для подготовки местных рабочих. Срок обучения в двухклассном училище был 6 лет, в одноклассном - 4 года. Безусловно, заслугу И.Алтынсарина мы видим в том, что, работая в 80-е гг. инспектором народных училищ в Тургайской области пытался создавать школы для обучения детей в условиях кочевой жизни, открывая при них интернаты. В то время эти начальные школы были лучшими из тех, которые разрешалось открывать для трудового народа в сельской местности. И неудивительно, что И.Алтынсарин, и другие демократически настроенные деятели национальной школы взяли этот тип учебного заведения за основу при создании системы русско-национальных школ, что позднее было закреплено правилами 1906 г., 1907 г., 1913 г.

Местным чиновникам пришлось приложить огромные усилия для открытия начальных школ в Уральском казачьем войске, считавшимся самым консервативным среди казачьих войск России. Обособленность во всех отношениях, географическом, хозяйственном, а также верность своим казачьим обычаям определяли ментальность уральских казаков. Немаловажно было и то обстоятельство, что казаки делились и по вероисповеданию.

Из таблицы 12 видно, что в войске в 1860 г. доминировали единоверцы - 49,37%, православных казаков было очень мало. Православные казаки в основном служили, как правило, в войсковой администрации. Ислам исповедовали казаки Башкирского отдела, а язычество - калмыки западной части войска. Образ жизни в Уральском войске определяли раскольники и единоверцы. Единоверие как особое течение в старообрядчестве возникает в конце XVIII в., в результате соглашения наиболее умеренных староверческих кругов с Русской православной церковью. Окончательное его оформление произошло при Павле I, когда он 27 октября 1800 г. утвердил «Правила единоверия» из 16 пунктов, составленные Московским митрополитом Платоном [318].

Отличительной особенностью данного региона было то, что такая низкая плотность населения сочеталась с многонациональным составом. Считается, что начиная со второй половины XVI в., в районах традиционного проживания казахов появились первые русские поселения. Не сразу, но в результате добровольной или государственной переселенческой политики в крае сформировалась значительная русская община. Тургайская и Уральская области, которые находились в подчинении Оренбургского генерал-губернаторства и входивших в состав Оренбургского учебного округа (с 1875 г.) отличались своей многонациональностью, но, тем не менее, значительное влияние на формирование образовательной системы оказала русская нация.

Таблица 12 - Конфессиональный состав населения Уральского казачьего войска в 1858 - 1865 гг .

Годы	Войсковых жителей	Из них (в %)				
		Православных	Раскольников	Единоверцев	Мусульман	Язычников
1858	76526	1,0	25,22	60,76	12,43	1,48
1860	78104	0,07	36,57	49,37	12,55	1,46
1865	94396	5,12	43,02	37,78	12,72	1,36

Так, в Уральской области решающее значение на развитие образования оказало Уральское казачье войско, хотя войсковое сословие здесь и не доминировало (в 1875 г. - 19% всего населения области) [319]. Следовательно, практически все уральские учебные заведения мало чем отличались от таких же в России.

Некоторые изменения в развитии русско-казахских школ в Уральской области начинается с 1871 г. Так, открывается несколько одноклассных (или же их еще именовали волостными) русско-казахских училищ: Гурьевское (1879 г.), Симбертинское (1881 г.), Караобинское (1882 г.), Индерское (1884 г.) и др. [320]. Содержание школы было крайне сложным, школы не имели своих помещений, а находились в непригодных зданиях. Посещая такие школы, военный губернатор Н.А.Веревкин отмечал, крайне тяжелое состояние школ. В своей докладной записке Н.А.Веревкин особое внимание уделял вопросу о влиянии такого положения на распространение русского образования в массе киргизского населения.

В эти же годы в Тургайской области открывается также ряд школ, которые в различные годы были преобразованы в более совершенные школы. Итак, в 1868 г. в Тургае начинает работать еще одна русско-казахская школа (в 1879 г. она была преобразована в двухклассную), и в Иргизе. В 1881 г. открывается одноклассное училище в Буртинской волости (в 1885 г. оно преобразовывается в двухклассное и переводится в п. Ак-Тюбе). В 1888 г. открывается женское русско-казахское училище в Иргизе [321]. В 1890 г. в Уральской области функционировали 2 двухклассные и 10 одноклассных русско-казахских школ. В Тургайской же области 4 двухклассные и 5 одноклассных русско-казахских училищ.

В сложных этнокультурных условиях необходимо было создать такой тип школы, который позволял бы сохранить кочевой образ жизни казахского народа. И.Алтынсарин и его преемник на посту инспектора училищ Тургайской области А.Васильев понимали, что для расширения сети школ с одной стороны, и с другой стороны - сохранения культуры среди кочевого казахского населения необходимо создать такой тип учебного заведения, который бы находился непосредственно в казахском ауле, передвигался с ним во время перекочевков, обеспечивал бы обучение детей на родном языке основам знаний.

Такой школой могла стать аульная школа, положение о которой для Тургайской области было утверждено попечителем Оренбургского учебного округа в 1891 г. (Опубликовано в газете «Тургайские ведомости»). Первая аульная школа была открыта в 1892 г. в ауле № 4 Костанайского уезда. Летом школы располагались в юртах, в период зимовки - в домах. На ее содержание ассигновалось всего 324 руб., в том числе 180 руб. - зарплата учителю [322].

13 июня 1899 г. соответствующие правила были утверждены и для Уральской области. В конце XIX в. аульные школы получили широкое распространение в Тургайской, Уральской, а позднее в Акмолинской и Семипалатинской областях. В 1892-1893 гг. в Тургайской области было открыто 25 аульных школ. Статистический отчет на 1 января 1902 г. показывает, что в Уральской области функционировало - 4 двухклассных, 14 одноклассных и 23 аульных школ, в Тургайской - 6 двухклассных, 13 одноклассных и 83 аульных школ [323].

В 1896 г. генерал-губернатор Тургайской области Я.Ф.Барабаш по поводу влияния мусульманского духовенства, в частности татарских мулл в мектебах и медресе писал: «Вести открытую борьбу со школами бесполезно и неполитично. Раз киргизское население чувствует потребность в просвещении, ее нужно удовлетворить устройством отвечающего потребностям количества русских школ, которые должны вытеснить все эти медресе и мектебы негодные вообще и вредные в русской точки зрения» [324].

По мнению А.Ф.Эфирова, была и другая причина, заставившая русскую власть прибегнуть к созданию аульных школ. Правительство не хотело тратить казенные средства на дело народного образования казахов, так как оно меньше всего думало о просвещении нерусских народов и стремилось расходы по школам переложить на казахов [325]. В результате чего, по мнению генерал-губернатора Тургайской области Я.Ф.Барабаша, «...необходимо было создать школу русской грамотности, незатейливую, удобноподвижную и дешевую». Следует отметить, что аульные школы областей несколько отличались друг от друга в организационно-хозяйственной структуре, а также в организации учебного дела.

Так, в Тургайской области аульные школы носили кочевой характер, и, следовательно, все учебные оборудования были приспособлены к перекочевкам. В Уральской же области школы были стационарными. По уровню организации, обеспеченности кадрами аульные школы Тургайской области были несколько в лучшем положении. Если обратить внимание на обеспеченность материальной базы и содержание школы, то аульные школы Тургайской области получали на годовое содержание 540 руб. (из них на жалованье учителю 360 руб.), в Уральской области в первоначальный период содержание обходилось от 80-120 руб. вместе с жалованием учителю, позже в 1901 г., бюджет школ был повышен на 333 руб. в год. Учителями в школы Уральской области назначались лица, окончившие двухклассные училища, чаще всего это были лица коренной национальности. Учителя в школах Тургайской области были наиболее подготовленные. Инспектор, побывав в двух областях пишет, что «плохо подготовленные учителя этих школ в продолжение 2-3 лет

не давали даже элементарной грамотности своим ученикам. Почти все школы бедны учебниками и учебными пособиями, так как отпускаемые на это средства 10 руб. в год крайне малы» [326].

Особенностью системы образования в Уральской области в конце XIX в. заключалось в том, что уже сформировалась система правительственных школ, так и войсковое реальное училище, где обучались в основном дети уральских казаков. Из правительственных школ в Уральске открываются классическая гимназия и девичье училище первого разряда с программой, близкой к женской гимназии.

В сохранении статистических данных о развитии народных войсковых школ большую роль сыграл Н.А.Бородин - статистик, ихтиолог и общественный деятель, родившийся в 1861 г. в семье сотника (впоследствии есаула) Уральского казачьего войска, первоначальное образование получил в народном войсковом училище г.Уральска, дальнейшее образование получил в Санкт-Петербургском университете на естественном отделении, физико-математического факультета. По окончании служил в уральском войсковом хозяйственном правлении, состоял техником рыболовства. Н.А.Бородин провел большую общественную работу в г.Уральске, основав бесплатную читальню, комиссию народных чтений, общество начального образования, уральский отдел общества рыболовства, заведовал переписью и статистическим экономическим исследованием уральского казачьего войска.

На основе обширного статистического материала, собранного ученым, были изданы статистические отчеты по Уральскому войсковому реальному училищу. Им были изданы научные работы «Уральское казачье войско. Статистическое описание», «Рыбоводство и рыбный промысел в Западной Европе и Северной Америке. Часть I. Рыбоводство», «Рыбный промысел. Ч. II.», «Уральские казаки и их рыболовство», «Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение», «В защиту уральского рыболовства» и множество других работ. Наибольший интерес для нашей работы представляет работа «Уральское казачье войско. Статистическое описание», в которой показано положение школ, раскрыты основные направления развития образования, представлены количество школ, учащихся, учительских кадров и другие вопросы образования.

В 1885 г. Н.А.Бородин готовит статистический отчет о положении «первоначального образования в Уральском казачьем войске». К отчету он отнесся очень скрупулезно, так им был составлен бланк данных и разослан по всем школам города и области. Собранные материалы свидетельствуют о низком охвате учащихся, недостаточном количестве действующих школ, неравномерном их распределении по области. + Так, в 1885 г. население Западно-Казахстанской области составляло 135 921 душ обоего пола всех сословий, на этой территории действовало 58 войсковых школ, в них обучалось всего 2583 учащихся. Следующий показатель свидетельствует о неравномерности распределения этих школ, так из 29 станиц войска, в четырех из них не было ни одной школы, в 8 – по одной, в 5 – по две, в 10 – по три, в 2 – по пяти школ [327]. И другой интересный факт в том, что многолюдные

станции, как Круглоозерное, Бударинская, Кожехаровская имели всего по одной школе, а малолюдные станции, как Яманхалинская и Кармановская, с населением в 3-4 раза меньшим вышеперечисленных, имели по три школы.

Такая неравномерность распределения школ объяснялась тем, что одной из особенностей Уральской области было то, что в регионе проживало старообрядческое население, которые предпочитали отдавать своих детей учиться станичным «мастерам и мастерицам», которые в основном обучали их церковному чтению, письму и пению. Влияние «мастеров и мастериц» на просвещение старообрядческого народа было высоко, о чем свидетельствуют следующие данные, при развивающей правительственной системе образования в войске насчитывалось более 200 «мастеров и мастериц», у которых обучалось 2284 детей войскового сословия.

Существенно изменилась картина в начале XX в., во-первых, стали активно открываться начальные школы, во-вторых, все больше стали посещать эти школы девочки. Так, в 1901 г. в 109 начальных школах обучалось 3285 мальчиков и 1076 девочек. Все еще свои позиции в системе образования пыталась удержать духовенство и наравне со школами Министерства народного просвещения действовали церковно-приходские школы, их в области было 64, и достачное количество детей посещали эти школы: 1284 мальчика и 1299 девочек. Русско-казахских школ было 40, они были подведомственны Министерству народного просвещения. В них обучалось 2374 человек, из которых 1635 учащихся были казахами.

Таблица 13 – Школы Уральской области для казахского населения в 1901 году

Уезды	Кол-во казах. насел.	Число школ	Число уч-ся	Кв.верст на 1 школу	Человек насел. на школу	Человек насел. на 1 уч-ся
Уральский	72452	20	871	1085	3691	85
Лбищенский	128135	17	468	1830	7537	122
Гурьевский	118490	2	146	25851	60287	826
Темирский	139462	2	150	58918	70855	945
Всего по области	458539	41	1635	5423	11304	296

Таким образом, из таблицы 13 видно, что 41268 детей школьного возраста не обучалось 39633 детей или 95,9% [328]. Уже достачно повсеместное и стабильное развитие школы в начале XX в. не удовлетворяет потребность в образовании население Казахстана. Только по Уральской области в начале 1902 г. было отказано в приеме в школы большому количеству детей: в Илекском двухклассном русско-казахском училище 60 детям, в Гурьевском – 50, в Темирском – 45, в Карасуйско-Челкарском – 37; по волостным школам: в

Джиренькупинском – 35 мальчикам, в Джамбейтинской – 34, в Карачаганакской – 30, в Чиликской – 25 и т.д.

Желающих получить образование среди казахского населения все больше увеличивается, жажда знаний стала не только потребностью человеческого разума, но и обязательным в получении нового образа жизни, что исторически стало необходимостью для казахского народа. Тормозом в открытии новых школ в переселенческих поселках было отсутствие подходящих школьных помещений. Большинство школ размещались в наемных домах, непригодных для учебных занятий, не отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям.

Более организованные по содержанию и уровню были городские училища и средние школы. Городских училищ к началу XX века в Уральской области не было. Только лишь в Тургайской области, в г. Костанай действовало одно городское, трехклассное училище, работавшее согласно правилам от 31 мая 1872 г., оно было открыто в 1895 г.

Уже в начале XX в. казахский народ стал понимать значение образования и отличать возможности различных типов школ. Известно, что к аульным школам они относились недоверчиво и даже отчасти пренебрежительно. Одобрительно относились к одноклассным и двухклассным школам, заслуживавшим внимание многих.

В свою очередь, и правительственные чиновники тоже по-разному относились к организованным школам для казахов. В большинстве случаев, в основном, они стремились распространять аульные школы и максимально задерживать развитие одноклассных и двухклассных школ. Такое противоречие в организации народного образования было непримиримым, и каждая сторона добивалась своего доступными им средствами: казахи игнорировали аульные школы и запрещали посещать их своим детям, а власти стремились субсидировать организацию таких школ и насаждать различными способами возможности посещения их детьми казахов.

Наиболее ценные данные можно встретить в областных обзорах, так они издавались повсеместно по Казахстану. В обзоре Уральской области за 1900 год содержится целый ряд материалов, позволяющих судить о состоянии развития школьного образования в области. Так, к началу XX в. всего было открыто 206 школ, в них обучалось 9013 учащихся. Как и школы России они находились в подчинении трех ведомств: войсковому (107 школ), духовному (57 школ) и Министерству народного просвещения (42 школ). Из общего количества школ всего русско-казахских насчитывалось 35, с 1512 учащимися в них. Всего же населения по Уральской области (по неточным данным) было 644 тысячи и из них казахов 453 тысячи.

Перепись населения в начале XX в. проводилась крайне неосновательно, и следовательно, исчерпывающих данных показать не предоставляется возможным. Из материалов народного образования Уральской области, мы пытались определить число учащихся казахских детей по типам русско-казахских училищ и получили следующие данные, что в 3-х двухклассных училищах обучалось 494 человек, в 13-ти одноклассных – 843, и в 18-ти

аульных – 175 человек. Таким образом, на одну аульную школу приходилось менее 10 учеников, на одноклассные – по 65, и на двухклассные – по 164 учащихся. Эти данные говорят об отношении казахского народа к различным типам школ.

Стремясь отдать своих детей в школы повышенного типа, казахи зачастую отказывались от обучения детей в аульных школах. Этому свидетельствуют, показатели обзора по Уральской области, так, в 1902 году за отсутствием мест было отказано в приеме в двухклассные училища 192 казахским мальчикам и многим желавшим поступить в одноклассные училища. Такие трудности испытывали школы ежегодно. Тому подтверждением являются материалы обзора по Уральской области за 1902 год: «ввиду слишком большого наплыва желающих поступить в училища, при принятии их в двухклассные русско-киргизские училища, их подвергают конкурсному испытанию и принимают на свободные вакансии тех из них, которые лучше выдерживают испытание; а при принятии в одноклассные волостные школы, ввиду большого числа желающих поступить, школьные комиссии принимают их по жребию, чтобы избежать могущих быть неудовольствий и нареканий со стороны родителей, заботящихся отдать детей в школу. В этом случае также отдается предпочтение тем, которые своевременно представляют в школу своих детей» [329].

Другой пример благосклонного отношения казахов к организованным школам является такой факт, как передача в 1900 году Министерству народного просвещения 10 каменных зданий и сбор 11800 рублей, чтобы использовать их под открытие волостных училищ. Средства собирались и на постройку интернатов, Уральской русско-казахской женской школы с интернатом, но к сожалению, в ней казахские девочки не могли учиться, так как они не знали русского языка, а учительницы в свою очередь не владели казахским языком.

В 1902 г. в Уральской области было открыто всего лишь 5 учебных заведений, из которых только 3 русско-казахских, в 1903 г. – 7, Матешское русско-казахское училище в Льбищенском уезде, аульные школы – в ауле №1 Караобинской волости Уральского уезда, две – в аулах № 3 и 4 Чалкарской волости Льбищенского уезда и по одной в ауле № 3 Карасуйской волости Темирского уезда, в ауле № 1 Гурьевской волости и в ауле 7, Кызылжугинской волости Гурьевского уезда. В Уральской области в 1902-1904 гг. открывается 14 русско-казахских школ. На открытие школ были выделены средства из областного бюджета и казахских обществ. Необходимо заметить, что областные правления крайне неохотно давали средства на открытие русско-казахских училищ.

Безусловно, такие низкие темпы открытия школ не могли изменить уровень грамотности казахского населения. По данным статистики в начале 1901-1902 гг. из 244 казахских станиц и селений Уральской области школы имелись только в 127 поселках, то есть составляло 52% охвата школ в селениях. В 1901-1908 гг. в области было открыто 7 школ Министерства народного просвещения, и 18 казахских школ. Из 16538 русских детей школьного возраста обучалось в них 7435 детей, что составляло 45%.

В таблице 14 приводятся данные о русско-казахских школах Уральской области. Данная таблица красноречиво показывает насколько еще слабо была развита сеть школ в области. Все русско-казахские школы в этой области в 1908 г. не могли удовлетворить потребности желающих получить образование. Большая часть казахов в западном регионе проживали в Темирском, Гурьевском, Льбищенском уездах, и количество правительственных школ в этом регионе было ничтожно мало [330]. Да и в северо-западном и центральном регионе Казахстана положение было нелучшее. Из таблицы 13 видно, что не охвачено детей школьного возраста в Уральской области 96,3%, в Тургайской области 94,4%.

Таблица 14 – Русско-казахские школы в Уральской и Тургайской областях в 1908 г.

Уезды	Детей школьн. Возраст.	Число школ	Число уч-ся казахов	Остается детей вне школы	%	Человек детей на 1 школу
Уральский	6824	19	820	6004	88,0	359
Льбищенский	12017	16	77	11940	99,4	751
Гурьевский	11284	2	22	11262	99,9	5642
Темирский	13875	10	387	12688	97,3	1305
Всего в области	43000	47	1306	41894	96,3	919
Актюбинский	9718	31	532	9186	94,5	313
Костанайский	12203	36	641	11562	94,8	339
Иргизский	9309	31	583	8726	94,3	300
Тургайский	8230	25	481	7749	94,2	329
Всего в области	39460	123	2237	37223	94,4	321

Волостные и двухклассные школы, существовавшие на основе правил от 1 октября 1907 г. об инородческих школах, поставлены были лучше, имели более подготовленных учителей и помещались в большинстве своем в специально построенных зданиях. В некоторых из них имелись интернаты. Строились школы не в степи, а в русских населенных пунктах. В Уральской области стоимость двухклассной школы с интернатом в среднем обходилась в 5273 руб., одноклассной русско-казахской в 2817 руб. В интернатах учащиеся пользовались столом, квартирой, а в некоторых интернатах учащимся выдавались платье и обувь. В интернатах Уральской области помещалось по 47 человек, в Тургайской области несколько меньше. Содержание школ-интернатов относилось целиком на местные средства.

Безусловно, городское население Тургайской и Уральской областей испытывало острую нужду в школах, дающих более высокий уровень знаний. Естественным было в 1906-1908 гг. многочисленные ходатайства казахского и русского населения в Министерства народного просвещения об открытии в городе городского училища, соединив существующие низшие школы и

образовать пятиклассное городское русско-казахское училище. Однако, Министерство народного просвещения этот вопрос оставил неудовлетворенным [331]. Неоднократно поднимался вопрос населением и администрацией об открытии городских училищ в городах Актюбинске, Гурьеве, Тургае, Уральске и др. После долгих и упорных просьб населения, правительство было вынуждено открыть несколько таких училищ. В то же время многие уездные центры, как Иргиз, Темир, Льбищенск, несмотря на многократные просьбы жителей, так и не добились открытия таких школ. Так, в 1907 г. открывается городское четырехклассное училище в городе Актюбинске, в 1909 г. в г. Тургае. В 1910 г. в городах Уральске и Гурьеве открываются первые четырехклассные городские училища для совместного обучения мальчиков и девочек. Через год 1 июля 1911 г. в городе Актюбинске открывается мариинское женское училище, которое по своей организации имела права женской прогимназии. В это же время Костанайское городское училище из трехклассного преобразуется в четырехклассное.

В ежегодном обзоре Уральской области за 1909 г. даются следующие данные, что из 12 двухклассных и 29 одноклассных русско-казахских училищ, потребности казахского населения в образовательных учреждениях удовлетворяются всего лишь 5-тью двухклассными и 10-тью волостными училищами. Остальные учебные заведения, хотя и имеют название «русско-казахские», обслуживают исключительно русских переселенцев. Следовательно, установить точное число школ, предназначенных для обслуживания казахского населения Уральской области является невозможным. По переписи школ 1911 года тесных школ в Уральской было 52%, а с недостаточной кубатурой воздуха 65%, в Тургайской области соответственно было 56% и 72% из числа всех учебных заведений. Что касается введения всеобщего среди казахского населения, то у работников учебного ведомства в местной администрации не было единого взгляда и на этот вопрос. Постановлением Министерства народного просвещения от 14 февраля 1909 г. № 1387 было принято следующее решение «...желательным введение четырехлетнего курса в одноклассных, и в первых классах двухклассных училищ по инструкции 4 июля 1875 г., в целях более основательного прохождения курса» [332]. Введение всех изменений вносилось с разрешения попечителей учебных округов. Так, в г. Уральске вводится четырехлетний курс обучения в одноклассных училищах. В училищах с 4-х летним сроком обучения должны были работать два учителя.

Для начала XX в. характерно увеличение числа русско-казахских школ. Так, в Уральской области открываются 14 школ, в Тургайской – 23 [323, с. Перепись школ на 18 января 1911 г. дала следующие данные: в Уральской области насчитывалось 12 двухклассных, 49 одноклассных и аульных школ, в которых обучались 1704 мальчиков и 224 девочек; в Тургайской области 14 двухклассных и 110 одноклассных и аульных школ, в которых обучались 2192 мальчиков и 151 девочек.

В пограничных с Россией областях развивались такие виды школ, как казачьи. В Уральской области эти школы находились в более тяжелом состоянии, чем училища Министерства народного просвещения. Одна такая

школа в среднем получала ассигнований в размере 280-330 рублей в год. В Уральском уезде в 1910 г. Каменское станичное училище, в котором обучалось 78 учеников, имело годовой бюджет 355 рублей, Круглоозерновское при 65 учениках - 325 рублей [334]. Отсутствие средств приводило к тому, что в школах не хватало учебников, учебно-письменных принадлежностей, отсутствовали наглядные пособия, библиотеки. Многие из поступивших в эти школы не заканчивали курса обучения. Одной из причин этого явления была недостаточная материальная обеспеченность родителей учеников. В отчете за 1910 г. инспектор казачьих войсковых школ Хохлачев писал: «... Тяжелое материальное положение казаков не позволяет малосостоятельным, каковых большинство, помещать своих детей в училища, отчасти за неимением средств на теплую приличную одежду и обувь, на учебные и письменные принадлежности» [335].

На начало XX в. в Уральской области было два средних учебных заведения – женская гимназия и реальное училище. Они содержались на средства Уральского казачьего войска. При них существовали пансионы. В эти школы детей других сословий, то есть вневойсковых не допускали. В 1912 г. в г. Уральске открываются мужская и женская гимназии Министерства народного просвещения. Эти средние школы не могли удовлетворить всех желающих получить среднее образование. Казахские общества и местная администрация, для облегчения доступа детям казахов в средние и высшие учебные заведения России, устанавливали казенные стипендии.

В Уральской области в школах разного типа обучалось 2940, из них мальчиков 2658 и девочек 282. В это количество входило около 17% учащихся русских. Интернатов в области было при 30 школах на 1609 учащихся. В Тургайской области общее количество учащихся обучалось 3291, из них мальчиков 2977 и девочек 314, в том числе детей русского населения 24%. Интернатов имелось в 20 школах на 538 мест. Так, на миллионное казахское население приходилось всего лишь 214 школ, дети школьного возраста составляли на 1911 г. 200 000 человек, из них были охвачены обучением всего лишь 5000.

Большую роль в улучшении работы русско-казахских школ в Уральской и Тургайской областей сыграл съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, который проходил 11-16 июня 1912 г. в Уфе под руководством попечителя учебного округа. На съезде были рассмотрены проблемы, связанные с состоянием учебно-воспитательной работы в русско-инородческих школах; работой школьных библиотек; педагогическими кадрами, вопросы общего административного характера. В постановлении съезда «Об инородческих училищах» были отражены многие вопросы о русско-казахских школах.

Мнения участников съезда, в основном, затрагивали задачи организации аульных школ. Участников беспокоило, что эти школы в связи с ограниченностью сроков обучения, не оправдывают своего назначения и не обеспечивают овладения учениками русского языка. Было принято общее решение преобразовать их в одноклассные русско-казахские училища с

четырёхгодичным курсом. В целях обеспечения доступности обучения при этих школах рекомендовалось открывать интернаты. На съезде также имел место вопрос о совместном обучении русских и казахских детей в стенах одной школы, которое положительно сказалось бы на учебной работе и овладении казахских детей русским языком. Методика преподавания русского языка также стала предметом обсуждения на съезде. Отмечая односторонность как натурального, так и переводного методов обучения русскому языку, участники съезда пришли к единому мнению, что при объединении этих двух методов в наглядно-переводной, будет намного эффективнее при изучении языка. Но в этом случае обязательным условием должна быть опора на родной язык. Кроме этого, предлагалось начинать изучение русского языка с первого дня обучения в школе.

В начале XX в. в соответствии с решениями съезда и правилами 1913 г. большинство аульных школ в Уральской и Тургайской областях было преобразовано в одноклассные училища. И в этот же период не без участия директоров и инспекторов народных училищ активно открываются школы. Уже в начале 1916 г. в Уральской, а также в Тургайской областях насчитывалось по 153 русско-казахских школ, в которых обучалось соответственно 5041 и 4496 казахских мальчиков и девочек. И в эти же годы создаются школы для детей русских переселенцев, в которых обучалось некоторое количество казахских детей, в Уральской области было открыто 259 школ, в Тургайской области – [336,с.].

В 1914 г., в соответствии с положением от 25 июня 1912 г., городские училища Тургайской и Уральской областей были преобразованы в высшие начальные училища. С каждым годом увеличиваются ходатайства об открытии высших начальных училищ не только в городе, но и в сельской местности. В 1915 г. из 137 школ собственные помещения имели 120 училищ, из них каменных было 6, деревянных 51, саманных 63. Школы были переполнены учащимися, в 96 из них число учащихся намного превышало норму (50 человек). Попечителю учебного округа в 1915 г. поступило ходатайство от жителей г. Иргиза, пос. Ак-Булака и Кок-Истека Актюбинского уезда, а также селений: Александровка, Успенровка, Федоровка, Боровское, Денисовка Костанайского уезда об открытии высших начальных училищ. В этот же год было удовлетворено одно ходатайство, и на строительство здания по училище в г. Иргизе городское управление выделило 15000 рублей. [336, с. 12].

Из-за тяжелого положения отсева учащихся в казачьих школах был очень велик. Так, в 1915 г. в казачьих школах обучалось 6960 детей, окончило курс обучения 546 детей (7,8%), 414 мальчиков и 132 девочек, а выбыло до окончания 2201 учащихся (31,6%), 1485 мальчиков и 716 девочек. Из-за тесноты помещений многим желающим обучаться отказывали в приеме. В 1915 г. не было принято 576 мальчиков и 201 девочек, что составило 24,9% к числу поступивших учиться.

Войсковые школы не были обеспечены квалифицированными кадрами учителей. В 1915 г. из 165 учителей и учительниц войсковых школ только 14 имели среднее педагогическое образование (окончили учительские семинарии),

общее среднее образование было у 23 учителей, а 128 учителей и учительниц (82,4%) имели низшее или домашнее образование.

Большим авторитетом у населения эти школы не пользовались, но так как других учебных заведений не было, население вынуждено было обучать в них своих детей. Однако население, в основном, предпочитало отдавать своих детей в светские школы.

С 1915 г. правительство пыталось оказывать материальную поддержку казачьим школам, и по Уральской области на содержание их государственное казначейство отпустило 52203 рублей (56,2%) при общем расходе 92749 руб. 97 коп. Позднее, в соответствии с законом от 27 июня 1916 г. казачьи школы Уральской области были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Это способствовало не только улучшению их материального положения, учебно-воспитательной работы, но сделало казачьи школы доступными переселенцам и иногородним, которые в них до этого не допускались.

Таким образом, в Уральской области в начале 1917 г. насчитывалось начальных школ Министерства народного просвещения для казахского населения- 153, русских школ- 382 из них 286 находились в ведении Министерства народного просвещения и 96 духовного ведомства. Одна школа приходилась на 746 кв.верст и 1017 человек русского населения.

Из всех видов школ, которые могли поднять уровень образованности населения были двухклассные училища, в основном казахское и русское население стремилось отдать своих детей в эти школы. К сожалению, в Уральской области не было необходимого количества этих училищ. В 1915 г. насчитывалось 19 училищ, из которых 13 числились русско-казахскими. В 1913-1914 гг. все аульные школы Уральской области были преобразованы в одноклассные русско-казахские училища, в соответствии с правилами от 14 июня 1913 г. Однако в большинстве из них сохранялся 3-летний срок обучения. Русские школы в областях Казахстана открывались в соответствии положения от 4 июля 1875 г., одноклассные - с трехлетним курсом обучения, двухклассные с пятилетним.

По статистике в 1910-1916 гг. в Уральской области было открыто достаточное количество русско-казахских школ, но в основном, они предназначались для русских переселенцев, и только название их давало возможность судить о росте русско-казахских школ и о вопросе всеобща казахских детей. Несмотря на отчеты инспекторов и директоров училищ о явной нехватке школ, новых училищ или же дополнительных классов в достаточном количестве, правительство не пытается открывать. Интенсивное развитие сети школ в Уральской области начинается с 1910 г. Столь быстрое увеличение в Уральской области русского населения за счет переселенцев настоятельно требовало открытия школ во вновь строящихся поселках. Однако средств на открытие школ в этих селениях ни Министерство народного просвещения, ни областное правление не выделяли. Переселенцы пытались своими крохотными средствами как-то помочь открытию школ.

Из таблицы 14 виден рост числа школ

Тургайской и Уральской областях в 1901-1916 гг. Это связано во-первых с деятельностью местного управления народным образованием, и во-вторых, постоянными ходатайствами населения. Директора училищ поднимали вопрос о введении общедоступности обучения и предлагали ежегодно увеличивать число школ и расходы на них за счет правительства и областных средств. Другой вопрос, который волновал не только население, но и правительство - это открытие женских русско-казахских школ и введение всеобуча для казахских девочек [337].

Таблица 15 – Рост числа школ в Тургайской и Уральской областях в 1901-1916 гг.

Годы	Тургайская область		Уральская область	
	Число школ МНП	Из них русско-казах.	Число школ МНП	Из них русско-казах.
1901	116	102	47	41
1903	122	102	60	52
1904	130	111	64	55
1905	132	113	68	58
1908	187	123	84	60
1909	224	123	Нет сведений	Нет сведений
1910	294	133	98	70
1913	468	146	192	-
1915	515	153	275	153
1916	517	153	439	153

Таким образом, развитие системы образования в Уральской и Тургайской областях имело свою закономерность и обусловленность историческими и политическими процессами. Влияние многих процессов, которые позволили развитию образования именно в этом направлении, показало и необходимость, и состоятельность изменения системы образования в области. Первые шаги в реформировании системы образования связаны, безусловно, с интеграцией Казахстана в составе российского государства. Представляя определенную политическую, административную единицу Уральская область стала функционировать и развиваться в общей системе российского государства. Царское правительство ущемляло во всех направлениях развитие казахского народа и, в целом, государство. Влияние многих процессов не позволяло развитию самостоятельного, суверенного государства: административное реформирование; переселенческая политика царского правительства; ущемление положения казахов; идеологическая обработка казахской знати и склонения по принятию политики царского правительства. К концу XIX века на территории Уральской и Тургайской областях существовали следующие правительственные средние учебные заведения: мужские и женские гимназии и

реальные училища. К средним учебным заведениям приравнивались и учительские семинарии; начальные учебные заведения: прогимназии, городские училища, приходские училища (мужские и женские и для совместного обучения детей обоего пола), русско–казахские и русско-туземные училища и школы, аульные школы и школы первоначальной грамотности; профессиональные учебные заведения: учительские семинарии и казахская учительская школа при областном правлении оренбургскими казахами, сельхозшколы, фельдшерская школа, ремесленные школы.

Помимо правительственных учебных заведений в регионе существовали, содержащиеся частными лицами, мусульманские школы – мектебы, медресе при мечетях, церковно-приходские школы, школы грамотности, воскресные школы. Органами народного образования области проводились работы по улучшению деятельности русско-казахских школ, а также увеличению в них констингента учащихся. Иногда малочисленность учащихся в аульных школах имела такие причины, как активная пропаганда мусульманского духовенства против получения светского образования, недобросовестное отношение к своим обязанностям некоторых учителей и др. Объективной причиной было и то, что обучавшихся в аульных школах учеников было мало, и школа, сделав два, три выпуска, уже не могла набрать большего числа учащихся. Но тем не менее, эти школы помногу лет, из-за сложности организации в других местах, находились в одном ауле.

В 1912 г. на съезде директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, был поднят вопрос о состоянии народного образования в Казахстане, и впервые были высказаны мнения о том, что царское правительство в процессе организации школ осуществляло русификаторские задачи. Казахский народ отрицательно относился к аульным школам, требуя более организованных общеобразовательных школ-интернатов. На съезде было установлено, что аульные школы не достигли основной своей цели, как русификация детей школьного возраста, так как малограмотные учителя школ не могли поставить «учебную» работу школ таким образом, чтобы эта работа обеспечила осуществление русификаторских задач в учебно-воспитательной работе. На съезде было принято преобразовать аульные школы в одноклассные русско-инородческие училища [338].

4.3 Школьное образование в Акмолинской и Семипалатинской областях

Просвещение казахского народа, а также становление и развитие системы образования в Акмолинской и Семипалатинской областях тесным образом связано с учебными заведениями г. Омска. Первые школы, которые посещали дети казахов, были именно в этом приграничном северном городе: Омское азиатское училище, открытое в 1789 г., Омское училище для казахских детей, организованное в 1856 г., Омский пансион для казахских и русских детей, действовавший с 1881 г., Омские интернаты и сельскохозяйственные школы. В Омске существовало несколько мужских интернатов, где обучались дети казахов, в основном, ремеслам. Хочется остановиться на сельскохозяйственных

школах, которые были организованы в 1885 г. вместо интернатов Степным генерал-губернатором Г.А.Колпаковским. Эти сельскохозяйственные училища были специально организованы для детей казахов, которые не занимались сельским хозяйством. Неоднократные просьбы казахского народа по преобразованию этих сельскохозяйственных училищ в общеобразовательные школы не были удовлетворены.

Подписанное 21 октября 1868 г. Александром II «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», были образована Акмолинская область, охватывавшая четыре уезда: Акмолинский, Кокчетавский, Омский и Петропавловский, и чуть позже в 1891 г. вошел еще пятый уезд Атбасарский. Следует отметить, что в Акмолинской области в отличие от других областей Казахстана, степень развития школьной сети находилась в низком состоянии. В области не были развиты ни мусульманские духовные, ни светские типы школ.

Устройство жизни казахского народа в этом регионе определялось «Уставом о сибирских киргизах», который был принят 1822 г., в связи с чем уже в этот период были определены возможности детям казахов выезжать на обучение в приграничный г.Омск на обучение. Но тяжелое материальное положение родителей было препятствием на пути образования детей. Открытие же на местах светско-правительственных школ затягивалось из-за нежелания центральной администрации. Школы, куда впервые стали выезжать дети казахов, были - Омское азиатское училище, открытое в 1779 г. и Омское училище для казахских детей, организованное в 1856 г.

В 1881 г. Государственный совет утвердил «Положение об училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях», на основании которого разрешалось открывать школы-пансионы для казахских детей. Следует отметить, что особенностью народного образования в этих областях была организация при школах пансионов и интернатов. Так, на основании данного положения в 1881 г. открывается Омский пансион для казахских и русских детей, чуть позже был открыт Омский интернат и сельскохозяйственные школы с интернатом.

Мусульманское духовное обучение детей казахов в Семипалатинской области, как и повсеместно, в Казахстане получали в мектебах и медресе. В этих школах в 1865 г. учились 420 мальчиков и 280 девочек. В отличие от Уральской и Тургайской областей, а тем более от Туркестанского края в Акмолинской и Семипалатинской областях не были широко распространены мусульманские школы. Во-первых, это было связано с тем, что не было столь сильного влияния татарских и бухарских мулл, которые являлись именно организаторами этих типов школ; во-вторых, была географическая отдаленность от центров распространения этих видов школ. В 1892 г. в Семипалатинской области насчитывалось всего лишь 15 мектебов, из которых 13 находились в уездных центрах и 2 - в татарских деревнях. В основном, в них обучались мальчики, и только незначительное количество девочек посещали эти школы. В основном, девочки получали элементарные знания на дому,

учились главным образом в домах у грамотных женщин. Но уже в начале XX в. количество обучающихся девочек увеличивается до 348 человек [339].

К концу XIX в. в отчете были представлены данные о количестве мусульманских школ, по которому следует, что в области было 16 мусульманских школ при мечетях и 13 мусульманских школ в частных домах, как часто было распространено во всех областях Казахстана. Как видно из цифровых показателей, несмотря на правительственную политику и трудности организации, число мусульманских учебных заведений незначительно возросло, что указывает на увеличение интереса народа к образованию, так как правительственные школы не были распространены, открытие их регулировалось центральным правительством. Приходские женские и мужские училища в Зайсане, в Усть-Каменогорске, Заречном, Павлодаре и Семипалатинске были открыты в 1898 г. Городские трехклассные училища в 1899 г. были переименованы в Семипалатинское мужское приходское училище и Зайсанское начальное училище, Для детей русских чиновников области было установлено 10 казенных стипендий, в гимназиях Степного края — по 2 стипендии на каждый уезд. Заработная плата учителей в городских училищах колебалась от 450 до 680 рублей в год, в приходских — от 180 до 420, учителя войсковых школ получали всего лишь 120 рублей.

Школы, в основном, распространяются в городах, так к 1863 г. в городе действовало 2 учебных заведения, в том числе одно уездное училище с женской школой при нем, 2 церковно-приходских училища, 14 казачьих и 9 частных татарских школ. В 1864 году женская школа была преобразована в училище второго разряда. В конце XIX - нач. XX века в городе работали мужская и женская классические гимназии, учительская семинария. Впервые в 1894 г. был поднят вопрос об открытии начальных школ в Акмолинской и Семипалатинской областях. Степной генерал-губернатор Ф.Ф.Таубе обратился к Тургайскому губернатору Я.Ф.Барабашу с просьбой сообщить ему сведения, об имевшихся в Тургайской области училищах. В своем ответе Я.Ф.Барабаш подробно остановился на описании основного типа школы, как аульные школы, наиболее распространенных в области. Я.Ф.Барабаш указывал на то, что аульные школы являлись наиболее дешевыми, и основная задача их заключалась в противодействии татарским конфессиональным школам, «вредным, по его мнению, для русской гражданственности» [340]. Русско-казахские школы, которые стали появляться в конце XIX в. несмотря на некоторые их недостатки, сыграли определенную положительную роль в развитии культуры и народного образования в Казахстане. В одной из своих работ А.Е.Алекторов, пишет: «Школа в киргизской степи, кроме своих общеобразовательных задач, играет еще роль политическую: она связывает киргизский народ с коренным русским народом, прививая киргизам государственный язык; она знакомит с обычаями и взглядами русского народа... Вот почему правительству необходимо усиленно заботиться о широком развитии в степи образования киргизов и, прежде всего, не останавливаться перед затратами на увеличение общеобразовательных

заведений, а затем следует обратить внимание на устройство ремесленных училищ и сельскохозяйственных...» [341].

В соответствии с «Положением об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях», утвержденным 27 января 1881 г. Государственным Советом, для русского населения разрешалось открывать начальные приходские училища и для казахских детей пансионаты. Постановлением от 26 октября 1882 г. разрешалось в них назначать почетных блюстителей из феодально-байских и административных казахских кругов. В 1883 г. уездных центрах Акмолинске, Атбасаре, Кокчетаве, Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре, Каркаралинске открываются мужские и женские пансионы, в Усть-Каменогорске и Зайсане - мужские. В 1886 г. в 5 мужских и 3 женских пансионах Семипалатинской области обучалось 152 мальчика и 37 девочек [342].

Пансионы не имели популярности среди казахского народа, так как учебно-материальное положение в них было очень тяжелым, не были обеспечены учебниками, отсутствовали учителя, владеющие казахским языком. В связи с этим в 90-х г. XIX века Акмолинский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский, Семипалатинский, Каркаралинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский и Павлодарский пансионы были преобразованы в сельскохозяйственные школы. Однако, казахи, которые не занимались сельским хозяйством, желали отдавать своих детей в обычные школы.

В 1902 г. для ускорения работы по открытию русско-казахских школ была создана дирекция народных училищ Акмолинской и Семипалатинской области в Омске, во главе которой стоял А.Е.Алекторов. Он развернул активную пропагандистскую кампанию среди казахского населения, настороженно относившегося к просветительской деятельности краевой и местной администрации. Его усилиями открываются в 1902-1903 г.г. 12 аульных школ в Семипалатинской области. Однако краткосрочный курс обучения, ограниченность его содержания отрицательно воспринимались местным населением, В связи с этим А.Е.Алекторов предлагает открывать одноклассные и двухклассные русско-казахские училища, а аульные школы преобразовать в одноклассные училища. В 1904 г. открывается двухклассное училище в Каркаралинске, а Федоровская и некоторые другие аульные школы преобразуются в одноклассные училища. В 1905-1907 г.г. открывается еще 11 школ в Семипалатинской области. Как свидетельствует перепись школ на 18 января 1911 г., в Семипалатинской области функционировало более 20 аульных и одноклассных школ и два двухклассных училища.

Статистика учебных заведений и учащихся Семипалатинской области конца XIX века следующая: в 1872 г. числилось 2107 учащихся, в том числе 438 девочек; в 1896 г. было 105 учебных заведений: мужская четырехклассная прогимназия (74 учащихся), женская пятиклассная прогимназия (209 учащихся), четыре сельскохозяйственные школы (74 учащихся), пятиклассное городское училище (191 учащихся), 3 городских трехклассных училища (455 учащихся), мужское начальное училище Министерства народного просвещения (49 учащихся), мужское городское приходское училище (308 учащихся), 5

женских городских приходских училищ (280 учащихся), женское приходское училище Министерства внутренних дел (21 учащийся), 3 сельские школы (72 учащихся), 10 церковно-приходских школ (578 учащихся), 56 войсковых школ (1164 учащихся), русско-магометанская сельская школа (22 учащихся), 16 мусульманских школ при мечетях (1164 учащихся), частная еврейская школа (9 учащихся). Во всех учебных заведениях области обучалось 4440 учащихся, в том числе 3241 мальчик и 1199 девочек [343].

В 1898 году было 82 начальных учебных заведения с 3279 учащимися. Войсковые училища и церковно-приходские школы составляли 85% всех учебных заведений; в них обучалось 2010 учащихся, или 62 % всех учащихся области. Одна школа приходилась на 8459 человек населения и один учащийся - на 213 жителей, что составляет только 0,5 % населения. Из 61668 детей школьного возраста обучалось только 3%. За пределами школы оставалось 58449 детей школьного возраста (95 %), в том числе 28212 девочек (98%).

В числе учебных заведений значилось 48 «училищ-пансионов, школ частных лиц городов и примолитвенных зданий иностранных исповеданий», в которых обучался 1221 ученик, в том числе 318 девочек. Школ не хватало не только для казахского населения, но и для русского, особенно для обучения детей русских казаков. Поэтому для обслуживания последних открывались, не требующие значительных затрат, примитивные школы первоначальной грамоты. 16 июня 1881 года генерал-губернатор утвердил инструкцию об устройстве первой школы в четырех поселках сибирского казачьего войска, что сообщалось в «Сибирской газете» от 2 августа 1881 года. «Учреждение этой школы, - писала газета, - имеет целью по примеру шведских школ такого же рода способствовать быстрому развитию грамотности среди населения казачьего войска - до устройства в нем постоянных школ».

«На стремление киргизов выйти из теперешнего положения и завести у себя настоящие школы, - писал С.Марусин в статье «Народная школа в киргизской степи», - указывает ходатайство двух киргизских обществ Усть-Каменогорского уезда об открытии у них русских школ. Просьба их не была уважена «за трудностью найти учителя, знающего русскую и татарскую грамоту». Основание не совсем достаточное для отказа в такой огромной важности дела, как постоянная русская школа среди кочевников: и население вправе ожидать, чтобы для него были подготовлены нужные учителя, раз потребность в них возникла. Не имея настоящей школы, кочевники стремятся заменить ее домашними средствами: отдают ребят на выучку к своим грамотеям-кочевникам, проживающим тут же в ауле и вместе с ними кочующим по степи, таким образом, возникло нечто вроде частных школ. Что такое обучение может дать населению и что оно действительно дает ему, догадаться нетрудно».

Наиболее распространенным типом учебных заведений в Семипалатинской области в конце XIX в. были так называемые интернаты-пансионы. В 1883 году функционировали в Семипалатинске, Павлодаре, Каркаралах, Усть-Каменогорске и Зайсане по одному казахскому мужскому интернату, также в первых трех уездных городах по одному интернату для

казахских девочек. В 1884 г. в Костанай было переведено из Троицка уездное управление, а также двухклассное русско-киргизское училище. В 1886 г. в 5 мужских интернатах области обучалось 152 воспитанника. Из них учились только 39 воспитанников непосредственно в самих интернатах, а остальные в различных городских училищах. Они обучались разному ремеслу — столярному, сапожному и шорному делу. 37 девочек жили и учились в трех женских интернатах. Воспитанниц также обучали рукоделию. Интернаты содержались за счет общественных средств волостей. Так, в 1886 г. на них было израсходовано 25,5 тысячи рублей: по 128 рублей в год на каждого воспитанника и 167 рублей на каждую воспитанницу. Это не позволяло содержать интернаты на должном уровне, их положение было крайне тяжелым: антисанитария в общежитиях, неудовлетворительная пища и одежда, плохая постановка учебно-воспитательной работы.

В связи с недостатком средств, школы испытывали большие трудности. Помещения многих школ были ветхими и не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. «Помещения почти всех мусульманских школ, отмечалось в обзоре Семипалатинской области за 1896 год, - далеко не удовлетворяют требованиям школьной гигиены» [344]. О крайне скудном состоянии интерната сообщала «Сибирская газета»: «во главе интерната стоит невежественное в деле воспитания лицо. Душная атмосфера комнат, плохое питание, дурная одежда, недостаток движений и воздуха — спутники интернатской жизни. Катары желудка, хронические воспаления легких, кожные болезни интерната — чесотка и парша — обыкновенные и постоянные болезни интерната. Видя перед собой питомца 16-17 лет, с трудом веришь, что это киргиз, сын природы, выросший на просторе. Удивляться только надо той смелости и самозванству, с какими мы взяли за просветительскую миссию в среде кочевников».

Многие интернаты Семипалатинской области для казахских детей были преобразованы в сельскохозяйственные школы. Сельскохозяйственная школа, созданная на базе Павлодарского интерната в 1889 г. и просуществовавшая до 1919 г., как сообщала «Киргизская степная газета», успела приобрести среди казахского населения достаточную известность. Управляющим школы был назначен Л.В.Курилов. Все учителя были русскими. Казахские дети, благодаря постоянному общению с русскими детьми, которые обучались вместе с ними, а также в результате того, что преподавание велось на русском языке, быстро научились по-русски говорить, читать и писать.

Эта школа существовала сначала за счет средств казахского населения, а затем постепенно переведена на государственный счет. Кроме казахов в школе обучались татары, русские, украинцы и др. При сельскохозяйственной школе имелись мастерские, а также ферма и огород на земельном участке в Шакате. В школе учащиеся изучали грамоту и счет, получали некоторые сведения по истории и естествознанию, выделывали различные предметы домашнего обихода при столярных и сапожных мастерских, знакомились с различными сельскохозяйственными машинами и занимались на практике изучением

земледелия. Затем в программу были введены основы мелиорации, агрономии, ветеринарии, земледелия и сельскохозяйственной техники.

С 1871 года функционировала женская прогимназия, которая включала пять основных классов и два подготовительных отделения, а также класс рукоделия. В «Киргизской степной газете» за 9 октября 1894 года в статье «Успехи просвещения в степи» говорилось об открытии четырехклассной мужской прогимназии. Прогимназия «будет иметь существенное значение в деле распространения образования в области как для русского, так и особенно для туземного населения». В статье указывалось, что из 50 тысяч рублей, собранных населением Семипалатинской области на учреждение прогимназии, больше половины было пожертвовано казахами. Отметив, что в Семипалатинске проживало до более тысяч казахов и большое число татар, газета выражала надежду, что «прогимназия наполнится не только русскими, но и инородцами. Таким образом, к детям киргизов, обучающимся в гимназиях Омской, Верненской и Оренбургской, прибавится новая группа, Семипалатинская».

Павлодарский уезд входил в состав Семипалатинской области. Площадь уезда располагалась на 103783 квадратных верстах (1 верста равна 1,0668 км). Общая численность населения уезда составляла всего 185787 человек, из них мужского пола 99947 человек и женского пола 85840 человек. В обзорах Семипалатинской области имеются сведения, что в Павлодаре до 1905 года функционировали следующие учебные заведения:

- 1) Павлодарское 3-х классное городское училище.
- 2) Женская прогимназия.
- 3) Павлодарская низшая сельскохозяйственная школа.
- 4) Павлодарское городское женское начальное училище.
- 5) Павлодарская одноклассная церковно-приходская школа.
- 6) Павлодарское мужское казачье начальное училище.
- 7) Павлодарское женское казачье начальное училище.
- 8) Мужской интернат.
- 9) Женский интернат.

В целом, на территории Павлодарского уезда в 1905 г. были 31 школа и в них работали 49 учителей. Учителей было мало: в каждом начальном училище и в церковно-приходской школе работало по одному учителю, кроме Баянаульского казачьего училища, где работали 2 учителя. В Павлодаре было два церковно-приходских училища: мужское им. наследника Цесаревича Алексея Николаевича и женское. В мужском училище обучались 164 мальчика, из них 4 казаха, 158 русских, 1 немец, 1 еврей. В женском училище было 109 учащихся, из них 106 русских, 1 казашка, 2 еврейки. В уезде было 16 поселков. В каждом поселке имелось по одному училищу, за исключением Павлодарского, в котором было два училища: мужское начальное и женское. В таких поселках, как Черноярка, Пятигорск, Башмачное, кроме начального училища, имелось по одной казачьей церковно-приходской школе. Таким образом, в поселках было 20 учебных заведений, из них 17 училищ и 3 церковно-приходских школ.

Следующие данные красноречиво показывают степень организации и развития школьного образования для детей казахов, так, до 1902 г. в Павлодарском уезде не было ни одной школы для детей казахов. В 1903-1904 г. по линии Министерства народного просвещения в Павлодарском уезде для казахского населения стали открываться аульные русско-казахские школы в Караобинской, Маралдинской, Баянаульской, Теренгульской и Чакчанской волостях. Обучение детей-казахов в этих школах велось на русском языке. Детей обучали русской грамоте и русской разговорной речи, а также арифметике, естествознанию, географии и истории. Многие зажиточные семьи казахов обучали своих детей русской грамоте, старались дать соответствующее образование, нанимая учителей, привозили их в свой аул, где учителя преподавали русскую грамоту и русский язык. По имевшемуся тогда распоряжению, в школы принимались дети в возрасте не моложе 15-16 лет, являвшиеся детьми состоятельных казахов. Лишь небольшое число детей бедняков училось в этих школах.

Школа в Теренгульской волости, открывшаяся 13 декабря 1904 г., находилась на станции Песчаное, на расстоянии 160 километров от Павлодара. Обучались в этой школе 40 мальчиков, из которых 20 казахов, 20 русских. Здание школы было глинобитным, находилось посреди степи и имело примитивную обстановку. Ученики рассаживались на пол с трех сторон стола. Школа обучала, в основном, учеников из семей зажиточных казахов, поскольку родители-бедняки не могли обеспечить необходимым питанием и постелью на месяц своих детей в период обучения в школе. Спальной ученикам служила одна из комнат школы, в которой в дневное время проводились занятия. В другой комнате жил учитель.

Политика царского правительства по переселению русских крестьян в начале XX века в казахские степи коснулась и Павлодарского уезда. Все лучшие земли степных просторов, которые находились во владении казахского населения и использовались под пастбища, были изъяты и переданы под переселенческие участки. Сплошное заселение участков переселенцами в Павлодарском уезде началось с весны 1906 года. Крестьяне, прибывшие из Украины, Бессарабии, Молдавии, Среднего Поволжья и других центральных областей и губерний России, расселялись на этих участках. Весной 1906 года возникли переселенческие поселки: Федоровка, Ивановка, Михайловка, Конторка и др.

При заселении переселенческих участков в отдельных поселках открывались начальные школы в Михайловке, Александровке, Галкино, Вознесенске, Федоровке, Ивановке, Иртышке и других. Одновременно строились школьные здания. Средства на строительство школ выделялись крестьянским обществом по линии переселенческого управления. Школы были построены в Александровке, Вознесенске, Галкино, Марьяновке, Михайловке, Федоровке, Ивановке, Благовещенске, Верненке, Беловодске, Голубовске.

Особенностью развития школы в регионе было то, что в начале XX в. регион переселяются представители немецкой национальности, в основном из Среднего Поволжья, которые образовали около десятка чисто национальных

поселков: Равнополь, Чистополь, Надаровка и др. В каждом немецком поселке действовала школа, где обучение велось на немецком языке, а русский преподавался как иностранный.

В 1908 г. один из деятелей «инородческого» образования М.Мирописев писал: «В конце 60-х гг. минувшего столетия небольшая группа русских педагогов и других интеллигентных людей заинтересовалась было довольно сильно этим вопросом; но и это движение прошло, не оставив по себе крупных следов, кроме Казанского края» [345]. Правильно отметив сам факт повышенного интереса в 60-х гг. к вопросу образования нерусских народов, как со стороны Министерства народного просвещения, так и некоторых педагогов.

Аульные школы, в основном, открывались в степи. Волостные русско-казахские школы организовывались в русских населенных пунктах и торговых центрах. При волостных школах для детей казахов открывали интернаты. Стоимость содержания волостного училища при интернате на 40 человек обходилась в 6211 руб. в год. Учебники, по которым занимались в школах были в основном составлены при Министерстве народного просвещения («Русская речь» - М.И.Вольпера, «Книги для чтения» - А.Баранова, Л.Н.Толстого, арифметические задачки А.И.Гольденберга, В.А.Евтушевского), за исключением «Руководство к начальному обучению» и «Киргизская хрестоматия» И.А.Алтынсарина [346].

Учебно-воспитательную работу в учебных заведениях уезда контролировали инспектор народных училищ Семипалатинской области и директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. Они же осуществляли общее руководство, проверяли правильное расходование средств, отпускаемых на содержание школ. Деятельность школ контролировали инспекции народных училищ Семипалатинска, во главе которой был инспектор. Инспекция народных училищ к концу 1908 г. была разделена на два инспекторских района, инспектор народных училищ первого района контролировал все учебные заведения и школы Каркаралинского, Павлодарского и Семипалатинского уезда. Инспектору народных училищ второго района Семипалатинска были подчинены все школы и другие учебные заведения Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов. Инспекторы обоих районов находились в городе Семипалатинске.

С открытием нескольких русско-казахских школ контроль за учебно-воспитательной работой осуществлял учитель-инспектор (так назывался в то время директор), который проверял наличие в школах учебников, наглядных пособий, письменных принадлежностей. Инспектор должен был регулировать выдачу и рассылку заработной платы учителям аульных школ. Из-за разбросанности аульных школ по уезду, их отдаленность порой доходила до 120-160 верст, проверялась чаще всего одна школа, где был выпускной класс.

По этой же причине невозможно было знания учащихся проверить учителями соседних школ, все переводные и выпускные экзамены проводились учителем своей школы. Часто в аульной школе был один учитель. Учителя каждой аульной школы сами составляли программы письменных экзаменов для учащихся (по русскому языку и арифметике). После выпускных экзаменов

инспектору-учителю высылались все контрольные экзаменационные работы вместе с общей ведомостью. В ведомости указывалось количество учащихся, оценки по четвертям, полученные на экзаменах и контрольных, общие годовые оценки. Против фамилии каждого ученика стояла запись «считать окончившим школу», «остаётся на второй год», «сдать переэкзаменовку осенью по такому-то предмету».

Инспектор, проверив экзаменационные материалы школы, утверждал ведомости, подписывал их и ставил печать. Затем эти материалы и бланки свидетельств об окончании высылались в школу на число учащихся, окончивших аульную школу. Учитель заполнял бланки свидетельств, записывал в особую книгу сведения о выдаче свидетельств, окончившим аульную школу. Свидетельства выдавались ученикам под роспись.

В г.Павлодаре, в конце 1909 г. открылись 2-х классное русско-киргизское училище и два городских начальных училища, а в казахских волостях — несколько аульных, русско-казахских школ (Аксукая, Баскудукская, Акпетавская, Карамолинская, Черноярская) и др. В 1911 году в это русско-киргизское училище был зачислен 12-летний Каныш Сатпаев. В сентябре 1911 при Павлодарском двухклассном русско-казахском училище был организован интернат-пансионат на 60 человек (из них 30 мест предусматривалось казахам).

В 1914 г. в Павлодаре по ходатайству местного купечества, казачьих офицеров и Павлодарской городской управы открылась Павлодарская мужская гимназия. В первый год существования гимназия имела два класса, в которых было примерно до 60 человек. Начальное образование стремились получить как казахи, так и русские. Переселенцы стремились к знаниям: едва успев обжиться, они обращались в соответствующие инстанции с просьбами открыть школы. Иногда эти просьбы удовлетворялись, но зачастую не доставало педагогических кадров, зданий, учебников, учебных пособий [347].

В Семипалатинске отбывали ссылку: студент Петербургского университета Е.П.Михаэлис, народовольцы Н.Долгополов, С.Гросс, П.Лобановский, А. Леонтьев, Н.Коншин и др., вели в Семипалатинске большую научную и культурно-просветительскую работу. Дружеские отношения с Е.П. Михаэлисом, Н.Долгополовым и С.Гроссом сложились у великого казахского просветителя Абая Кунанбаева. С их помощью он знакомился с классической литературой и политической жизнью общества. В свою очередь, Абай помогал друзьям изучать историю, культуру и быт казахского народа. Абай Кунанбаев был выдающимся знатоком культуры и быта казахского народа и пользовался славой общепризнанного авторитета в области толкования казахских обычаев, древних законов, генеалогий, легенд, преданий и этнографической терминологии.

Значительное влияние на просвещение и развития отношения к образованию сыграл Семипалатинский филиал Географического общества, который был основан как подраздел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Деятельность Общества была вполне самостоятельной. В Семипалатинске работали Г.Н.Потанин и В.А.Обручев, а также другие видные ученые. С июня 1917 года в городе Семипалатинске

начинает выходить еженедельное издание, которое также сыграло определенную роль в просвещении казахского народа: «Сары-арка», близкое по направленности к журналу «Айкап». Редакторами газеты «Сары-арка» были Р.Марсеков и К.Габбасов. На ее страницах печатались статьи А. Букейханова, А.Байтурсынова, М.Дулатова, А.Ермекова, М.Молдыбаева, Ж.Акпаева и многих других видных деятелей Алашского движения. 23 сентября 1903 года состоялось открытие Семипалатинской учительской семинарии, которая значительно улучшила ситуацию по подготовке педагогических кадров.

В 1902 г. в Акмолинской области открывается 6, в Семипалатинской 10 аульных школ, в последующие 1903, 1904 гг. в обеих областях соответственно открываются 11 и 15 аульных школ. Уже в 1906 г. в областях насчитывалось 4 волостных русско-казахских школ и 40 аульных. Общее число учащихся в них равнялось 833, из них 315 - в Акмолинской области, и 518 - в Семипалатинской. К 1915 г. число русско-казахских волостных училищ в этих двух областях насчитывалось 16, аульных школ – 150 (71 в Семипалатинской области и 79 в Акмолинской) [348].

В конце XIX в. - до 1916 г. в Семипалатинске открываются следующие учебные заведения: Семипалатинская женская гимназия, Семипалатинская высшая начальная женская школа, Семипалатинская мужская гимназия, Семипалатинская учительская семинария, Семипалатинское высшее начальное училище, Семипалатинское заречно-слободское русско-киргизское училище.

Таким образом, организация русско-киргизских школ и школ для детей другого нерусского населения на территории Казахстана несколько улучшила постановку школьного образования в крае. Но этим еще не завершилась система школьного образования в Казахстане: не хватало элементарных народных школ для обучения основной массы казахского населения. Такими школами явились аульные школы, созданные в Казахстане.

Итак, специфической чертой становления образования в дореволюционный период в Акмолинской и Семипалатинской областях, было то, что в отличие от Уральской и Тургайской областей не было разнообразных типов школ, мусульманские и приходские школы не были широко распространены, развивались школы-пансионаты, получили распространение сельскохозяйственные школы, открываются специальные школы для переселенцев немецкой национальности. Анализ состояния организации образования показывает, что до 1902 г. дети коренной национальности имели возможность получить образование в мусульманских школах, с 1903 г. активнее появляются русско-казахские аульные школы, русско-казахские двухклассные училища, одноклассные волостные и участковые училища. В системе школьного образования закрепляется тенденция функционирования русско-казахских школ.

Количество мусульманских школ и обучавшихся в них определить не представляется возможным, так как они стихийно открывались и закрывались в связи с историко-политическими причинами.

В целом, система русского школьного образования в различных частях Казахстана была одинаковой и соответствовала общероссийской системе, но в

отдельных областях, входивших в разные края и губернии России, имелись некоторые специфические особенности. Так, в Семипалатинской области основным типом учебных заведений для казахского населения являлись школы-интернаты, учебные заведения, которые входили в Западно-Сибирский учебный округ в 90-х гг. были преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы. В конце XIX в. в области стали организовываться аульные школы по примеру Тургайской области, поскольку система школьного образования для детей русского населения в Казахстане была однотипной.

4.4 Школьное образование в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях

Процесс колонизации Туркестанского края Российской империей определили пути развития системы образования. Так, царская администрация делает попытки организации школ для совместного обучения детей «инородцев» и русских детей. В отличие от других регионов Казахстана, в Туркестанском крае, сеть школ не была разнообразной, более того светские школы развивались намного сложнее. В первые годы присоединения Туркестанского края предполагалось открыть следующие типы школ: уездные народные училища с 4 летним общеобразовательным курсом и ремесленным классом, и начальные школы грамотности. Первый тип школ предназначался для уездных городов и пунктов, где население вело оседлый образ жизни, а второй тип школ, предназначался для детей русских «простолюдинов» и кочевого населения. И, следовательно, уровень содержания этих школ соответствовал этим направлениям, школы грамотности соответствовали младшему отделению уездной школы. В них давались элементарные знания, которые ограничивались обучением чтению и письму на казахском и русском языках, а также учили элементарному счету. В программу же уездных школ входило преподавание закона божьего (для русских), русского языка, землеописания, счета целых, простых, дробных и десятичных чисел, элементарное черчение в применении к ремеслам, и «туземный язык» для детей местного населения. Уездные школы имели по 20 вакансий для детей казахского населения, в основном, по окончании выпускники работали в школах.

В крае имелось большое количество детей школьного возраста, и положение поступающих детей-казахов, зависящих от вакантных мест не давало возможность улучшить ситуацию в области просвещения народа. Подготовка педагогических кадров также стояла остро. Сложность такого положения, по мнению С. М. Граменицкого, зависела и от того, что в русских учебных заведениях не преподавались «инородческие» языки, не изучалась религия коренного народа, и посему казахи предпочитали отдавать своих детей муллам из числа казахов, узбеков и татар, имеющих в волостях, и зачастую муллы кочевали с аулами [349].

Немаловажной причиной было и то, что родителям трудно было содержать и отправлять своих детей на учебу, такое положение было характерно для всех регионов Казахстана. Для улучшения такого положения местной

администрацией Туркестанского края было предложено военным губернаторам областей позаботиться об устройстве в уездных городах за счет местных средств пригготовительных пансионатов для казахских детей. На юге Семиреченской области устройство такого пансионата намечалось в г. Токмаке еще 1870 г., но он был открыт в г. Пишпеке. Главная задача пансионатов была в подготовке из местного населения переводчиков и письмоводителей для местной администрации. Для подготовки таких лиц с 1 октября 1874 г. открывается пансион в г. Караколе, который называли киргизской школой или же ученической квартирой. Как и повсеместно в Казахстане, содержание этой школы было возложено целиком на казахов, кроме этого ученики жили и питались, одевались при школе. По общественным приговорам киргизских волостей был введен 15-ти копеечный сбор с каждой юрты, дававший ежегодно 1840 рублей. Кроме того, киргизы пожертвовали на школу 2000 рублей. Учеников обучали татарской грамоте, они посещали русскую школу для изучения языка. Но 1 октября 1878 г. из-за недостатка средств эта школа была ликвидирована.

Первоначальное предположение о возможности совместного обучения детей коренного и русского населения в одних и тех же школах на практике не осуществилось. Так как коренное и русское население жили обособленно, и это не давало детям возможности посещать одну и ту же школу, да и сама задача обучения, методы занятий не могли быть одинаковы. Это отмечал в своем отчете от 29 мая 1907 г. попечительский комитет Туркестанского края. Возникла необходимость открытия особых школ для коренного населения, соответствующих его взглядам: то есть открыть особые школы, где наряду с прохождением «родной грамоты» и основ мусульманства, по традициям местного населения, учащиеся изучали бы русский язык, такие школы могли бы стать приемлемыми для коренного населения и отвечали бы интересам царской администрации. И по распоряжению от 20 июня 1886 г. в Туркестане для детей коренной национальности официально стали открываться и распространяться так называемые русско-туземные школы. Основными задачами были, во-первых, научить детей коренного населения русскому языку, и, во-вторых, сохранить то «образование», которое давалось ранее в мектебах и укоренилось среди местного населения. Туркестанская администрация, как и повсеместно, в Казахстане стремилась устранить недоверие коренного населения и рассеять опасения по поводу вытеснения из школ религиозных вероучений.

Необходимо отметить, что были и различия и в социальном плане, так в начале эти школы посещали дети бедняков, дети наиболее обеспеченных казахов ходили крайне неохотно. В официальном сообщении в 1895 г. было сказано, что из Заукинской волости в русско-туземное училище были направлены дети бедняков и в этих школах в основном обучались дети только бедняков, которым некуда было их отдавать [350]. Один из заведующих русско-туземных школ писал, «...7/8 уходящих раньше окончания курса школы были дети состоятельных кочевников, их любимые сынки, а дети бедных наоборот, крепко держались за свои вакансии». Только в дальнейшем, когда казахская знать и нарождающаяся торговая буржуазия поняли выгоду, которую можно

было извлечь из полученного в русско-туземных и русских школах образования, они стали отдавать в эти школы и своих детей. Первые русско-туземные школы находились в очень тяжелых условиях: не хватало денег для их содержания, не было учебных пособий и зданий. Это отразилось на их деятельности: так в 1888 г. было 22 таких школ, то их число не менялось до 1894 года., число учащихся колебалось от 375 до 464, в течении первых 9 лет школу окончило всего 113 учеников в среднем по 12 учеников в год.

Первая русско-туземная школа на юге Семиреченской области была открыта 3 октября 1884 г. недалеко от г. Токмак, где в основном, проживали дунгане, перешедшие в пределы России в 1877 г. из Кашгара. Но эта школа не дала результатов, за 11 лет существования всего лишь 2 человека научилось русскому языку. В 1911 г. в Пржевальске открывается женская русско-туземная школа с 23 ученицами, затем такая же школа открывается в Токмаке. Перед 1917 г. на территории данного региона существовало 16 русско-туземных школ, во всех этих школах обучалось 750 учащихся, из них 670 дети коренного населения, в том числе 614 мальчиков и 56 девочек. Занятия учащихся в русско-туземных школах проходили одновременно в двух классах: русском и туземном. Каждый ученик проводил 2 часа в одном классе, 2 часа в другом. Обучение с ними вели 2 учителя: русский, назначенный администрацией и туземный, избранный из коренного населения. Работали они совершенно обособленно друг от друга, каждый по своему особому методу. Согласно утвержденному в 1895 г. расписанию занятий, дети не учились в воскресные дни, а по пятницам были занятия только для желающих.

Таким образом, все учащиеся занимались в русском классе по 11 часов еженедельно. Занятия начинались 1 августа и заканчивались 1 июня, а в степных областях с 1 сентября по 1 мая. Праздники, как мусульманские, так и христианские считались свободными от учебы. По содержанию обучения русско-туземные школы были отнесены к низшему типу русских школ.

О положении в школах ярко показывает следующий материал циркуляра: «в отношении учебной программы ограничить преподавание сообщением основных начал русской грамотности, то есть приучением к правильному чтению, письму, и счету (математики) в пределах строгого необходимых для элементарных потребностей инородческого быта, а главное направить усилия к возможно более совершенному усвоению туземцами русской речи и наибольшего навыка в употреблении обыденного, разговорного языка».

Следует отметить, что переводный метод обучения при помощи транскрипированного русского алфавита был введен во всех русско-туземных школах края. Занятия носили чисто механический характер, и ограничивались изучением отдельных русских слов и фраз, переводами их на родной язык и заучиванием грамматических правил. Ученики умели читать по-русски, но часто только механически, с совершенно произвольной установкой ударений. Такая же ситуация складывалась и на занятиях арифметикой, ученики не понимая русской речи и не имея соответствующих терминов на родном языке,

могли только механически вычислять, причем нередко доходили только до деления целых чисел, практика же их в решении задач была совсем ничтожна.

Положение в других русско-туземных школах края было не в лучшем состоянии, такая система занятий была характерна для всех школ, которая продолжалась в течении 8-10 лет. В обучении использовали, в основном, наглядный или натуральный метод обучения, так как такое обучение давало возможность коренному населению усвоить разговорный русский язык.

Впервые он был применен в 1894 г., под председательством директора народных училищ С.М.Граменицкого была создана особая комиссия для выработки программы и учебного плана занятий, соответствующих приемам наглядного метода обучения. В период своей деятельности С.М.Граменицкий, неоднократно обследовавший русско-туземные школы Туркестана, пришел к выводу о неэффективности обучения детей местных национальностей русскому языку по переводному методу, использовавшемуся при обучении классическим и новым иностранным языкам в школах Центральной России. Горячим защитником этого метода был ориенталист, педагог и миссионер Н.И. Ильминский, создавший свою систему просвещения инородцев, к которым в Российской империи относили преимущественно монгольские, тюркские и финские народности.

Эта система, основанная в 1863 г. была предназначена для школ, где обучались дети крещеных татар. В последующие годы, учебные заведения работающие по системе Н.И.Ильминского, открывались одно за другим. Успех его эксперимента был связан со специальной подготовкой преподавателей из среды местных жителей и переводом на татарский и другие языки учебной и христианской литературы, что, в свою очередь, вело к христианизации народов Поволжья. Классический тип школы миссионера - небольшое учебное заведение с одним учителем (чаще духовного звания) или приходская школа не могли сделаться популярными (по чисто религиозным мотивам) в Туркестане.

Напротив, русско-туземные школы, автором идеи которых был известный востоковед-лингвист В.В.Радлов, в конце XIX в. заняли ведущее место в системе начального образования для детей туркестанских народов. Эти светские учебные заведения, кроме образовательной, имели важную социальную задачу: через изучение русского языка и других предметов приобщить детей к гражданской жизни Российского государства, образовать из них в реальной жизни, а не только по закону, полноправных членов общества.

Эти рассадники просвещения соединяли в себе два типа учебных учреждений - мусульманский мектеб и школу Министерства народного просвещения. Преподавание в русском классе велось на русском языке, в мусульманском - на арабском или фарси (только в первые годы XX столетия стали применяться местные языки, в частности узбекский). Напомним, что в государственной русско-туземной школе преподавалось и мусульманское вероучение.

В конце XIX в. в Туркестане сформировалось светское общество, заинтересованное в создании новых школ или новометодных мектебов, в которых преподавались бы светские предметы (арифметика, география,

история, родной и арабский языки). Эту реформу поддержал и С.М. Граменицкий, который полагал, что тем самым в обучение вносится общеобразовательный элемент и, с этой точки зрения, безусловно, они прогрессивны. Вечный оппонент С.М.Граменицкого Н.П.Остроумов с опаской отнесся к этой идее, видя в ней дезинтегративное начало. Сознавая определенную правоту своего коллеги, С.М. Граменицкий предложил установить твердые правила открытия новометодных мектебов только с разрешения инспекций народных училищ, причем учителя должны быть одной народности с учениками. В них предполагалось преподавать курс русского языка, программу и учебники которого утверждали бы инспектора народных училищ [351].

В 1910 г. в Ташкенте было созвано специальное совещание по русско-туземным школам. Оно приняло компромиссное решение: городской школе рекомендовано было работать по системе С.М.Граменицкого, а сельской - на родном языке. Однако у туркестанского просветителя было очень много сторонников на местах, и поэтому значительное число сельских школ продолжало работать по его методу. В 1912 г. в Туркестан для инспекции народных (начальных) школ был командирован известный казанский педагог Н.А.Бобровников, преемник Н.И.Ильминского на посту директора Казанской центральной крещено-татарской школы. Осмотрев русско-туземные школы, работавшие по принципам С.М.Граменицкого, он подверг резкой критике натуральный метод обучения русскому языку.

Н.А.Бобровников считал, что система туркестанского педагога нарушает законы мышления, восприятия и усвоения детьми словесных образов и звуков, основные филологические постулаты русского и тюркских языков. Уровень знаний русского языка среди учеников школ С.М.Граменицкого он оценивал крайне негативно, отмечая, что в сознании школьников отсутствует мысль о согласовании прилагательных с существительными. Другим недостатком обучения, по его мнению, явилось произношение учениками русских слов на тюркский манер, отсутствие у них какой-либо фонетической подготовки. Н.А. Бобровников полагал, что, прежде чем обучать чтению сразу на чужом языке, надо научить ребенка пользоваться родной речью. При этом он вновь настойчиво рекомендовал пользоваться русской транскрипцией тюркских наречий, изложенной Н.И.Ильминским в брошюре «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам» [352]. Натуральный метод, утверждал Н.А.Бобровников, противоречит самой природе ученика: «При стремлении русских учителей говорить с их инородческими учениками не иначе, как по-русски, на уроках русского языка естественно вырабатывается в их среде взгляд, что путем указательного перста можно объяснить и Закон Божий, и арифметику, и историю, и географию». Таким образом, искажается великий русский язык, а у ученика вырабатывается упрощенное представление о мире [353].

Новометодные мусульманские школы, считал Н.А.Бобровников, возникли вследствие безразличия правительства к нуждам мусульманского населения, стремившегося давать своим детям светское образование. Поэтому русские

педагоги Туркестанского края должны не отмежевываться от новометодных школ, а оценить их с точки зрения научной педагогики и по возможности помогать им, а не соревноваться с ними [353, с. 226]. В этом вопросе, как видим, он был солидарен с С.М.Граменицким. Тем не менее, после выступлений Н.А.Бобровникова позиции натурального метода в педагогическом мире значительно пошатнулись, так как русско-туземные школы укрепились только в Туркестане и не могли «прижиться» в других регионах России. Накануне Первой мировой войны снова начались поиски возможностей включения новометодных мусульманских школ в общую школьную систему. И здесь С.М.Граменицкий, хотя и считал, что развитие языков народов Туркестанского края не может входить в задачи образовательной политики российского государства, лично помогал становлению светской школы на местных языках.

После прихода к власти в стране в 1917 г. Временного правительства С.М. Граменицкого попытались отстранить от занимаемой в руководстве просвещением должности, но Учительский союз Туркестана и вся просветительская общественность горой встали на его защиту, отстояв уважаемого всеми педагога. Его имя прочно вошло в историю среднеазиатских народов, просвещению которых он посвятил всю свою трудную жизнь. По новой программе учебный материал распределялся строго по годам обучения и включал в себя элементы русской грамотности, некоторые сведения по географии и естествознанию и истории, которые должны были также усваиваться на уроках русского языка в старших классах. К программе была приложена методика обучения арифметике: в первый год обучения положено было пройти счет до 100 и вычислить до 20; во второй год счет до 1000, вычисления до 100 и решение задач; в третий год - счет до миллиона и решение задач в пределах 1000; четвертый год - нумерацию чисел любой величины и ознакомление с простейшими дробями. Но эта программа на практике была осуществлена не полностью.

Проводя в 1908 г. инспекцию Туркестанских школ, сенатор К.К.Пален отмечал, что «...занятия в этих училищах ограничиваются изучением русской азбуки, чтения и переводов на родной язык некоторых статей и принятых книг для чтения и заучиванием наизусть некоторых стихотворений и басен. Количество прочитываемых и выясняемых при классных беседах статей незначительно, до ознакомления с географией и историей России они не доходят, и по арифметике не проходят всего материала, указанного в программах. В общем, повторяются недостатки постановки дела, какие наблюдались в первый период существования этих училищ, когда в них практиковался переводный метод обучения».

Одновременно с разработкой новых программ велась и работа по созданию специальных учебников для русско-туземных школ. Одним из первых авторов учебников в Туркестане был С.М.Граменицкий. К концу XIX века русско-туземные школы получили первую, вторую и третью книги для чтения С.М.Граменицкого, составленному по наглядно-разговорному методу. Учебными пособиями по арифметике служили «сборник арифметических

задач» Н.Малинина и В.П.Буренина, а с 1890 г. основным учебником стала «начальная арифметика» того же С.М.Граменицкого. Кроме того, использовались такие учебники как «Родное слово», «Детский мир» К.Д.Ушинского, «Мир в рассказах для детей» И.П. Вахтерова, «Книга для чтения» Л.Н.Толстого. Главным недостатком этих учебников было полное игнорирование родного языка учащихся.

Туземные классы страдали отсутствием единой программы обучения. Так как все учебники были составлены на арабском и персидском языках, то детям приходилось заниматься грамматикой 3-х языков (русского, арабского, персидского), безусловно, это отражалось на качестве обучения и усвоения. Страдала и сама организация занятий, отведенных определенных часов не было, муллы занимались столько, сколько хотели. Главная задача в их деятельности состояла лишь в том, чтобы ознакомить детей с основами мусульманского вероучения. Очень было сильно влияние узбекской культуры. В качестве учебника использовался узбекский словарь «Устоди - Авваль» (Первый учитель) С.Азизова. Несколько упростил и обучение составленный учителем русско-туземной школы В.А.Хаджибекова «Букварь для киргизских школ в Туркестанском крае», который был составлен на основе арабского алфавита, изданный в Оренбурге в 1912 г. Многие русско-туземные школы имели свои библиотеки. Например, в Токмакской школе на 1899 г. было 115 книг в 189 томах, 1908 году в Ошской школе был от 128 томов, а в Кетмен-Тюбинской- 186. Но в основном, это были книги религиозно-нравственного характера, либо по различным отраслям сельского хозяйства.

Кроме того, практически во всех русско-туземных школах были введены классы ручного труда. Так, например, при Токмакской школе обучали сапожному, переплетному и столярно-токарному мастерству: в классах находилось необходимое оборудование - верстаки, станки, машины инструменты и материалы. Обучение ручному труду не способствовало подготовке ремесленников или мастеровых, но оно давало некоторые навыки ручного труда. Таким образом, деятельность русско-туземных школ позволяло готовить в незначительном количестве переводчиков или писарей для местной царской администрации; некоторые выпускники могли поступить в городские училища, так как после его окончания могли бы свободно получить какую-нибудь должность и приличное жалование. Но, в городском училище вакансия для детей коренного населения была очень ограниченной.

Царская администрация, открывая русские школы в Туркестане, прежде всего, заботилась об образовании детей русских поселенцев края. Эти школы были двух типов: начальные, для детей «русских простолюдинов», где обучение ограничивалось элементарными знаниями, в этой школе допускалось совместное обучение «инородцев» (дети казахов, киргизов, узбеков и представители других местных национальностей) и русских детей; и училища для детей купцов, чиновников и других состоятельных лиц, которые в дальнейшем могли получить гимназическое образование. Училища второго типа открывались в уездных городах или пунктах с оседлым населением. Распространение таких училищ, в основном в Казахстане, шло с севера на юг,

так как интеграция в восточном регионе Казахстана в составе России началась с севера.

В начале XX в. в Туркестанском крае появляются начальные училища, которые делились на высшие и низшие: первые появились позднее по положению от 25 июня 1912 года. В структурном отношении низшие училища делились на приходские, церковно-приходские, частные, сельскохозяйственные и городские училища. К числу приходских относилась большая часть училищ, учрежденных на основании положения 1828 г. В городах большей частью существовали отдельные мужские и женские училища, в селениях же почти во всех приходских школах разрешалось совместное обучение. Обучение в учебных заведениях зависело и от социального положения. Так, в приходские училища допускались все дети, независимо от социального положения и вероисповедания. Мальчики принимались не моложе 8 лет, девочки не старше 11-12 лет, от поступающих не требовали платы за обучение.

Приходские училища руководствовались изданными в 1897 г. Министерством народного просвещения программами, согласно которым, предметами обучения являлись закон божий, русский язык, чистописание, четыре действия арифметики, пение. Так же, в зависимости от количества ремесленников, в приходских школах учреждался второй класс, где преподавались некоторые предметы из программ младших классов уездных училищ, или организовывались ремесленные классы для мальчиков. В женских училищах и в училищах по совместному обучению, где имелись опытные учительницы, девочек обучали шитью, вязанию и вышиванию.

Одним из привилегий сельских училищ края, было то, что они имели посевные земли и приусадебные участки, на которых разводились фруктовые сады. В сельских приходских училищах обучение начиналось по окончании полевых работ и продолжалось до начала их в следующем году. При этом требовалось, чтобы обучение продолжалось ежегодно не менее 5 месяцев или, по крайней мере, 4-х месяцев. В городах обучение в приходских школах продолжалось весь год, за исключением обыкновенных летних каникул, а занятия велись по 4 часа ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней.

По одним данным 1-я начальная школа, в Туркестанском крае была открыта 9 февраля 1870 г. в г. Токмаке, в 1874 г. в г. Караколе, которая была преобразована в двухклассное училище в 1879 г. Постепенно приходские одно- и двухклассные мужские и женские училища стали открываться почти во всех городах и русских селениях Туркестанского края.

Наряду с приходскими училищами были широко распространены и церковно-приходские школы, которые были подведомственными Туркестанскому епархиальному училищному совету. Они получили в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях довольно большое распространение. Так в начале 1917 г. в Пишпекском уезде их было 18, а в Пржевальском 17. Сложное положение родителей вынуждало учащихся оставлять школы, вследствие чего в приходских и церковно-приходских училищах была большая текучесть учащихся. Нелучшее положение было и с учебными программами училищ в Туркестане, они часто менялись и

преобразовывались, так в 1885 г. был введен 4-х летний курс обучения, в 1886 - 3-летний, а в 1897 г. - опять вводится новая программа, сохраняется только время обучения [354]. Согласно программам, весь учебный материал делится на 3 года. В двухклассных училищах курс обучения длился 5 лет.

Главным в воспитании в училищах служили нравственные ценности, основанные на религиозных и верноподданнических чувствах. И не случайно закон божий был первым и главным предметом обучения. В целом, постановка учебного дела в приходских училищах, особенно сельских, оставляла желать лучшего. Во многих училищах ученики не владели элементарными навыками устной и письменной речи. Тетради по русскому языку, арифметике и чистописанию содержались небрежно, знания по русской истории и географии у многих учеников были недостаточными. В большинстве своем дети не могли отвечать самостоятельно, повторяя за учителем или отвечая на отдельные вопросы. Главная причина этого заключалась в недостаточном уровне подготовки и количестве учителей, а также нехваткой учебников и учебных пособий.

Итак, русские начальные школы в Казахстане получили широкое распространение. Не было почти ни одного русского поселения, в котором не имелось бы школы. При этом обучение охватывало почти большинство русских детей школьного возраста и незначительное число «инородцев». Несмотря на ряд недостатков, этих школ, начальные училища играли положительную роль в распространении элементарных знаний среди основной массы населения.

Учеников обучали татарской грамоте, они посещали русскую школу для изучения языка. Но 1 октября 1878 г. из-за недостатка средств эта школа была ликвидирована. Первоначальное предположение о возможности совместного обучения детей коренного и русского населения в одних и тех же школах на практике не осуществилось. Так как коренное и русское население жили обособленно, что не давало детям возможности посещать одну и ту же школу, да и сама задача обучения, методы занятий не могли быть одинаковы.

В 1854 г. было основано укрепление Верное. Укрепление Верное было сначала административным центром Алатауского округа Семипалатинской области, но с учреждением туркестанского военного округа и образованием Семиреченской области оно было сделано административным центром области и получило наименование г. Верного. Жителей в 1891 г. было 22,2 тыс. чел., в том числе православных - 15,2 тыс. и мусульман - 6,4 тыс. В городе располагались мужская и женская гимназии, 2-классное городское училище для мальчиков, приходское 2-классное училище для девочек, церковно-приходская школа для учащихся обоего пола, 6 училищ при мечетях и еврейских молитвенных домах. Важным учебным заведением было училище садоводства и шелководства. Жители г. Верного разводили элитные яблоневые сады, город славился своими знаменитыми яблоками сорта «Апорт». В городе находилась публичная библиотека (5000 томов). Верный был центром управления семиреченского казачьего войска. В г. Верном со второй половины XIX и до 1917 г. открываются следующие учебные заведения: Верненская женская гимназия, Верненская мужская гимназия, Верненское 2-е городское 3-х

классное училище, Верненское Александровское высшее начальное училище, Верненское городское 2-х классное городское училище, Верненское Колпаковское высшее начальное, Верненское училище садоводства.

Таким образом, в конце XIX в. в 4 крупных регионах Казахстана система начальной школы имела следующую сеть школ без мусульманских и церковно-приходских школ: в Уральской - школ - 192, учащихся 7594, число детей школьного возраста насчитывалось - 57960; Внутренней (Букеевская) орде - школ - 32, учащихся - 976, детей школьного возраста - около 31000; Акмолинской - 182, и 9341 учащихся, детей школьного возраста 61106; Тургайской - школ - 219, учащихся - 5496, детей школьного возраста - 40781; Семипалатинской - 93, учащихся - 4488, детей школьного возраста - 61668; Семиреченской - школ - 86, учащихся - 6020, детей школьного возраста - 89110, Сыр-Дарьинской - 188, учащихся - 9318, детей школьного возраста - 133186 [355]. Таким образом, статистические данные показывают, что общее количество школ в Казахстане не соответствовало количеству детей школьного возраста, а действующие школы по содержанию находились в очень низком состоянии. Следует учитывать и то, что в основном в этих школах обучались дети русского казачества и русских переселенцев и чиновников. Следовательно, процент обучения детей казахов в школах еще больше снижается.

Общая грамотность среди казахского населения Казахстана составляла всего лишь 1,2%. Причиной такой низкой грамотности населения просветители видели в том, что правительство отпускало на нужды просвещения мизерные суммы, слабое развитие сети школ. Большинство начальных школ Казахстана содержалось, главным образом, за счет общественных и частных средств населения. Объективные причины недостаточного развития школьного образования в Казахстане в XIX в. также заключались в следующем: недостаток материальных средств, качественных учебников и учебных пособий, отсутствие учительских кадров, задержка строительства и открытия школ. Царское правительство выделяло большие суммы на содержание царской администрации, жандармерии и тюрем, но не «находило» средств на дело народного образования, в особенности школ провинций. Печальное состояние народного образования среди казахского населения и других нерусских народностей не скрывали в своих отчетах попечители и чиновники учебных округов.

5 УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

5.1 Роль руководителей органов народного образования в просвещении казахского народа

Подготовка педагогических кадров для Казахстана в XIX и вплоть до начала XX в., в основном, проводилась в приграничных городах России и Казани. Чаще всего в публикациях историков и педагогов даются сведения о том, что в основном для Казахстана подготовка педагогических кадров велась в городах Оренбурге, Казани и Омске. Известны и такие сведения о том, что в самарской, саратовской учительской семинариях готовили учителей для школ западного региона. В процессе открытий русско-казахских школ основная педагогическая работа легла на плечи разных специалистов, в основном переселенцев, так в школах уроки могли вести и ветеринары, и специалисты земледелия. Наиболее подготовленные учителя были из числа переселенцев, либо направленные с миссионерской целью. Только в середине XIX в. стали говорить о подготовке учителей коренной национальности. С этой целью был создан проект, который был подготовлен к 1871 году, но осуществился на практике в 1874 году. Проект был тяжело реализован, пройдя множество обсуждений и неоднократно откладываясь в процессе внедрения. Рассматривая данный проект, военный губернатор Л.Ф.Баллюзек предложил создать в здании бывшей Оренбургской казахской школы образцовую народную школу для 12-15 пансионеров восьмилетнего возраста; затем позже открыть подготовительный пансион для такого же числа мальчиков десятилетнего возраста и старше. Идея подготовки педагогических кадров охватывала несколько ступеней. Так, из этого пансиона учащиеся должны были посещать занятия в уездном училище, откуда, после окончания его, поступали в учительский пансион, который образовывался из педагогических классов уездного училища.

Новым событием для развития просвещения казахского народа была передача в 1874 году «инороднических» школ в ведение Министерства народного просвещения. С одной стороны, это давало возможность министерству регулировать перспективу развития школ в регионах, с другой стороны, многие запланированные проекты открытия школ были отложены на неопределенное время. Это было связано, в основном, с финансированием учебных заведений. В 1875 г. образовался Оренбургский учебный округ, это давало возможность, безусловно, более плодотворно развиваться сети школ в западном регионе Казахстана.

В сентябре 1876 г. Оренбург посетил министр народного просвещения, граф Д.А.Толстой в сопровождении миссионера Н.И.Ильминского. Была создана комиссия под председательством самого министра по изучению положения в «инородческих» школах. Необходимо отметить, что именно в период деятельности министра народного просвещения Д.А.Толстого впервые поднимаются вопросы о положении в инородческих школах. В результате работы комиссии было принято следующее решение: основать учительскую

школу в г. Троицке, близком к казахским степям и менее доступном татарскому влиянию (царское правительство очень опасалось влияния татарского духовенства на казахский народ). И только после истечения трех лет, одобренное решение Государственного совета, получило «высочайшее» утверждение.

Но к этому времени возник спор между учебным начальством и губернской администрацией и они пришли к совершенно иному заключению о том, что г. Троицк - самое неудобное для учительской школы место. Генерал-губернатор Крыжановский предлагал создать школу в г. Оренбурге, учебное начальство доказывало целесообразность ее учреждения в г. Орске. Пока шли споры Александр III, только вступивший на престол, успел отменить уже принятый закон о ее открытии. Решение данного вопроса требовало времени и усилий. И только лишь через год, 10 июня 1882 года было принято открыть «Киргизскую учительскую школу» в г. Орске, но только почти через год, 10 апреля 1883 г. оно было осуществлено.

Уместно сказать в данном случае, что само открытие учительских школ, в основном, волновало не с точки зрения подготовки учительских кадров для Казахстана, а с точки зрения влияния татар на казахское население. Ведь во всех школах Казахстана преподавательскую деятельность осуществляли татарские, бухарские муллы, и в этой связи, безусловно, было очень значительно влияние татарского духовенства, что препятствовало тем целям, которые ставило царское правительство. Особенно сильно было влияние татарских мулл во Внутренней орде, Уральской, Тургайской областях, отчасти доходя и до Акмолинской, Семипалатинской областей.

Первые 22 казахских мальчика прибыло в Орск из Тургайской и Уральской областей, для них были организованы приемные испытания, которые выдержали 20 из них и были зачислены в первый класс. По предложению Министерства народного просвещения от 26 февраля 1877 г. были разработаны требования для поступающих в татарскую учительскую школу, и эти требования распространились и на Орскую казахскую школу: знание русского языка (умение бегло и толково читать, писать под диктовку без грубых ошибок и практическое знание русской разговорной речи); знание арифметики (нумерация целых чисел, умение решать простые задачи); умение читать по-татарски.

Был разработан ряд документов, в которых указывались основные правила к испытанию детей казахов. Согласно им, испытание по магометанскому вероучению не производилось, так как в них оговаривалось, что, «воспитанники татарских учительских школ предназначаются для распространения русского образования между их единоверцами, живущими в пределах нашего государства, а не для религиозно-юридической деятельности между ними в звании мулл или других доходных должностях» [356].

Руководствуясь особыми «Правилами и условиями поступления», в которых указывался возраст поступающих «не моложе 16-ти лет», для поступающих требовались и следующие документы: метрическое свидетельство, и обязательная справка о привитии оспы, а также

устанавливалось время приемных испытаний: «не позже 10 августа». При зачислении в школу от каждого ученика предписывалось принимать своеобразное обязательство, в котором говорилось: «Я обязуюсь со времени вступления в эту школу подчиняться всем правилам, установленным в школе и беспрекословно исполнять законные требования начальства школы, сверх того, обязуюсь, по окончании в школе курса, отслужить казне положенный шестилетний срок за воспитание, а противном случае уплатить казне единовременно и сполна истраченную на мое воспитание в школе сумму» [357].

Итак, жизнь воспитанника Орской школы, как и многих «окраинных» школ начиналась с обязательств, по нему воспитанник вступал в какие-то засвидетельствованные официальным актом, долговые отношения, в связи с чем он отдавал себя целиком во власть учебного начальства.

Основным организатором и проводником науки «главный распорядитель дидактических упражнений воспитанников» в школе был инспектор. По утверждению А.В.Васильева, в «Орской киргизской учительской школе» служил инспектором А.Г.Безсонов, который по образу мыслей своих и характеру как нельзя более отвечал требованиям истинного педагога. По свидетельству учеников школы, он был неотлучно при учениках: сам выводил их прогуливаться по городу и за город, нередко даже в ненастное время, считая это полезным для детей степи, причем во время прогулок беседовал с ними, вечерами прочитывал им образцовые произведения русских писателей, делая объяснения в нужных случаях и на их природном языке, который он знал прекрасно; он же всегда почти присутствовал во время... обеда и ужина, сам укладывал учеников в спальне, засыпая иногда вместе с ними» [358]. Но, тем не менее, отношение инспектора к воспитанникам не могло возместить организацию образования в школе. Так, обучение в первый учебный год продолжалось 3,5 месяца, и за такой короткий промежуток времени учащиеся должны были усвоить программу первого класса. Известно, что из первых 20 воспитанников только 15 перешли во второй класс, а 5 остались на повторный курс.

Подготовка специалистов системы образования шла медленными темпами. Так, к 1 сентября 1885 года в школе насчитывалось по классам следующее количество учеников: в первом - 9 человек, во втором - 6, в третьем - 10, в четвертом - 12, а всего 37 человек. Первый выпуск специалистов-молодых учителей состоялся летом 1886 года. Всего закончили курсы 10 выпускников и все они были из Тургайской области, к сожалению, в первом выпуске не было учителей из Уральской, так как мальчики за прошедшие годы отсеялись. В последующие годы было подготовлено следующее количество учителей: в 1887 год - 5 человек, 1888 год - 5, а в 1889 году не было выпуска, так как он был сорван.

Отчет инспектора А.Г.Безсонова за 1888-1889 год свидетельствует о завершении деятельности казахской учительской школы в г.Орске. Причиной тому были многие факторы, одна из них - условия, в которых обучались и жили учащиеся. «В городе Орске школа помещалась в наемных домах, очень тесных

и неудобных», - пишет в своем отчете инспектор. 28 июля того же года г.Орск постигло большое несчастье: 2/3 города были уничтожены пожаром. Сгорели дотла и те наемные постройки, в которых жили и учились воспитанники. Условия так резко ухудшились, что попечителю учебного округа Д.С.Михайлову пришлось возбудить перед Министерством народного просвещения ходатайство о переводе учительской школы в г.Оренбург. Министерство в принципе согласилось, но переезд должен был состояться не ранее 1 июля 1889 г., когда в Оренбурге для нее освободится помещение упраздняемой «высочайшим» повелением татарской учительской школы. Значит учебный год предстояло провести в полуразрушенном Орске» [359].

А.Г.Безсонов решает за короткий срок найти несколько изб в уцелевшем районе города и арендовать их под классы. В других крестьянских хатах он намеревался разместить воспитанников. Но, группа учеников IV-го класса вышла из повиновения и отказались перейти в квартиру, не отвечающую элементарным требованиям санитарии и гигиены. Мягкий по натуре А.Г.Безсонов на этот раз упорствовал, так как другого выхода у него не было. Признание инспектора в своем отчете о том, что состояние здоровья учащихся сильно ухудшилось «вследствие неудовлетворительности квартир в гигиеническом отношении» все-таки не остановила его от решения обустроить учащихся в квартирах.

Таким образом, нежелание нескольких человек занять отведенную им непригодную квартиру стало перерастать в движение протеста. Возможно педагогический совет справился бы с этой горсткой непокорных воспитанников, если последние не нашли бы организованной поддержки у своих товарищей. Растущий протест среди воспитанников старших классов передался на всю Орскую учительскую школу. Развернувшееся разоблачение их послужило причиной открытого возмущения.

Неординарным событием и участниками которого были учащиеся III и IV классов, привело к организации забастовки, которое было объявлено на 14 января 1889 года. Учащиеся отказались продолжать учебные занятия. Инспектор А.Г.Безсонов не мог решиться на какие-либо жесткие меры против бастующих, а передал рассмотрение конфликта педагогическому совету. Затянувшееся расследование и рассмотрение дела на педагогическом совете в январе-феврале месяцах дает возможность судить, что учащиеся были недовольны не только квартирным вопросом, но они ведут организованную борьбу против бездушного к себе отношения, против внутренних порядков школы вообще, против агентуры начальства в своей среде.

На неоднократных педагогических советах среди педагогического коллектива не нашлось ни одного человека, готового выступить в защиту протестующих. «Ученики IV и III классов Орской учительской школы сего 14 января 1889 года отказались продолжать учение. На вопрос, почему они не хотят учиться, они заявили совету, что до тех пор они не начнут учиться, пока ученик II класса Суербаев и I класса Купечев не будут уволены из школы, на том-де основании, что Суербаев и Купечев позорят их разными доносами» [360]. Дальнейшие распросы выяснили, что «13 января 1889 года вечером...

Суербаев и Купечев будто бы послали дежурного Досалина в присутствии других воспитанников I-го и II-го классов, объявить г.инспектору школы, что воспитанники III и IV классов будто бы хотят избить воспитанников I и II кл., а также г.инспектора школы». «Ученики III класса обвиняли Суербаева и Купечева в том, что эти последние донесли через дежурного Досалина (одновременно с вышеупомянутым доносом), что будто бы ученики III и IV кл. послали жалобу попечителю на инспектора школы» [360, л.72-80].

Неоднозначное положение ситуации, вынудило председательствующего на советах А.Г.Безсонова всю ответственность переложить на управляющего Оренбургским учебным округом. Утверждения учащихся старших классов соответствовали действительности, но к сожалению, в протоколе такого опровержения нет. Привлеченные к допросу Суербаев и Купечев заявили, «что ученики III и IV кл. приглашали Купечева I кл., Рамазанова II кл., Джабагина II кл. и воспитанника Исангулова - I кл. и подговаривали через них I и II классы принять участие в беспорядках, которые они замыслили произвести в защиту учеников IV класса, отказавшихся прежде поместиться в квартире, указанной им г.инспектором школы» [360, л. 14-30].

Анализ протокола показывает, что члены совета были на стороне Суербаева и Купечева. И здесь же третьему и четвертому классам был объявлен строгий выговор за «самовольный отказ» от продолжения занятий. Решение совета учениками было открыто признано необоснованным. В результате чего совет постановил о случившемся довести до сведения попечителя учебного округа. Это определение совета не изменило решение учащихся. Они твердо стояли на своем, занятия не возобновлять.

Включившись в столь сложную ситуацию, 24-го января управляющий Оренбургским учебным округом предложил совету школы вторично расследовать данное дело. 28-го числа «виновные» снова были приглашены на заседание. Совет объективно остановился на тяжелых квартирных условиях, поднятых учащимися, но тем не менее оставил то решение, которое было ранее вынесено. В ответ на это ученики однозначно заявили: «что держатся своего прежнего намерения и продолжать занятия не будут» [360, л. 56-62]. Можно предположить, что конфликт уже носил иной характер, ученики вели организованную борьбу против бездушного к себе отношения, против внутренних порядков школы вообще, против агентуры начальства в своей среде. Тяжелым было и то обстоятельство, что в педагогическом коллективе не нашлось ни одного человека, готового выступить в защиту протестующих. После своего морального поражения, совет постановил: запросить дальнейших указаний попечителя учебного округа.

23 февраля 1889 года состоялось чрезвычайное заседание педагогического совета, но уже под представительством окружного инспектора, действительного статского советника - К.А.Чеховича, который прибыл в Орск для производства экстренной ревизии учительской школы.

«Усматривая, - говорится в протоколе, - из поступков учеников нормальный ход дела, по видимому несогласный с характером учащейся молодежи, повиновавшейся до сего времени властям бесприкословно,

г.председательствующий просил членов совета указать ему, замечали ли они какого-либо постороннего вредного влияния, нет ли в городе, а следовательно и в школе известной преступной пропаганды» [360, л.80 об.].

Изучая положение дела, К.А.Чехович делает свои предположения, по его мнению, недовольство учащихся не вытекало из условий жизни школы, а объяснилось «вредным» влиянием со стороны. Наиболее осведомленный состоянием дела коллектив педагогического совета единогласно отвергнул этот домысел. Заключительная речь К.А.Чеховича ярко показывает положение и состоянии организации процесса образования для детей: «факт слушания со стороны учащихся, - говорилось в протоколе, свидетельствует о необходимости восстановления прежнего нормального порядка; поэтому г. председательствующий заявил, что по его расспросу и наблюдению, главной причиной происшедших беспорядков был недостаток в наблюдении за учениками на квартирах и ослабление дисциплины, при слишком мягком обращении с учениками, которые не умеют ценить подобного рода обращения с ними. Вследствие сего председательствующий рекомендовал совету дружно помогать инспектору в надзоре за учениками, непременно сообщить ему обо всех проступках учеников и применять к ним существующие правила о взысканиях, то есть, правила, которыми руководствуются все учебные заведения округа. В более важных случаях, вроде бывшего в январе текущего года, совет обязан строго обсудить поступки ученика, сделать ему строгое внушение в совете, с уменьшением балла по поведению, а в случае слушания или безуспешности принятых мер, немедленно удалять из заведения, доводя до сведения учебно-окружного управления, изложением причин применения этой высшей меры наказания.

Необходимо, чтобы ученики III и IV кл. знали, что отметка по поведению ниже 5, за последние два года, лишает их права на получение звания учителя народных киргизских школ, так как правительству необходимы люди, вполне благонамеренные для ведения учебного дела среди народа» [360, л. 55].

Метод жесткого и ортодоксального управления и контроля за учебными заведениями, который последовательно предлагал придерживаться К.А.Чехович был присущ представителям толстовско-деляновского периода правления в Министерстве народного просвещения. Характерные черты этого правления: повсюду громить, выгонять, карать и запугивать, всегда признавать виновными учащихся, где только появлялись малейшие признаки «смуты» и «беспорядков». По мнению К.А.Чеховича, необходимо уже с раннего возраста вырывать с корнем у будущих учителей дух свободы, окружать их надзором и постоянно культивировать в них благонамеренность к правительству, слепое подчинение власти. Этот призыв был основным в выступлении представителя учебного округа на чрезвычайном заседании педагогического совета.

Следующий вердикт, вынесенный К.А.Чеховичем ученикам, свидетельствует о бесправности школьного коллектива: «учеников IV класса Ботабаева и Байгимбаева I-го, как очевидно руководителей беспорядков, удалить из заведения, с правом держать испытание вместе с учениками IV класса по истечению года для получения звания учителя».

Наказание получили и ученики III и IV классов, они были оставлены на повторных курсах под предлогом, что слишком много пропустили занятий. После долгих разборок, режим работы был восстановлен. По приказу министра, с 1 июля 1889 года А.Г.Безсонов был переведен на должность инспектора народных училищ Уральской области. На его место был назначен бывший инспектор народных училищ Уральской области, советник А.П.Альбанов, как и А.Г.Безсонов окончивший Казанскую духовную академию. Летом 1889 г., Орская казахская учительская школа была переведена в Оренбург и стала именоваться «Оренбургская русско-киргизская учительская школа».

Решение педагогического совета, оставить учеников старших классов на повторный курс в наказание за учиненные «беспорядки» обернулось другим обстоятельством, а именно в 1889 году школа не могла дать выпуск специалистов для казахских школ. И в последующие годы ситуация с подготовкой учительских кадров не изменилась, постоянные объективные и субъективные отсеивания учащихся резко снижали количество выпускаемых школой учителей.

Финансирование школ определяло правительство, в первые годы Оренбургская русско-киргизская учительская школа получила 60 казенных стипендий для самой школы и 15 для начального училища при ней. Новое заведение по мнению властей показалось слишком дорогостоящим и тогда, с 1 января 1885 г., были снижены стипендиальные нормы соответственно до 35-ти и 10-ти. Предполагалось, что это временное решение, на сокращении которого правительство ежегодно экономило 2550 руб. Впрочем, временная мера окончательно утвердилась и устраивало правительство, так как с одной стороны, шла экономия средств, с другой, учебные власти считали, что для казахов вполне достаточно и этого карликового питомника учителей. Другие народности уже в первой половине XIX в. пользовались более обширными очагами педагогического образования. Так, Казанская учительская семинария насчитывала 150 воспитанников, Закавказская - 100, Туркестанская и Иркутская - более 70 каждая из них, Симбирская учительская школа - 120 воспитанников, а Оренбургская не получала более 25 казенных стипендиантов на школу. С учетом того, что многие, принимаемые в первый класс, потом отсеивались на разных ступенях обучения можно было судить о тяжелых условиях школы, а так же неудовлетворительном состоянии школьного образования в Казахстане.

Такое же положение школьного дела было повсеместно в Казахстане. Обращаясь в восточному и южному регионам Казахстана, следует заметить, что положение там было не в лучшем состоянии. Для истории характерно обращение к забытым именам прошлого, одним из таких малоизвестных имен является этнограф, знавший многие восточные языки и внесший огромный вклад в развитии образования в Туркестанском крае М.С.Андреев, внук простого солдата, который родился в Ташкенте 24 сентября 1873 года. Учился в Ташкентской гимназии, из которой в 1889 г. перешел в Туркестанскую учительскую семинарию. Будучи семинаристом, М.С.Андреев часто посещал «старгородскую» часть Ташкента и с течением времени сблизился с

некоторыми учащимися медресе, а при их посредстве с семьей казия Шариф-Ходжи и с Убайдулла-Максумом мударрисом медресе Ишан Кули-додхо, которого М.С.Андреев уговорил вести с ним занятия по арабско-персидско-турецкой литературе. В годы обучения в семинарии М.С.Андреев стал хворать и по совету врачей совершал поездки в горы. В бытность свою в Чимкенте он присоединился к киргизскому кочевому аулу и внимательно наблюдал за его жизнью и бытом.

По окончании в 1893 г. Ташкентской учительской семинарии М.С. Андреев работал в Ходженте «заведующим вечерними курсами для местного национального населения» и посещал различные места Туркестанского края, усердно занимаясь собиранием археологических и этнографических данных.

В 1894 году он получил приглашение работать практикантом по восточным языкам в Ташкентскую учительскую семинарию и в Ташкентское реальное училище, по поручению которого им было составлено учебное пособие по узбекскому языку. Преподавательскую работу в семинарии М.С.Андреев вел в 1894-1896 гг. В 1895 г. в печати появилась первая этнографическая статья М.С.Андреева о пережитках языческих обрядов в среде коренного местного населения.

В 1896 г. в Ташкент из Петербурга прибывает чиновник особых поручений Министерства внутренних дел А.А.Половцев, командированный для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. По рекомендации одного из востоковедов, знающего жизнь и быт коренного населения Туркестанского края В.П.Наливкина, М.С.Андреев занял должность секретаря А.А.Половцева, с чем были связаны в частности его поездки по Закаспию и Закавказью, М.С.Андреев стал постоянным спутником и сотрудником Половцева человека, не лишённого научных интересов и склонности к меценатству [361].

С возвращением А.А.Половцева к месту постоянного жительства М.С.Андреев принял его предложение о переезде в Санкт-Петербург. В Санкт-Петербурге он знакомится с виднейшими востоковедами С.Ф.Ольденбургом, В.В.Радловым и К.Г.Залеманом, которые отмечали его эрудицию и преданность науке, в частности достоинством глубокого знания языков, жизни и быта народов Казахстана и Средней Азии.

Зиму 1898 года он провел с А.А.Половцевым в Париже, выучив французский язык. Помимо своих служебных обязанностей он занимался в Восточном отделении Французской Национальной библиотеки. Все эти и последующие годы М.С.Андреев не порывал связей с Туркестаном и подолгу жил в Ташкенте, продолжая здесь сбор лингвистических и этнографических материалов. В 1902 г. М.С.Андреев проехал через Ош на Памир, в Вахан, Ишкамыш и обратно. Научным результатом поездки явилась совместная с А.А.Половцевым публикация по этнографии племен Ишкамыша и Вахана. В ходе поездки, а затем во время проживания в Ташкенте М.С.Андрееву удалось собрать, в частности, некоторые материалы по почти неведомому тогда науке язгулемскому языку [362].

В 1906 г. М.С.Андреев уехал в Индию в связи с назначением А.А.Половцева генеральным консулом в Бомбее. Академия наук дала ему поручение по сбору этнографических коллекций. Об усердии М.С.Андреева в этом направлении свидетельствует тот факт, что в Музей антропологии и этнографии Академии наук им была передана коллекция в составе 1000 экспонатов. В 1911 г. он был избран членом-корреспондентом Географического общества Бенгалии. По возвращении на родину М.С.Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакским уездах Самаркандской области. Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы и прилегающую к ним территорию Кызылкумов, а в 1916 г. совершил поездку в Матчу.

В период Октябрьского переворота М.С.Андреев находился в Ходженте. С установлением здесь Советской власти он был назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда, а затем вызван в Ташкент, где ему была поручена организация востоковедческого вуза Туркестанский восточный институт, где стал первым его руководителем. Сам Андреев вел занятия по персидскому языку и таджикским наречиям, читал курсы по этнографии таджиков и др.

В 1871 г. был принят закон «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Правительство Российской империи было озабочено распространением современных знаний среди народов, живших по окраинам огромной страны. Новым законом предусматривалось выполнение плана, разработанного под руководством министра народного просвещения Д.А. Толстого по расширению сети начальных школ среди народов Поволжья, Урала, Восточной Сибири и Крыма. Причем отмечалось, что применительно к мусульманским народам, в деле распространения среди них образования необходимо было устранить все то, что могло бы «породить опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от веры». По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана в 1870 году была создана особая комиссия, призванная разработать принципы, на которых бы строилась российская образовательная программа среди коренного населения края. Так родился «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае». В нем утверждалось, что «Развитие народного образования в крае должно состояться в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности... Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы, она отнюдь не должна иметь конфессионального направления» [363].

Предполагалось расширить сеть народных училищ и преподавателей, для которых должна бы готовить проектировавшаяся этим же планом Туркестанская учительская семинария. Представляя проект, К.П. фон Кауфман просил обратить особое внимание на то обстоятельство, что из трех миллионов человек населения Туркестанского края в то время, две трети его составляли кочевники. Для них планировалось создать начальные школы грамотности.

Основными предметами изучения в начальных школах являлись родной и русский языки, арифметика, география и черчение (последний предмет признавался необходимым для будущего профессионального обучения). Также в проекте указывалось на необходимость вовлечения в школы девочек. Предлагая в проекте учреждение в Туркестанском крае гимназий и специального ведомства по управлению школами края, К.П. фон Кауфман обращает внимание на веротерпимость и политическую дальновидность. В образовательной политике краевые власти совершенно не вмешивались в деятельность традиционных местных школ, имевших, преимущественно, конфессиональный характер [364].

В 1876 году в Туркестанском крае было создано Управление учебными заведениями, в 1879 году - открыта первая учительская семинария, в 1884 году - появляется первая русско-туземная школа. К 1 января 1886 года в Туркестанском генерал-губернаторстве, имелись две гимназии, учительская семинария, 13 городских училищ, 18 приходских школ, 4 русско-туземных школы, 1 частное училище. Безусловно, для Туркестанского края, охватывающего огромные территории Казахстана и Средней Азии, где проживало значительное количество населения, это была мизерная доля обустройства школьного образования.

Имя В.П.Наливкина мало известно широкой публике, хотя его труды являются чрезвычайно важным документом эпохи и источником всесторонней информации о Казахстане и Средней Азии времен присоединения к Российской империи. Крупнейший востоковед и исламовед В.В.Бартольд считал В.П.Наливкина «...едва ли не самым лучшим знатоком языка и быта» коренного населения Туркестанского края. В.П.Наливкин происходил из московских дворян, однако имением не владел. В восемнадцать лет он окончил Санкт-Петербургскую военную гимназию и вступил на службу. В.Наливкин избирает службу в Туркестанском генерал-губернаторстве. Он принимал участие в Хивинском (1873 г.) и Кокандском (1875 г.) походах, за военные заслуги был награжден орденами и медалями и вне очереди произведен в чин сотника. Есть мнение о том, что он был разочарован в военных способах реализации среднеазиатской политики Российской империи и уходит в отставку. Вместе со своей молодой женой В.П.Наливкин принимает очень неожиданное решение для своего русского окружения поселиться с женой в кишлаке Нанай Наманганского уезда, чтобы познавать «язык, земельный быт, религию и обычаи» коренного оседлого и кочевого населения «не по книжным источникам, а из самых источников народных». Более шести лет труда и трудностей, которые испытал в своей жизни, привели к выдающимся научным результатам. Он составляет и издает многочисленные пособия, словари и хрестоматии, им была написана первая в русской и европейской науке «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1886) [365].

С 1884 по 1890 год В.П.Наливкин преподавал «туземные языки» в Туркестанской учительской семинарии и русско-туземной школе в Ташкенте, а затем в течение десяти лет был инспектором мусульманских школ края. На рубеже двух веков В.П.Наливкин служил старшим чиновником для особых

поручений при туркестанском генерал-губернаторе, затем был помощником военного губернатора Ферганской области.

Несмотря на успешную чиновную карьеру В.П.Наливкина, его отношения с властями были неровными, а зачастую конфликтными. В 1907 году он был избран депутатом II Государственной Думы России от «нетуземной части населения» Ташкента. Примкнув к фракции социал-демократов, В.Наливкин резко критиковал политику исполнительной и судебной властей империи. После роспуска Думы отставной действительный статский советник В.П.Наливкин вернулся в Ташкент, где за свою оппозиционность был лишен государственной пенсии. В период с февраля по октябрь 1917 г. В.П.Наливкин занимал руководящие посты в органах управления Туркестанским краем, короткое время был председателем Туркестанского комитета Временного правительства, но еще до установления в крае власти большевиков отошел от дел. Работа В.Наливкина «Туземцы раньше и теперь», это своеобразный итог этнографического исследования населения Туркестанского края. Безусловно, находясь более сорока лет в тесной связи с коренным населением Туркестанского края, им был сделан подробный, объективный анализ о жизни народов Туркестана. «Туземцы» В.П.Наливкина печатались отдельными выпусками в 1912-1913 гг. в газете «Туркестанский курьер» (Ташкент), отдельным изданием книга была издана в 1913 году.

Трудно назвать другого человека из мира востоковедов, о ком сложился столь противоречивый разброс мнений. Крупный знаток арабского, персидского и ряда тюркских языков, этнограф, фольклорист, знаток Ислама Н.П.Остроумов знаком в узких кругах ученых, которые ведут исследования Туркестанского края. Действительный статский советник Н.П.Остроумов родился 2 ноября 1846 года в селе Сасово Елатинского уезда Тамбовской губернии. С 1860 года по 1866 учился в Тамбовской Духовной семинарии, после окончания которой, в том же 1866 году, поступил в Казанскую Духовную академию, где учился на миссионерском отделении. Наставниками Н.П.Остроумова в Академии были Н.И.Ильминский, имевший широкую известность, как просветителя-миссионера, а также Г.С.Саблуков, один из первых переводчиков Корана на русский язык. Закончив в 1870 году Академию с ученой степенью магистра богословия, Н.П.Остроумов был избран доцентом и преподавал татарский язык и основы миссионерской работы. Одновременно он работал также в Казанской Духовной и Учительской семинариях. В последней, он преподавал в 1872 – 1874 годах историю и географию.

Интересен такой факт, что многие миссионеры проходили определенные курсы миссионерской деятельности в Академии, так Н.П.Остроумов признается, что попал на «миссионерское противомусульманское» отделение довольно случайно. Каждый студент Академии, кроме основного богословского курса, должен был прослушать миссионерский курс на одном из трех отделений: «противораскольническом», «противобуддийском» либо «противомусульманском», это было одним из направлений в государственной политике царской империи. В своих воспоминаниях Н.П.Остроумов пишет, что «...выбор какого-нибудь из этих трех отделений для большинства молодых

людей был случайным; случайно попал и я на противомусульманское именно отделение: я сначала записался было на противораскольническое отделение, но старший земляк мой С.Афанасьев разговорил меня, и я переписался. Трудно верится теперь, как 24 года назад я бежал от дела (С.Афанасьев сказал мне, что расколом заниматься трудно) и попал на самое горячее, живое дело; искал легкого отбывания обязательной повинности, а очутился в повинности далеко нелегкой и, удивительное дело - усердствовал, особенно первые два года и последний» [366].

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, весьма серьезное внимание уделявший делу образования во вверенном ему крае, хотел найти человека, компетентного в вопросах устройства школ и «...поручить этому лицу после изучения Туркестана и характера его населения составить положение об организации учебной части в крае». По рекомендации знающих людей, К.П. фон Кауфман обратился к Н.И.Ильминскому, рассчитывая использовать его опыт для устройства школьного дела в Туркестанском крае. Основным в программе Ильминского, как ранее мы уже писали, по развитию образования среди коренных народов Казахстана были следующие положения: обучение должно вестись на родном языке, быть интересным и практически полезным. Он предлагал подготовить необходимые учебники и популярные книги для чтения на родных языках этих народов. Ильминский выступал за подъем национальной культуры жителей Туркестана и ознакомление их с русской культурой.

Летом 1876 года К.П. фон Кауфман посетил Казань и виделся с Ильминским, долго беседовал с ним об организации школьного дела. Ильминский рекомендовал Н.П.Остроумова, который, по его мнению, хорошо освоил задачи миссионерской деятельности. В мае 1877 года Н.П.Остроумов приехал в Ташкент, и 14 мая его утвердили в должности инспектора народных училищ Туркестанского края. Управление учебными заведениями стало действовать в Туркестанском крае с 1 января 1876 года. Оно состояло из главного инспектора и очень небольшого штата чиновников. Первым главным инспектором утвердили А.Л.Куна, выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Инспектором народных училищ он проработал до назначения 1 августа 1879 г. директором только что созданной Туркестанской Учительской семинарии. Н.П.Остроумов отнюдь не идеализировал постановку учебного дела в крае. Так, в циркуляре от 1888 г. за его подписью наряду с дидактическими указаниями предлагается «...избегать во время обучения и разговора с учеником всего того, что может оскорблять религиозное и национальное чувство учащихся, а тем более не позволять себе кричать на учеников и еще более трепать их за уши» [367].

Н.П.Остроумов преподавал также в Ташкентской офицерской школе восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. Она была создана в 1900 году на основе существовавших с 1897 года офицерских курсов по изучению языка урду. Н.П.Остроумов преподавал в этой школе мусульманское право. Среди других дисциплин, изучавшихся в ней: языки урду, персидский, афганский, китайский, английский, узбекский, история и

военная статистика Средней Азии и сопредельных стран. Работа в различных образовательных учреждениях дала Н.П.Остроумову огромный фактический материал по истории, развитию, состоянию учебного дела в Туркестанском крае. Он являлся, без сомнения, крупнейшим в свое время знатоком этого вопроса, что нашло отражение в ряде его работ по названной теме.

Очень хорошо Н.П.Остроумов знал и традиционные учебные заведения - мектебы и медресе. Видя их несовершенство применительно к требованиям времени, вместе с тем он позитивно отзывался о том, что мектебы прививают ученикам скромность, побуждают их следовать семейным правилам и традициям. В 1908 году появляется статья Н.П.Остроумова «К вопросу о государственном языке в инородческих школах Туркестанского края». Он предлагал ввести изучение государственного, то есть тогда – русского языка в качестве одной из учебных дисциплин в мектебах и медресе. Остроумов вовсе не был первым инициатором в этом вопросе.

В конце мая 1870 года в Ташкенте была открыта публичная библиотека, созданием которой генерал-губернатор К.П. фон Кауфман занялся немедленно, как только получил свое назначение в Туркестан. Некоторое время, библиотека, на которую сразу же были возложены функции хранилища туркестановедческой, краеведческой литературы, была единственным культурным, а в известной степени и научным учреждением края.

Он был долгое время редактором («Туркестанская краевая газета»), первой газеты на узбекском языке (известна также под названием «Туркестанская туземная газета»). Она стала выходить почти одновременно с самой первой среднеазиатской газетой - «Туркестанские Ведомости» - с 1870 года. Основным назначением «Туркистон вилоятининг газети» было ознакомление читателей с распоряжениями краевой администрации, распространение «полезных знаний из истории, географии и других наук».

Закладывая основы новой образовательной системы в Туркестане, К.П. фон Кауфман подчеркивал: «Не религиозные различия должны быть в основании воспитания российских православных или российских мусульман, а одни и те же правила, способные сделать тех и других одинаково полезными гражданами России... благодаря этим правилам все ...дети без различия вероисповедания могли бы одинаково пользоваться выгодами общего образования» [368].

С первых дней своей деятельности в Туркестане К.П. фон Кауфман стремился в основу образовательной политики «...положить строгий принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у туземцев учреждений» [368, с. 53].

Деятельность мусульманских учреждений, в том числе образовательных, властями генерал-губернаторства не ограничивалась. На это указывают, в частности, и статистические данные об их числе и тенденции их роста.

В 1900 году в пределах Туркестанского генерал-губернаторства (то есть – без Бухарского эмирата и Хивинского ханства) имелось 1503 соборных и 11230 приходских мечетей, действовало 5755 мектебов. В 1908 году в крае было 6908 мектебов и 336 медресе. «Объясняется это тем, что Верный, в отличие от всех

туркестанских городов, город преимущественно русский: в нем более 2/3 жителей православных (из 36 тыс. жителей - русских 26 тыс.), между тем как в Ташкенте православных всего около 20%... Абсолютно, однако, русских в Ташкенте больше, чем в Верном: из 234-тысячного ташкентского населения русских свыше 47,5 тыс. чел.» [369].

В апреле 1917 года Н.П. Остроумов покинул службу. В стране набирали силу противоречивые общественно-политические процессы, которые несли с собой коренную ломку всех привычных устоев жизни народа. В адрес Остроумова, который в глазах некоторых людей, чьи голоса нетерпимости после февраля 1917 года звучали все громче, был заметным деятелем прежней эпохи, раздавались угрозы.

Весомый вклад в устройстве системы образования и просвещении казахского народа сыграл С.М. Граменицкий. Знаменитые учебники С.М. Граменицкого – «Первая книга для чтения. Пособие для обучения русскому языку в инородческих училищах» (13 изданий - с 1898 по 1915 г.), «Вторая книга для чтения» (8 изданий - с 1898 по 1916 г.), «Третья книга для чтения» (6 изданий - с 1899 по 1912 г.) - разошлись по школам всей России. Но особенно популярными были «Начальная арифметика» (1891), которая переиздавалась вплоть до 1924 г., и «Сборник задач и примеров для начального обучения арифметике» (1892). На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. комплект учебников С.М. Граменицкого был отмечен серебряной медалью; в 1909 г. он получил почетный диплом на Туркестанской сельскохозяйственной выставке [370]. Учебники С.М. Граменицкого активно использовались и при составлении первых учебников (букварей и книг для чтения) на местных языках, в частности на узбекском.

Он внес значительный вклад и в теорию педагогики. В «Туркестанских ведомостях» и «Среднеазиатской жизни» регулярно выходили его научные статьи, например, такие, как «Современные условия воспитания и образования наших детей», «О методах преподавания языков», «О наглядном методе преподавания языков» [371]. Основным педагогическим кредо просветителя была идея так называемого натурального (наглядно-звукового) метода овладения русским языком. Педагогическая концепция просветителя опиралась на два важнейших постулата: взаимодействие слова и изображения предмета плюс постоянная разговорная практика.

В 1897 г. он подготовил новые программы для русско-туземных школ на основе своего метода обучения без использования родных языков населения Туркестана и предложил внести соответствующие изменения в учебный курс Туркестанской учительской семинарии. На следующий год его разработки стали реализовываться в учебной практике. Одновременно был составлен букварь на узбекском языке, который также был основан на принципе звукового способа преподавания родной грамоты.

Само использование натурального метода С.М. Граменицкого не дает никаких оснований называть педагога русификатором, а политику открытия русско-туземных школ - русификаторской. Подобная трактовка деятельности С.М. Граменицкого, да и не только его, а всей российской педагогики в

регионах с нерусским населением еще не ушла в прошлое и нередко используется в политических играх, не имеющих никакой связи с просвещением. Говоря конкретно о туркестанском просветителе, замечу, что он не преследовал никакой иной цели, кроме содействия органичному вхождению тех же узбеков в российскую культуру. Если этот процесс можно назвать русификаторским, тогда и в отношении чисто русского населения нужно употреблять этот термин. Хочется отметить, что названный метод не являлся изобретением С.М.Граменицкого. Во второй половине XIX в. он широко использовался в Западной Европе для быстрого, в течение нескольких месяцев, обучения разговорному языку. Потом на его основе были созданы многочисленные учебники и пособия для учащихся.

Важным педагогическим принципом С.М.Граменицкого было и непосредственное знакомство детей с культурами других народов, для чего устраивались разнообразные экскурсии, в том числе и в Центральную Россию.

Ориентация центральных властей на распространение системы Ильминского с определенными поправками на местные условия многие туркестанские педагоги восприняли критически. С.М.Граменицкий категорически выступил против данного нововведения, указывая, что ломка уже сложившейся системы наглядного обучения будет болезненна для населения и такое решение принесет больше вреда, чем пользы [372]. При этом он ссылаясь на опыт французских школ в Алжире, которые широко распространились среди местного населения, несмотря на то, что местный язык был совершенно из них изгнан, вплоть до того, что учащимся запрещались на нем даже частные разговоры во внеучебное время. Сторонниками позиции С.М. Граменицкого были и те русские педагоги, которые не знали местных языков. Они объясняли необходимость повсеместного внедрения натурального метода нежелательностью чрезмерного использования родных языков в школьном образовании.

Определенный вклад в образование и в развитии духовной культуры казахского народа сыграл Ахмет Байтурсынов (1873-1938) - основоположник казахской философии, педагог-просветитель, общественный деятель. А.Байтурсынов родился в Тосынайской волости Тургайского уезда. Свое первоначальное образование получил в родном ауле, затем учился в Тургайском русско-казахском училище.

Закончив Оренбургскую учительскую семинарию, он начал свою педагогическую деятельность в 1885 г. учителем аульных волостных школ, городских двухклассных училищ в Актюбинской, Кустанайской и Каркаралинском уездах. Значительный вклад в науку внес в области казахского языкознания и методики преподавания родного языка. Особое место в его научной разработке занимает проблема реформы казахской письменности.

С 1921 по 1928 гг. А. Байтурсынов - автор первого казахского букваря, работает в Казахском институте народного образования, где читает лекции по казахскому языку и литературе, истории культуры казахского народа. В 1928-1929 гг. становится профессором Казахского

государственного университета. В 1929 г. был необоснованно арестован и до 1934 г. отбывал ссылку в Архангельской области. В 1937 г. был вновь арестован и вскоре расстрелян.

Новый казахский алфавит, названный в честь ученого байтурсыновским, в свое время служил хорошим образцом для всех тюркоязычных народов при проведении реформы письменности. А.Байтурсынов, основоположник методики преподавания казахского языка, впервые на практике казахской школы был им применен буквенный метод обучения грамоте. Как Н.И.Ильминский и А.Е.Алекторов, А.Байтурсынов был сторонником обучения детей казахов на их родном языке [373]. Выступая в газете «Казах» А.Байтурсынов дает широкий анализ двум типам школ, где в разных условиях обучаются дети казахов. По мнению автора, одни дети получают начальное образование в аульных мектебах, а другие в русских начальных школах, таким образом, эти два типа школ составляют основу начального образования казахской учащейся молодежи. В аульных школах (мектебах) с полным языком обучения работа их находится на крайне низком уровне. В школах отсутствуют необходимые учебные пособия, не обеспечены они и учительскими кадрами с соответствующей подготовкой. Все грамотные казахи (сюда входят и те, кто владеет элементарными навыками чтения и письма, и те, кто участвует в издании газет, журналов и книг) являются выпускниками школ с родным языком обучения. Следовательно, несмотря на крайне слабую материальную и кадровую обеспеченность, аульные казахские школы пользуются поддержкой и уважением населения, так как обучение в них ведется на родном языке детей.

5.2 Положение и структура учительских школ по подготовке специалистов

Расширение сети школьного образования в Казахстане, открытие массовых народных школ требовало решения и другой, немаловажной проблемы, как подготовка учительских кадров, это была одна из насущных проблем конца XIX века. Особо остро стоял вопрос о подготовке учительских кадров, а также квалификационных работников для сельского хозяйства и растущего производства. Неудовлетворительная материальная обеспеченность учителей усугублялась национальной дискриминацией, что выражалось в малом количестве и бесправии учителей-казахов. Так, 23 мая 1905 года был издан закон, согласно которому русские учителя русско-казахских школ России были приравнены в правах к учителям приходских школ России, получали право на пятилетние прибавки к жалованию и на пенсии за выслугу лет. На казахских учителей этот закон не распространялся. Были попытки борьбы с такой дискриминацией. Так, М.Ронгинский, директор народного училища Тургайской области, просил возбудить ходатайство о предоставлении прав государственной службы учителям-казахам, получившим образование в учительских семинариях, и писал: «Русский учитель, поступивший на учительскую должность в месте своего постоянного жительства пользуется, благодаря своей русской национальности, правами государственной службы, а учитель-казак,

хотя бы и стоящий бесспорно выше его во всех отношениях, такими правами не пользуется потому лишь только, что он казах, а не русский. Такая неравномерность в правах учителей русских и казахов, происходящих из одной и той же области является ощутительной и обидной для учителей-казахов» [374].

Подготовка преподавателей для высших и средних учебных заведений остается в XIX в. одной из актуальных проблем в России, а в Казахстане практически нерешенным вопросом. В приложении к статье № 61 «Временный список учебных заведений, с разделением их на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности» в разделе II и в пунктах № 7 и 24 дается список институтов и курсов, готовящих учителей для низших и средних учебных заведений в Казахстане. Так, по второму разряду, к которому относятся низшие учебные заведения, по ведомству Министерства народного просвещения открываются учительские школы: инородческая в городе Бирске и киргизская в городе Оренбурге; двухклассное русско-киргизское училище в областях Уральской и Тургайской. Также в этом документе даны разъяснения о некоторых льготах для воспитанников, так в частности в пункте № 6 о льготах, воспитанники двухклассных начальных училищ при учительских семинариях сравнены в отношении прав по воинской повинности с воспитанниками двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения (Выс. утв. 25 мая 1894 г. мн. Госуд. Сов.). Отмечая, что главной причиной низкого уровня светского образования является отсутствие хороших учителей, В.В.Радлов большой вклад вносит в улучшение подготовки народных учителей.

В.В.Радлов немало усилий вкладывает в создание начальных училищ при Казанской и Уфимской учительских школах для проведения практических уроков. Под непосредственным участием его проводятся съезды учителей разных губерний, на которых большое внимание уделяется проблемам преподавания в школах разного уровня. Одним из основных вопросов в практической деятельности ученого было развитие общеобразовательных и учительских школ среди нерусских народов.

Не умоляя роль Оренбургской учительской школы, необходимо отметить, что при ежегодном выпуске 8-9 человек она не могла обеспечить кадрами нуждающиеся школы, в целом в Казахстане, и в частности западного региона. Кроме этого, многие выпускники не становились учителями, предпочитая занять места писарей или каких-нибудь других канцелярских работников или переводчиков, такова была природа царизма.

После перевода в г. Оренбург Оренбургской учительской школы учащиеся и преподаватели чувствовали достаточно сильное влияние экономического и культурного центра. Непосредственное соседство с Оренбургским учебным округом с другой стороны не давало возможность учебным заведениям самостоятельно действовать в вопросах организации образования и воспитания молодежи. Основная задача школ была подготовка из казахских и русских юношей послушных «просветителей инородцев» [375].

Общий подъем промышленности в 90-ые годы, и в связи с этим роста потребности в специалистах, поставил в необходимость Министерства

народного просвещения несколько изменить и расширить школьную программу подготовки «толковых рабочих». В этот период развивается реальное и коммерческое образование, растет роль начальных земских школ, а либерально настроенная часть представителей министерства поднимала вопрос о всеобщем начальном образовании. Во всеобщем изменении обстановки в образовании не могла не затронуть и Оренбургскую русско-казахскую учительскую школу. Реформирование затронуло прежде всего образовательный уровень, хотя все предпринятые изменения выразились в незначительных поправках и дополнениях в учебных планах. Так, Оренбургская школа с 1893 года, учитывая специфические условия учителей русско-туземных училищ, попадавших, как правило, в местности, где население не имело никакой медицинской помощи, включила в свою программу курс гигиены с краткими сведениями из практической медицины. Воспитанники проходили анатомию и физиологию, знакомились с болезнями человека вообще и с заразными в особенности, изучали способы их распространения и меры борьбы с ними. Кроме того, ученики овладевали приемами оказания первой помощи при отравлениях, угаре, утоплении и солнечном ударе. Особое внимание уделялось лечению оспы и оспопрививанию. Все теоретические и практические занятия по этому курсу проводились школьным лекарем в объеме 3-х недельных часов в III и IV классах.

В 1894 году был введен ручной труд, но чтобы поставить его основательно, у школы не было ни нужных средств, ни помещения, ни соответствующего оборудования. В остальном, казахская учительская школа постепенно тянулась к уровню министерских учительских семинарий, но все ее попытки получить официального признания в качестве семинарии и соответствующие ей штаты не увенчались успехом.

В 1896 году педагогический совет разработал новые программы школы, которые были утверждены попечителем учебного округа и до начала XX века не подвергались изменениям. В соответствии с этой программой воспитанники изучали: закон божий и магометанское вероучение, русский язык и история, математика и физика, география и геометрия, естетствознание и педагогика. Дополнительно вне основной программы проходили ручной труд, рисование, чистописание и гимнастика. Несколько позднее к числу этих «сверхурочных» предметов присоединились еще пение, занятия по садоводству и сельскому хозяйству, а также казахский язык для русских воспитанников.

Успеваемость учащихся систематически поднималась в отчетах школы, которые из года в год подчеркивали одну общую закономерность – переводные и выпускные испытания, как правило, обнаруживали меньшую успеваемость, чем можно было ожидать по данным текущего учета за полугодия. Так, например, в 1901 году по текущему учету успеваемость учащихся по всем классам была равна 99%, а по результатам испытаний она достигла всего лишь 86%. Но по основным предметам учеба шла более или менее благополучно. Отдельные ученики отставали по арифметике, по русскому языку, реже по географии и естествоведению.

Иначе обстояло дело с «второстепенными» предметами. В отчете инспектора Я. Андрусевича в 1901 г., показано отношение учеников школы к рисованию и весьма хорошие результаты, достигнутые ими в этом «искусстве» и после указаний на то, что – «гимнастика военная и вольных движений ведется опытным преподавателем и поставлена очень хорошо», прямо заявлял: «к сожалению и в отчетном году приходится констатировать важный пробел в учебном деле – это плохая постановка, за скудностью отпускаемых средств, пения и ручного труда, имеющих немаловажное значение в педагогическом образовательном деле; не было также правильно организованных и весьма полезных для будущих учителей по садоводству и другим сельскохозяйственным отраслям по недостатку подходящих условий и средств» [376].

В заключительной части своего отчета инспектор Я. Андрусевич, выразив надежду, что реформа образования позволит изменить положение не только всех учебных заведений страны, но и коснется Оренбургской учительской школы. По утверждению инспектора, «из преподаваемых предметов следует поставить более прочно пение и ручной труд» [376, С.34]. Учитель по «пению» не предусматривался по штату денег, так как школа была чисто киргизской, но в связи с обучением до половины числа учащихся русских воспитанников, этот предмет по мнению того же инспектора стал решительно необходимым. С разрешения учебно-окружного управления пение хотя и введено было в школу, но на оплату преподавателю уделялся ежегодно всего лишь 80 рублей от суммы, отпускаемой по штату на ремесел и без того крайне незначительной 200 рублей.

Такое же положение было и у учителя казахского языка не предусмотренного по штату, а преподаватель графических искусств, гигиены, учитель начального училища, получили от 200 до 300 рублей в год. Завершая свое выступление Андрусевич призвал педагогический коллектив словами: «Дай бог, чтобы все эти и другие, не менее важные, нужды школы получили скорейшее и возможно полное удовлетворение, чтобы в последующих годовых отчетах об этом говорилось как о совершившемся факте и чтобы киргизская школа мирно и неуклонно шла по пути к достижению своей цели, церкви и отечеству на пользу». Все эти заявления безусловно не помогли решить все проблемы школы, более того в 1903 - 1907 годы в школе не преподавался ручной труд, а занятия по другим «второстепенным» предметам оставались, как и прежде на втором плане, так как не было средств на лучшую постановку учебной работы.

Так, со второй половины 1903 года в учебный план I-го класса Оренбургской русско-казахской учительской школы были введены краткие сведения по химии и минерологии. Последовало также упорядочение системы прохождения естественных наук. Зоология из первого полугодия I-го класса была перемещена во второе полугодие II-го класса, чтобы изучение ее следовало за прохождением ботаники. В IV классе предусматривалось повторение всех отделов естественной истории. Одновременно было признано необходимым расширить программы по русскому языку и математике.

Учебный план дополнился кратким курсом истории русской литературы теорией словесности, а курс арифметики – сведениями из алгебры. Наконец, в III и IV классах воспитанники школы стали проходить физику.

Расширение учебного плана и программ школы сделали неизбежным введение новых учебников, принятых в учительских семинариях Министерства народного просвещения. В отчете школы за 1903 год дается пояснение по поводу увеличения курса, «такое увеличения курса до объема курса учительских семинарий Министерства народного просвещения, - педагогический совет нашел возможным ввиду того, что теперь желающих поступить в школу является много и с лучшей подготовкой, чем было при открытии школы, когда в силу необходимости приходилось сократить курс» [377].

Незначительное расширение учебных программ не давало улучшения качества обучения, и применяемые в учительской школе новейшие методы преподавания не могли улучшить положения. Огорчало и то обстоятельство, что педагоги ограничиваясь передачей формальных знаний, не стремились к формированию у учащихся сознательного усвоения учебного материала. И только в 1915 году, при министре Н.И.Игнатьеве была проведена инспекция в ряде учебных заведений и, в частности, и в Оренбургской учительской школе. Предметные комиссии, изучив систему преподавания в школах осудила методику преподавания отдельных предметов. Так, комиссия по географии и естествоведению считала своей задачей «выяснение целесообразности и удобоприменимости некоторых способов преподавания географии и естествоведения в русско-киргизской учительской школе» [378].

Впервые комиссия уделяет внимание на значение наглядных пособий в курсе преподавания этих предметов, «возможно большего количества наглядных пособий по этим предметам», о необходимости «главное внимание питомцев школы сосредоточивать на родине, ее богатствах, ее жителях, занятиях ее жителей, вообще – ее особенностях, предпочтительно перед другими государствами». Практические рекомендации комиссии были предметны и уместны, так было предложено дополнять и оживлять учебник по географии чтением соответствующих географических статей популярного характера, «так как тут часто учащиеся знакомятся с такими интересными подробностями, которые невольно в уме учеников возбуждают любознательность и приохочивают к чтению» [379]. Далее комиссия обещала: «Всячески стараться сблизить школу с жизнью, чтобы знания, которые даются воспитанникам школы, могли быть ими применены на деле». При преподавании ботаники и зоологи осуждались сухие описания и классификации», которые не могут привести ученика «к истинному знанию и пониманию природы». Одновременно комиссия обратила внимание на краеведение при изучении естественнонаучных дисциплин, выдвигала перед школой задачу изучения местного края, собирания гербариев и коллекций, а также требовала, чтобы в курсе ботаники отдельным вопросом освещалось различие системы земледелия, встречающееся в Оренбургской губернии.

Неизвестно, в какой степени эта программа потом практически осуществлялась, но судя по всему, преподаватели учительской школы не шли дальше ее обсуждения. 4 декабря 1915 года, педагогический совет, разбирая циркуляр Игнатьева об изменении системы оценок знаний учащихся, жаловался на то, что многопредметность и перегруженность программ «неблагоприятно отражаются на всем ходе образования и воспитания учащихся, заставляя их одновременно воспринимать такую массу знаний по разным предметам, что они не в состоянии разобраться в них, глубже и вдумчивее отнестись к ним и вполне сознательно и основательно их усвоить» [380]. Следовательно, особых изменений к лучшему в учебном деле не произошло, а в следующие тяжелые военные годы и произойти не могло.

Особое место в подготовке будущих учителей занимали практические занятия воспитанников в начальном училище при школе, но это училище своему высокому назначению не соответствовало. В трех его отделениях всего значилось 10-11 казахских мальчиков, т.е. по 3-4 мальчика в каждом отделении. Все старания администрации школы добиться увеличения числа учеников в опытном училище до 30-40 чел., не нашли сочувствия в Министерстве народного просвещения. Поэтому педагогическая практика, проводимая в искусственных типичных условиях, не могла в достаточной мере вооружить учителей для сложной и трудной деятельности в русско-казахских училищах, но довольно прочно прививало им навыки педагогического ремесла.

В течение первых трех недель учебного года ученики IV-го класса посещали уроки в начальном училище, вслед за учителем составляли планы уроков и беседовали с ним о всех своих впечатлениях. После этой полосы наблюдений, начинались уроки практикантов. Каждый из них к своему очередному уроку готовил более или менее подробный конспект, который сначала просматривался учителем начального училища, а потом соответствующим, в зависимости от предмета, преподавателем учительской школы. За последним оставались окончательное утверждение конспекта. Оренбургская татарская учительская школа принадлежала к числу среднего учебного заведения. Предметы, изучаемые в школе: вероучение, русский язык, арифметика, геометрия, география, гражданская история, естественная история, педагогика. В этот период впервые уделяется внимание организации предметных кабинетов: физического, естественных наук, математики, а также производственной подготовки, различные мастерские.

В 1881 году открываются еще четыре центральных училища в степных крепостях: Тургае, Актюбе, Иргизе и Уртабае. Учителями в эти школы были назначены выпускники, окончившие курсы в 1881 г. старо-крещенные татары Сергей Данилов, Иван Спиридонов, Федора Соколова [381].

Для Актюбинской школы по просьбе И.Алтынсарина был приглашен учитель русской национальности. По его мнению, Актюбинская школа до открытия будет находиться в Киргизской волости, и при школе будут обучаться и медресные ученики. В школу был назначен учителем Арсений Мозохин-крестьянин Лаишевского уезда, талантливый и с твердым, рассудительным

характером. Для более дипломатичной работы с муллами к нему прикомандировали одного из казахов, который помогал осваивать язык.

Таким образом, из 16 учителей, назначенных за все это время на преподавательские должности в волостных школах, 10 получили свое образование в действовавшей с 1883 г. Оренбургской учительской школе и 4 - в Казанской учительской семинарии.

В Отчете по учебно-воспитательной работе Уральского духовного училища за 1885-1886 гг. отмечается достаточно хороший уровень подготовки учеников, за исключением русского языка, и это несмотря на создание всех условий для развития языка. Большие достижения учащиеся показывали в области математики. Изучается предмет «Катихизис» в 3 классе – 52 урока и 29 уроков на повторение. Предмет состоял из двух разделов: 1) о божественном откровении и способах его распространения между людьми, о священном предмете и священном писании; 2) учение о вере христианской, изложенное в 12 числах [382].

При изучении курса учитель строго держался учебника. Главная задача учителя состояла в том, чтобы довести учеников до ясного понимания и полного усвоения догматических истин, изложенных в курсе «Катихизис».. При изучении курса учитель придерживается принципа от простого к сложному: каждый отчетный урок излагался во время беседы простым, доступным для учеников языком, особенно это было характерно для начала года, более трудные вопросы и темы для учеников изучали при повторении. Особенно большое внимание уделялось изучению текста священного писания. Для точного, хорошего запоминания, текст переводили на русский язык, иногда использовался грамматический разбор текста, причем всегда отмечались в тексте главные слова или сила текста. При ответе необходимо было знать, кому принадлежат слова текста, или же ставилась другая задача, как по какому случаю и когда были сказаны данные изречения или же слова.

Изучение латинского языка было одним из основных задач школы. Изучался предмет три года, начиная со второго класса. В 1885 году были получены новые программы по многим предметам. И уже с начала учебного года училище приступает к изучению многих предметов по новой программе [383]. По новой программе курс распадался на несколько разделов:

- а) парадигмы всех склонений существительных и главных форм всех спряжений глаголов и глагола *esse*;
- б) систематическое изучение склонений с практическим изучением с распознаванием рода существительных;
- в) имена прилагательные и степени сравнения;
- г) наречия и местоимения;
- д) предлоги, числительные и союзы;
- ж) главные времена глагола.

В этот же период выходит учебное пособие «Краткое руководство к изучению латинского языка» автора Смирнова, пособие для учителя «учебник латинского языка» авторов О.Буслаева, С.А.Бельского, книга для упражнений в латинской этимологии (по Веденеру) М.Павликовского.

При изучении истории используется метод чтения, разложения на частные вопросы, воспроизведение события по частям. В процессе обучения учитель, в основном, придерживается принципа сознательного усвоения материала. Практически не используется самостоятельная работа ни как форма, ни как метод обучения. В работе учителя самостоятельность и сознательность усвоения смываются в понимании и применении.

Немаловажным вопросом и проблемой был, безусловно, и язык преподавания. Некоторые миссионеры в своих выступлениях были не согласны с преподаванием в инородческих школах на русском языке. По мнению А.Е.Алекторова, в разумно поставленной школе преподавание должно происходить на родном языке, материнском языке того, кто пришел в нее учиться [384]. Сетуя, что в продолжении XIX в. когда только развивалось народное образование, А.Е.Алекторов обращает внимание чиновников на то, что не был рассмотрен и не разрешался правительством вопрос о языке преподавания. На местах национальных школ, у всех «инородцев» без исключения развивалась казенная, чуждая народу, русская школа.

За более чем полутора вековую историю Жангировское училище – Урдинскую среднюю школу окончили десятки тысяч человек. Среди них ученые, композиторы, герои, генералы, государственные деятели, спортсмены, учителя, врачи и люди других профессий.

Для знакомства с наиболее выдающимися выпускниками школы мы приводим краткие биографические справки о них:

Ученые:

1) Бабажанов Мухамед – Салих Караулович (1832-1898), ученый этнограф, член-сотрудник Санкт – Петербургского русского географического общества. Был награжден серебряной медалью географического общества за научные труды. Выпускник Оренбургского кадетского корпуса.

2) Бекмухамбетов Макаш Чултурович (1830-1904), ученый-этнограф, Почетный член Астраханского научного общества. Автор «Благих наставлений». Выпускник Оренбургского кадетского корпуса.

3) Букейханов Казихан Наушерванович (1899-1966), заслуженный врач Казахской ССР, кандидат медицинских наук, профессор.

4) Бияшев Гакаш Закиевич (1906-1987), генетик, доктор сельскохозяйственных наук, академик.

5) Мухамбеткалиев Фазыл (1911), доктор биологических наук, академик.

6) Азербаетов Ерден Негметович (1912-1975), доктор химических наук, академик.

7) Тайманов Асан Дабысович (1917-1980), первый выпускник Уральского педагогического института (1940г.), доктор физико-математических наук, академик.

8) Епифанов Петр Павлович (1909), доктор исторических наук, профессор МГУ. Лауреат Государственной премии СССР.

9) Идирисов Акрам Салимович (1905), доктор медицинских наук.

11) Жумагалиева Фатиха (1916), доктор медицинских наук, профессор.

Общественные деятели:

1) Мендиханов Ишангали (1872-1919), народный комиссар внутренних дел, первый драматург Казахстана.

2) Мендешев Сейткали (1882-1938), активный участник установления Советской власти. Видный государственный деятель, председатель ЦИК Каз.АССР.

3) Сериққали Жакыпов (1892-1939), организатор первой комсомольской организации в Казахстане - в Урде, чекист.

4) Алма Динмухамедовна Уразбаева (1898-1943), деятель женского движения, делегат трех съездов партии, Всесоюзный XIV партконференции, III международной женской конференции (Берлин 1924г.)

5) Бисен Жанекешев (1888-1921), комиссар I образцового конного полка, поэт-учитель.

6) Бегалиева Мадина Кожбановна (1899-1975), первая женщина-казашка, инженер-металлург, кандидат технических наук.

7) Чури́н Ха́мит Даулетович (1901-1979), активный участник организации I образцового конного полка. Делегат VII съезда ВЦИК, кандидат сельскохозяйственных наук.

8) Шомбалов Мажит Мухамеджанович (1873-1940), врач-чумолог, народный комиссар Здравоохранения, организатор аптечной системы в Казахстане.

9) Бергалиев Ыдырыс (1886-1927), председатель Букеевского ЦИК, делегат IX, X съездов партии, член ВЦИК и КазЦИК.

10) Азербает Гусман Негметович (1904-1943), герой гражданской войны, участник ВОВ.

Герои и генералы:

1) Жангиров Губайдулла (Чингисхан) генерал от инфантерии русской армии, герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

2) Курмангалиев Рамазан (1894-1937), младший командир I образцового конного полка, бригадный комиссар (генерал-майор).

3) Шакир Жексембаев (1901-1988), младший командир I образцового конного полка, генерал – майор инженерно – технических войск.

4) Масин Темир, Герой Советского Союза, окончил Урдинскую школу-педтехникум.

Поэты:

1) Бокеев Шангерей (1847-1920), поэт, философ, общественный деятель, автор многих лирических песен, им переведена на казахский язык поэма М.Ю.Лермонтова «Беглец».

2) Гумар Караш (1876-1921), поэт, философ, общественный деятель, редактор первого педагогического журнала «Мугалим», автор сборника «Орнек», «Бала тулпар», «Турымтай».

3) Жароков Тайыр (1908-1965), поэт, автор многих стихов и поэм, им переведены на казахский язык произведения Ш.Руставели, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.А.Некрасова, В.В.Маяковского, М.Алигер, А.Суркова.

Композиторы:

1) Шигаев Даулеткерей (1814-1878), народный композитор.

Заслуженные учителя

1) Тажетдинов Ахметфаиз Юсупович (1892-1982), заслуженный учитель КССР, Младший командир I образцового конного полка, основатель Урдинского исторического музея, краевед.

2) Зарипов Гумар (1905-1973), заслуженный учитель КССР, краевед, автор многих публикаций по охране памятников истории и культуры.

Таблица 16 – Число учителей, работающих в начальных народных училищах

Происхождение	Всего:		В том числе в городах:			
	Мужчин	Женщин.	Обоего	Мужчин.		
	Женщин.	Обоего	пола.	пола.		
Дворянского	3,8	12,0	8,6	7,5	25,3	20,7
Духовного	5,8	22,5	15,6	6,7	16,7	14,2
Крестьянского	50,6	26,3	36,4	39,6	14,6	21,0
Мещанского	14,2	25,9	21,0	25,4	28,0	22,3
Казачьего	3,1	0,4	1,5	6,3	2,1	3,2
Иностранцы	3,5	-	1,5	3,7	-	1,0
Прочие сословия	19,0	12,8	15,4	10,8	13,8	12,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Из таблицы 16 видно, что в сельских начальных школах большое количество учителей составляли мужчины; в большинстве учителей – в возрасте около 25-30 лет составляли молодежь; большинство учителей по своему происхождению являлись крестьянами и мещанами; большинство учителей имели низшее и домашнее образование [385]. Таким образом, можно предположить, что в основном, учителями работали те, которые получили образование в начальном городском училище, имели второклассное епархиальное училище и позже дополнительно сдавшие экзамен на звание учителя начальной школы. Среди учителей было незначительное количество из местного коренного населения (из казахов – 1,5% и из казахов – иностранцев – 1,5%), следовательно, абсолютное большинство учителей являлись иногородними.

В 1914-1917 годы, накануне Октябрьского переворота на территории Уральской области оказалась небольшая часть эвакуированного населения из прифронтовой полосы – беженцы. Незначительную часть их составляли учителя. Таким образом, к 1917 году основной состав учителей в Уральской области по сравнению с 1916 годом несколько изменился. Данные таблицы - 17 на 1-ое января 1916 года показывают следующую картину, работающих учителей можно разделить по социальному и национальному составу, уровню квалификации [386]. Так, во-первых, большинство учителей в школах области до 1916 г. составляли иногородние, чем коренные жители Уральской области: учителей войсковых было 325, учителей иногородних - 428 человек; во-вторых, точных данных о количестве учителей-казахов нет, но распределение учителей по школам говорит о том, что их, как видно, было не так много. Есть сведения о том, что в войсковых училищах их не могло быть, ибо там были все войсковые учителя и учительницы.

По данным 1916 года всего учителей в войсковых школах насчитывалось 165 человек, из них лишь 9 русскоязычных иногородних учителей, в церковно-приходских школах также служили учителя русской национальности. В этих школах, как мы видим из таблицы, из общего количества (179) учителей войсковых 39, плюс 37 итого 76, а учителей иногородних – 103, в-третьих, большое количество учителей и учительниц с общим средним и низшим образованием: - 154, плюс 64, плюс 70, итого – 288, - 35,8% от общего количества учителей и учительниц области. В числе министерских школ Зауральной степи из общего количества 256 школ 11 учителей работали в войсковых, оставшиеся 245 учителей работали в русских школах среди переселенческого населения (54) и русско-казахских школах (150 и 41).

Таким образом, в Уральской области на 4 уезда работало примерно около 180 учителей-казахов. Количество других школ, как низшее сельскохозяйственное училище, реальное училище, мужская и женская гимназии, женская прогимназия были незначительны в области, насчитывалось по одному на каждый вид учебных заведений, и подготовленных учителей в этих школах было ограничено. Все это, безусловно, сказывалось на уровне развития культуры, экономики и социального развития региона.

Обширное развитие в этот период школьной сети в регионе не позволяло достаточно комплектовать учительскими кадрами. Для этого периода характерны и новые направления работы в народном образовании, как создание внешкольных, детских дошкольных учреждений, детских домов, требующих подготовки новых специалистов, которых, безусловно, не доставало.

В период двух войн: в 1914-1917 годы состав учителей значительно изменился и продолжал изменяться в послевоенный период. С одной стороны участие в этих войнах учителей значительно ослабило их качественный и количественный состав. С другой стороны открытие государственных учреждений, куда был отток специалистов народного образования, значительно ухудшило положение в школах. Они возглавили советские учреждения - Советы, их отделы, особенно отделы народного образования, где руководящими работниками являлись исключительно учителя. Так, Уральский

областной отдел народного образования, состоял из следующих учителей: зав. облоно Ф.П.Паэгле, И.А.Шульмейстор, И.С.Пономарев, Н.П.Дмитриевский, А.И.Тронов, Д.И.Исупов, С.Г.Каймашников, А.К.Кенжин и другие.

Разные пути, которые искали в местных органах народного образования для подготовки учительских кадров, позволяло в той или иной мере обеспечить кадрами школы. Одним из таких путей было создание педагогических классов. В 1912 г. в педагогическом классе был введен трехлетний курс обучения. Инспектор народных училищ Внутренней Орды А.Воскресенский, не надеясь на прибытие учителей из других районов, счел необходимым организовать педагогический класс, который вначале работал при двухклассном Ханско-Ставочном училище, а позже при городском училище. Открытый в Ханско-Ставочном училище педагогический класс был рассчитан на прием 15 воспитанников, однако такого числа учащихся никогда не набиралось. В 1908 г. в нем обучалось 7 человек. Это безусловно, сказалось на обеспечении школ Орды квалифицированными учителями.

Особые трудности в кадрах испытывали школы в 1911-1912 гг., когда были открыты 27 одноклассных училищ. Чтобы укомплектовать их учителями пришлось произвести досрочный выпуск воспитанников Ханско-Ставочного педагогического класса. На наш взгляд, заслуживает одобрения такой факт в деятельности инспектора училищ А.Воскресенского, как подготовка учителей для школ среди местных жителей, главным образом из выпускников двухклассных русско-казахских училищ. Это позволило подготовить наибольшее количество учителей-казахов для школ Орды. В отличие от других областей Казахстана и Западного региона в Орде процент учителей-казахов был значительно больше. В 1913 г. из 64 учителей общеобразовательных предметов казахов было 36 человек или 56,2%.

В женских русско-казахских школах Орды учительницами работали женщины-казашки. Например, в аульной женской школе в ур. Чулак-Купе Торгунской части учительствовала Ханифа Джаксалыкова, в Нарынской женской аульной школе в ур. Байбакты преподавала К.Байтуарова. А.Воскресенский в письме Ф.Керенскому указывал на трудность подготовки девушек-казашек к педагогической работе. Он сообщал, что после окончания Ханско-Ставочного женского училища, казашки частным порядком занимаются у местных преподавателей [387].

А.Воскресенский поставил вопрос об организации женского педагогического класса при Ханско-Ставочном училище для подготовки девушек-казашек к учительской работе. Однако это предложение А.Воскресенского не получило поддержки учебного начальства.

Отдельной оценки заслуживает расширение методической базы библиотеки Орды. С целью оказания методической помощи учителям русско-казахских школ А.Филиппов, сменивший Воскресенского на посту инспектора училищ, предпринял попытку организовать библиотеку по вопросам национальной школы. В 1906 г. он обратился к С.М.Граменецкому, Н.Остроумову, А.Е.Алекторову, А.Васильеву и другим деятелям национальных школ с просьбой помочь в комплектовании библиотеки литературой. Просьба

единодушно была воспринята многими миссионерами и деятелями русско-национальных школ. Были собраны и присланы ими различного рода литература: А.Е.Алекторов прислал «Русско-киргизскую азбуку», «Песню Алашинца Байтоки на смерть хана Джангера» и другие, А.Воскресенский прислал 30 экземпляров своей работы «Заметки о Букеевских школах», Н.Остроумов направил в адрес библиотеки свою книгу – «Последнее слово ислама в Европе» на узбекском языке. Также литература поступила из Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Тобольского православного миссионерского общества и других организаций и лиц. Библиотека пользовалась широкой популярностью учителей и казахской интеллигенции Орды.

Таблица 17 – Учебный план Таловской участковой школы за 1902-1903 учебный год

Наименование учебных предметов	Число недельных часов по отделениям			
	Приготовительное	I	II	III
Арифметика	6	5	5	4
Русский язык	6	5	6	5
Письменные упражнения – списывание книг и прописей	4	4	3	1
Диктовка	-	1	2	3
Заучивание русских слов	4	5	3	1
Перевод русского на киргизский язык	-	1	-	-
Устный и письменный перевод с киргизского языка на русский	-	-	3	5
Грамматика русского языка	-	-	2	3
Чистописание	5	4	2	3
Чтение	-	-	-	4
Пение	3	3	3	3
Итого	28	28	29	32

Из таблицы 17 видно, что большое внимание в процессе обучения уделяется изучению русского языка. Русский язык изучается на основе нескольких предметов, которые позволяли интенсивному усвоению языка. Основная форма работы в старшинских и участковых школах была классноурочной. Вот как описывает организацию учебных занятий в Камыш-Самарской участковой школе учитель С.Ажгиреев. «Утренние занятия продолжаются 4 часа. В каждый час сам занимаюсь в двух отделениях (в старшем и среднем, или младшем и подготовительном), а двум другим отделениям даются самостоятельные работы, которые проверяются мною каждый час. За 4 часа с каждым отделением занимаюсь дважды по 25-30 минут. Вечерние занятия проводятся аналогично утренним» [388].

В ежегодных отчетах учителей школ указывается, что наилучшим методом преподавания является наглядно-переводный. Однако отсутствие наглядных пособий значительно затрудняло работу учителя и усвоение учебного материала детьми. Многие учителя старшинских школ требовали ввести в учебный план пение, некоторые, в частности А.Ильчбаев, вероучение или закон божий, так как считали, что «... отсутствие закона божьего и вероучения затрудняет нравственное воспитание, так как учитель не имеет возможности прибегать к авторитету религии и вынуждены опираться только на свою педагогическую опытность». А также отсутствие пения в старшинских школах, - указывал А.Ильчбаев, - наносит ущерб эстетическому воспитанию их питомцев». Вероучение преподавалось далеко не во всех школах Орды. Посещение уроков вероучения было необязательным [389].

По мнению многих учителей, в частности С.Мендешева, А.Худайбергенова, М.Сарсемыева и других, с развитием иного аграрного сельского хозяйства стало необходимым давать в школе сведения по основам сельского хозяйства, и следовательно учебные планы участковых школ и двухклассных училищ должны включать учебные предметы, дающие эти знания. В некоторых школах учителя, по собственной инициативе, организовывали занятия ручным трудом. Так учитель Токсан-Аральской школы А.Худайбергенов во внеурочное время обучал детей плетению корзин из ивовых прутьев, вязанию рыболовных сетей. В его школе девочки занимались рукоделием [390]. Однако добрые начинания энтузиаста не получали ни материальной, ни моральной поддержки учебного начальства.

В своей работе учителя русско-казахских школ Внутренней Киргизской Орды пользовались в основном учебниками, составленными русскими учеными и методистами того времени. Это следующие учебники: «Букварь для киргиз» А.Васильева, задачки Я.Вишневого и И.С.Беллюстина, книги для чтения Л.Н.Толстого, К.Д.Ушинского, Л.А.Тихомирова, М.И.Вольпера, А.Бубликова и А.И.Гольденберга.

Известно, также, что в 1906-1907 гг. С.М.Мендешев, в то время учитель Торгунского участкового училища, составил букварь для старшинских школ. Эта азбука готовилась к изданию в г. Оренбурге А.В.Васильевым под заглавием «Новый букварь, обработанный С.Мендешевым» и должна была выйти в свет в 1907 г. Далее никаких сведений о выходе этого учебника, а также о работе школ Орды по ним нет. После открытия двухклассного русско-казахского училища в пос. Новая Казанка С.Мендешев был назначен его заведующим.

В развитии русско-казахских школ, в подготовке учителей большую роль сыграли замечательный педагог и просветитель казахского народа И.Алтынсарин, передовые народные учителя С. Кубеев, М. Сералин и др. Они активно боролись за основательное изучение детьми казахского и русского языков, за светские научные знания. Ими были составлены первые учебные книги и руководства («Казахская хрестоматия» и «Первоначальное руководство к обучению казахов русскому языку» И.Алтынсарина, «Примерный ученик» С. Кубеева).

Учительские кадры до начала XX в., в основном, готовились в Оренбургской учительской семинарии, Уральской двуклассной женской епархиальной учительской школе, Уральской женской гимназии, Уральском войсковом реальном мужском училище, Уральской учительской семинарии. Уральская учительская семинария подготовила первых выпускников в 1917 году, выпустив 20 человек молодых учителей, из них: 18 русских и 2 казаха. Безусловно, даже учитывая слабое развитие сети школ, они испытывали на местах недостаток, особенно в национальных кадрах.

События 1889 года показали Министерству народного просвещения, что в замкнутом учебном заведении с характерным национальным составом является одним из условий, способствующее сговору учеников, усиливающее их единодушие и упорство в борьбе с администрацией. Министерство опасалось, что эти условия с одной стороны, социальный и единый национальный состав с другой в дальнейшем не примут политической окраски, в школе, в основном, преобладали дети «простого происхождения». 25 апреля 1892 года правительство санкционировало с 1 сентября прием в Оренбургскую русско-киргизскую учительскую школу до 50% русских учеников.

Таким образом, правительство вдвое сократило доступ казахской молодежи в школу. Такое решение правительства не оставило равнодушным и самой молодежи. В Тургайской и позднее Уральской областях, ученики которых составляли большинство в школе, возбудили ходатайство об учреждении дополнительных земских стипендий исключительно для казахских подростков. Поднимая вопрос о национальном составе, воспитанники добились удовлетворения своего ходатайства. В 1896 году стипендиальный фонд Оренбургской школы увеличился на 17 земских стипендий для детей казахов Тургайской, а в 1897 году еще на 10 стипендий для детей казахов Уральской областей.

Теперь положение дела изменилось в пользу казахских детей, они занимали 45 стипендиальных мест из 62-х. Такое положение не устраивало Министерство народного просвещения, оно настойчиво продолжало обострять вопрос о национальном составе учащихся и разрешило в том же 1897 году прием в школу приходящих русских учеников «с целью, как откровенно говорилось в инспекторском отчете за 1898 г., - увеличения в ней контингента русских воспитанников, в виду последовавшего через частных стипендиантов увеличения числа учащихся киргиз» [391].

Увеличение числа контингента в результате такой борьбы за первенство устраивала администрацию школы. Она с каждым годом увеличивала общее количество своих учеников и постепенно освобождалась от национальной замкнутости. Прием русских мальчиков имел громадное значение для политического роста казахской учащейся молодежи, ибо расчет правительства на то, что в Оренбургскую учительскую школу пойдут сыновья реакционных казахов и кулаков-колонизаторов, не оправдался. Туда прежде всего шли дети крестьян, дети русских поселенцев, с которыми казахские подростки очень скоро находили общий язык, вступали в самые дружеские отношения, благодаря классовому родству поднималась над вековой национальной рознью.

Общеизвестно, и по следам архивных материалов в Оренбургской русско-киргизской учительской школе не было ни одного случая вражды между казахскими и русскими воспитанниками. Доброе товарищество, искренняя дружба и расположение друг другу позволяли решать социальные и адаптивные проблемы. К педагогическому образованию, стремилась преимущественно молодежь из народов, которая меньше всего страдала от националистических пороков, свойственных в одинаковой степени потомкам русского дворянства и казахской родовой знати.

По некоторым статистическим сведениям известны следующие данные по социальному составу учащихся:

- а) 1886 г. детей султанов 9 чел., простого происхождения 25 и пр.
- б) 1887 г. детей султанов 7 чел., простого происхождения 27 и пр.
- в) 1889 г. детей султанов 8 чел., простого происхождения 26 и пр.
- г) 1890 г. детей султанов 6 чел., простого происхождения 28 и пр.
- д) 1891 г. детей султанов 3 чел., простого происхождения 30 и пр.

По этим данным видно, что в школе преобладали дети «простого происхождения».

По социальному составу среди русских школьников до 1897 года преобладали дети из городского сословия, но с открытием доступа для «приходящих» и с введением в 1902 г. «своекоштных пансионеров», казенные стипендии все больше доставались детям из сельских местностей, которые, естественно, приходящими быть не могли. Эти две основные группы, как видно из следующей таблицы, постоянно преобладали над остальными, а за последние годы ученики крестьянского происхождения составляли большинство.

- 1) 1893 г. детей крестьян было – 2, мещан – 5, духовенства-чиновников – 3
- 2) 1895 г. детей крестьян было – 7, мещан – 8, духовенства-чиновников – 1
- 3) 1898 г. детей крестьян было – 5, мещан – 18, духовенства-чиновников – 2
- 4) 1902 г. детей крестьян было – 16, мещан – 19, духовенства-чиновников – 1
- 5) 1903 г. детей крестьян было – 21, мещан – 17, духовенства-чиновников – 0
- 6) 1904 г. детей крестьян было – 20, мещан – 17, духовенства-чиновников – 0
- 7) 1906 г. детей крестьян было – 16, мещан – 10, духовенства-чиновников – 1
- 8) 1913 г. детей крестьян было – 25, мещан – 10, духовенства-чиновников – 2
- 9) 1914 г. детей крестьян было – 35, мещан – 7, духовенства-чиновников – 1
- 10) 1915 г. детей крестьян было – 39, мещан – 12, духовенства-чиновников – 2

Таким образом, в Оренбургской учительской школе с каждым годом увеличивался удельный вес демократических элементов не только среди казахских, но и русских учеников.

Первый выпуск русских учеников состоялся в 1895 году. Правда, они пока везде оставались в меньшинстве и педагогический совет именно такое соотношение в национальном составе считал желательным. «Последнее, - говорилось в отчете за указанный год, - весьма желательно и на будущее время, чтобы сохранить за школой ее особый характер и выделить ее из ряда других учебных заведений. Школа является единственным в России питомником учителей для обширного киргизского народа и пусть она не одним только названием своим, а и самим составом учащихся отвечает своей функции» [392].

Для нашей работы интерес представляют сведения о национальном составе учеников, данные об их движении из класса в класс:

Таблица 18 – Сведения о национальном составе учеников и движение их из класса в класс

Годы	Учащихся по классам				всего	Из них		Окончило школу
	I	II	III	IV		Русск	Казах	
1885	9	6	10	12	37	-	37	-
1886	13	11	5	5	34	-	34	10
1887	10	11	8	5	34	-	34	5
1889	8	8	16	3	35	-	35	-
1890	9	8	6	11	34	-	34	2
1891	13	9	7	5	34	-	34	10
1893	9	11	9	6	35	10	25	4
1895	12	7	8	8	35	17	18	8
1896	29	8	7	8	52	20	32	7
1898	16	20	24	8	68	25	43	7
1901	16	12	-14	8	50	25	25	13
1902	27	15	11	12	65	35	29	7
1903	29	21	12	10	72	38	34	11
1904	20	25	17	10	72	37	35	10
1906	15	15	21	15	66	27	39	12
1907	15	11	15	20	61	33	28	-
1909	21	21	11	11	64	13	51	11
1910	22	18	16	9	65	23	42	11
1913	23	17	16	14	70	44	26	13
1914	31	17	8	9	65	43	22	13
1915	31	20	14	7	72	56	16	9

Таким образом, из таблицы - 18 видна деятельность Оренбургской учительской школы и основная просветительная политика царизма по отношению к казахам, в результате которой эффективность учительской школы в части подготовки национальных кадров систематически снижалась [393].

В Туркестанском крае подготовка учительских кадров осуществлялось в Ташкентской учительской семинарии. Предложение об открытии в Ташкенте Учительской семинарии, «...в видах правильного осуществления системы... народных школ» было сформулировано еще в 1873 году созданной по

инициативе К.П. фон Кауфмана специальной комиссией, «...на которую возложена была обязанность обсудить всесторонне вопрос о народном образовании и проектировании соответственных цели законоположений» [394].

Первоначально Министерство финансов отклонило идею об открытии семинарии по причине, злободневной во все времена – недостатка средств. Открылась семинария 30 августа 1879 года. Это четырехгодичное учебное заведение являлось «...в течение десятилетий единственной педагогической школой для огромной территории Средней Азии... единственным здесь средним профессиональным учебным заведением».

Учительская семинария была призвана, в первую очередь, готовить учителей для так называемых «русско-туземных» школ. Здесь изучались русский, узбекский, таджикский языки, математика, физика, естествознание, география, педагогика, всеобщая история, исламоведение, музыка, восточная каллиграфия и другие дисциплины. С 1883 по 1917 г. семинарию окончили около 450 человек. Педагогами в семинарии работали Н.П.Остроумов, В.П. Наливкин, Л.В.Ошанин, Н.Г.Маллицкий; среди ее выпускников были В.Л. Вяткин, Г.В.Андреев-Джурабаев, К.К.Юдахин, М.С.Андреев.

При открытии Туркестанской Учительской семинарии в 1879 году главный инспектор училищ Туркестана А.Л.Кун произнес программную речь: «Наша школа всегда будет стоять на почве уважения религиозных верований каждого ее ученика, в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм. Как школа русского народа, по отношению к инородцам только одну цель – распространить между ними общечеловеческое образование и дает возможность сохранить свои национальные интересы».

В Учительской семинарии Н.П.Остроумов директорствовал до октября 1883 года, когда он был переведен на должность директора Ташкентской мужской гимназии. А в декабре 1900 года его вновь назначили директором Туркестанской Учительской семинарии.

Увеличение школьной сети в городе Павлодаре и сельской местности привело к острой нехватке педагогических кадров для обеспечения начальных школ педагогическими кадрами Павлодарского уезда в 1913 г. в Павлодаре при трехклассном городском училище были организованы двухгодичные педагогические курсы по подготовке учителей русских начальных школ и аульных русско-казахских школ. Успешно закончившие 2-х годичные педагогические курсы назначались учителями в начальные русские и аульные русско-казахские школы.

В начале XX века в стране присходит промышленный кризис, бурный подъем рабочего движения поколебал устои царизма. Но вместе с тем, государя волновало развитие образования, особенно профессиональное, занимающее особое место в подготовке квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства. В этот трудный период для страны Николай II в своем письме на имя Министра народного просвещения от 15 марта 1903 года не только признавал важность реальных училищ, но и одобрил широкое развитие среднего технического и профессионального образования. Преимущественное внимание уделяется предметам физико-математическим, естествознанию,

русскому и новым языкам в общеобразовательных школах. В свою очередь, все это повлекло за собой повышение требований к педагогическим учебным заведениям.

Первый, кто смог получить специальную педагогическую подготовку и сумевший впоследствии проводить реформы образования в Казахстане, был И.Алтынсарин. В 1846 году И.Алтынсарина, пятилетнего ребенка записал в кандидаты в первую Киргизскую Школу дед, известный бий Балгоджа. Однако, открытие школы затянулось вплоть до 1850 г. и привез его в Оренбург, в школу для киргизских детей дядя Джытыбай Утемисов. По просьбе девятилетнего Алтынсарина его дядя был оставлен в школе «с производством порционных денег... покуда киргизские дети не свыкнутся с настоящим положением» [395]. По воспоминаниям Н.И.Ильминского, Д.Утемисов все-таки был оставлен при детях до окончания ими полного курса. После окончания курса И.Алтынсарин в 1859 г. был назначен младшим толмачем Оренбургского Областного правления. В 1860 г. же был определен учителем одной из вновь учрежденных маленьких школ при Оренбургском укреплении, а также переводчиком при этом же укреплении. Как достаточно образованный человек, И.Алтынсарин служил учителем, инспектором киргизских школ Тургайской области, которые в основном и сам организовывал. Ведя активную переписку со многими чиновниками в системе образования, и в частности с миссионером Ильминским, инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Оренбургского Учебного Округа В.В.Катаринским, с учителями киргизских школ Тургайской области А.А.Мозохиным, О.Д.Соколовым и другими И.Алтынсарин решал проблемы организации и открытия новых школ, приобретения учебников и их составления для детей казахов и методики обучения их.

По просьбе попечителя Оренбургского Учебного Округа П.А.Лавровского и по рекомендации Н.И.Ильминского И.Алтынсарин составляет учебные книги для киргизских школ. Разделив книгу на две части: первая часть, напечатанная русскими буквами, содержала коротенькие рассказы из казахского быта, и вышла в 1879 г. под заглавием «Киргизская Хрестоматия. Книжка первая». Во второй части в содержании были материалы из географии, истории, естествознания, физики. В том же году И.Алтынсарин напечатал «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Краткий очерк русской грамматики». Стараниями И.Алтынсарина повсеместно на территории Казахстана открываются русско-казахские школы, двухклассные и ремесленные училища: маленькие киргизские школы в Троицке, Оренбургском укреплении (Тургае), Уральском укреплении (Иргизе). Учителями в эти школы были назначены казахи, закончившие курс в 1857 году в Киргизской школе: Кулубеков, Мунсызбаев, Алтынсарин. И.Алтынсарин был назначен учителем в Оренбургское укрепление.

Получив назначение на должность инспектора киргизских школ Тургайской Области с 1 сентября 1879 г. И.Алтынсарин участвует в открытии училищ: двухклассные по одному в уездных городах или центральных в уезде укреплениях, волостные, одноклассные школы среди кочевий. В 1879 г.

открываются два училища в Тургае и Иргизе. И.Алтынсарин понимал, что для обеспечения хорошего направления образования, повышения уровня образованности среди казахского населения необходимы способные и образованные учителя. По этому поводу И.Алтынсарин вел переписку с Ильминским для назначения учителями выпускников Казанской Учительской Иностранческой Семинарии, которым заведовал он. Назначение учителями получают выпускники Семен Меркурьев и Иван Григорьев из старокрещенных татар, полагая, что они быстрее усвоят киргизский язык.

Выпускники, закончившие русскоязычные школы, если не продолжают образование, то они так и остаются малограмотными, с низким уровнем образования. В последующие годы, находясь практически среди казахско-язычного населения, они утрачивают многое из того, что в свое время получили в русской школе.

Осознание необходимости получения грамоты, полезного практического знания приводит к созданию школ нового типа, появлению печатных книг светского содержания на казахском языке. В этот же период в большом количестве выходят словари, учебники, детские книжки. Особое место в разработке и переводе книг играет И.Алтынсарин. Первым учителем, который преподавал религию и восточные языки был мулла Хаким Мухаммед Аминов. Самым первым предметом в училище было чистописание, на которое уделялось 83 урока. Перед каждым уроком учитель предварительно давал наставления ученикам, как должен сидеть ученик, как должны лежать принадлежности - тетрадь, перо, чернильница и прочие ученические принадлежности. После чего учитель проводил тренировочные упражнения, то есть вычерчивались на доске ровные линии, рисовались различные фигуры. Такие упражнения, по мнению педагогов, давали возможность развитию мышц, глазомера. После чего приступали к изучению грамоты.

Изучению древнего языка отводилось большое внимание. Так, в Уральском духовном училище изучались латинский и греческий языки. Изучение латинского языка начинается со 2 класса. При изучении этимологии латинского языка главной задачей школы было укрепить выполнение учениками правил этимологии. Каждый год обучения имел определенное количество часов по изучаемым дисциплинам. Количество часов по предметам отводилось по нарастающей. Так, в 3 классе на изучение содержания дисциплины отводилось 103 часа и на повторение 54, всего 157 часов на год. Изучение латинского языка проводили в 4 частях: 1) спряжение правильных и глаголов *sum, possum, possums*; 2) спряжение глаголов относительных, уклоняющихся, недостаточных и безличных; 3) главные синтаксические правила: употребление времен и наклонений после союзов *ut, he, si, quin*; 4) повторение всего пройденного. Содержание грамматики в 3 классе практически повторяет материал 2 класса.

В 4 классе на изучение латинского языка отводится 130 часов из них 30 уроков на повторение латинского синтаксиса и изучение теории. Трудность самого языка с одной стороны, а также неподготовленность специалистов не давала возможность глубокому изучению языка.

Греческий язык также изучали со второго класса. Преподавал предмет в Уральском духовном училище кандидат Санкт-Петербургской духовной академии. Общее количество часов, отводимое на изучение предмета, складывалось из основного изучаемого материала и материала, отводимого на повторение:

- 1) во 2 классе – 121 уроков и 30 уроков на повторение;
- 2) в 3 классе – 106 уроков и 49 на повторение;
- 3) в 4 классе – 59 уроков и 94 на повторение.

Темы на изучение упражнений давались в прогрессивной трудности и сложности. То есть в процессе обучения большое внимание уделялось принципу систематичности и последовательности. Изучение нового материала организовывалось от изучения простых предложений к сложным, распространенным и в 4 классе к периодической речи [396].

Русский язык, в отличие от древних языков, начинали изучать с 1 класса. В 1 классе на изучение отводилось 309 уроков из них 34 отводилось на систематическое повторение грамматического курса, практическое изучение этимологии русско-славянского языка. Учебником по русскому служили «Грамматика» С.Перевитского часть 1, эта же книга была предназначена для чтения. Изучался русский язык по учебнику А.Х.Востокова часть 1. Церковно-славянский язык изучался по «Грамматике» С.Перевитского. Для учителей было написано отдельное пособие «Грамматика» под редакцией С.Перевитского часть 2. Методика для практического занятия при первоначальном изучении русского языка была написана М.И.Вольпера.

Изучение арифметики начинали с 1 класса. Во всех параллельных классах преподавал арифметику кандидат Казанской академии С.Ливанов. Арифметика изучалась по новой программе. В отчетах руководителей школ дается подробный анализ изучению арифметики по новой программе. Так, из отчета видно, что арифметика изучалась формально и курс 1 класса по новой программе формально значился пройденным, но анализ показывает, что умножение и деление именованных чисел давалось в общих чертах [397].

В 1 классе на изучение материала отводилось 114 уроков. В отличие от предыдущих предметов часы на повторение отдельно не уделялись. Учебниками во всех классах служили «Арифметика» и «Сборник задач» Н.Малинина и В.П.Буренина. Были разработаны и пособия для учителей, которые давали возможность давать фактические знания ученикам: «Практическая арифметика» под редакцией М.Гурьева, «Наглядная арифметика», «Методика арифметики» автор С.И.Шахор – Троцкий [398].

Содержание арифметики 1 класса, в основном, заключалось на изучении устного счета от 1 до 100, решении простых задач на все действия с использованием наглядного материала.

Во втором классе изучению арифметики отводилось 93 уроков из них 28 на повторение. Отличительной особенностью изучения арифметики было еще и в том, что кроме работы на уроке, ученики получали и самостоятельное домашнее задание.

Достаточный обширный курс был и по географии. Хотя и объем часов не давал возможность в полной мере изучить предполагаемый материал по географии [398, с.73]. На данный период в 1885-1886 учебный год новая программа по географии выходит в конце учебного года. Руководство образования решает сразу же подключить учебные заведения к изучению географии по новой программе. В результате в 3 классе материал изучается формально, не в полном объеме. Дается общий обзор Российской империи и физическая география европейской России. Общий объем часов в 3 классе предполагал 44 урока и на повторение 21. Последовательность изучения географии предполагало изучение следующих разделов:

- а) общие сведения по географии;
- б) физическая география;
- в) политическая география (общие сведения);
- г) Азия;
- д) Африка и Америка (общий обзор);
- ж) Австрия.

Программа строилась таким образом, что в марте месяце повторяли весь курс географии. Преподавал географию и арифметику в Уральском духовном училище В.Т.Чернов. По учебнику «География» автор Смирнова, «Физическая география» автор А.Гейки, «Очерки картины из географии Азии, Африки, Америки, Австрии» автор М.Малинин, вот основные учебные пособия по курсу географии, по которым занимались ученики всех курсов [398, С. 56].

Таким образом, развитие системы образования в Казахстане и в целом в Казахстане шло на основе исторических, политических реалий XIX в. Незначительная численность казахских чиновников, к числу которых входили и руководители народного образования, а также учительские кадры в управленческо-административном колониальном аппарате в дореволюционный период определяли уровень развития системы образования в Казахстане. Царское правительство, привлекая в управленческо-административный аппарат в образовании представителей верхних социальных слоев родовых кланов, преследовала свои цели социально-политического характера. Но вместе с тем, в развитии казахского общества они сыграли значительную роль и в социальном, и в образовательном плане.

Участвуя в открытии и расширении сети школ, просвещении народа руководители народного образования использовали различные пути: расширение сети школ; подготовка учительских кадров в России, приглашение подготовленных учителей из близлежащих городов России. Подготовка педагогических кадров для западного Казахстана в XIX и вплоть до начала XX в., в основном, проводилась в приграничных городах России (Оренбург, Самара, Саратов) и Казани.

Практически до середины XIX в. школы западного Казахстана испытывали трудности в подготовленных педагогических кадрах. И в этот период в русско-казахских школах основная педагогическая работа легла на плечи разных специалистов, в основном переселенцев, так в школах уроки могли вести и ветеринары, и специалисты земледелия. Подготовка учителей коренной

национальности стало возможным лишь в середине XIX в. Созданный проект по подготовке педагогических кадров из числа коренной национальности был принят в 1874 году. Этот проект позволил значительно улучшить ситуацию в школах Казахстана, и в частности, западного региона.

Следующая сложность в системе просвещения казахского народа была в отсутствии учебников и учебных пособий. Для интенсивной русификации царское правительство предприняло попытку изменения алфавита.

В школах стали использовать новые методы обучения, придя на смену схоластической системе, новые методы, основанные на наглядно-образном мышлении, позволили использовать этнические особенности казахского народа, как умение наблюдать, анализировать, сравнивать.

Количество обучающихся детей- казахов практически до конца XIX в. оставалось малочисленным, в растущей сети школ, в основном, занимались дети переселенцев и казаков, населяющих побережье Урала. Вместе с тем, вопреки всем социальным и экономическим проблемам детей казахов, желающих обучаться с каждым годом растет.

Иногда обучали детей в городе или казачьем поселке, в станицах, определяя в какую-нибудь школу. Каждая школа была в 40-50 верстах одна от другой. Организация занятий ориентировалась на сезонные кочевья. Учебный год во всех русских школах, как в Павлодаре, так и в сельской местности начинали с 15 августа, а заканчивали к 1 июня. В период учебного года проводились зимние каникулы для учащихся с 23 декабря по 7 января и весенние на период праздника «пасхи» - на 8 дней. Во время учебного года «воскресного дня» школы не занимались в большие религиозные праздники, а также в дни царских праздников.

В аульных русско-казахских школах в связи с кочевым образом жизни учебный год начинался 1 сентября, а иногда и позднее — с октября. В этих школах отдыхали не в воскресенье, а в пятницу. В дни мусульманских праздников «Мейрам айт» и «Курбан айт», а также в дни царских праздников занятий в школах не было.

Учителя аульных русско-казахских школ должны были научить казахских детей не только русской грамоте, письму, разговорной речи, но и дать необходимые знания по другим учебным предметам, предусмотренным школьной программой. Кроме того, казахские дети должны были получить соответствующие знания для будущей практической и трудовой деятельности, работы в учреждениях, организациях в качестве писарей, переводчиков, делопроизводителей и т.п.

Казахские дети обучались по русским учебникам и на русском языке. Пособий и учебников на казахском языке почти не было. Преподавателей казахского языка, а также мусульманского вероучения в аульных школах не было. Единственным учебником по обучению казахских детей русской грамоте в 1 классе в то время была «Русско-киргизская азбука» А.Е.Алекторова, а также «Киргизская хрестоматия» И.Алтынсарина. В «Киргизскую хрестоматию» были включены рассказы, сказки, басни, стихотворения на казахском языке, она являлась пособием для перевода с казахского языка на русский. Школьными

учебниками на русском языке были: по русскому языку «Элементарный курс грамматики» Л.А.Тихомирова, «Практический курс правописания» (грамматика) Н.Я.Некрасова, «Книга для чтения» С.М.Граменицкого, по арифметике задачник «Сборник задач и примеров по арифметике» В.А.Етушевского, «Образцы народной литературы тюркских племен», «Книга для чтения иностранцам» В.А.Хаджибекова. Количество учебников для всех классов было недостаточно.

Таким образом, часто учителя, особенно молодые, встречали трудности, обучая детей грамоте, но никаких методических центров и пособий не было. Они не могли поделиться опытом своей работы, познакомиться с опытом работы других учителей, работавших в аульных школах. Были, правда, некоторые издания: «Русский начальный учитель», выпускавшийся в Петербурге и «Педагогический листок» Казанского университета, которые выписывались учителями школ на свои средства. В указанных изданиях публиковались сообщения по вопросам методики, например, «О преподавании русского языка в инородческих школах», «Вопросы методики преподавания русского языка в инородческих школах». Трудности работы учителей в аульных русско-казахских школах зачастую скрашивались успехами и прилежностью учеников-казахов: многие довольно быстро овладевали грамотой.

В Степном крае не было ни одного учебного заведения по подготовке учителей. «Без учителей,- писал О.Альджанов, - нельзя устроить школ, а без школ нельзя обучать детей, поэтому надо заботиться иметь хорошо подготовленных учителей. Это-то зависит от нас самих: нам следует ходатайствовать перед правительством, чтобы нашим детям открыли доступ в Омскую учительскую семинарию, при ней открыли киргизские стипендии, и по примеру Оренбургской, Казанской и Ташкентской семинарий, основать киргизское отделение».

Архивные документы показывают, что для поступления на должность учителя необходимо было представить целый ряд документов: выписку из метрической книги о рождении, бракосочетании, документ, подтверждающий обучение в каком-либо учебном заведении, справку о политической благонадежности и даже - об имеющихся прививках от оспы.

Итак, изменения, которые происходили в середине и конце XIX в., обусловленные развитием экономики и культурной жизни, определили вступление казахского народа на новый путь духовного развития. Одним из условий развития государства было получение светского образования. Распространение светского образования среди всех слоев населения также определило развитие национальных кадров для многочисленной развивающейся промышленности, производства и сельского хозяйства. Интеграция в образовании и духовное сотрудничество среди народов пограничной зоны Казахстана с Россией позволило также некоторым образом определить уровень формирования национальных кадров.

Основными учебными заведениями для подготовки научных кадров, специалистов и учителей были Оренбургский кадетский корпус, Оренбургский

учительский институт, Оренбургская русско-киргизская учительская школа. Выпускники этих учебных заведений определяли уровень развития культуры, духовной жизни и распространение образования среди населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование системы народного образования является одним из ярких показателей и отражением тех общественно-политических процессов, которые происходили в обществе в XIX - начале XX вв. Именно этот период отечественной истории, насыщенный кардинальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности казахского народа, определили условия развития казахстанской системы школьного образования.

Развитие Казахстана в XIX и начале XX вв. отличались своей исторической, политической и социально-экономической особенностью и своеобразием, что повлияло на формирование и развитие школьного образования.

Широкий анализ историографических работ по проблеме школьного образования позволяет нам судить о том, что сегодня существуют различные точки зрения, показывающие отношение к проблеме просвещения и русификации казахского народа, к вопросу колонизации Казахстана, образованию и реформированию образования.

Дореволюционные исследования школьного образования, в основном, были направлены на изучение российских школ, формирование и развитие школьного образования в Казахстане не затрагивалось в большинстве работ, а если и обращали внимание на иностранные школы, то ограничивалось анализом статистических данных. В основном, это были работы чиновников просвещения, составленные на основе инспектирования иностранных школ, не имеющие отношение к развитию и совершенствованию школьного образования в Казахстане.

Первые работы по изучению школьного образования в Казахстане в XIX начале XX вв. стали появляться в советской историографии. В исследованиях советских авторов, в основном, школьное образование рассматривается в контексте изучения социально-экономического, культурного развития казахского общества.

В истории Казахстана XIX начало XX вв. отмечается как период формирования и развития школьного образования, которое явилось одной из средств проведения внутренней политики Российской империи в процессе русификации казахского народа. Губернская администрация всех регионов Казахстана грамотно строила свои отношения с кочевыми казахами. Колонизация Казахстана происходила различными способами. Во-первых, это проведение научных исследований на территории Казахстана. Ученые в разных областях науки собирали материал по истории казахского народа, изучали язык, культуру, быт и хозяйственное устройство, также обращали внимание на особенности поведения и взаимоотношения с вышестоящими по статусу людьми, затем использовали эти знания в процессе реализации задач царского правительства. Заметных успехов добились первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев, его сподвижник А.И. Тевкелев, П.И. Рычков, А.И. Левшин, А.Е. Алекторов, А. Васильев, К.П. Кауфман, С.М. Граменицкий и другие. Безусловно, прежде всего, они заботились о благе государства, а затем уже о новых подданных, которые должны были способствовать умножению богатства

империи. Во-вторых, организация и реформирование школьного образования, которые выполняли задачу русификации, этому свидетельствует открытие русских классов в мусульманских школах, организация русско-казахских и русских школ. В-третьих, административное и школьное реформирование. Административное реформирование со второй четверти XIX века укрепило позиции России в Казахской Степи, царское правительство более жестко стало регламентировать жизнь казахского населения.

Организация и развитие школы отличались во всех регионах Казахстана, имея свое своеобразие и тенденции развития. Так, если обратиться к распространению мусульманских школ (мектебов и медресе), то их количество в областях Казахстана были различны: наиболее распространены они были в Уральской, Тургайской и Семиреченской областях. Для Уральской области были характерны распространение старшинских школ, типов школ, которых не было в других областях, для Акмолинской и Семипалатинской областей было характерно развитие сельскохозяйственных школ, которые вызывали недовольствие у казахского населения, так как, в основном давались знания практического характера, не являющиеся объектом деятельности казахского народа, либо давали те знания, которые не соответствовали ландшафтно-географическому развитию региона.

Развитие школьного образования в XIX в. шло на пути изменения отношения центральных и местных органов власти к школьному обучению. Местные органы власти для улучшения экономического положения различных видов школ, становились инициаторами расширения образовательного и управленческого пространства в регионе, в результате чего создавались и совершенствовались в XIX в. учебные округа (Казанский, Оренбургский, Западно-Сибирский, Туркестанский), которые в той или иной мере способствовали распространению сети и улучшению состояния и содержания школ в Казахстане.

В XIX - начале XX вв. происходит изменение в общественном сознании народа, понимающего ценность светского образования, но вместе с тем разнотипность школ, открывающихся в Казахстане, отсутствие школ повышенного уровня не удовлетворяло желание казахского народа в образовании и просвещении. Так, значительное место в школьной сети получают в Уральской области волостные и аульные школы, где в основном обучались дети казахов, школы мастеров и мастериц, в которых, в основном, занимались дети русско-язычного населения, в Тургайской области волостные и аульные школы, в Семипалатинской области – аульные и сельскохозяйственные школы, в Семиреченской области - мектебы. Таким образом, широкое и повсеместное распространение получают школы, в основном, дающие первоначальную грамоту и ограничивающиеся всего лишь начальным образованием.

В процессе реформирования школьного образования в XIX - начале XX вв. царской администрацией и Министерством народного просвещения разрабатываются и принимаются разнообразные нормативно-правовые документы, в основном касающиеся школ России, только в 60-х гг. XIX в. начали обращать внимание на преобразование и развитие инородческих школ. В этот период

принимается ряд документов и инструкций, регламентирующих открытие и развитие школьного образования, но вместе с тем, некоторые из этих документов зачастую оставались нереализованными, либо претворялись в жизнь с большим запозданием.

Прошлое казахского народа XIX в. характеризуется своей уникальной историей становления школьного образования и просвещения. Школьное образование, которое сформировалось в середине XIX в., получило свое дальнейшее реформирование в конце XIX и начале XX вв. Многие представители казахской интеллигенции того периода внесли огромный вклад в просвещение казахского народа и развитие школьного образования.

Сложившиеся в конце XIX и начале XX вв. социально-политические условия определили тенденции развития просвещения, в котором большую роль сыграли И.Алтынсарин, Ч.Валиханов, М-С.Бабаджанов, А.Байтурсынов. Основными задачами просветителей было стремление в сохранении национально-исторического наследия казахского народа, языка и литературы, устного народного творчества, которым был богат казахский народ, формированию национального самосознания и стремление к общечеловеческому началу в образовании, выражающееся в изучении русской истории, культуры, языка как средства приобщения к мировой цивилизации.

Экономический подъем в конце XIX в., с одной стороны способствовал росту доходов городских и сельских обществ, и с другой стороны позволял расширять источники финансирования образования, повышал их влияние на происходящие процессы в целом. Широкое распространение в середине XIX в. получили общественные и частные формы обучения. Это, в свою очередь, приводит к возникновению конкуренции между государственной и частной школой, как произошло со школами мастериц и мастеров в Уральской области. Население данного региона в связи с тяжелыми материальными условиями пыталось отдавать своих детей именно в эти школы, хотя уровень подготовки детей в этих школах было намного слабее.

Необходимо обратить внимание на то, что государственная и местная политика в XIX в. не всегда учитывала национальные особенности коренных народов, что влекло за собой слабое развитие «инородческого» образования и это, в свою очередь, повлекло за собой обострение национального вопроса.

Разнообразные исторические, экономические, политические и социальные условия, сложившиеся в XIX - начале XX вв., вызвали необходимость реформирования системы образования в Казахстане. Большую роль в организации и распространении различных типов школ, их содержания оказали исторические условия жизнедеятельности казахского народа. Во второй половине XIX - начале XX вв. происходит открытие разнообразных правительственных школ, наибольшее распространение получают русско-казахские школы в Оренбургском, Западно-Сибирском учебном округах, и русско-туземные школы в Туркестанском крае. Для разных регионов Казахстана были характерны и открытие других типов школ, так в Уральской области были распространены старшинские школы, школы мастеров и мастериц, для Акмолинской и Семипалатинской областей были характерны открытия сельскохозяйственных школ. Туркестанский край не отличался разнообразием типов школ. Реформирование школьного образования и разнотипность их, в

основном, было связано с переселением рускоязычных народов с глубинок России, заселением в приграничных регионах казачьего населения (существенное развитие в содержании школ получают русские школы, войсковые училища с преобладанием детей русско-язычного населения).

Проводимые административные и образовательные реформы решали одну из мер интенсивной русификации нерусских народов, которые осуществлялись под благовидным предлогом формирования единого национального пространства, стирания граней между «инородцами» и русскими. Но в то же время, принудительные меры христианизации и русификации приводили к обострению взаимоотношений не только на местах, рождали боязнь и недоверие к государственной школьной политике, но и в целом на территории многих государств, где проводилась данная политика.

Проведение административных реформ в Казахстане и тесно связанная с ней организация учебных, является одним из условий становления и развития школьного образования. Проведение российским правительством административных реформ создало определенные условия для развития просвещения и школьного образования среди казахского населения. Политика российского правительства допускала получение знаний инородцами лишь в пределах потребностей колониального аппарата, о чем свидетельствуют архивные документы: «... взять дело образования в свои руки, дабы оно не приняло направления противного видам правительства и, кроме того, на потребность иметь в Орде казахов и других мелких чиновников, которые должны были явиться проводниками русского влияния».

Конфессиональная политика в отношении казахов была достаточно лояльной. В связи с чем, открытие мусульманских школ продолжалось вплоть до начала XX в., но вместе с тем осуществляя задачи русификации, укрепляя свои позиции, российские власти предпринимали действия по осуществлению контроля за мусульманской школой.

Таким образом, необходимо отметить, что центральные и местные власти, осуществляя государственную политику на национальных окраинах, должны были учитывать культурные, социально-экономические, ментальные особенности народов, населяющих эти территории.

Наибольшего развития в историческом процессе школьное образование в Казахстане достигла во второй половине XIX века. Именно в этот период образование требовало серьезного реформирования для обеспечения преобразований, которые происходили в социальной жизни казахского народа. Основу реформам положили экономические изменения во всех областях жизни государства. Подготовкой квалифицированных кадров для развивающейся экономики должна была заниматься система образования. Но, так как реформировалась экономика, следовательно, образовательные процессы также требовали изменений. Многие факторы повлияли на развитие школьного образования в Казахстане, такие как, переселение русскоязычных народов, революционные ситуации в России, политические движения, политические ссыльные, восстания казахского народа и т.д.

История казахского народа в XIX в. имела свои особенности, обусловленные объективными факторами исторического развития страны. Различные административные и школьные реформы в XIX в. явились причиной кардинальных изменений в экономической, социальной и политической сферах жизни казахского народа, что не могло не отразиться на развитии школьного образования.

Развитие малыми шагами промышленности, сельского хозяйства и транспорта требовали изменения школьного образования. Осуществление реформ во всех сферах жизнедеятельности народа было невозможно без увеличения числа грамотных людей, без подготовленных специалистов и, следовательно, без развития сети специальных учебных заведений. Само царское правительство, исходя из возросших потребностей в образованных кадрах, было заинтересовано в расширении школьного образования в Казахстане. Однако в осуществлении данного вопроса было много противоречий. Вопрос развития народного образования в Казахстане находился под контролем центральной администрации Российской империи, которая понимала, что школьное образование служило важным средством идеологического воздействия на народные массы, но однако во многих случаях искусственно тормозила развитие сети школ.

В результате проведения административных реформ 1822, 1824 гг., а также с образованием учебных округов в 1803 г. и преобразований их в 1824, 1835, 1874, 1885 гг. и проведением школьных реформ в 1862-1864 гг. происходят некоторые изменения в развитии школьного образования в Казахстане, особенно возрастает численность начальных и средних учебных заведений в конце XIX и начала XX вв. Следует отметить, что в широких массах казахского народа все более развивалось сознание практической необходимости приобретения хотя бы элементарной грамотности. Несмотря на рост числа начальных школ различных типов, как правительственных, так и духовных мусульманских школ, их количества не хватало для удовлетворения грамотности казахского народа вплоть до начала XX в.

В период реформ в конце XIX в. происходит некоторое изменение в развитии начального, среднего и профессионального образования. В истории отечества, XIX в. занимает достаточно значимое место, как и в области политического, социального и экономического развития, так и в области школьного образования. Особенно вызывает интерес вторая половина XIX в. На наш взгляд, именно вторая половина XIX в. и проведенные ряд реформ являются великими и по глубине, и масштабности и последствиям развития казахского общества. В результате чего произошли достаточно серьезные изменения в области школьного образования, что способствовало выбору данной темы.

Прохождение торговых путей через территории Казахстана, Среднюю Азию и восток позволяло быстрому развитию экономики самой России, и безусловно, это также способствовало развитию образования. В процессе колонизации Казахстана Российской империей во всех областях жизни произошел процесс русификации, в том числе, в первую очередь, школьное

образование было подвергнуто изменению системы с целью осуществления задач царского правительства, ориентированного на данный путь.

Историография изучения школьного образования является составной частью общей историографии исторической науки. В отечественной исторической, да и в педагогической науке совсем немного работ, специально посвященных истории школьного образования в дореволюционном Казахстане. Необходимо отметить, что в каждой из глав нашего исследования присутствует анализ отдельных историографических работ, посвященных истории отдельных учебных заведений в разных регионах Казахстана. История школьного образования в Казахстане вплоть до конца 1970-х гг. рассматривалась в обобщающих трудах по истории народного образования только как часть общей системы народного образования, и рассматривалась, в основном, на достаточно узкой источниковой основе - законодательных актах, отчетных материалах обобщающего характера, статистических данных и педагогической публицистике. В дореволюционной историографии трудов, специально посвященных истории школьного образования в Казахстане, не отмечается вообще. Однако, любому специалисту, занимающегося историей просвещения, знакомы работы Р.Б.Сулейменова, Т.Тажибаева, Г.М.Храпченкова, в которых освещены пути и формы духовного развития казахского народа, дано описание системы общего и профессионально-технического образования в Казахстане, дана оценка прогрессивного значения присоединения Казахстана к России. Несомненный интерес вызывает и фундаментальный труд С.В.Рождественского. В нем, в деталях рассмотрена деятельность Министерства народного просвещения за сто лет, предметом рассмотрения и анализа становится школьное образование России, также законодательные акты, конкретные решения Министерства народного просвещения. К сожалению, развитие школьного образования в Казахстане, как и многих окраин Российской империи занимает незначительное место в данной работе. Но вместе с тем, этот труд для нас был очень важен, в первую очередь, в плане изучения политики правительства и Министерства народного просвещения в отношении просвещения казахского народа.

Хотя, в целом, система школьного образования в Казахстане вплоть до начала XX в. носит религиозный характер, но вместе с тем уже в конце XIX и начале XX вв. начинается постепенное понимание и переосмысление сущности содержания образования. В этот период отдельные представители мусульманской интеллигенции России закладывают основу развития системы религиозно-светского образования. В основе такой организации школы лежало изменение с одной стороны методики преподавания, а с другой и содержания образования. В результате чего сущность содержания образования получает схоластический характер. Она развивается в рамках движения джадидизма (от араб. аль-джадид – новый), получившего наибольшее распространение в Среднем Поволжье, в Центральной России и Туркестанском крае. Реформаторское движение джадидизма практически не получило распространение в западном Казахстане, хотя были попытки Г.Карашем поддержать и развивать данное движение.

Основные идеи, которые были заложены в обновлении старой системы образования, заключались в следующем: создание новой концепции образования, радикальная модернизация его в обновлении состава и направленности учебных программ. Все это, по мнению реформаторов, должно было стать средством культурной трансформации тюрко-язычных народов. Основным идейным вдохновителем проекта обновления мусульманства и разработчиком этого направления был Исмаил Гаспринский, который был не удовлетворен общим состоянием мусульманской цивилизации. Данное направление получает развитие в Крыму, Поволжье, Туркестане. Модернизация мусульманского образования, в основном, связана была с созданием новых учебников и учебных программ. Именно Гаспринскому впервые в мусульманском пространстве Поволжья, Туркестана (в меньшей степени) удалось определить содержание и методику нового образования (усул-и джадид).

Но следует отметить, что по существу Гаспринский, говоря о мусульманстве обращался не к вероисповедной проблематике, а социокультурным развитиям тюркских народов. Культура при этом им понимается как совокупность знаний о мире, а также использования новых методов, позволяющих поставить эти знания на службу человеку и обращенность в будущее.

В связи с вышеизложенным хотелось бы сформулировать ряд практических рекомендаций.

1. Поскольку процесс становления и развития школьного образования в различный период исторического развития общества зависит от многих условий, то сегодня современным исследователям необходимо на основании изученных материалов выявить генетическое развитие и определить состояние прошлого и настоящего школы в Казахстане, и построить на этой основе традиционную идею развития школьного образования.

2. В период колонизации Казахстана была построена определенная система школьного образования, которая отличалась и по структуре, и по содержанию от других окраин Российской империи. Причем в разных регионах как внутри Казахстана, так и в других окраинах российской империи развитие школьного образования было обусловлено своими историческими и политическими условиями.

3. Процесс демократизации системы школьного образования в современном Казахстане дал возможность открытию различных типов школ. Изучая историю развития школьного образования в Казахстане в XIX начале XX, в частности мусульманские школы, стало возможным внедрение некоторых аспектов мусульманского воспитания, без фанатического отношения к религиозным направлениям обучения и воспитания, как ученых, так и системы управления народным образованием. Но с другой стороны возрождение медресе и некоторых старых моделей образования создадут нестабильность и разрозненность в области народного образования.

4. Программы высшей школы предусматривают изучение истории образования и просвещения, на сегодняшний день не разработаны ни

учебников, ни учебных пособий по изучению данного направления. На основе данного исследования материалы диссертационного исследования могут быть использованы в высших и средних учебных заведениях при разработке курсов истории отечественной и зарубежной школы.

5. Исторические идеи и оценки, сформулированные в нем, являются обоснованными рекомендациями для изучения, осмысления пути, пройденного в развитии школьного образования, прогнозирования их и дальнейшего развития. Выводы и результаты исследования могут быть использованы в процессе разработки и реализации концепции и программы реформирования системы образования в Республике Казахстан.

6. Материалы исследования могут быть использованы исследователями, изучающие историю школьного образования при подготовке обобщающих трудов, учебных и методических пособий, разработке программ специальных курсов, при чтении лекций, проведении семинарских занятий в вузах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. – Алма-Ата: Казахское государственное из-во политической литературы, 1962. – 507 с.
- 2 Храпченков Г.М. История школы и педагогической мысли Казахстана. - Алма-Ата: Мектеп, 1975. – 168 с.
- 3 Анастасиев А.И. Народная школа: руководство для учителей и учительниц начальной народных училищ: настольная справочная книга: в 2 ч. - М.: тип. А. Д. Ступина, 1915. - Ч. 1.- 581 с.
- 4 Вахтерев В.П. Всеобщее обучение. – М., 1897. – 225 с.
- 5 Звягинцев Е. Проект новых программ для начальных школ // Вестник воспитания. - 1913. - № 6. – С. 53-76.
- 6 Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1913. – 85 с.
- 7 Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802-1902 – Спб., 1902. – 785 с.
- 8 Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России. - М., 1908. - 172 с.
- 9 Чарнолуский В.И. Учительские семинарии и школы. Система свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений. – СПб., 1901. – С. 89.
- 10 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб.: Имп. Академия Наук, 1773. - Ч. 1. – 657 с.
- 11 Рычков П.И. Дневниковые записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи 1771 г. – СПб.: Импер.акад. наук, 1772. – 107 с.
- 12 Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Ежемесячные сочинения и переводы. - СПб.: Импер.акад. наук, 1897. – С. 27.
- 13 Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб., 1824.– Т. 6.– 657 с.
- 14 Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оною, с планом 1794 – 1796. - СПб.: Лига, 1996. - 528 с.
- 15 Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства. – СПб., 1848. - 119 с.; Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1851. - Т. 14, ч. 3– С. 38.
- 16 Семенов-Тянь-Шанский В.П. История полувековой деятельности ИРГО. – СПб., 1896. – Ч.1. – 387 с.
- 17 Севастьянов С.Н. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг. – Оренбург, 1896. – 52 с.; Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-статистического описания ОКВ // Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. - Оренбург, 1903.- Вып.1. - С. 3.; Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-

статистического описания Оренбургского казачьего войска // Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. - Оренбург, 1903. - Вып. 3. - С. 15; Он же: История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (по материалам войскового архива) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - Оренбург, 1899. - Вып. 5. - С. 17.

18 Миропольский С.И. Задачи, план и основы устройства нашей народной школы - СПб., 1887. - С. 3-11; Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. - СПб., 1893. - Т. 3. - 97 с.

19 Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX вв. - СПб., 1912. - Т. 1. - 457 с.

20 Бейсембиев К.В. Ибрай Алтынсарин; Чокан Валиханов // Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. - Алма-Ата, 1957. - 188 с.

21 Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения. - Алма-Ата: Казахстан, 1965. - 343 с.

22 Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. - Алма-Ата, Наука, КазССР, 1960. - 168 с.

23 Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов. - Алма-Ата, 1950. - 44 с.

24 Ситдыков А.С. Педагогические идеи и просветительная деятельность И.Алтынсарина. - Алма-Ата: «Мектеп», 1968. - 148 с.

25 РГИА Ф. 1263, Оп. 1153, Д. 972.

26 Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторический очерк. - М., 1948. - 152 с.

27 Сулейменов Р., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов (История строительства современной культуры Казахстана, 1917-1965 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1967. - 424 с.

28 Султангалиевой Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII- нач. XX вв.). - Уфа: РИО РУНМЦ госкомнауки РБ, 2002. - 262 с.

29 Садвакасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX - начало XX вв.). - Алматы: Дарын, 2005. - 277 с.

30 Әбжанов Х.М., Назарбаева Г. Қазақстан: тарих пен тағдыр. Мақалалар. - Алматы: Кітап баспасы ЖШС, 2003. - 296 б.

31 Айтмухамбетов А.А. Народное образование и формирование казахской интеллигенции северо-западного Казахстана во второй половине XIX - нач. XX вв.: автореф. ... канд.ист.наук. - Костанай, 2000. 26 с.

32 Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). - Алма-Ата, 1982. - 256 с.

33 Рысбеков Т.З. Өскен өлке тарихы - Орал: Полиграфия, 1997. - 180 с.

34 Нургалиева А.М. Ислам в истории и культуре Казахского общества (XVIII- нач. XX вв.): автореф. ... докт. ист. наук. - Уральск, 2009. - 40 с.

35 Тасмагамбетов А.С. История конфессии Казахстана в конце XVIII-нач. XX вв.: распространение, организационное развитие и миссионерство (по

материалам ислама и православия): автореф. ... докт. ист. наук. –Уральск, 2009. – 40 с.

36 Бердяев Н. Смысл творчества – М.: Правда, 1989. – С. 126.

37 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Высшая школа, 2003. – 280 с.

38 Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории / общая ред. И. С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С.143-167.

39 Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной и др. – М.: Сирин, 1996. – С. 117.

40 Черненко А.К. Философия права. – Новосибирск:Наука; Сиб. предприятие РАН, 1998. – 153 с.

41 Свидерский В.И. Противоречивость движения и ее проявления. - Л., 1959. - 128 с.; Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. - М., 1965. – 118 с.

42 Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). - 2-е изд. – М.:Аванта +, 2001. – 560 с.

43 Тойнби А.Д. Каплан Д. Постижение истории.– М.: Прогресс, 1990. - 215 с.

44 Козыбаев М.К. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории // Отан тарихы – 1999. - № 2; Козыбаев М.К. К разработке актуальных проблем истории Казахстана XX века // Отан тарихы. – 1999. - № 4.; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски // В двух кн.– Алматы: Гылым, 2000. - Кн. 1. – 420 с.

45 Галузо П.Г. Туркестан – колония (очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). – Ташкент, 1935. – 335 с.

46 Ислам и критика его мыслителями дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата, 1962.– 41 с.; Бейсембиев К.Б. Идеино-политическое течение в Казахстане в конце XIX - начале XX вв. – Алма-Ата: из-во АН КазССР, 1961. – 379 с.

47 Вахидов Х.П. Общественно-политические взгляды передовых просветителей-демократов узбекского народа конца XIX и начала XX века Фурката и Муками: автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 1954. - 23 с.

48 Исмаилов А.И. Страницы Русских исследований в Казахстане (XIX - начала XX вв.). – Алматы, 2005. – 260 с.

49 Муминов И.М. История Узбекской ССР (с древнейших времен до наших дней). - Ташкент, 1974. – 357 с.; История Каракалпакской АССР // В 2-х т.– Ташкент, 1974.- Т. 1. - С. 136.

50 Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстан к России. - Алма-Ата: Казахстан, 1973. – 248 с.

51 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. - СПб., 1832. -Т. 1. - С. 328.; Историческое и статистическое обозрение уральского казачества. – СПб.: Тип. Глав. Штаба, 1823. – 84 с.

52 Гейнс А.К. Очерк Туркестана. Степь и кочевники. – СПб.: тип. М.М.Сиасюлевича, 1874. – 178 с.

- 53 Черемшанский В. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. - Уфа, 1859. – 379 с.
- 54 Валиханов Ч. Предания и легенды большой киргиз-кайсацкой орды // Соч.: в 5 т.– Алма-Ата: Гл. редакция КСЭ, 1984. -Т. 1. - С 273-276.
- 55 Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. – М., 1912. – 457 с.
- 56 Фармаковский В.И. Начальные школы Министерства народного просвещения. - СПб., 1900. – 163 с.
- 57 Бородин Н. Уральское казачье войско: Статистическое описание.. – Уральск: Ур-ое хоз. Правл., 1891. - Т. 1-2.– 944 с.
- 58 Краснов Н. Влияние экономического развития казачьих войск на их успехи в народном образовании // Военный сборник. -1897. - №1.
- 59 Кузнецов К. О грамотности в Оренбургском казачьем войске // Казак. – 1911, ноябрь -20.
- 60 Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург: типо-литография П.Н.Жаринова, 1896. - 226 с.
- 61 Васильев А. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз. – Оренбург, 1898. – 89 с.
- 62 Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. - Казань, 1941.- 102 с.
- 63 Маргулан А. Х. // Соч.: в 14-т. / гл. ред. Н.А.Назарбаев; сост. Д.А.Маргулан, Д.Маргулан; предисл. Н.А.Назарбаева. – Алматы, 2001. – С. 127.
- 64 Тажибаев Т. Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX в. - Алма-Ата, 1958. – С. 127.
- 65 Сембаев А.И. История развития советской школы в Казахстане. – Алма-Ата: Казучпедгиз, 1962. – 366 с.
- 66 Храпченков Г.М. История школы и педагогической мысли Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1975. – 159 с.
- 67 Храпченков Г.М. Научно-педагогические вопросы народного образования в Казахстане. - Алма-Ата: Мектеп, 1976. – 144 с.
- 68 Сулейменов Р.Б. Великий октябрь и культурные преобразования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 88 с.
- 69 Ерофеева И.В. Родословная казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники). - Алматы: Дайк-пресс, 2003. – 178 с.
- 70 Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. - Алма-Ата: Наука, 1982. – 172 с.
- 71 Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация // Нива.– 2002. - № 2. - С. 101-118.
- 72 Букейханов Г. Реформатор из Букеевской орды // Казахстанская правда. – 2001, декабрь - 20. - С.6.
- 73 Рысбеков Т.З. Диалог с историей. - 2-е издание. - Уральск: РИО ЗКГУ, 2004. – 95 с.

- 74 Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. - Алма-Ата: Казахстан, 1986. - 136 с.
- 75 История Букеевского ханства. 1801-1852 гг. // Сборник документов и материалов / составители Б.Т.Жанаев, В.А.Иночкин, С.Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 1120 с.
- 76 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1986. - 245 с.
- 77 Нургалиева А.М., Бекмаханова Н.Е. К вопросу о различиях в методах управления казахами в XIX в. в администрациях Оренбургского и Сибирского ведомств (социально-экономический и конфессиональный аспекты) // «Этнографическая панорама». - Оренбург, 2006. - № 3-4. – С. 50-53.
- 78 Восстание 1916 года в Казахстане (документы и материалы) / состав. Ф.Н.Киреев, Ш.Я.Шафиро / под ред. Б.С.Сулейменова. – Алма-Ата, 1947. – 210 с.
- 79 Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. - Алма-Ата: «Наука», 1971. - 274 с.
- 80 Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1966. – 375 с.
- 81 Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание в 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). - Алма-Ата: Наука, 1977. – 165 с.
- 82 Кенжалиев И.Н. Махамбет Өтемісұлы (Өмірі мен қызметі туралы қысқаша очерк). – Алматы: Қазақстан, 1974. – 56 б.; Батыс Қазақстанның қасіретті жылдары (1916-1920 жж.) // Тарихи очерк. – Орал, 2000. – 143 б.
- 83 Курманалин С.Б. Кішә жүздегі ұлт-азаттық қозғалыстарының зерттелу тарихы (оқу құралы). – Орал, 1999. - 120 б.; 1847-1858 жылдардағы Есет Көтібарұлы бастаған ұлт-азаттық көтерілісі: тарих ғыл. канд. ... автореф. -Орал, 1999. – 26 б.
- 84 Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. - Алма-Ата: Казахстан, 1982. – 279 с.
- 85 Харлампович К.В. П.П.Масловский и его переписка с Н.И.Ильминским. - Казань, 1907. – 82 с.; Восстание тургайских казак-киргизов 1916-1917 г. - Кызыл-орда, 1906. – С. 36; О христианском просвещении инородцев. - Казань, 1904. – 169 с.
- 86 Муқтар Ә.Қ. Қазақстанның Батыс Өңіріндегі қоғамдық-саяси өмір (ғ. жартысы - ғ.бірінші ширесі): тарих ғыл. докт. ... автореф. - Қостанай, 2002. – 53 б.
- 87 Тыпышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Санат, 1998. – 224 с.
- 88 Асфендиаров С.Д. Причины возникновения ислама. – Самарканд, 1928. – 238 с.
- 89 Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. – Казань: Тат.книг.изд., 2001. – 192 с.

90 Изюмов А.И. Школьное дело в Уральском казачьем войске // Педагогика - 1998. – № 8.; Начальное образование в Уральском казачьем войске (XIX в.) // Начальная школа. - 2000. –№ 3.

91 Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60-90-е годы XIX в. – М.: Наука, 1994. – 144 с.

92 Болодурин В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье (1735 - 1940). - Оренбург, 2001. - 316 с.

93 Бурмистров С.Д. Организация и перестройка системы народного образования в ЗКО в первые годы советской власти (1919-1921 гг.): автореф. ... канд. пед. наук. - Уральск, 1961. - 23 с.

94 Кунантаевой К.К. Развитие народного образования в Казахстане. 1917-1990 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. - 27 с.

95 Ескендиоров М.Г. Восток Казахстана: на стыке столетий (вторая половина XIX нач. XXI вв.). – Семипалатинск, 2005. – 312 с.

96 Рахимжанов А.М. История развития системы образования Республики Казахстан в десятилетний период ее становления и независимости (1991-2001 гг.): автореф. ... канд. пед. наук. Астана, 2001. – 29 с.

97 Богенбаева А.К. История развития народного образования в восточном Казахстане в 20-30 гг. XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. - 32 с.

98 Актаева К.К. История школьного образования в Казахстане в работах советских исследователей (1917 г. первая половина 80-х годов XX века): автореф. ... канд. ист. наук. Астана, 2000. - 26 с.

99 Алимбаева Б.Б. Политика Российского правительства в отношении Оренбургских казахов в XVIII-XIX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. - 28 с.

100 Успанова К.Ж. Идеи народной педагогики в развитии образования и в творчестве казахских просветителей в период присоединения Казахстана к России (Первая половина XVIII - середина XIX века): автореф. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2002. - 26 с.

101 Койшигарина Г.М. Роль учебных заведений Южного Урала в формировании национальной интеллигенции Северо-Западного Казахстана (XIX – начало XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук. - Уральск, 2007.– 29 с.

102 Есеналина Ж.С. Взаимодействие научных обществ Западного Казахстана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX – 30-е годы XX веков: автореф. ... канд. ист. наук. – Уральск, 2006. - 29 с.

103 Муханбетжанова А.У. Бөкей ордасында бастауыш білім берудің дамуы (XIX вв ғасырдың ортасынан XX ғасырдың басына дейін): пед. ғыл. канд. ... автореф. – Қарағанды, 1999. - 26 б.

104 Ковальский С.И. Проблемы историографии миграции населения Казахстана (к XVIII -XX в.в.): автореф. ... канд. ист. наук. - Алматы, 1997. – 28 с.

105 Алексеенко Н.В. К вопросу о численности казахского населения во второй половине XIX - начале XX веков // Изв. АН КазССР. Сер.обществ. наук. -1976. - № 6.; Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав. 1870 - 1914г.г.). - Алма-Ата: Наука, 1981 – 221 с.;

Размещение казахского населения Российской империи в конце XIX века //Ист. науки. -1975. - Вып. 2.

106 Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии – Оренбург: типография Б.Бреслина, 1883. – 128 с.

107 Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. – СПб., 1913. – 348 с.

108 Игнатъев В.Е. Исторический очерк народного образования в оренбургском учебном округе за первое 25-летие (1875-1899).– Оренбург: тип. И.И.Евфимовского-Мировицкого, 1901. - Вып. 1. – 301 с.

109 Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург, 1896. – С. 56-87.

110 Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. - Ташкент, 1896. – 351 с.

111 Ильминский Н.И. О переводах православных христианских книг на инородческих языках. - Казань, 1875. – С. 28.

112 Кауфман К.П. Проект Всеподданнейшего отчета Генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. - СПб., 1885. - 435 с.

113 Куропаткин А.Н. Очерки Кашгарии. - СПб.: тип. В.А.Полетики, 1878. – 82 с.; Кашгария: историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. - СПб., 1879. – 136 с.

114 Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: Турк. из-во Печатного Дела, 1913. – 115 с.

115 Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания.– Ташкент, 1895. – 118 с.

116 Пален К.К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. - Отд.1. – СПб., 1911. - Ч.1. – 252 с.

117 Алтынсарин И. Избранные произведения. - Алма-Ата: Наука, 1957. – 424 с.

118 Кунанбаев А. Избранное. - М.: Худож.лит., 1981. – 222 с.

119 Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии: Ист. Очерк // Сб. Государственных знаний.– СПб, 1874. - Т.1. – С. 233-261.

120 Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. - СПб: Типо-литография В.В. Комарова, Невский, собств. Д. 136, 1906. – Т.III. - С. 204.

121 Венюков М.И. Материалы для обозрения русских границ в Азии // - Военный сборник. - СПб.,1872. - Т. 37.; Венюков М.И. Путешествие по окраинам русской Азии и записи о них. – СПб., 1868.

122 Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края / предисл. Н.Маева. – СПб., 1876.; Хорошхин А.П. «Народы Средней Азии» // Туркестанские ведомости.– 1871. - № 9-10.

123 Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Собрание сочинений. - М.: Наука, 1963. -Т.2,ч.1.– – С.187-352.; Бартольд В.В. Культура мусульманства // Собрание сочинений. - М.: Наука, 1966.- Т.6.– С.108-156.

- 124 Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии: История историография колониальной политики царизма в Туркестанском крае. - Ташкент, 1995. – С. 98.
- 125 Данияров К. Взгляд в прошлое. - Алматы, 2009. – 174 с.
- 126 Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII- нач. XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук. - Алматы, 1999. – 52 с.
- 127 Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания. – Ташкент, 1895. – С. 38-43.
- 128 Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргиза // Северная пчела. - 1861. – № 2.
- 129 Шакарим. Записки забытого (Книга слов. Абай). – Алма-Ата: Жазушы, 1992. – 192 с.
- 130 Байтурсинов А. Көп томдық шығармалар жинағы. – 3. Т. - Тіл-құралы (қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері). – Алматы, 2005. – 352 б.
- 131 Кенжалиев И. Ғұмар Қараш. Оқу құралы. - Орал, 2004. – 136 б.
- 132 Ескендиоров М.Г. Восток Казахстан: на стыке столетий (вторая половина XIX - начало XXI вв.). - Семипалатинск, 2005. – 312 с.
- 133 Байболсынова А.С. Патшалық Ресейдің XVIII XIX ғасырлардағы Қазақстанды рухани мәдени отарлау саясатының негізгі бағыттары мен көріністері кіші жүз мәліметтері бойынша: тар. ғыл. канд. ... автореф.- Орал, 2005. – 26 б.
- 134 Сперанский М.М. Азиатская Россия– СПб, 1914. – Т. 1. – С. 33.
- 135 ПСЗРИ, Т. 15, ч. 12563.
- 136 Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М.Г.Масевич. – Алма-Ата: Из-во АН КазССР, 1960.- Т. 1. – С. 82- 219.
- 137 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 1342
- 138 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 376
- 139 ЦГА РК Ф. 4, Оп. 1, Д. 2122
- 140 ЦГА РК Ф. 4, Оп. 1, Д. 2156
- 141 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения - 2-е изд. – СПб., 1875.- Т. II. - С. 6-7.
- 142 Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения 1802-1902. – Спб., 1902. – 401 с.
- 143 Обзор Уральской области за 1902 г. // Ведомость.– Уральск, 1903. - № 5.
- 144 Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи / под. ред. В.И.Формаковского. - СПб., 1902. - Вып. 1. – 672 с.
- 145 РГИА Ф. 733, Оп. 203, Д. 2998/3015
- 146 Обзор Уральской области за 1899 год. - Казань, 1900. – С. 15.
- 147 Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящийся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 1894 г. – Оренбург, 1896. – 274 с.
- 148 Обзор Уральской области за 1903 год. - Уральск, 1903. – С. 18.

- 149 Министерство торговли и промышленности //Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. – СПб., 1910. - Ч. 1-2. – С. 1-5.
- 150 Обзор Уральской области за 1902 г. – Уральск, 1903. – С. 7.
- 151 РГАДА Ф. 10, Оп. 1, Д. 621; Григорьев В.В.Русская политика в отношении к Средней Азии. – СПб., 1874. – 294 с.
- 152 Шестаков П.Д. Еще несколько слов об образовании инородцев // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1867, сентябрь.- Ч. 135.
- 153 РГИА Ф. 733, Оп. 170, Д. 174340
- 154 Звягинцев Е.А. Народная жизнь и школа. Статьи по вопросам народного образования.- М., 1913. - Вып. II. – 295 с.
- 155 Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX веках. – СПб., 1910. - С. 321-379.
- 156 Роков Г. Организация управления средними учебными заведениями – М., 1908. - С. 74.
- 157 Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- 158 Алекторов А.Е. Из история развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // Журнал Министерства народного просвещения. -1905. - № 2.
- 159 Алекторов А.Е. Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. – СПб: из-во О-ва ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александру III. – 1906. – 134 с.
- 160 Алекторов Задачи русской школы в инородческой орде // «Московские ведомости».- 1895. - № 261.
- 161 Алекторов А.Е. Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись – 1844-1898 гг. - Оренбург, 1900. – Вып. 3. – С. 234.
- 162 Васильев А. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз. – Оренбург, 1898. – 89 с.
- 163 Ильминский Н.И. Воспоминания об И.Алтынсарине. – Казань: типо-литография В.И.Ключникова, 1891. – 395 с.
- 164 Алтынсарин И. Избранные произведения. - Алма-Ата, 1963. - Т. 3. – 223 с.
- 165 Эфиров А.Ф. Русификаторская школа у казахов дореволюционной России // Советская педагогика. - 1939. - № 11-12. - С. 121.
- 166 Алтынсарин И. Избранные произведения. - Алма-Ата, 1963. - Т. 1. – 223 с.
- 167 Ситдыков А.С. Педагогические идеи и просветительная деятельность И.Алтынсарина. – Алма-Ата: из-во Мектеп, 1968. – 148 с.
- 168 Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. – Ташкент, 1896. – С. 26.
- 169 Граменицкий С.М. К вопросу об инородческом образовании в России. – Ташкент, 1908. – С. 171.

- 170 Граменицкий С.М. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. – Ташкент, 1916. - Т. 1. - С.6.
- 171 Рождественский С.В. Материалы по истории учебных реформ в России в XVIII-XIX вв. – СПб., 1910. – 674 с.
- 172 РГИА Ф. 1263, Оп. 57, Д. 1631.
- 173 Катков М.Н. Сборник статей: Наша учебная реформа. - М., 1890. - 262 с.; «Московские ведомости». - 1867. - № 15 - 18.
- 174 Инородческие и иноверческие училища / состав. Г.Фальборк, В.Чарнолуцкий. – СПб, 1903. – 379 с.
- 175 Миропольский С.И. Школа и государство. – СПб., 1883. – 279 с.
- 176 РГИА Ф. 733, ОП. 2361, Д. 738.
- 177 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - 2-е изд. - СПб., 1875. - Т. II. - С. 200-250.
- 178 Сборник статей «Инородческая школа» / под ред. Г.Г.Тучим и В.В.Зеленко, 1913 . - С. 116.
- 179 Ромашков Д. Различные типы школ и образования, получаемого а них современными русскими людьми. - М., 1897. – С. 31-48.
- 180 Фальборк В. Учительские семинарии и школы. - СПб, 1898. – С. 74.
- 181 Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Народные училища по положению 25 мая 1874 г. Система свод законов, распоряжений, правила, инструкции. – СПб., 1903. – 607 с.
- 182 Инородческая школа. Сборник статей / под ред. Г.Г. Гумима и В.А Зеленко – Петроград: Изд-во Н.П. Карбасникова, 1916. – 264 с.
- 183 Бобровников Н.А. Из чтений на съезде учителей народных училищ Казанской губернии. – Казань, 1882. – 84 с.
- 184 Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. – СПб., 1913. – 185 с.
- 185 Анастасиев А.И. Народная школа: руководство для учителей и учительниц начального народного училища. – М: тип. А.Д.Ступина, 1915. – Ч. 1. – С. 137.
- 186 Киреев А.А. О предстоящей реформе нашего образования // Русский Вестник. - 1902. – № 2. - С. 29.
- 187 Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки - Пг., 1915. – 97 с.
- 188 Кауфман К.П. Проект Всеподданейшего отчета Генерал-Адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. - СПб., 1885. - 435 с.
- 189 Фармаковский В.И. К вопросу о всеобщем обучении // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903, январь-февраль.
- 190 Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. – М., 1912. – 241 с.
- 191 РГИА Ф. 733, Оп. 91, Д. 69.
- 192 Сперанский Н. Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – 321 с.

- 193 Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С.Будиловича – СПб., 1905. – 158 с.
- 194 Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: Справочная книга, составленная по официальным сведениям за 1895, 1898, 1905, 1907-1909, 1911-1916 гг. – СПб., 1883 -1916.
- 195 Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX века до февральской революции 1917 года. – М., 1947. - 247 с.
- 196 Дело школьного образования в Оренбургском учебном округе // Журнал Министерства народного просвещения. - 1905. - № 1. - С. 15-37.
- 197 Вахтеров В.П. Спорные вопросы образования. – М., 1907. – С. 85.
- 198 Журнал заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа. - 1912. - С. 299-316.
- 199 РГИА Ф. 759, Оп. 205, Д. 4873.
- 200 ПСЗРИ. Т.2,ч. 1.
- 201 Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / состав. Аннин П. 2-е допол. — СПб., 1882-1888. -Ч. 1. – 256 с.
- 202 Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М.Г.Масевич. – Алма-Ата: Из-во АН КазССР, 1960. – Т. IV. – С. 208.
- 203 Сперанский М.М. О военных поселениях. – СПб., 1825. – С. 87-205.
- 204 ЦГА РК Ф. 25, Оп. 1123, Д. 401
- 205 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – Алма-Ата: Санат, 1992. – 182 с.
- 206 Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М.Г.Масевич. – Алма-Ата: Из-во АН КазССР, 1960.– Т. 1. - С. 205.
- 207 ЦГА РК Ф. 713, Оп. 57, Д. 41.
- 208 Ключевский В.О. Полный курс русской истории. – СПб., 1904.- С. 243-287.
- 209 Водопьянов В. История 6-го Оренбургского полка. – М.,1996.- С. 17-18.
- 210 Терентьев М.А. Русская азбука для школ в Средней Азии». - СПб., 1875.; Терентьев М.А. Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке.- СПб., 1875.; Терентьев М.А. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская». - СПб., 1875.
- 211 Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана, 1998. – 135 с.
- 212 Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв.(1771-1867 гг.) // Сборник документов и материалов.- Алма-Ата, 1964.- 572с.
- 213 ЦГА РК Ф. 4, Оп. 1, Д. 2382
- 214 История школы и педагогической мысли Казахстана / под. ред. Жарыкбаева К. - Алма-Ата, 1996. – 326 с.
- 215 Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России – М.: Изд. АН СССР, 1957. – 339 с.

- 216 РГИА Ф. 733, Оп. 171, Д. 1932.
- 217 РГИА Ф. 733, Оп. 205, Д. 5040.
- 218 РГИА ф. 741, оп. 2, д. 123.
- 219 Ильминский Н.И. // Соч. - Казань, 1892. – Т 1. - С. 21.
- 220 Граменицкий С.М. Положение инородческого образования в Сырдарьинской области. - Ташкент, 1916. - С.113.
- 221 Кауфман А. Материалы по вопросу об организации работ по образованию переселенческих участков в степных областях. – СПб., 1897. – 108 с.
- 222 Бобровников Н.А. Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России. – Пг., 1917. – 36 с.
- 223 Сперанский М.М. Азиатская Россия.– СПб, 1914. – Т. 1 – С. 33.
- 224 Кауфман К.П. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. -СПб., 1897. –Т. VIII. - 140 с.
- 225 Трегубов А. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях // Вопросы колонизации. -1910.- № 6. - С.108.
- 226 Кауфман А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. - СПб.,1903. - Т. VIII.
- 227 Журнал заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа. - 1912. - С. 299-316.
- 228 Крафт И.И. Сборник узаконений у киргизов степных областей. – Оренбург, 1898. – С. 27-28.
- 229 Боранбаева Б.С. Ғұмар Қараштың өмірі мен қоғамдық-саяси қызметі (1875-1921 жж.): тар. ғыл. канд. ... дис. - Орал, 2009. – 150 с.
- 230 Гаспринский Исмаил-бей. Из наследия // Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы) / предисловие Л.Климович. – Симферополь: Таврия, 1991. – С. 65.
- 231 Алекторов А.Е. Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись. – 1844-1898 гг. - Оренбург, 1900. – Вып. 3. – С. 234.
- 232 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - 2-е изд. – СПб., 1875. - Т. II. - С. 1491-1492.
- 233 Ильминский Н.И. Правила о мерах к образованию инородцев. – Казань; СПб, 1870.
- 234 Сборник документов и статей по вопросу образования // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1867, ноябрь.
- 235 РГИА Ф. 1263, Оп. 191, Д. 5; 407.
- 236 Алекторов Задачи русской школы в инородческой орде. // Московские ведомости. - 1895. - № 261.
- 237 Бартольд В.В. Культура мусульманства // Собрание сочинений. - М.: Наука, 1966.- Т.6.– С.82-193.
- 238 Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. – СПб.: Сенат.тип., 1913. – 90 с.
- 239 Дж.Вуд Путешествие в Среднюю Азию. – М., 1992. – 218 с.
- 240 ЦГА РК Ф.25, Оп.4, Д.475.

- 241 Мадрасы в Туркестане // Туркестанские ведомости.– 1871. - №9.; Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. - СПб., 1913. – С. 18-31.
- 242 ЦГА РК Ф. 59, Оп. 1, Д. 242.; Остроумов Н.П. Мусульманская высшая школа (Мадрасы). - СПб., 1911. – С. 52-68.
- 243 ГАОО Ф. 213, Оп. 1, Д. 5 а.; Мектебы Оренбургской губернии. / Под ред И.М.Бикчантаева. – Оренбург, 1916. – С. 58-67.; Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916. – 119 с.
- 244 Бобровников Н.А. Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России. – Пг., 1917. – 36 с.
- 245 Эфиров А.Ф. Русификаторская школа у казахов дореволюционной России // Советская педагогика. - 1939. - № 11-12. - С. 121.
- 246 Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящийся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 1899 г. – Оренбург, 1896. – 274 с.
- 247 Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: Справочная книга, составленная по официальным сведениям за 1895, 1898 - 1916 гг. - СПб., 1883-1916.
- 248 Сборник документов и материалов по вопросу образования инородцев. – СПб., 1869. – 473 с.
- 249 ЦГА РК Ф. 567. ОП. 1. Д. 41.
- 250 ЦГА РК ф. 567, Оп. 1, д. 215.
- 251 ЦГА РК Ф. 4, Оп. 1, Д. 373.
- 252 ЦГА РК Ф. 95, Оп. 1, Д. 373, 401.
- 253 К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского округа // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867, ноябрь
- 254 ГАОО. Ф.12. Оп.6. Д.12979/15.
- 255 ГАОО Ф. 12. Оп. 6. Д.567.
- 256 Обзор Тургайской области за 1892 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. - Оренбург, 1893.
- 257 РГИА ф. 733, оп. 202, д. 697.
- 258 Миропиев М. // Журнал Министерства Народного Просвещения. - 1908.- № 2.- С. 183.
- 259 РГИА Ф. 733, Оп. 170, Д. 972
- 260 РГИА Ф. 733, Оп. 205, Д. 2458
- 261 ГАОО Ф. 12, Оп. 8, Д. 13
- 262 ЦГА РК Ф. 507, Оп. 232, Д. 114
- 263 Первый общеземский съезд по народному образованию // Журнал общих заседаний съезда: Стеногр. запись. – М., 1912. – С. 5-12.
- 264 Турчанинов Н.В. Итого переселенческого движения за время с 1896 по 1909 годы. СПб., 1910; Турчанинов Н.В. Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за ее сооружением период // Вопросы колонизации. -1912. -№11.- С.23.

- 265 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 343, Д. 211.
- 266 Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды: Антрополого-этнологический очерк. - М., 1889. - Т. 1.– 829 с.
- 267 Рысбеков Т.З., Бірімжаров Б.К., Курманалин С.Б., Жақсығалиев Ж.Ж. Батыс Қазақстан обласының тарихы. – Орал.: Полиграфсервис,
- 268 Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. - СПб., 1848. - Т. 14, ч. 3.
- 269 ЦГА РК Ф. 78, ОП. 12, Д. 97
- 270 ГААО Ф. 495, Оп. 3, Т. 2, Д. 145
- 271 ЦГА РК Ф. 507 ОП. 1. Д. 237
- 272 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 11, Д. 172.
- 273 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 1, Д. 149, 155.
- 274 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 1, Д. 177
- 275 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 1, Д. 172, 178
- 276 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 1, Д. 177.
- 277 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 1, Д. 152
- 278 ГААО Ф. 495, Оп. 3, Т. 2, Д. 145
- 279 ГААО ф. 495, Оп. 4, Д. 516
- 280 Южаков С.Н. Вопросы просвещения. – СПб., 1897. - С. 79.
- 281 Будилович А.С. Отчет о командировочной поездке в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. – СПб., 1905.
- 282 Алекторов А.Е. Очерк развития инородческого образования в России // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914,июнь.
- 283 Катаринский В.В. Грамматика киргизского языка. – СПб., 1906. – 221 с.
- 284 Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России (вторая половина XIX века). – М., 1949.
- 285 Журнал заседаний Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев // Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С. Будиловича.- СПб., 1905.- С. 8-13.
- 286 ГААО Ф. 495, Оп. 343, Д. 111
- 287 ЦГА РК Ф. 27, Оп. 343, Д. 98
- 288 РГИА Ф. 733, Оп. 178, Д. 152
- 289 РГИА Ф. 733, Оп. 170, Д. 524
- 290 РГИА Ф. 733, Оп. 173, Д. 107
- 291 Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания. – Ташкент, 1895. – 88 с.
- 292 РГИА Ф. 821. ОП. 147. Д. 218
- 293 Журнал Министерства Народного Просвещения.- 1908. -№ 2.- С. 183.
- 294 ЦГА РК Ф. 4. ОП. 1. Д. 401
- 295 РГИА Ф. 733, Оп.170, Д. 972
- 296 ГААО Ф. 1115, Оп. 4, Д. 516

- 297 ГААО Ф. 1115, Оп. 1, Д. 715
- 298 ГААО Ф. 1115, Оп. 12, Д. 215
- 299 ГАОО. Ф. 6, Оп. 8, Д. 13
- 300 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 121
- 301 ГАОО. Ф.12, Оп.13, Д. 4250
- 302 ГАОО. Ф.12, Оп.6, Д.12979
- 303 ГАОО. 12, Оп.6, Д.12979/15
- 304 ГАОО Ф. 6, Оп. 1, Д. 1
- 305 ГАОО Ф. 6, Оп. 1, Д. 1
- 306 Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 года. – 2-е изд. – М., 1956. – 247 с.
- 307 ГАОО. Ф.6. Оп.13. Д.4250
- 308 ЦГА РК Ф. 12, Оп. 4, Д. 155
- 309 ЦГА РК Ф. 507, Оп. 1, Д. 155
- 310 ЦГА РК Ф.4; Оп.1, Д. 2879
- 311 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 17, Д. 71
- 312 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 659, Д. 24
- 313 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 659, Д. 15
- 314 Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.).- Спб., 1901. - 524 с.
- 315 РГИА Ф. 733, Оп. 176, Д. 46
- 316 РГИА Ф. 733, Оп. 191, Д. 5; Д. 407
- 317 РГИА Ф. 733, Оп. 171, Д. 614
- 318 Обзор Уральской области за 1902 г.,- Уральск, 1903. - С. 31.
- 319 ГАОО Ф. 12, Оп. 1, Д. 1
- 320 ГАОО ф. 12, Оп. 1, Д. 141
- 321 РГИА Ф. 733, Оп. 172 Д. 2049
- 322 РГИА ф. 733, оп. 172, д. 246, 1627
- 323 РГИА Ф. 733, Оп. 2, Д. 123
- 324 РГИА Ф. 1263, Оп. 1, Д. 5.
- 325 РГВИА Ф. 1754, Оп. 982, Д. 3172; Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное из-во, 1999. – 400 с.
- 326 РГИА Ф. 733, Оп. 172, Д. 1804.
- 327 Бородин Н.А. Очерки первоначального образования в Уральском казачьем войске (по отчетам учителей за 1885-1886 учебный год). – Уральск, 1887.
- 328 РГИА Ф. 744, Оп. 5, Д. 256.
- 329 Обзор Уральской области за 1900. – Казань, 1901. 34 с.
- 330 РГИА Ф. 733, Оп. 186, Д. 2226.
- 331 РГИА Ф. 733, Оп. 178, Д. 152.
- 332 РГИА Ф. 733, Оп. 167, Д. 538.
- 333 РГИА Ф. 733, Оп. 227, Д. 163.

- 334 Обзор Уральской области за 1900. – Казань, 1901. 34 с.
- 335 Краткий отчет о состоянии Уральского войскового реального училища за 1899-1900 учебный год. - Казань: типо-литография Имераторского университета, 1901.- С. 3-19.
- 336 ГАОО Ф. 12, Оп. 1, Д. 6,
- 337 ГАОО ф. 12, Оп. 1, Д. 1
- 338 Чарнолуский В. И. Съезды по народному образованию // Сб. постановлений и резолюций всерос. и обл. съездов по вопр. нар. образования (шк., внешк. и дошк.): с подроб. свод. алф. указ. содерж. / сост. В. И. Чарнолуский. — Пг.: Журн. «Вестник народного образования», 1915. –Т. X. - 345 с.; Чарнолуский В. И. Вопросы народного образования на первом общеземском съезде. - СПб.: Знание, 1912. - 184 с.
- 339 РГИА Ф. 733, Оп. 174, Д. 55.
- 340 ГАОО Ф. 6, Оп. 1, Д. 9,
- 341 Алекторов А.Е. Кочевая школа у Аральского моря // Русская школа. – СПб., 1899. -№ 1. -С. 273.
- 342 РГИА Ф. 1291, Оп. 82, Д. 18
- 343 РГИА Ф. 1152, Оп. 597, Д.201
- 344 Обзор Семипалатинской области за 1896 год. -СПб., 1897.
- 345 Образования среди киргизов // Журн. МНП.- 1905, декабрь.-С. 141.
- 346 Казакова С.В. Вопросы народного образования в особых журналах Совета Министров 1905-1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (малоисследованные проблемы и источники): сб. научных трудов. – М., 1980.
- 347 РГИА ф. 733, оп. 166, д. 1084
- 348 Васильева А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург: типо-литография П.Н.Жаринова, 1896. - 226 с.
- 349 Граменицкий С.М. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. -1916-С.6.
- 350 РГИА ф. 733, оп. 227, д. 168
- 351 Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае // В кн.: Кауфманский сборник. - М., 1910. - С.159.
- 352 Ильминский Н.И. Самоучитель русской грамоты для киргизов. - Казань, 1861.; Ильминский Н.И. О переводе христианских книг на татарский язык / Журнала Министерства Народного Просвещения. - Казань,1875.; Ильминский Н.И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и др. инородческие языки в начале текущего столетия. - Казань, 1885.
- 353 Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. – Казань, 1898. – Вып. 1. – 68 с.; Бобровников Н.А. На каком языке преподавать Закон Божий в инородческой школе: (Письмо законоучителям инород. шк.). - СамарЕВ, 1899. - № 15.; Бобровников Н.А. Проект программы разговорных уроков в инородческой школе // Нач.обучение. – 1902. – № 6. – С. 226-277.
- 354 ЦГА РУ Ф. 182, Оп. 1, Д. 53.
- 355 РГИА Ф. 733, Оп. 203, Д. 2879

- 356 РГИА ф. 796, оп. 198, д. 298
- 357 Хронологический перечень с кратким изложением сущности высочайших грамот, указов и узаконений, изданных с 1731 по 1896 годы, по отношению к киргизам и населеным ими степным областям.; Крафт И.И. // Сборник узаконений у киргизов степных областей. – Оренбург, 1898. – 472 с.
- 358 Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург: тип. П.Н.Жаринова, 1896. – 226 с.
- 359 Совецание по вопросам о средней школе при Министерстве народного просвещения. – М., 1899. – Вып. 6.
- 360 ЦГА РК Ф. 95, Оп. 11, Д. 24; ГАОО ф. 6, оп. 13, д. 4250
- 361 Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии: Ист. Очерк // Сб. государственных знаний.– СПб., 1874. - Т. 1. – С. 233-261.
- 362 Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. - СПб.: Сборник Музея Антропологии и Этнографии, 1997. - 41 с.
- 363 ЦГА РУ Ф. И-17, Оп. 1, Д. 31093
- 364 ЦГА РУ ф. И- 47, оп. 1, д. 807
- 365 Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: Турк. Т-во Печатного Дела, 1913. – 115 с.
- 366 Остроумов Н.П.; РГИА ф. 733, оп. 186, д. 2226
- 367 РГИА ф. 733, оп. 205, д. 5040
- 368 Кауфман К.П. РГИА ф. 733, оп. 178, д. 152
- 369 Костенко Л. Очерки Семиречья // Военный сборник. – 1872, ноябрь. – Ч. I – V, № 11. - С. 157–197.
- 370 Масловский А.Ф. Русская общеобразовательная школа: Мысль отца семейства по поводу предстоящей реформы средней школы. – СПб., 1900. – 357 с.
- 371 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. конец XIX нач. XX вв / отв. Ред Э.Д.Днепров. – М.: Педагогика, 1991. – 182 с.
- 372 Начальное народное образование в России. Статистические таблицы по губерниям и районам Империи: В 4 т. / под ред. Г.Фальборка, В.Чарнолуцкого. – СПб., 1900.
- 373 Байтурсинов А. // «Казах».– 1914. - №7 - 9.
- 374 Реформа среднего образования // Журнал Министерства народного просвещения.- 1906. - № 1.
- 375 Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области. - Оренбург, 1896. –С. 17.
- 376 Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. - 1896.
- 377 Алекторов История развития народного образования среди киргизов // Журн. МНП. - 1905, декабрь.-С. 141.
- 378 Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: Справочная книга, составленная по официальным сведениям за ... 1905, 1907—1909 гг. — СПб., 1883—1916.

- 379 Рождественский С.В. Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVII XIX вв // Описание дел Архива Министерства народного просвещения.- Пг., 1917. – Т. 1.
- 380 Законопроект Министерства торговли и промышленности о технических учебных заведениях и об установлениях для распространения технических знаний. – Петроград, 1917. - 305 с.
- 381 РГИА Ф. 733, Оп. 227, Д. 163
- 382 РГИА Ф. 733, Оп. 175, Д. 477
- 383 Всеподданнейший отчет министерства народного просвещения за 1910 г. – СПб., 1912. – 251 с.
- 384 Алекторов А.Е. Задачи русской школы в инородческой орде // «Московские ведомости». - 1895. - № 261.
- 385 Циркуляр Казанского учебного округа, 1908 г., С. 7; РГИА ф. 733, оп. 3, д. 968
- 386 РГИА Ф. 733, Оп. 171, 1885, Д. 1398.
- 387 ЦГА Ф. 78, Оп. 1, Д. 149
- 388 ЦГА РК Ф. 676, Оп. 1, Д. 57.
- 389 ЦГА РК. Ф. 25; Оп. 1, Д. 5935.
- 390 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 149
- 391 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 194
- 392 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 171
- 393 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 155
- 394 ЦГА РУ Ф. 174, Оп. 1, 2349
- 395 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, 149, Д. 553
- 396 ЦГА РК Ф. 78, Оп. 1, Д. 319
- 397 Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А.М.Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. - 704 с.
- 398 Краткий отчет о состоянии Уральского войскового реального училища за 1901-1902 учебный год. – Казань: типо-литография императорского университета, 1903. - 117 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Перечень документов и проведенных реформ при деятельности министров
народного просвещения 1802-1917 гг.

Периоды деятельности министров и годы реформ	Принятие основных нормативно-правовых документов. Направления деятельности МНП
2 сентября 1802-11 апреля 1810 гг. граф П.В.Завадовский	Учреждены учебные округа, открыты приходские, уездные училища, гимназии.
11 апреля 1810-10 августа 1816 гг. граф А.К. Разумовский	Вводит богословие как учебную дисциплину, расширяет сеть начальных школ и гимназий, усиливается надзор за воспитателями-иностранцами.
10 августа 1816 - 15 мая 1824 гг. А.Н. Голицын	В 1817 г. объединяет ведомства духовных дел и народного просвещения.
15 мая 1824-25 апреля 1828 гг. А.С. Шишков	Были закрыты библейские общества. Разработан и утвержден новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских».
Май 1828 г. - 20 марта 1833 г. К.А.Ливен	Утверждается в новом уставе 1828 г. классическая гимназия, вводит 7-летний курс обучения. Принимаются инструкции по ступеням обучения.
С.С.Уваров 21 марта 1833 до 20 октября 1849 гг. 1835 г. «Положение об учебных округах»: - порядок управления учебными заведениями передаются в руки попечителей; - ограничение университетской автономии и академической свободы по новому уставу 1835 г.; - утверждение классицизма в образовании; - развитие некоторых отраслей специального образования; - строгое сословное разграничение разных типов школ; - подчинение частных заведений и домашнего образования	- 1835 г. Комитет по устройству учебных заведений по составлению руководства естественному праву; - 1835 г. было одобрено «специальное образование» - изучение восточных языков и ориентальная филология; - 12 февраля 1836 «Положение о преимуществах службы на окраинах» - 1837 по 1849 гг. было введено «Правила испытаний для желающих поступить в университеты» - поднять уровень подготовки университетских слушателей, постановив 16-ти летний возраст принятия в число студентов; - 1841-1850 гг. Временный медицинский Комитет для преобразования медицинских учебных заведений;

<p>правительственному контролю;</p> <ul style="list-style-type: none"> - преобразование учебной системы на окраинах в духе общегосударственном; - усиление средств ученых учреждений, подведомственных Министерству. - реформа 1849 г. - изменение учебных планов гимназий, в которых были видны первые шаги разрушения классического образования. 	<ul style="list-style-type: none"> - 1849 г. преобразование гимназий; - по мере создания учебных округов разрабатываются положения по ним; - 25 июня 1834 г. «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе» было разделено вступление на службу на три разряда по степени образования: 1-й разряд иметь высшее образование и давало право на более сокращенный срок получения чинов; 2-й разряд гимназическое образование имел преимущество перед третьим разрядом; 3-й разряд все лица, не имеющие свидетельств от учебных заведений или обучающиеся только в низших учебных заведениях. Лица, получившие домашнее образование могли приобрести права первого и второго разрядов, выдержав соответствующие экзамены. Экзамены проводились в университетах. - 28 ноября 1844 г. и 31 декабря 1845 г. было введено дополнительное правило к уставу о службе – испытание лиц принадлежащих к 3-му разряду было поручено уездным училищам и гимназиям; - 26 июля 1835 г. «Общий устав Императорских российских университетов»: университеты работают только как учебные заведения, ограничиваются автономия университетов, отнимаются права на управление учебными округами и уничтожаются университетские суда. За университетами остаются функции: избирать ректора, почетных членов и корреспондентов, профессоров и преподавателей; общее руководство учебной частью; возведение в ученые степени; - 6 апреля 1844 г. новое положение «Положения о производстве в ученые степени» распространялось на все университеты кроме Дерптского (для
--	--

	<p>возведения в ученые степени по медицинским факультетам оставлены особые постановления) в других же сохранило три ученые степени: кандидата, магистра и доктора;</p> <ul style="list-style-type: none"> - 15 июня 1845 г. «Положение о взимании платы за ученье в высших и средних учебных заведениях»; 15 февраля 1846 г. правила испытаний в гимназиях и уездных училищах – степень успеваемости и поведения определяются пятибалльной системой; успешно выдержавшие полное окончательное испытание в гимназии освобождаются от экзамена при поступлении в университет; - 26 июля 1847 г. было решено ограничить состав института только двумя факультетами: историко-филологическим и физико-математическим; юридический факультет был представлен двумя кафедрами; <p>курс обучения на каждом факультете был четырехгодичный и вместе с предварительным курсом составляло 6 лет, но 1849 году прием на предварительные курсы был прекращен, так как гимназии достаточно хорошо готовили к поступлению в высшие учебные заведения;</p> <ul style="list-style-type: none"> - 31 декабря 1848 г. повышается плата за обучение в высших и средних учебных заведениях до пределов назначенных раньше; - 6 мая 1849 г. выходит распоряжение министра о введении новых учебных планов для гимназий.
<p>20 октября 1849 - 7 апреля 1853 гг. П.А.Ширинский-Шихматов - реформа 1850 года - преобразование классического образования, придав в систему реальный характер, который</p>	<ul style="list-style-type: none"> - 1851 г. Комитет по вопросу о сокращении во всех ведомствах делопроизводства и переписки по гражданскому управлению; - 6 января 1852 г. новый закон о

<p>позволит развивать практическое и техническое образование;</p> <p>- развитие женского образования, открыв в губернских и уездных городах и больших селениях открытые школы для девиц.</p>	<p>пенсиях и пособиях чиновникам (отменить пенсии на службе сверх жалованья и производство пенсии за краткий 15-и летний стаж работы, за 20 лет оплачивать половину, за 25 лет полная пенсия);</p> <p>- 16 мая 1852 г. новое положение по оплате в высших и средних учебных заведениях с учетом интересов низшего сословия;</p> <p>- 1850 г. преподавание философии, логики и психологии передают профессорам богословии и программы по ним составляются по соглашению Министерства с духовным ведомством;</p> <p>- 26 января 1850 г. философские факультеты были разделены на два самостоятельные: историко-филологический и физико-математический;</p> <p>- 5 ноября 1850 г. упразднены педагогические институты при университетах и учреждены кафедры педагогики – с целью получения будущими учителями познания полной системы образования и воспитания юношества; профессора, не ознакомленные с правилами педагогики, как науки, не могли быть надежными руководителями студентов;</p> <p>-</p>
<p>7 апреля 1853 г. – 23 марта 1858 г. А.С.Норов</p> <p>- проводятся ряд совещаний по восстановлению классического и гуманитарного образования.</p>	<p>- 22 октября 1854 года решение образовать особый факультет восточных языков при С.-Петербургском университете, так как в университете собраны большое количество средств для развития языка и собраны множество учебных пособий;</p> <p>- 12 апреля 1856 г. прекратить преподавание в столичных университетах военные науки, введенное во время Крымской войны 1854 г.;</p> <p>- 1858 г. разрешены публичные лекции для посторонних слушателей.</p>

<p>23 марта 1858 г. – 28 июня 1861 г. Е.П.Ковалевский</p>	<p>- 1860 г. восстановлена самостоятельная кафедра философии; - 1860 г. в Казани возобновляется преподавание восточных языков необходимые для мусульманского населения Поволжья; - положение о женских училищах.</p>
<p>28 июня - 25 декабря 1861 г. Е.В.Пуятин</p>	<p>Проводил преобразования высшей школы.</p>
<p>25 декабря 1861 – 14 апреля 1866 гг. А.В.Головнин</p> <p>- реформа центрального управления Министерства: 1) усиление власти местных учреждений; 2) правильное распределение дел между разными учреждениями; 3) сокращение и упрощение делопроизводства; 4) уменьшение личного состава чиновников; 5) увеличение окладов их содержания);</p> <p>- упразднение Главного Управления Цензуры и передача в ведение Министерства Внутренних Дел;</p> <p>- университетский устав 1863 г.;</p> <p>- устав гимназий 1864 г.;</p> <p>- положение о начальных народных училищах 1864 г.;</p> <p>- уставы и штаты некоторых учебных учреждений.</p>	<p>- 1863 г. проект нового закона о печати; - новым учреждением по новому уставу 1863 г. является университетский суд; - 4 января 1864 г. утвержден новое «Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени»;</p> <p>- 14 июля 1864 г. «Положение о начальных народных училищах» - призывается к плодотворному попечению о народном образовании земства и городского общества.</p>
<p>14 апреля 1866 г. – 24 апреля 1880 г. Д.А.Толстой</p> <p>- 1871 г. новый «Устав гимназий» - основу общего научного образования дается приоритет классическому образованию;</p> <p>- 1874 г. новое «Положение о начальных народных училищах»;</p> <p>- 31 мая 1872 г. «Положения о городских училищах и учительских институтах».</p>	<p>- Устав 1872 г. по преобразованию реальных гимназий в реальные училища;</p> <p>- 31 июля 1872 г. были изданы учебные планы гимназий;</p> <p>- учебный план 1872 г. был пересмотрен в 1877 г. – сделаны частные изменения в распределении учебного материала по классам;</p> <p>- 23 мая 1872 г. «Правила по заведыванию пансионами при гимназиях и прогимназиях»;</p> <p>- «Правила для учеников гимназий и прогимназий»;</p>

	<ul style="list-style-type: none"> - 1 июля 1876 г. инструкция о порядке управления учительскими институтами; - 13 ноября 1876 г. программа вступительного экзамена; - «инструкция для двуклассных и одноклассных училищ Министерства Народного Просвещения».
А.А.Сабуров 24 апреля 1880 г. – 24 марта 1881 г.	Преобразования в управлении связи между земством и Министерством народного просвещения.
А.П.Николаи 24 марта 1881 г. – 16 марта 1882 г.	- «положение об училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях».
И.Д.Делянов 16 марта 1882 г – 29 декабря 1897 г.	<ul style="list-style-type: none"> - 7 марта 1888 г. «Основные положения о промышленных училищах»; - 13 января 1884 г. при Учебном Комитете было организовано новое Отделение по техническому и профессиональному образованию; - 12 марта 1885 г. учрежден Западно-Сибирский учебный округ в составе губерний: Тобольской и Томской и областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской; - 1890 г. создание первых коммерческих училищ; - 26 февраля 1896 «Положение об управлении школами церковноприходскими и грамоты ведомства православного исповедания и штата Училищного совета при святейшем синоде»; - «О некоторых изменениях в устройстве начального народного образования в Туркестанском крае».
12 февраля 1898 г. – 2 марта 1901 г. Н.П.Боголепов	<ul style="list-style-type: none"> - положение по распределению кредита на нужды начального образования; - примерная программа предметов преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства Народного Просвещения; - временные правила «о съездах учащихся в начальных народных училищах».
24 марта 1901 г. – 11 апреля 1902 г. П.С.Ванновский	<ul style="list-style-type: none"> - студенческое самоуправление; - отменил изучение в гимназиях

- проект реформы «Положения о средней общеобразовательной школе» (но не был осуществлен)	греческого языка и не обязательным для поступающих в университеты.
11 апреля 1902 г. – 23 января 1904 г. Э. Зенгер	Увеличил ассигнования на строительные нужды крупных библиотек и музеев.
10 апрель 1904 г. –18 октябрь 1905 г. В.Г.Глазов	- совещание в Петербурге по вопросам образования «восточных инородцев».
18 октября 1905 г. – 24 апрель 1906 г. И.И.Толстой	- 9 декабря 1905 г. циркуляр по упрощению условия приема в восьмые (педагогические) классы женских гимназий.
24 апрель 1906 г. – 1 января 1908 г. П.М.Кауфман	- репрессии учителей; - циркуляр «Об улучшении общей постановки учебно-воспитательного дела»; - правила «о начальных училищах для инородцев».
1 января 1908 г. – 25 сентябрь 1910 г. А.Н.Шварц - законопроект «О введении всеобщего обучения в Российской империи».	- закрываются национальные просветительские центры и общественные организации
Управляющий министерством с 25 сентября 1910 г., министр с 2 февраля 1911 г. – 26 ноябрь 1914 г. Л.А.Кассо -1912 г. Положение о высших начальных училищах с четырехгодичным сроком обучения.	- «Положение о высших начальных училищах с четырехгодичным сроком обучения»; - закрываются национальные просветительские центры и общественные организации; - о преобразовании высших и низших мусульманских школ (мектебов и медресе) в России;
9 январь 1915 г. – 27 декабрь 1916 г. П.Н.Игнатъев -законопроект всеобщего и обязательном обучении.	- пересмотр учебных программ; - упорядочение сети высших начальных училищ по положению 1912 г.; - сближение деятельности по организации школьного образования органов народного образования с местным самоуправлением; - появляются первые школьные кооперативы при средних учебных заведениях и высших начальных училищах.

27 декабря 1916 - 28 февраля 1917 гг. Н.К.Кульчицкий	
2 марта 1917 г. – 4 июня 1917 г. А.А.Мануйлов	<ul style="list-style-type: none"> - реорганизация министерского аппарата, в июне 1917 г. ликвидирован совет министра и Ученый комитет. - создан департамент профессионального обучения
26 июля 1917 г. – 31 августа 1917 г. С.Ф.Ольденбург	<ul style="list-style-type: none"> - организация школы грамотности при воинских частях, библиотеки и читальни; - организация культурно-просветительской комиссии по перестройке на демократических принципах системы народного образования.
Управляющий министерством с 4 сентября 1917, министр с 8 сентября 1917 - 25 октября 1917 гг. С.С.Салазкин	

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Положение о школах при укреплениях

(утверждено оренбургским и самарским генерал-губернатором 18 октября 1862 г.)

Общие положения

§ 1. Штат каждой из школ ограничивает 25 воспитанниками из киргизов, с одним для них учителем, который есть вместе и смотритель школы.

§ 2. Право помещения детей в школу предоставляется преимущественно ордынцам, состоящим на службе по степному управлению; пока же школы не пополняются детьми таковых, принимаются в оные все желающие из киргизов, без различия происхождения и состояния, а на первое время даже и взрослые.

§ 3. Прием воспитанников на вакансии производится в течение целого года, за исключением вакационного времени.

§ 4. Для поступления в школу не требуется от самого желающего или родителей его и родственников никакой другой формальности, кроме явки к смотрителю, который докладывает об этом словесно начальнику укрепления или форта и, по получении от сего последнего письменного предписания, заносит явившегося в список воспитанников по особой форме, у сего прилагаемой, с обозначением имени, отчества, возраста, рода, отделения, звания родителей и времени поступления. Самые же предписания присоединяются к документам о расходе денег.

§ 5. При полном комплекте воспитанников желающие поступить в школу вносятся в тот же список в качестве кандидатов и принимаются на открывающиеся вакансии по старшинству заявленного желания и с соблюдением изложенного в предыдущем § порядка. При этом предоставляется преимущество для поступления в школы детям должностных ордынцев, по § 2.

§ 6. Для оставления школы также не требуется как со стороны поступавшего по собственному желанию, так и со стороны родителей или родственников отданного ими воспитанника, ничего иного, кроме словесного о том заявления смотрителя, который докладывает о сем начальнику форта или укрепления, а сей последний дает смотрителю предписание об увольнении. Смотритель, получив это предписание, отмечает в особой графе списка, что такой-то воспитанник выбыл тогда-то, по такой-то причине, с самим же предписанием поступает по правилам, изложенным в § 4.

§ 7. Выбывшие из степных школ по болезни или другим причинам, кроме объясненных ниже, воспитанники принимаются вновь в школу, но не иначе, как с соблюдением правил, объясненных в § 4 и 5. Воспитанники же, исключенные за леность или дурное поведение, вновь в школы не принимаются.

§ 8. Кроме воспитанников из киргизов дозволяется допускать к обучению в степных школах и детей русских поселенцев при укреплениях, но не иначе, как в качестве проходящих. Обучение киргизской грамоте для детей этих не обязательно.

§ 9. Учителями в степные школы определяются преимущественно молодые киргизы, окончившие курс учения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе или школе для киргизских детей при областном правлении оренбургскими киргизами, причем они должны хорошо знать разговорный русский язык.

§ 10. Определение и увольнение школьных учителей Оренбургское и Уральское укрепления зависят от областного правления, а в форты № 1 и Перовский - от командующего Сыр-Дарьинскою линией; от них же зависит и представление означенных лиц к наградам во время прохождения службы в учительских должностях.

Примечание 1. Учитель школы может исправлять, оставаясь при этой должности, и обязанности переводчика при начальнике укрепления с получением жалования, присвоенного этой последней должности, но в таком случае начальник укрепления не может командировать его никуда в окрестности иначе, как в течение вакационных летних месяцев.

Примечание 2. В случае соединения обязанности учителя обязанностями переводчика жалование по первой должности назначается в размере 200 рублей, а остальные 100 рублей выдаются фортовому священнику за обучение русских мальчиков закону божию.

Часть учебная

§ 11. Курс учения в степных школах полагается следующий: а) чтение и письмо на киргизском и русском языках, б) первые четыре правила арифметики и в) переводы с киргизского языка на русский и обратно, с объяснением при этом грамматических форм обоих языков.

§ 12. Главное внимание должно быть обращено на обучение воспитанников русскому языку, но русской грамматике следует учить только мальчиков, умеющих уже по-киргизски читать. Обучение арифметике должно начинаться, когда воспитанник выучился читать по-русски и по-киргизски.

§ 13. Во избежание необходимости делить воспитанников по успехам на классы, что при одном учителе не возможно, способ учения в степных школах полагается применительный к ланкастерскому, то есть учитель обучает только способнейших и прилежнейших из воспитанников, а эти, приобретенные от учителя знания, передают другим.

§ 14. Учебное время разделяется на утреннее и после обеденное, каждое по три часа в сутки. Утреннее в течение сентября, октября, марта, апреля и мая начинается с 8 часов утра и продолжается до 11; в зимние же месяцы: ноябрь, декабрь, январь и февраль - начинается в 9 и продолжается до 12 часов. Послеобеденное время во все месяцы года, когда производится учение, начинается в 2 и оканчивается в 5 часов пополудни.

15. Летние вакации полагаются с 1 июня по 1 сентября. На это время все воспитанники, имеющие родителей или родственников, распускаются по кочевьям.

§ 16. Праздничные дни для киргизских мальчиков должны быть определены по указанию опыта, применяясь к их обычаям.

§ 17. Срок преподавания в школах не определяется. Когда кто из воспитанников выучится всему преподаваемому в школе, тогда и выпускается из оной со свидетельством от учителя об окончании курса.

§ 18. Чтобы степные школы не могли обратиться из орудия к образованию в приют лени и бездарности, долее четырех лет пребывания в них воспрещается. Воспитанник, в течение этого срока не успевший усвоить себе предметов преподавания в школе, исключается из оной как безнадешный, с соблюдением, однако, правил, изложенных в § 4.

§ 19. Исключение из школы допускается также и за дурное поведение, но также не иначе как с соблюдением порядка, означенного в том же § 4.

§ 20. Отлучаясь из школы, учитель обязан передавать надзор за воспитанниками отличнейшему из них по поведению и способностям.

§ 21. Воспитанники из киргизов, поступившие в степные школы, пользуются в оных от казны помещением с отоплением и освещением, пищею, постелью и учебными принадлежностями, но одежду, белье и обувь должны иметь собственные. Формы для одежды никакой не полагается

§ 22. Пособие от казны для снабжения совершенно бедных и сирот одеждою, бельем и обувью может быть оказываемо лишь в виде отступления от общего правила.

§ 23. Классная и спальная мебель каждой школы должна заключаться в нарах (с матрацами из грубого холста, набиваемого соломой или сеном), столах, скамейках и большой учебной доске,- все плотнической работы, а кухонная посуда - в железных ведрах и чайнике, в двух чугунных котлах, в деревянных корытах, ушате, блюдах, чашках и ложках. Ножи для резания мяса воспитанники должны иметь свои, для умывания после приема пищи и утром каждая школа снабжается несколькими кумганами (азиатскими кувшинами) и тазами; подсвечники и щипцы для свеч употребляются железные.

§ 24. Для приготовления пищи воспитанникам и мытья белья их находится при каждой школе работник из киргизов и киргизка-работница.

§ 25. На издержки по содержанию каждой школы ассигнуется ежегодно из кибиточного сбора 1803 руб. 50 коп. на следующие предметы:

а) на ремонт школьного дома	50 руб.
б) на ремонт мебели, приобретение посуды и учебных принадлежностей (аспидных досок, чернильниц, книг, бумаги, перьев и проч.)	75 руб.
в) на отопление и освещение в течение шести месяцев (хворостом, соломой, кизяком, дровами – чем представляется возможность), полагая этого топлива для шести печей или каминов на 18 руб. в месяц, да по 8 свечей сальных в вечер, полагая пуд оных в 7 руб.	360 руб.
г) на довольствие воспитанников из киргизов пищею (по 10 коп. в сутки на каждого из 25 человек, в течение 9 учебных месяцев)	687 руб. 50 коп.
д) на снабжение беднейших и сирот	

одеждою, бельем и обувью	150 руб.
е) на мыло для стирки белья и умывания на полотенца кухонные и прочие	85 руб.
ж) на жалованье работнику-повару и работнице-прачке 8 руб. в месяц обоим	96 руб.
з) на жалованье учителю (он же смотритель школы)	300 руб.

§ 26. Пользование больных воспитанников возлагается на медиков местных укреплений и фортов, расходы же ПО приобретению медикаментов относить на деньги, ассигнуемые на каждого из сих укреплений для пользования бедных киргизов.

Отчетность и контроль

§ 27. Киргизские школы при укреплениях, находясь под главным попечением самарского и оренбургского генерал-губернатора, состоят в непосредственном заведовании: в Оренбургском и Уральском - областного правления, а в фортах № 1 и Перовском - командующего Сыр-Дарьинскою линиею; причем начальникам означенных укреплений и фортов предоставляется право контроля по хозяйственной и полицейской части сих заведений.

§ 28. Суммы, ассигнованные на содержание школы, должны быть доставляемы смотрителям: а) в Оренбургское и Уральское укрепления - областным правлением, а в форты № 1 и Перовский - чиновником, заведывающим сыр-дарьинскими киргизами, удерживая их из получаемого с тамошних киргизов сбора и донося об этом каждый раз областному правлению; б) для записки расходования суммы смотрителя снабжаются книгами от областного правления, по одной для каждой школы, куда и должны записывать все расходы без различия предмета, на который предназначаются; в) ремонт школьных зданий производить не иначе как по распоряжению начальников укреплений и фортов через местного инженера, а буде такового в котором-либо из сказанных укреплений и фортов не будет, то наблюдение за исполнением работ возлагается на самих начальников указанных укреплений и г) остатки от штатной суммы вместе с отчетностью должны быть представляемые в областное правление.

§ 29. Действия смотрителей школ относительно успехов преподавания и по приему и увольнению воспитанников в Оренбургском и Уральском укреплениях контролируются чиновниками областного правления, при командировках в степь по разным поручениям, а в фортах № 1 и Перовском - командующим Сыр-Дарьинскою линиею и чиновником, заведывающим тамошними киргизами.

§ 30. Начальникам укреплений, где находятся киргизские школы, предоставляется наблюдать:

а) чтобы дом школы, мебель ее, посуда и прочее содержались смотрителем в надлежащей исправности и чистоте;

б) чтобы воспитанники были довольствуемы от смотрителя пищею, а дом школы отопляем и освещаем сообразно с отпускаемыми на то суммами;

в) чтобы в случае ремонта школьного здания она производилась, где нет инженера, по их распоряжению под личным их надзором;

г) чтобы расход на довольствие воспитанников пищею и прочим производился по наличному числу их, если таковое не достигает полного комплекта;

д) чтобы воспитанники внутри и вне школы вели себя прилично и добронравно. За дурное поведение воспитанник не может быть исключен из школы без согласия на то начальника укрепления;

е) чтобы одеждою, бельем и обувью снабжались только такие воспитанники, которые действительно не имеют к тому собственных средств;

ж) чтобы между воспитанниками не было зараженных прилипчивыми болезнями, для чего поручает свидетельствовать их еженедельно медику при укреплении; найденные больными препровождаются или в госпиталь укрепления или отпускаются до излечения к родителям и родственникам; в случае неважной хворости пользуются медиком, не оставляя школы, на счет ассигнуемых средств для бедных киргизов.

§ 31. Обо всех беспорядках в сказанных отношениях начальники Оренбургского и Уральского укреплений доводят до сведения областного управления на его распоряжение, а по форту № 1 и Перовскому - командующему Сыр-Дарьинской линией; лично же в распоряжение по школам входят лишь в случае смерти или тяжкой болезни смотрителя, до назначения ему преемника.

§ 32. Областное правление и командующий Сыр-Дарьинскою линией в ежегодных отчетах своих, предоставляемых генерал-губернатору, объясняют как о состоянии означенных школ, так и об употребленных издержках.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Положение о школе для киргизских детей, учреждаемой при областном правлении сибирских киргизов

(утверждено государственным Советом 4 октября 1865 г.)

1. При областном правлении сибирских киргизов учреждается школа на двадцать воспитанников из киргизов областей: сибирских киргизов и Семипалатинской, по 10 вакансий на каждую область.

2. Главная цель учреждения школы состоит в приготовлении способных людей к занятию в областях: сибирских киргизов и Семипалатинской должностей султанских письмоводителей и толмачей при волостных управителях и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы.

3. Школа состоит в непосредственном ведении областного правления сибирских киргизов; ближайшее же наблюдение за оною возлагается на товарища военного губернатора или в случае продолжительного его отсутствия на одного из советников областного правления, по выбору военного губернатора.

4. Состоящий при областном правлении советник от киргизов назначается почетным блюстителем школы.

5. При школе состоят: надзиратель, учитель русского языка, географии, чистописания и арифметики и учитель киргизского языка, он же законоучитель магометанского исповедания.

6. Исправление должностей надзирателя и учителей при школе считается действительной учебной службой Министерства народного просвещения.

7. Надзирателю вверяется ближайшее заведование школой и надзор за воспитанниками. Он избирается из людей, служивших в киргизской степи и хорошо знающих язык и обычаи киргизов.

8. Учитель русского языка, географии, арифметики и чистописания, предварительно до поступления на эту должность, подвергается испытанию из означенных предметов и должен знать киргизский разговорный язык. Должность эту преимущественно могут занимать способные переводчики или толмачи.

9. Учитель киргизского языка и магометанского законоучения может быть лицо духовного звания, но предпочтительно следует назначать лиц не духовного звания.

10. Надзиратель и учитель русского языка определяются по представлению военного губернатора генерал-губернатором, а учитель киргизского языка и магометанского законоучения - военным губернатором.

11. При учениках для постоянного за ними присмотра находится заслуженный урядник или унтер-офицер по найму.

12. Школа помещается в особо построенном для нее здании.

13. Сумма на содержание воспитанников и всей школы, также на жалованье при ней состоящим, образуется: 1) из сумм, отпускаемых по

Высочайше утвержденному для Западной Сибири 6 декабря 1856 года штатом на устройство при окружных приказах школ и благотворительных заведений и 2) из процентов на капитал, образовавшихся от помянутых сумм до учреждения школы в Омске. Суммы эти расходуются на основании прилагаемого при сем штата.

14. Остатки от штатной суммы вследствие некомплекта воспитанников или служащих при школе чинов обращаются с разрешения военного губернатора, на учебные пособия и улучшение заведения.

15. Воспитанники принимаются в школу на казенное содержание исключительно из киргизов, без различия сословий.

16. Воспитанники из области сибирских киргизов принимаются в школу с утверждения военного губернатора области сибирских киргизов, а воспитанники из Семипалатинской области с утверждения семипалатинского военного губернатора.

17. Никто из молодых киргизов не принимается в школу без согласия на то родителей.

18. Поступившие в школу киргизские дети могут выбыть из заведения прежде окончания курса, но в таком случае им не предоставляется никаких прав при поступлении на службу.

19. Кроме определенного сим положением числа штатных воспитанников, находящихся на казенном содержании, могут быть принимаемы в школу, смотря по возможности, и сверх штата воспитанники на собственном их содержании, или вольноприходящими, не ограничиваясь одними киргизами. Воспитанники, принимаемые на собственное содержание, платят по 75 руб. в год, а вольноприходящие - по 5 руб. сер. на учебные пособия.

Возраст для поступления в школу полагается от 8 до 14 лет включительно, срок же учения - от 6 до 7 лет.

21. Согласно цели учреждения сей школы, предметы учения в оной суть следующие: а) русский язык, б) география, с более подробным изложением Средней Азии, в) чистописание русское и киргизское, г) арифметика и считание на счетах, д) киргизский язык, е) необходимые сведения в законе магометанском и ж) составление деловых бумаг на русском языке.

Примечание. Чтобы киргизские мальчики более знакомились с русским языком, необходимо всеми мерами поощрять прием пансионеров и вольноприходящих из русских, ибо дети всего легче выучиваются чужому языку в играх и вообще в сношениях с товарищами. В том случае, когда в означенной школе будут обучаться русские мальчики, им преподается закон божий православного исповедания.

22. От усмотрения начальства зависит расширить несколько круг учения, сообразуясь однакоже с главной целью, изъясненной в пар. 2.

23. В учебном отношении киргизская школа состоит в ведении штатного смотрителя омских училищ.

24. Воспитанники, неисправимые в поведении, замеченные в крайнем нерадении и лености в течение не скольких лет, исключаются из заведения, с

разрешения военного губернатора. Воспитанники эти по выбытии из школы никакими преимуществами не пользуются.

25. В содержании воспитанников нужно, по возможности, применяться к их образу жизни в степи, и для того в летнее время отправлять их под присмотром на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего мест или отпускать их на четыре месяца домой, если родители того пожелают.

Примечание. Дабы киргизские дети не отрывались вдруг от своей кочевой жизни и не подвергались болезням, в первые два года срок отпуска в степь может быть увеличен до шести месяцев по усмотрению военного губернатора.

26. Одежда казенных воспитанников должна быть однообразная и примененная к одеянию киргизов.

27. На обязанность состоящего при военном губернаторе областного доктора возлагается посещение и пользование больных воспитанников школы, для коих, смотря по надобности, может быть устроена в доме, занимаемом школой, особая комната. Одержимых тяжкой или продолжительной болезнью начальство может отправлять в военный госпиталь для пользования за счет сумм школы.

Примечание. При самом приеме воспитанников в заведение должно обращать особое внимание на состояние их здоровья и для сего они осматриваются предварительно врачом, состоящим при военном губернаторе. Воспитанникам, не имеющим еще оспы, она прививается при поступлении их в школы.

28. Надзиратель представляет товарищу военного губернатора как попечителю киргизской школы или занимающему его должность советнику срочные рапорты и ведомости, по установленной форме, о состоянии школы, поведении и успехах воспитанников; в конце же года он представляет годовой отчет о состоянии школы по всем частям, а в учебном отношении, сверх того, отчет штатному смотрителю омских училищ.

29. Надзиратель ведет установленные книги расхода по суммам на содержание школы отпускаемым, и по окончании года представляет эти книги в областное правление, которое отправляет их на ревизию в казенную палату.

30. Областное правление через военного губернатора представляет генерал-губернатору Западной Сибири годовые отчеты о состоянии школы.

31. Годовые испытания ученикам производятся с 1 по 15 июня, а время с 15 июня по 15 августа назначается для вакансий. Отличившимся воспитанникам даются похвальные листы и другие приличные награды.

32. Воспитанникам, с успехом окончившим курс учения, по выпуске из школы выдаются аттестаты. Воспитанники эти прикомандировываются на один год к областным правлениям обеих областей для практического обучения делопроизводству. При неимении вакансий султанских письмоводителей, или толмачей им предоставляется право поступить вольнонаемными писцами в окружные приказы или к волостным управителям.

33. Окончившие с успехом курс учения получают аттестаты за подписями товарища военного губернатора или советника областного правления, штатного смотрителя омских училищ, надзирателя и учителей школы.

34. Распределение воспитанников к должностям по окончании курса учения в школе и по истечении года практических занятий в областных правлениях зависит от распоряжений военных губернаторов областей сибирских киргизов и Семипалатинской - по представлениям областных правлений.

35. Отличнейшим из воспитанников, вышедшим из заведения, областные правления ведут списки и имеют их в виду для преимущественного замещения ими открывающихся вакансий по управлениям в Орде.

Примечание. Когда в киргизской школе будут обучаться русские мальчики, то для преподавания им закона божия православного исповедания назначается особый законоучитель с вознаграждением по 200 руб. в год.

36. Из отличнейших воспитанников могут быть избираемы волостные управители и киргизские заседатели в окружные приказы, но не прежде прослужения, по выходе из заведения, по крайней мере пяти лет в орде при безукоризненном там поведении, засвидетельствованном местным начальством.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Выписка из временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях

от 21 октября 1868 г.

VII. О школах в степи

262. Для первоначального образования в степи на первое время при каждом местопребывании уездного управления полагается иметь общую школу для всех без различия народностей.

263. На устройство и содержание школ отпускаются в распоряжение областных правлений определенные по расписаниям особые суммы, которые распределяются по уездам соответственно местной потребности и развитию школ.

264. Программа для занятий в школах устанавливается генерал-губернатором по соглашению с Министерством народного просвещения.

265. Киргизские дети могут поступать на обучение в школы, существующие в станицах и селениях, по соглашению станичных обществ, или безвозмездно, или за умеренную плату.

266. Учителям, преподающим в школах, дозволяется принимать к себе на дом для обучения киргизских детей не иначе, как с разрешения местного начальства.

267. Наблюдение за преподаванием как в школах, так и у частных лиц, вверяется уездному и областному начальствам, а высший надзор подлежит, на общем основании, Министерству народного просвещения.

268. Существующие ныне школы для киргизов в Оренбургском и Сибирском ведомствах остаются, впредь до преобразования, на прежнем основании.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Положение о Казахской учительской школе

(утверждено Государственным Советом в 1880 г.)

I. Учредить в Троицке, Оренбургской губернии, киргизскую учительскую школу.

II. К означенной школе применить Высочайше утвержденное 27 марта 1871 года положение о татарских учительских школах, с соблюдением при том нижеследующих особых правил:

1) Киргизская учительская школа имеет целью приготовление сведущих и опытных учителей в открываемые для киргизов начальные училища.

2) Киргизская учительская школа, принадлежа к ведомству Министерства народного просвещения, подчиняется управлению оренбургского учебного округа.

3) Для упражнения воспитанников сей школы в преподавании при ней состоит начальное русско-киргизское одноклассное училище.

4) Учитель названного училища избирается инспектором школы из способных киргизов, вполне знакомых с русским языком и утверждается в должности попечителем учебного округа.

5) Преподаватель магометанского вероучения избирается инспектором школы из лиц, имеющих звание муллы и хорошо знающих русский язык и утверждается в должности попечителем округа, по соглашению с местным губернатором.

6) Надзиратели школ назначаются попечителем округа из лиц, окончивших полный курс в высших или средних учебных заведениях.

7) Все предметы преподаются в школе на русском языке, за исключением магометанского вероучения, которое может быть излагаемо как на этом языке, так и на языках арабском и киргизском.

Штат казахской учительской школы

Штат	Число лиц	содержание		Классы и разряды		
		одног о	всего	По должности	По шитью мундира	По пенсии
Штат киргизской учительской школы в г. Троицке и начального при ней училища	1	1000	1000	VI	VI	По учебной службе

квартире)						
Ему столовых	-	500	500			
Учителей наук при 61 уроке, из которых 48 нормальных по 75 руб. а остальные – 13-по 60 руб.	4	-	4380	VIII	VIII	то же
Учитель чистописания и рисования при 10 уроках по 30 руб.	1	300	300	X	X	VIII
Учитель гимнастики при 6 уроках	1	200	200	По найму		
Надзирателей (при казенной квартире)	2	500	1000	X	X	-
На преподавание магометанского вероучения, при 9 уроках по 60 руб.	1	540	540	-	-	-
На обучение ремеслам	-	-	200	-	-	-
Врач	1	200	200	VIII	VIII	По медицинской службе
Учитель начального училища	1	360	360	-	-	-
Эконом, он же смотритель дома при казенной квартире	1	200	200	IX	IX	IX
На содержание воспитанников школы с включением расходов на учебные пособия, медикаменты и наем фельдшера	60	90	54000			
На содержание воспитанников	15	60	900			

начальной школы с включением расходов на учебные пособия и медикаменты						
На библиотеку и прочие собрания учебных пособий, а также на награды воспитанникам	-	-	250			
На канцелярские потребности и наем писца	-	-	150			
На содержание дома и наем служителей	-	-	2000			
Итого			17580			

8) Вакационное время для школы устанавливается Министром Народного Просвещения.

III Проект штата киргизской учительской школы в городе Троицке с состоящим при ней начальным училищем поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению.

IV. Исчисленную по означенному штату сумму, в количестве 17580 рублей, вносить ежегодно, начиная с 1-го января 1881 года, в подлежащие подразделения расходной сметы Министерства Народного Просвещения.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Правила об аульных русско-казахских школах Тургайской области

(утверждены попечителем Оренбургского учебного округа в 1891 г.)

§ 1. Аульные школы открываются с целью наиболее широкого распространения образования в Тургайской области и удешевления его годового содержания.

§ 2. Аульные школы существуют в виде отделений при той или другой, ближайшей по расстоянию от них волостной или двухклассной русско-киргизской школах и потому находятся под ближайшим ведением заведующих сими школами, заключающемся в следующем:

а) они расходуют суммы, ассигнуемые на содержание той или другой аульной школы, выдают ежемесячно жалование учителю аульной школы, сторожу, платят за квартирное помещение для школы, снабжают учебными книгами, пособиями и письменными принадлежностями и пр.; б) контролируют ход учебно-воспитательного дела в аульной школе, по особому всякий раз на то полномочию инспектора школ и в) представляют законную отчетность расходуемых ими на содержание аульных школьных сумм.

§ 3. Аульные школы во внутренней своей обстановке по возможности должны отвечать условиям быта киргизов; школьные принадлежности не должны быть громоздки, а удобны для перевозки - складная доска, четыре низеньких (употребляемых киргизами при письме) столика, торговые счеты, кошма и сундук для хранения учебных книг и письменных принадлежностей.

§ 4. Учебный год продолжается, за исключением двух каникулярных месяцев - апреля и сентября, круглый год: с октября до апреля в наемных землянках, с мая до октября - в наемных же кибитках.

§ 5. Курс и программа учебных предметов аульных школ должны соответствовать 1-му и 2-му отделениям волостной одноклассной школы.

§ 6. Учитель аульной школы обязан раз в год по усмотрению инспектора школы доставить своих учеников на испытание особой комиссии при школе, в районе которой находится аульная школа и, в случае удовлетворительного отзыва этой комиссии об успехах учеников аульной школы, учитель ее имеет право на получение особого единовременного вознаграждения, размер коего определяется всякий раз попечителем округа.

§ 7. На содержание аульных школ требуется ежегодно: а) на жалование учителю 180 рублей, с правом получения за каждого удовлетворительно сдающего экзамен ученика от 5 до 10 рублей, б) на наем квартиры (зимой землянки, летом - кибитки) по 5 рублей в месяц - 60 рублей, в) на жалование сторожу - 24 рубля, г) на учебные книги и письменные принадлежности - 20 рублей, на мелочные расходы по передвижению школы и ее учеников - 40 рублей, а всего 324 рубля. Единовременные расходы требуются на приобретение вещей по первоначальному обзаведению школы, а именно: а) складной доски - 2 рубля, б) складного стула - 2 рубля, в) сундука для хранения учебных книг и письменных принадлежностей - 7 рублей, г) торговых счет - 50

копеек, д) аршина кошмы - 10 рублей и е) 4 низеньких столика для письма - 4 рубля, а всего 25 рублей 50 копеек.

Примечание. В случае крайней необходимости расход на наем сторожа возможно исключить .

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Положение о почетных блюстителях при аульных школах Тургайской области

1) При каждой аульной школе может быть только один почетный блюститель.

Предложи. мин. нар. просв. попеч. С.-Петербургского учебн. окр. 17 июня 1872 г.

2) Он избирается учебным начальством, с согласия местного общества или по указанию местной администрации из лиц, пользующихся среди киргизов влиянием, почетом и доверием, и утверждается в сем звании военным губернатором Тургайской области на 3 года службы с предоставлением права оставаться и более этого срока, если изъявит на то согласие и если училищное начальство признает службу его полезной.

§ 38. Высочайше утв. 29 окт. 1871 г. «Инструкции инспекторам народ. училищ. Предложен. мин. нар. просв. попеч. учебн. окр. 10 июня 1881 г.

3) Почетный блюститель не делает по школе никаких от себя распоряжений, но следит за всем строем вверенного ему училища, возможно чаще посещая под ведомое учебное заведение, удостовераясь в нуждах его и принимая о них, то есть о нуждах, письменные или словесные заявления учителя.

§ 33. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о городских начальных училищах в Москве.

4) О неисправностях по учебной или хозяйственной части почетный блюститель, обращая на них внимание учителя, доносит инспектору народных школ.

Тот же § 33 Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о городских начальных училищах в Москве.

5) Почетные блюстители содействуют пользе вверенных им школ единовременным или постоянными взносами. Суммы сии поступают в запасный капитал училища и расходуются с разрешения инспектора на улучшение учебной и хозяйственной части.

§ 32. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о город. начальн. училищах в Москве.

б) Почетный блюститель обязан: а) располагать местные общества и частных лиц к постройке училищных зданий и доставке топлива; б) привлекать в школы для обучения мальчиков и девочек (которые в аульной школе не должны быть старше 12-летнего возраста), располагая к тому родителей учеников; в) устраивать ночлежные приюты, где могли бы дети киргизов, живущих на значительном расстоянии от школы, помещаться в буранное и вообще непогодное время, и кладовые для хранения съестных припасов, привозимых родителями учеников и г) продовольствовать и снабжать одеждою беднейших учеников, располагая частных лиц к пожертвованиям, а общества к ассигнованию денежных средств.

7) Почетные блюстители, отличающиеся радением и успешно содействующие улучшению школьного дела, особенно в материальном отношении, представляются учебным начальством к заслуженным почетным наградам.

§ 22. Утвержд. 1 июня 1875 г. инстр. для двухклассн. и одноклассн. сельских училищ Министерства нар. просв. № 33 Высочайшеутвержд. 29 окт. 1871 г. Инстр. Инспекторам нар. училищ.

8) Имена почетных блюстителей, сделавших значительные пожертвования в пользу училища, публикуются в «Циркуляре по учебному округу».

§ 37. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о город. нач. училищах в Москве.

9) Почетные блюстители, не обнаружившие заботливости к улучшению материального положения вверенных попечению их учебных заведений и вообще к исполнению лежащих на них обязанностей, могут быть заменяемы по распоряжению военного губернатора Тургайской области, основанному на личном усмотрении или заявлении учебного начальства, другими лицами до истечения трехлетнего срока службы.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Проект устава низших и средних школ

§ 1. При Оренбургской Пограничной Комиссии учреждается Школа на тридцать воспитанниковъ изъ киргизовъ.

§ 2. Главная цель учрежденія Школы, кромъ распространенія между киргизами знанія русскаго языка и некоторой грамотности, состоитъ въ приготовленіи способныхъ людей к знанію по пограничному управленію

В проекте устава были определены обязанности попечителя, в обязанность котораго возлагалось забота об успешном образовании детей и предоставлении хорошаго содержания.

§ 1. При Оренбургской Пограничной Комиссии учреждается Школа на тридцать воспитанниковъ изъ киргизовъ.

§ 2. Главная цель учрежденія Школы, кромъ распространенія между киргизами знанія рускаго языка и нъкоторой грамотности, состоитъ въ приготовленіи способныхъ людей къ занятію по пограничному управленію мѣсть писмоводителей при султанахъ-правителяхъ и дистаночныхъ начальникахъ въ Ордь, а также къ испраленію и другихъ должностей, въ которыя исключительно назначаются киргизы.

§ 3. Школа состоит в непосредственном ведении Пограничной Комиссии; ближайшее же наблюдение за нею возлагается на товарища председателя, а за неимением его, или в случае продолжительного его отсутствия, на одного из советников Комиссии, по выбору председателя и с утверждения Оренбургскаго Военнаго Губернатора.

§ 4. При Школе состоят: надзиратель (имеющий помещеніе в доме, занимаемом Школою); учитель русскаго языка; чистописанія и арифметики; учитель татарскаго языка и законоучитель магометанскаго исповеданія.

§ 10. Суммы на содержание воспитанников и всей Школы, а также на жалованіе лицам, при ней состоящим, определены штатом управления Оренбургскими киргизами.

§ 12. Воспитанники принимаются в Школу исключительно из одних киргизов, и преимущественно из таких, родители которых оказали услуги Правительству, или же известны по своей особенной ему преданности.

§ 13. Прием в Школу воспитанников делается с утверждения председателя Пограничной Комиссии.

§ 15. Кроме определенного с положеніем числа штатныхъ воспитанников, находящихся на казенном содержаніи, могут быть принимаемы в Школу, смотря по возможности, и сверх штата воспитанники, на собственном их иждивеніи (но не иначе, как из киргизов же), или же вольноприходящие молодые киргизы, что все предоставляется ближайшему усмотренію Пограничной Комиссии.

§ 16. Возраст, для поступленія в Школу, полагается от восьми до двенадцати лет; срок же ученія от шести до семи лет.

§ 19. В содержании воспитанников нужно, по возможности, применять к их образу жизни в Степи, и для этого в летнее время отправлять их на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего места, где за ними также должен быть приличный присмотр.

§ 20. Одежда казенных воспитанников заведения должна быть однообразная и примыненная къ одьянію киргизовъ.